

Г 51

СТАЛИН-ТИТО

Ю.С. Гиренко

Ю.С. Гиренко

СТАЛИН-ТИТО

113838

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1991

МУ «ЦБС
Г. ШАДРИНСКА»

Гиренко Ю. С.

Г51 Сталин — Тито.— М.: Политиздат, 1991.— 432 с.
ISBN 5—250—00795—3

Мировая общественность была ошеломлена, когда летом 1948 г. в адрес руководителей компартии и правительства Югославии сталинское руководство выдвинуло тяжелые обвинения. На основе многочисленных документов и воспоминаний, ранее неизвестных советскому читателю, автор повествует о том, как начался конфликт, приведший к разрыву государственных и партийных отношений между СССР и ФНРЮ, ВКП(б) и КПЮ, о роли Сталина и других тогдашних советских руководителей в его обострении. В ней показано, как позднее устанавливались контакты между Н. С. Хрущевым и И. Тито и шел процесс нормализации советско-югославских отношений.

Рассчитана на широкий круг читателей.

F $\frac{0503010000-045}{079(02)-91}$ 108—90

ББК 63.3(2)7-6+63.3(4Ю)

Зав. редакцией *А. В. Никольский*Редактор *К. О. Меликян*Художник *Б. Г. Попов*Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 8438

Сдано в набор 16.10.90. Подписано в печать 15.02.91. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать вы-
сокая. Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 26,34. Тираж 75 тыс. экз. Зак. № 1267.
Цена 3 р. 80 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Орденa Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, П-473, Краснопролетарская, 16.

ISBN 5—250—00795—3

© Ю. С. Гиренко, 1991

В последние дни июня 1948 г. мир с быстротой молнии облетела ошеломившая всех новость: Югославия отлучена от социализма, а ее прославившийся в борьбе с фашизмом лидер — маршал Иосип Броз Тито предан анафеме как ренегат, как отступник от марксизма-ленинизма.

На Западе эта сенсационная весть произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Поначалу в это просто-напросто не поверили. Первая реакция западных комментаторов сводилась к тому, что скорее всего речь идет о «коммунистическом трюке», с помощью которого «черного барашка» — Югославию — хотят-де «контрабандным путем ввести в капиталистическую овчарню», что все это, мол, обман и разыграно Сталиным и Тито с целью одурачить Запад¹.

В Советском Союзе это известие тоже было воспринято как гром среди ясного неба. Еще три дня назад в «Правде» было опубликовано заявление министров иностранных дел СССР и других социалистических стран, в котором Югославия упоминалась в числе участниц состоявшегося в Варшаве совещания. Они осудили решения лондонского совещания западных стран о Германии как грубое нарушение Ялтинских и Потсдамских соглашений о ее демилитаризации, денацификации и демократизации². 28 июня наша печать сообщила читателям, что полный текст этого заявления югославские газеты напечатали «на первых страницах крупным шрифтом и под большими заголовками»³.

И вдруг 29 июня 1948 г. советские люди с удивлением обнаружили на второй полосе «Правды» пространный текст «Резолюции Информбюро о положении в Коммунистической партии Югославии». В опубликованном коммюнике сообщалось, что резолюция была принята состоявшимся 20—22 июня в Бухаресте совещанием созданного

---

¹ *Campbell G. C. Tito's Separate Road. America and Yugoslavia in World Politics.* N. Y.—Evanston, 1967. P. 19—20.

² Правда. 1948. 25 июня.

³ Правда. 1948. 28 июня.

в сентябре 1947 г. Информационного бюро коммунистических и рабочих партий. С чувством замешательства и недоумения читали они тяжкие обвинения югославского руководства во главе с И. Броз Тито в проведении враждебной политики в отношении Советского Союза, в предательстве дела социализма. В это трудно было поверить. Все задавались вопросом: неужели Югославия, на протяжении всей войны сражавшаяся рука об руку с Советским Союзом против фашизма, верный союзник в делах ратных и мирных, дальше других стран народной демократии продвинувшаяся по пути строительства социализма¹, могла перейти на антисоветские позиции?

Советские люди питали самые теплые, искренние чувства дружбы к югославским народам, которые в свою очередь видели в Советском Союзе образец для подражания и готовы были до конца разделить с трудящимися СССР все радости и невзгоды. Большой популярностью в нашей стране пользовался маршал И. Броз Тито — глава Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ), под руководством которого легендарные югославские партизаны и воины Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) внесли значительный вклад в общее дело разгрома фашизма, добились победы социалистической революции. В знак признания этих заслуг народов Югославии Президиум Верховного Совета СССР еще в сентябре 1944 г. наградил И. Броз Тито орденом Суворова I степени, а по окончании войны «за выдающиеся успехи в проведении боевых операций большого масштаба, способствовавших достижению победы Объединенных наций над гитлеровской Германией» — орденом «Победа»².

До начала 1948 г. средства массовой информации СССР писали о Югославии в самых теплых тонах. «Югославия! Лучезарное имя этой страны, — отмечалось, к примеру, в «Правде» 31 мая 1946 г., — советский народ произносит с нежностью и любовью, как имя верного и мужественного друга. Мы никогда не забудем, как в дни жесточайшего единоборства, когда все силы фашистских захватчиков были обрушены на нашу Родину, во мраке европейской почти далеко от нас, на Балканах, над скалистыми горами Югославии, вспыхнула и зажглась пламенеющая звезда народной освободительной борьбы. Далекий и трепетный свет этой звезды согревал наши сердца. Дружья познаются

---

¹ Большевик. 1946. № 6. С. 105.

² Правда. 1945. 10 сентября.

в беде, а духовная чистота и сила народа — в критические моменты его истории». Воздавая должное И. Броз Тито и его соратникам как «выдающимся государственным деятелям Югославии», наша печать благоприятно отзывалась о процессе политического и экономического развития этой страны, подчеркивая, что она идет к социализму «своим, оригинальным, своеобразным путем»¹.

На международной арене СССР и ФНРЮ выступали единым фронтом, в частности по вопросам послевоенного мирного урегулирования с Италией, Австрией и Болгарией. И СССР и Югославия осудили «доктрину Трумэна», отказались участвовать в «плане Маршалла», общей была линия обеих стран в германском вопросе.

Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) отстаивала необходимость налаживания координации действий между коммунистическими партиями, в первую очередь социалистических стран. С идеей создания нового международного органа коммунистических партий югославские руководители выступили еще в 1945 г., вернувшись к ней в 1946 г. КПЮ приняла активное участие в информационном совещании девяти коммунистических партий в Польше в сентябре 1947 г., учредившем Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Информбюро) с целью «организации обмена опытом и в случае необходимости координации деятельности компартий на основе взаимного согласия». Белград стал местопребыванием его рабочих органов, в столице Югославии печала выходить газета «За прочный мир, за народную демократию!».

Складывавшиеся тесные политические, экономические, военные, культурные связи Югославии и СССР были скреплены советско-югославским Договором о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, который подписали 11 апреля 1945 г. в Москве И. Тито и Молотов в присутствии Сталина. В июне 1946 г. И. Тито вновь посетил Москву, где встречался со Сталиным. В ходе бесед, прошедших в «атмосфере сердечности и полного взаимопонимания»², было достигнуто «полное согласие по всем вопросам советско-югославского сотрудничества. Советское правительство пошло самым широким образом навстречу потребностям югославской экономики»³.

Одним словом, внешне советско-югославское сотрудничество выглядело во всех отношениях безоблачным. Ко-

¹ Правда. 1947. 31 мая; 1947. 29 ноября.

² Правда. 1946. 12 июля.

³ Там же.

нечно же, это не означало, что между СССР и ФНРЮ, ВКП(б) и КПЮ вовсе не было тогда никаких различий во мнениях и позициях по тем или иным вопросам. Различия существовали, и это было естественным, поскольку обуславливались в конечном счете частичным несовпадением национально-государственных интересов. Но эти расхождения преодолевались посредством конструктивного, делового, без излишней драматизации обсуждения и в общем и целом не вызывали серьезных трений в двусторонних отношениях. Как отмечается в вышедшей в Белграде в 1985 г. «Истории СКЮ», «противоречия и недоразумения в югославо-советских отношениях проявлялись и до 1947 г., как и во время войны, однако, если брать в целом, двустороннее сотрудничество развивалось успешно»¹. Сам И. Тито, отвечая в 1972 г. на вопрос о том, когда он впервые почувствовал, что имеются известные недоверие или недоразумения, заявил: «В 1947 г., когда нас начали обвинять в том, что мы враждебно относимся к их специалистам у нас»². Когда же его спросили, не считает ли он, что «зародыш недоразумений и конфликта с политикой Сталина кроется в тех трудностях, которые проявились в отношении Коминтерна к КПЮ в довоенные годы», И. Тито заявил: «Нет. Я бы не сказал так. Сталин был довольно расположен ко мне. Он, видимо, хотел завоевать меня так или иначе на свою сторону. Вспоминаю встречу с ним в Москве в 1946 г. Со мной были К. Попович, А. Ранкович и другие. После полудня — Сталин обычно работал ночью — мы поехали к нему на дачу. Там уже были все члены их Политбюро. Сталин был в таком хорошем настроении, что в какой-то момент, подойдя ко мне, обхватил вокруг пояса и приподнял. Смотрит на меня и спрашивает: «Как у Вас со здоровьем?» Я ответил: «Нормально». — «Берегите свое здоровье. Оно понадобится Европе», — сказал он. Мы, окружив его, стали заверять в один голос: «Товарищ Сталин, Вы прекрасно выглядите, здоровье у Вас крепкое, Вы долго будете жить...» — «Да нет, — ответил он, — я знаю свое здоровье и свое физическое состояние»³.

Таким образом, ничто не предвещало грозы, разразившейся уже в июне 1948 г., когда со страниц советских

¹ Историја Савеза комуниста Југославије (далее: Историја СКЈ). Београд, 1985. С. 358.

² *Broz Tito J. Autobiografska kazivanja*. Beograd, 1982. Т. 2. С. 25.

³ *Ibid.* С. 24—25.

газет прозвучал призыв резолюции Информбюро к «здоровым силам КПЮ, верным марксизму-ленинизму» смелить «зараженных непомерной амбициозностью, высокомерием и зазнайством» руководителей КПЮ, если они не смогут «честно признать свои ошибки и исправить их», и «выдвинуть новое интернационалистское руководство КПЮ»¹. В результате вспыхнул конфликт, приведший к разрыву отношений СССР и других социалистических стран с Югославией. Полную ее изоляцию от мира социализма окончательно закрепила принятая Информбюро в ноябре 1949 г. вторая одиознейшая (иначе ее не назовешь) резолюция «Югославская компартия во власти убийц и шпионов».

Что же явилось причиной конфликта? Каким образом Советский Союз и Югославия оказались в 1948—1953 гг. в противоестественном состоянии конфронтации, были в течение ряда лет отчуждены друг от друга?

Не вызывает сомнения, что роковую роль в этом сыграли великодержавный образ мыслей и действий Сталина, стремившегося взять под контроль восточноевропейские страны, петерпимость к инакомыслию, присущие его характеру грубость и жестокость. Сталин, опасавшийся, в частности, того, что Югославия хочет занять ведущие позиции в коммунистическом движении, лично выдвинул против КПЮ и ее лидеров необоснованные обвинения, переросшие по мере эскалации полемики в клеветнические измышления, обильно одобренные оскорбительной брабью.

Анализируя события тех лет с высоты прошедших десятилетий, один из соратников И. Тито, М. Джилас, признает, что тогда и с югославской стороны допускались ошибки, которые хотя и не имели решающего значения, но «послужили Сталину поводом для атаки на Югославию». На его взгляд, они во многом объясняются атмосферой «революционного энтузиазма и иллюзий», которыми в те годы было охвачено руководство КПЮ, переоценивавшее возможности Советского Союза оказания экономической помощи Югославии и его влияния на ход мировых событий². В качестве еще одной из югославских ошибок он назвал также «настойчивые попытки... вывести Албанию из-под советского влияния и подчинить ее Югосла-

¹ Правда. 1948. 29 июля.

² Подробнее см.: СССР — Югославия, 1948 год в современном прочтении // Советское славяноведение. 1990. № 4. С. 3—18.

вни», квалифицируя их как «гегемонистские югославские замыслы», представлявшие собой «имитацию советских методов»¹.

Возникший идеологический и политический конфликт между СССР и Югославией, который никак не отражал волю советского народа и не был созвучен его настроениям, нанес огромный ущерб нашим странам, серьезно навредил делу социализма. После смерти Сталина ЦК КПСС и Советское правительство, критически проанализировав все обстоятельства, приведшие к разрыву с Югославией, осудили грубый произвол, проявленный в отношении этой страны. Большую роль в восстановлении и развитии отношений Советского Союза с Югославией сыграли решения XX съезда КПСС. Как подчеркивалось в декларации правительства СССР «Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами» (от 30 октября 1956 г.), XX съезд КПСС со всей решительностью осудил нарушения и ошибки, приведшие к умалению принципа равенства в отношениях между социалистическими странами, и провозгласил необходимость полного учета исторического прошлого и особенностей каждой страны, вставшей на путь строительства новой жизни.

В резолюции XX съезда КПСС особо указывалось на необходимость укрепления дружбы и сотрудничества с Югославией². Еще в июле 1955 г. при обсуждении на Пленуме ЦК КПСС вопроса о советско-югославских отношениях отмечалась важность соблюдения в отношениях с братскими странами и партиями ленинских принципов социалистического интернационализма, полного равенства, уважения суверенитета и учета национальных особенностей каждой из них³.

«На июльском Пленуме ЦК,— говорил Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, выступивший с докладом на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 г.,— подробно обсуждались причины возникновения конфликта с Югославией. При этом отмечалась весьма неблагоприятная роль Сталина. Ведь в «югославском деле» не было таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить

---

¹ *Djilas M. Tito. The Story from Inside.* N. Y.; L., 1980. P. 35; Литературная газета. 1990. 21 марта.

² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. М., 1971. Т. 7. С. 103.

³ См.: Правда. 1956. 23 ноября.

путем товарищеского партийного обсуждения. Для возникновения этого «дела» не было серьезных оснований, вполне возможно было не допустить разрыва с этой страной. Это не значит, однако, что у югославских руководителей не было ошибок или недостатков. Но эти ошибки и недостатки были чудовищно преувеличены Сталиным, что привело к разрыву отношений с дружественной нам страной.

Мне вспоминаются первые дни, когда искусственно стал раздуваться конфликт между Советским Союзом и Югославией.

Однажды, когда я приехал из Киева в Москву, меня пригласил к себе Сталин и, указывая на копию письма, незадолго перед тем направленного к Тито, спросил:

— Читал?

И, не дожидаясь ответа, сказал:

— Вот шевельну мизинцем — и не будет Тито. Он слетит...

Дорого нам обошлось это «шевеление мизинцем». Такое заявление отражало магию величия Сталина, ведь он так и действовал: шевельну мизинцем — и нет Косиора, шевельну еще раз мизинцем — и нет уже Постышева, Чубаря, шевельну опять мизинцем — и исчезают Вознесенский, Кузнецов и многие другие.

Но с Тито так не получилось. Сколько ни шевелил Сталин не только мизинцем, но и всем, чем мог, Тито не слетел. Почему? Да потому, что в споре с югославскими товарищами за Тито стояло государство, стоял парод, прошедший суровую школу борьбы за свою свободу и независимость, народ, который оказывал поддержку своим руководителям.

Вот к чему приводила магия величия Сталина. Он полностью утрачивал чувство реальности, проявлял подозрительность, высокомерие в отношении не только отдельных лиц внутри страны, но и в отношении целых партий и стран»¹.

Несмотря на сопротивление сталинистской группы в Президиуме ЦК КПСС, прежде всего В. М. Молотова, было принято решение нормализовать советско-югославские отношения и направить в Белград советскую делегацию во главе с Н. С. Хрущевым. Эта инициатива встретила позитивный отклик у югославского руководства. В результате проведенных сначала в Белграде в мае 1955 г., а за

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 154.

тем в Москве в июне 1956 г. советско-югославских переговоров на высшем уровне были приняты Белградская декларация правительств СССР и ФНРЮ и Московская декларация об отношениях между СКЮ и КПСС, в результате чего двусторонние отношения как по государственной, так и по партийной линии постепенно стали возвращаться в нормальное русло.

Советские люди воздают должное Н. С. Хрущеву и И. Тито, стоявшим у истоков этих огромной важности совместных документов 1955—1956 гг., которые и ныне служат надежной платформой развития сотрудничества двух государств на основе равноправия, независимости, самостоятельности, невмешательства во внутренние дела друг друга.

Вопросы, связанные с конфликтом 1948—1953 гг., были, в общем и целом, исчерпаны всем ходом дальнейшего поступательного развития советско-югославских отношений. Однако то, что в этих отношениях и в последующие годы отмечались всплески порой довольно жесткой полемики в формах, приводивших к временной натянутости в двустороннем сотрудничестве, свидетельствовало о том, что освобождение от стереотипов прошлого, усвоение его уроков было отнюдь не простым делом. При всей важности вышеупомянутой декларации правительства СССР от 30 октября 1956 г., явившейся значительным шагом по пути десталинизации советской внешней политики и возврата к ленинским принципам равноправия, перекосы и ошибки в отношениях между социалистическими странами изживались медленно, так как изменения происходили скорее на словах, чем на деле. Подтверждение тому и сбои в дружественном сотрудничестве СССР с Югославией в 1956 г., 1958 г., 1969 г. и отчасти в 1978—1979 гг. Эти спады свидетельствовали о нелегком освоении опыта развития отношений на основе равноправия и самостоятельности, умении находить взаимоприемлемые решения даже самых сложных проблем. Трудный процесс возврата к ленинским принципам межгосударственных взаимоотношений был обусловлен рядом как объективных, так и субъективных причин, но главная из них — упрощенные представления о путях строительства социализма, игнорирование его национального и социального многообразия, слепое копирование советской, то есть сталинской, модели социализма как единственно правильной, господствовавшая в то время концепция руководящей роли КПСС в международном рабочем и коммунистическом движении.

Сегодня кажется очевидным, что многих просчетов и ошибок, за которые пришлось заплатить дорогую политическую цену, можно было бы избежать, если бы соблюдался универсальный принцип свободы выбора, если бы не было бесцеремонного вмешательства Сталина во внутренние дела стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а выявлявшиеся различия в подходах к конкретным вопросам решались бы в обстановке корректного, терпеливого товарищеского обсуждения, на абсолютно равноправной основе. Однако тогдашние представления о мировом социализме как лагере, противостоящем единому фронту капиталистических государств, не позволили выйти на единственно верный путь органичного сочетания самостоятельности каждой партии и государства с взаимным уважением интересов, взглядов и опыта друг друга. Как писал 1 февраля 1964 г. в «Рипашите» Генеральный секретарь ИКП П. Тольятти, «проблема, которая возникает при этом, является, по существу, проблемой характера отношений между социалистическими странами, их необходимой солидарности в международном плане и такой же необходимой независимости и автопомии».

После XXVII съезда КПСС был взят курс на коренную перестройку отношений со странами Центральной и Юго-Восточной Европы на основе подлинного равноправия, решительного избавления от менторства, патернализма, парадности и формализма, мешавших развитию честного и открытого сотрудничества. Проявлением этого нового подхода применительно к Югославии явился официальный дружественный визит М. С. Горбачева в эту страну в марте 1988 г. Было отмечено сходство позиций по ряду крупных проблем социалистического развития и международных отношений.

Визит подвел окончательную черту под возникшим вследствие выдвинутых против руководства КПЮ необоснованных обвинений идеологическим и политическим конфликтом 1948—1953 гг. В совместной советско-югославской декларации была выражена обоюдная готовность добиваться совместными усилиями вывода всего комплекса советско-югославского сотрудничества на новые, более высокие рубежи на базе принципов, закрепленных в документах 1955—1956 гг., делать все возможное, чтобы в двусторонних отношениях не появлялись настороженность и подозрительность, чтобы в них всегда царила атмосфера доверия и взаимопонимания.

Сегодня, когда в условиях расширяющейся демократии и гласности в нашей стране ведется большая многоплановая работа по ликвидации т. н. «белых пятен» в истории Советского Союза и КПСС, а также их отношений с другими странами и партиями, когда мы переживаем период морального преодоления сталинизма, возникает необходимость всесторонне и объективно проанализировать конфликт 1948 г., который в течение многих лет пегласно считался у нас запретной темой. Это важно не только с точки зрения восстановления исторической правды, какой бы горькой она ни была, но также уяснения и усвоения уроков на будущее с тем, чтобы ничего подобного никогда больше не повторялось. Это важно также с точки зрения поучительных уроков советско-югославских отношений, имеющих и более широкое значение для формирования цивилизованных международных отношений в целом.

Данная книга, естественно, не претендует на то, чтобы расставить все точки над «і» в истории отношений между Советским Союзом и Югославией, для чего необходимо объединение творческих усилий исследователей обеих стран.

Автор выражает признательность доктору исторических наук В. В. Зеленину и кандидату исторических наук Г. М. Славину за ценные советы и пожелания.

Глава 1 Кто такой Тито?

§ 1. СВИДЕТЕЛЬ И УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Уже почти год полыхал огонь общенародного восстания в Югославии. Ни днем, ни ночью не знали покоя фашистские оккупанты. Югославская земля в буквальном смысле горела у них под ногами. Народно-освободительная борьба, на которую народы Югославии поднялись в июне 1941 г. по призыву коммунистической партии, возглавлявшейся И. Тито, нарастала как снежный ком. Однако на Западе сам факт существования народно-освободительного движения (НОД) замалчивался, а его успехи приписывались четническому движению Д. Михайлови-

ча¹. Средства массовой информации Великобритании и США делали все, чтобы создать вокруг него ореол лидера движения Сопротивления в Югославии, сознательно закрывая глаза на его коллаборационизм. Пропагандистские службы называли Д. Михайловича не иначе, как «югославский Робин Гуд», «чудо-человек», «великий человек»², в результате чего в общественном мнении западных стран прочно укоренился миф о нем как герое антифашистского движения Сопротивления в Югославии. «Как мы знаем, — подчеркивалось в одной из телеграмм Управления специальных операций в Форин оффис, — все действия (против оккупантов. — Ю. Г.) в Югославии должны быть действительно отнесены на счет партизан, но для публичного потребления можно было бы без ущерба определенное их количество приписать Михайловичу»³.

Однако этот заговор молчания был сорван военными и политическим успехами НОД, активно поддерживавшегося Советским Союзом. Добивавшееся подчинения НОД Д. Михайловичу английское правительство вынуждено было считаться с отрицательным отношением правительства СССР к этой затее, что подкреплялось и соответствующей направленностью материалов советских средств массовой информации. Советская печать и радио, Совинформбюро, ТАСС, широко рассказывая о боевых действиях и мужественных подвигах югославских партизан, доносили до всего мира правду о том, кто в действительности сражается в Югославии против фашизма, а кто встал на

---

¹ Четники (от слова «чета» — отряд) — личный состав военных формирований под руководством полковника бывшей королевской армии Югославии Дражи Михайловича (с декабря 1941 г. генерал, с января 1942 г. — военный министр югославского эмигрантского правительства). Четническое движение зародилось под антиоккупационными лозунгами. На начальном этапе народно-освободительной борьбы четническое командование, откликаясь на инициативу Главного штаба народно-освободительных партизанских отрядов, пошло на переговоры о сотрудничестве. Однако, придерживаясь антикоммунистической, великосербской шовинистической ориентации, Д. Михайлович направлял свои усилия против руководимого коммунистами народно-освободительного движения, развязав против партизан и воинов НОАЮ вооруженную борьбу. Четническая верхушка сомпелась на платформе антикоммунизма с оккупантами, ввергнув возглавлявшееся ею движение в болото коллаборационизма и предательства. После войны в июле 1946 г. Д. Михайлович, как военный преступник, был приговорен к расстрелу.

² British Policy Towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece. L., 1975. P. 28.

³ Ibidem.

путь пособничества ему, разоблачало двурушничество и коллаборационизм Д. Михайловича.

Особое значение в пропаганде и популяризации целей и достижений НОД, в укреплении его международных позиций имели передачи созданной на территории СССР при содействии Советского правительства радиостанции «Свободная Югославия», которая действовала с 11 ноября 1941 г. по январь 1945 г. Именно из советских источников общественность западных стран узнала, что подлинным руководителем пародно-освободительной борьбы в Югославии является И. Тито. Первое упоминание на Западе имени Тито относится к февралю 1942 г., когда советское посольство в Лондоне поместило в выпускавшемся бюллетене «Soviet War News» подписанную этим псевдонимом приветственную телеграмму Верховного штаба Народно-освободительной партизанской и добровольческой армии Югославии по случаю 24-й годовщины Красной Армии¹.

Но в самой западной печати фамилия Тито стала появляться только с конца 1942 г. При этом строились самые невероятные догадки по поводу того, кто же в действительности скрывается под этой фамилией. Так, газета «Нью-Йорк таймс» утверждала 20 ноября 1942 г., что Тито — венгерский коммунист. 30 января 1943 г. та же газета высказала предположение, что это имя может принадлежать бывшему советнику посольства СССР в королевской Югославии Лебедеву. 4 декабря 1944 г. газета «Нью-Йорк таймс» поведала: «Относительно личности Тито имеется много теорий. По одной из них, которую многие югославы считают достоверной, до сих пор было три Тито. Как только погибает один из них, другой занимает его пост, подчеркивая тем самым свое бессмертие, подобно легендарной птице феникс»². Некоторые западные газеты договаривались до того, что слово «Тито» происходит от первых букв организации, называющейся «Третья интернациональная террористическая организация», другие даже утверждали, что Тито — женщина.

Постепенно, особенно после того как орган КПО газета «Борба» опубликовала 6 декабря 1942 г. фотографию И. Тито, на Западе стали появляться заметки, в которых говорилось, что Тито это псевдоним якобы сражавшегося в гражданской войне в Испании Броза. В конце концов

¹ Славин Г. М. Об откликах в СССР на восстание в Югославии (1941 г.) // Советское славяноведение. 1972. № 4. С. 30.

² Dedićer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tito. Zagreb, 1980. T. 1. S. 359.

ушастское правительство мариопеточного «Независимого государства Хорватия», сравнив напечатанную в «Борбе» фотографию Тито с найденным в полицейском досье довоенной Югославии изображением Иосипа Броза, уведомило 13 февраля 1943 г. германскую миссию в Загребе, что Тито — не кто иной, как Иосип Броз — видный хорватский коммунист, обвиненный в нелегальной политической деятельности и приговоренный в Загребе в 1928 г. к пяти годам тюремного заключения¹. 28 февраля 1943 г. об этом рассказала выходящая в Загребе на немецком языке газета «Neue Ordnung». 20 марта 1943 г. в газете нацистской партии «Völkischer Beobachter» соответствующий материал был помещен вместе с фотографией Тито, заимствованной из его досье под № 10434, хранившегося в загребской полиции². Вслед за тем по приказу командующего немецкими войсками в Сербии была выпущена листовка с его фотографией, в которой говорилось, что тот, кто доставит «живым или мертвым коммунистического вождя Тито», получит 100 тыс. рейхсмарок золотом³. И. Тито пазывался в ней «большевистским агентом», вознамерившимся установить «советскую республику» в Югославии, в связи с чем прошел подготовку в гражданской войне в Испании, а также в Советском Союзе, где освоил все террористические методы ГПУ»⁴.

Действительно, многое в жизни И. Тито было связано с Советским Союзом. Волею судеб ему довелось в молодые годы быть свидетелем Великой Октябрьской социалистической революции. Именно тогда сложились его идейные убеждения и определился жизненный путь революционера. Пребывание И. Тито в России в годы революции и гражданской войны (1915—1920 гг.), работа в 1935—1936 гг. в Москве в Коминтерне оставили глубокий след в его жизни. И. Броз родился 25 мая 1892 г.⁵ в селе Кумровец, в Хорватии, входившей тогда в состав Австро-Венгрии, недалеко от Загреба, в живописном хорватском За-

¹ Roberts W. R. Tito, Mihajlović and the Allies, 1941—1945. New Brunswick — New Jersey, 1973. P. 114.

² Ibidem.

³ Dedijer V. Novi prilozii... T. 1. S. 321.

⁴ Ibidem.

⁵ Точной датой рождения Иосипа Броза является 7 мая 1892 г. Однако по установившейся в период народно-освободительной борьбы традиции день его рождения стал отмечаться 25 мая. Эта традиция окончательно закрепились после того, как 25 мая 1944 г. германские оккупанты высадили десант на г. Дрвар (где находился в то время Верховный штаб НОАЮ) с целью захвата в плен И. Тито.

горье на границе со Словенией. Отец, Фрацц Броз, по национальности был хорватом, мать, Мария Явершек, — словенкой. Иосип или, как его называли дома, Йожа, рос и воспитывался в многодетной семье, которую преследовали бедность и лишения. Он был седьмым из пятнадцати детей, восемь из которых умерли в раннем возрасте. Уже в 1913 г. его отец окончательно разорился и перешел в разряд батраков. Познав с детских лет тяжелую жизнь трудового человека, И. Броз рано покинул дом в поисках заработка. Отец хотел было отправить его в Америку попытаться счастья, но не нашлось денег на дорогу. Тогда его отдали учеником в ресторан, но через три месяца он сбежал оттуда. В 1907 г. после окончания 5 классов начальной школы и двух классов гимназии пятнадцатилетний Иосип уехал в г. Сисак (Хорватия). Поступив там учеником в слесарно-механическую мастерскую, он за три года основательно освоил слесарное дело. В 18-летнем возрасте Иосип Броз впервые поехал в Загреб. В качестве квалифицированного механика работал в 1910—1911 гг. в столице Хорватии, а также в Любляне на машиностроительных заводах. В это время он стал членом профсоюза, вступил в ряды Социал-демократической партии Хорватии и Славонии¹. В конце 1911 г. он отбыл в поисках работы в Чехию, также входившую тогда в Австро-Венгрию. Вначале он устроился на металлический завод в Йинец-Ценкове, после чего перешел на завод «Шкода» в Пльзене. Оказавшись в Германии, Иосип Броз нанялся на завод «Бенц» в Мангейме, но вскоре поселился в Австрии, где стал рабочим автомобилестроительного завода «Даймлер».

Осенью 1913 г. его призвали в австро-венгерскую армию. Во время прохождения службы сначала в Вене, а затем в 25-м пехотном полку в г. Загребе он вел антивоенную пропаганду, за что был подвергнут аресту и заключен в Петроварадинскую крепость близ г. Нови Сад. С началом первой мировой войны был отправлен на Сербский фронт. Иосип Броз показал себя хорошим солдатом и к этому времени был уже в чине взводного. В начале января 1915 г. его часть была переведена в Галицию, на Карпатский фронт, где тогда шли ожесточенные бои. Получив тяжелое ранение у местечка Окпа 4 апреля 1915 г., он попал в плен и оказался в России.

Об обстоятельствах своего пленения И. Тито рассказывал в 1977 г. следующее: «На том участке фронта, где па-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. Beograd, 1977. T. 2. S. 269.

ходился мой батальон, русские были остановлены ружейным огнем, но соседний батальон, на правом фланге, не устоял. Здесь был осуществлен прорыв черкесской конницей из «дикой дивизии». Черкесы окружили нас, спешились и с пиками в руках атаковали с тыла наши окопы. Мы даже и не заметили, как они появились и ринулись прямо в наши окопы. Один из них с двухметровой пики кинулся на меня, однако я, как искусный фехтовальщик, отразил нападение штыком. Вдруг я почувствовал страшный удар в спину. Обернувшись, увидел искаженное лицо другого черкеса и огромные черные глаза под густыми бровями»¹. В течение 11 месяцев Иосип Броз лечился в госпитале, размещавшемся в Успенском монастыре г. Свияжска, недалеко от Казани. «Меня мучили не только раны, но и болезни,— вспоминал И. Тито.— Сперва я заболел воспалением легких, а затем сыпным тифом, который тогда свирепствовал среди военнопленных. Некоторое время я находился между жизнью и смертью»².

Из Свияжска Иосип Броз был переведен в город Алатырь на реке Суре (ныне Чувашская АССР), а затем в лагерь военнопленных в небольшой город Ардатов тогдашней Симбирской губернии. Пробыв недолгое время в лагере, он перешел работать механиком на мельницу в селе Каласеево. Через несколько месяцев, в конце лета 1916 г., его отправили в лагерь военнопленных в город Кунгур тогдашней Пермской губернии неподалеку от Екатеринбург (ныне Свердловск), где их использовали на строительстве железной дороги. Здесь Иосип Броз вступил в контакт с рабочими-большевиками, впервые познакомился с некоторыми работами В. И. Ленина. В Кунгуре его застала весть о победе Февральской революции. В мае 1917 г. его перевели на работу на небольшую железнодорожную станцию Ергач, близ Перми. Решив бежать в Петроград, он тайком сел в товарный поезд и, спрятавшись среди мешков с зерном, через несколько дней оказался в городе на Неве. Нанявшись на Путиловский завод, он вместе с другими рабочими участвовал в июльской демонстрации против Временного правительства. «Я был воодушевлен мощью и организованностью этих демонстра-

---

¹ Jugosloveni u Oktobarskoj revoluciji. Beograd, 1977; Broz Tito J. Autobiografska kazivanja. T. 1. S. 33; Broz Tito J. О пребывании в России во время Октябрьской социалистической революции и гражданской войны // Новая и новейшая история. 1987. № 4. С. 110.

² Broz Tito J. Autobiografska kazivanja. T. 1. S. 34.

ций,— вспоминал впоследствии И. Тито,— и они мне показали, какую силу представляет собой рабочий класс». Решив под влиянием этих событий «отправиться домой делать революцию»¹, И. Броз предпринял попытку выехать через Финляндию на родину. Однако под Улеаборгом (ныне Оулу) был схвачен полицией и отправлен обратно в Петроград, где его заключили в Петропавловскую крепость. Отсидев там три недели, он был выслан в Сибирь. О том, что в Петрограде произошла социалистическая революция, И. Броз узнал в пути, на железнодорожной станции Атаманский хутор. По прибытии в Омск И. Броз вступил в конце октября 1917 г. в Красную гвардию, в ее интернациональный отряд. В нем он прослужил несколько месяцев, участвовал в боях против колчаковцев. «В то время — так было принято,— писал И. Тито в своих воспоминаниях,— я подал заявление с просьбой принять меня в советское гражданство и в большевистскую партию»². Тогда он участвовал в крупном сражении, состоявшемся в 20—30 км от Омска, на хуторе барона Унгерна. «Но белые имели большое преимущество, они нас окружили и разбили вдребезги. Все это произошло в течение трех дней. Я бежал в степь, в село Михайловку, к киргизам, но и там было небезопасно, меня разыскивали, да и не только меня». Скрываясь в этом селе, расположенном в 70 км от Омска, от колчаковских ищеек, И. Броз работал механиком на паровой молотилке зажиточного крестьянина С. Шклярова, а затем Д. Табачека³. В этой деревне И. Броз познакомился в конце 1917 г. с красивой девушкой по имени Пелагея (Полина), родившейся 1 мая 1904 года (в деревне Михайловке Боголюбовской волости, Омского уезда, Акмолинской губернии), — дочерью крестьян Дарьи и Дениса Белоусовых (переселившихся в Сибирь в конце XIX в.), на которой женился в 1918 г. На допросе в загребской полиции 5 августа 1928 г. И. Броз рассказал следующее: «Я обвенчался с Пелагеей Денисовной Белоусовой в церкви г. Омска, когда там у власти находился Колчак. Потом, поскольку этот брак не был признан большевиками, я зарегистрировал гражданский брак с нею в Омске в 1920 г.»⁴. По его свидетельству, в деревне Михайловке он пробыл пять-шесть месяцев, затем нанялся механиком на мельницу к

¹ Broz Tito J. Autobiografska kazivanja. T. 1. S. 38.

² Ibid. S. 41.

³ Ibidem.

⁴ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 2. S. 74, 92.

богатому киргизу Исаю Джаксанбаеву из аула вблизи Домбая. «Мельница находилась далеко в степи, там была меньшая вероятность попасть в руки белогвардейцев... Пахотясь среди киргизов, я довольно прилично выучил их язык, познакомился с их жизнью и обычаями. Как и ранее в Михайловке, я не скрывал перед киргизами своих симпатий к большевикам и уверенности в том, что революция победит...»¹ И. Броз часто бывал в Омске, работал агитатором, активно участвовал в революционной работе, которую вела югославская коммунистическая организация, имевшая свою секцию при областном комитете Российской коммунистической партии (большевиков). «В партию меня принял: (ориентировочно в феврале или марте 1920 г.— Ю. Г.),— писал И. Тито в своих воспоминаниях,— югославские товарищи, чьим представителем тогда был Димитрие Георгиевич. Он прибыл в Омск по поручению Бюро Югославской коммунистической партии, действовавшей при Российской коммунистической партии (большевиков), с задачей укреплять и расширять партийные организации среди югославын в сибирских городах и организовывать идейно-политическую работу среди них»². С освобождением Омска Красной Армией Иосип Броз поселился в этом городе. Узнав из омских газет о ширившемся под воздействием Октябрьской революции социальном брожении на его родине, он решает как можно скорее вернуться на родину вместе с женой П. Д. Белоусовой, которая готовилась тогда стать матерью.

Перед отъездом И. Броз оформил 7 сентября 1920 г. под фамилией Иосиф Францович Брозович гражданский брак с П. Д. Белоусовой, который был зарегистрирован в книге записей актов гражданского состояния № 691 (порядковый номер 53) в Боголюбовском районном исполнительном комитете Омской области. В подтверждение И. Брозу выдали два документа: выписку из упомянутой книги, в которой говорилось, что «Иосиф Броз (Брозович) вступил 7 сентября 1920 г. в гражданский брак с Пелагеей Белоусовой в Боголюбовском районном исполнительном комитете Омской области», и справку Боголюбовского районного революционного комитета Омской области от 7 сентября 1920 г. за № 1345, подтверждающую, что «Пелагея Денисовна Брозович действительно является супругой военнопленного Иосифа Брозовича» (выписка и справ-

¹ Broz Tito J. Autobiografska kazivanja. T. 1. S. 49.

² Ibidem.

ка были изъяты загребской полицией при аресте И. Броза 13 июля 1927 г. и включены в опись вещей, обнаруженных при обыске на его квартире) ¹.

Отбыв товарным поездом из Омска, супруги Броз через несколько дней добрались через Петроград в Нарву. Три недели им пришлось ждать в Нарве парохода «Лили Фойерман», который доставил их в Штеттин. Далее их путь пролегал через Германию и Австрию. В начале ноября 1920 г. они прибыли в Загреб, откуда уже было рукой подать до села Кумровец. Но радость возвращения И. Броза в родное село была омрачена тем, что родителей своих в нем он не застал. Мать умерла еще в 1918 г., а отец переехал в село Купинац, недалеко от Ястребарско, где работал лесничим. Навестив отца, И. Броз оставил у него беременную жену, а сам отправился в Загреб в поисках работы. Тем временем Пелагея родила ребенка, который, однако, умер во время родов. Супруги Броз переехали в Загреб. 5 ноября И. Броз приступил к работе в механической мастерской Филипа Баума ².

Так завершился один из важнейших этапов в жизни И. Броза. В воспоминаниях, относящихся к 1977 г., И. Тито писал, что его участие в Октябрьской революции и гражданской войне в России было очень скромным. «По стечению обстоятельств я не мог длительное время участвовать в организованных частях Красной Армии... Однако это не значит, что я не принял близко к сердцу первую победоносную социалистическую революцию, это грандиозное дело русских рабочих и крестьян, положившее начало новой эпохе в истории человечества» ³. Признавая большое влияние Великой Октябрьской революции на формирование его убеждений как коммуниста-революционера, отмечая, что он сразу же воспринял ее идеи, И. Тито подчеркивал: «В период революции я окончательно стал на сторону коммунизма и революции» ⁴. Октябрьская революция, не раз отмечал И. Тито, ознаменовала «эпохальный перелом в современной истории. Идеи Октября, идеи Ленина являются вехой мира, источником вдохновения для всех, кто борется за свободу и независимость, за суверенитет и равноправие народов, за демократические отношения между людьми и народами. Поэтому Великий Октябрь навечно стал достоянием всего прогрес-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 1. S. 167; T. 2. S. 279.

² Ibid. T. 1. S. 271.

³ Broz Tito J. Autobiografska kazivanja. T. 1. S. 26.

⁴ Ibidem.

сивного человечества. Идеи Великого Октября всегда вдохновляли коммунистов Югославии па новые революционные стремления и начинания»¹.

§ 2. СТАНОВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА-ПРОФЕССИОНАЛА

Более шести лет не был Иосип Броз у себя на родине, где ва это время произошли крупные события. Прежде всего надо сказать, что 1 декабря 1918 г. на развалинах Австро-Венгерской монархии было создано Королевство сербов, хорватов и словенцев. В его состав вошли Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Черногория, Воеводина, Долмация. Значительная часть этих югославянских земель пять столетий находилась под властью Турции, другая — входила в состав Австро-Венгерской монархии. Поскольку объединение югославянских земель было проведено сверху, антидемократичным путем, народы, сплотившиеся под эгидой сербской буржуазно-монархической верхушки во главе с династией Карагеоргиевичей, в многонациональном государстве не обрели равноправия и в нем господствовала политика социального и национального угнетения.

Все это служило благоприятной почвой для нарастающего революционного брожения в стране, мощное ускорение которому придала Великая Октябрьская социалистическая революция. Активными пропагандистами ее идей стали возвратившиеся из Советской России югославянские интернационалисты. И. Броз был в числе этих 35 тысяч — выходцев из югославянских земель, самоотверженно отстаивавших вместе с трудящимися Советской России завоевания Великого Октября. Коммунисты, прошедшие его школу, в т. ч. в Советской России в различных югославянских коммунистических группах и организациях, сыграли видную роль в создании компартии Югославии. Эту мысль впоследствии И. Тито неоднократно подчеркивал, считая, что «Октябрьская социалистическая революция и победа ее идей, существование первой страны социализма — Советского Союза — оказывали всестороннее и непрерывное влияние на современную историю народов Югославии»².

Так, уже 16 мая 1948 г. наиболее передовые и сознательные югославыне, находившиеся в СССР, учредили в

---

¹ Правда. 1977. 17 августа.

² Броз Тито И. Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 37—38.

Москве «Югославянскую коммунистическую эмигрантскую партию»¹. 16 июня 1918 г. ими был принят Учредительный устав Югославянской группы РКП(б), в котором подчеркивалось, что она «теоретически и практически стоит на платформе Российской коммунистической партии (большевиков)»². А 5 ноября 1918 г. члены этой группы решили основать Коммунистическую партию (большевик) сербов, хорватов и словенцев.

В результате состоявшегося 20—23 апреля 1919 г. в Белграде I Объединительного съезда ряда социал-демократических и социалистических групп, организаций и партий югославянских земель была создана единая партия югославянского рабочего класса, получившая название Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов) — СРПЮ(к). Руководящую роль в ней играло революционное ядро — пламенные борцы и несгибаемые революционеры Филип Филипович, Джуро Джакович, Владимир Чопич, Марко Машанович и др.

Осудив социал-шовинизм и милитаризм, СРПЮ(к) приняла решение присоединиться к III Интернационалу. С первых дней своего существования партия выступила в защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. В июне 1920 г. на II съезде в г. Вуковаре СРПЮ(к), насчитывавшая более 65 тыс. членов, была переименована в Коммунистическую партию Югославии (КПЮ). Принятая Программа КПЮ исходила из принципов пролетарского интернационализма и ставила главной целью осуществление социалистической революции и установление диктатуры пролетариата в Югославии.

По возвращении на родину воодушевленный революционными событиями Великого Октября молодой, полный сил И. Броз с головой уходит в работу Коммунистической партии Югославии, членом которой стал в том же 1920 г. Вступив в загребское отделение Союза рабочих-металлистов, он активно борется за права трудящихся, разъясняя причины тяжелых условий жизни и труда простых людей, национального гнета и неравноправия.

В силу многонационального и преимущественно крестьянского характера югославянского государства проблемы межнациональных отношений и аграрный вопрос занимали в стратегии и тактике КПЮ одно из первостепенных

¹ Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. М., 1976. С. 111.

² Там же. С. 129; Зеленин В. В. Под красным знаменем Октября. М., 1977. С. 127.

мест. Однако именно по этим вопросам, как следствие влияния сторонников реформизма, в ее Программе содержались неверные установки¹. Как подчеркивал впоследствии И. Тито, в 20-е годы КПЮ «ни с идеологической, ни с организационной точек зрения не была еще революционной партией, построенной на принципах большевистской партии»².

Становление и возмужание Коммунистической партии Югославии проходило в крайне тяжелых условиях. Легальный период ее деятельности оказался весьма непродолжительным. Быстрый рост влияния КПЮ (на выборах в Учредительную скупщину в ноябре 1920 г. она завоевала 59 из 419 мандатов, выйдя таким образом на третье место по числу поданных за нее голосов)³ напугал реакцию, которая начала наступление на нараставшее в стране революционное движение. Главный удар был нанесен по КПЮ: принятый в ночь с 29 на 30 декабря 1920 г. декрет «Обзнапа» запретил деятельность КПЮ, а в августе 1921 г. в соответствии с так называемым законом о защите государства она была объявлена вне закона и, по сути дела, разгромлена (ее численность составляла тогда менее тысячи человек)⁴.

В этот крайне тяжелый момент, когда КПЮ вынуждена была перейти на нелегальное положение, к трудящимся Югославии со словами ободрения и поддержки обратился Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала. В воззвании «К пролетариату Югославии», утвержденном 13 августа 1921 г. на заседании Малого Бюро Исполкома Коминтерна и подписанном В. И. Лениным и другими членами ИККИ, говорилось, что в упорном бою с объединенными силами буржуазии и предателями социализма пролетариат Югославии будет иметь на своей стороне не только симпатии, но и деятельное содействие коммунистических партий всего мира и Коммунистического Интернационала⁵.

До перехода КПЮ на нелегальное положение И. Броз работал с ноября 1920 г. до января 1921 г. механиком в одной из мастерских г. Загреба. В конце января 1921 г. он переехал в село Велико Тройство, недалеко от г. Беловара

¹ Историја СКЈ. С. 71.

² V конгрес Комунистичке партије Југославије. Извештаји и реферати. Београд, 1948. С. 33 (далее: V конгрес КПЈ).

³ Историја СКЈ. С. 75.

⁴ Ibid. С. 79.

⁵ См.: Третий конгресс Коминтерна. М., 1975. С. 618.

(Хорватия), где вместе с Пелагеей Броз они прожили четыре года¹. 24 декабря 1921 г. у них родилась дочь, которую назвали Златицей. Родившемуся 17 ноября 1922 г. сыну супруги Броз дали имя Хинко. Но вскоре их постигает большое горе: через семь дней после рождения 24 ноября умирает Хинко, а вслед за ним — 16 июня 1923 г. скончалась от дифтерии дочь Златица. Появившийся на свет 2 февраля 1924 г. сын Жарко стал любимцем семьи².

Все годы жизни в селе Велико Тройство И. Броз работал на мельнице. Являясь членом Беловарско-Крижевацкого окружного комитета партии, он часто бывал в г. Беловаре. К середине 20-х годов И. Броз зарекомендовал себя активным партийным работником, все четче осознающим, что большой вред деятельности парторганизаций на местах наносит фракционная борьба в руководстве КПЮ, о которой в партии стало известно особенно широко с 1924 г.

Значительную помощь КПЮ в первой половине 20-х годов оказал Коминтерн. Вопросы, связанные с усилением внутреннего единства, преодолением групповщины и сектантства, разработкой программных вопросов, изживанием социал-демократических пережитков специально рассматривались на IV конгрессе Коминтерна в ноябре — декабре 1922 г., на V расширенном пленуме Исполкома Коминтерна в марте — апреле 1925 г., на Президиуме ИККИ в апреле 1926 г. В марте 1925 г. Исполкомом Коминтерна была создана специальная комиссия для изучения положения в КПЮ и выработки мер по оздоровлению руководства партии. В работе этой комиссии участвовал и Сталин, высказавший свою точку зрения на вопросы, являвшиеся предметом спора в КПЮ, прежде всего на национальный вопрос. Как отмечал в написанной 4 ноября 1936 г. в Москве автобиографии один из основателей КПЮ, С. Маркович³, он явился инициатором приглаше-

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 2. S. 270.

² *Ibid.* S. 272—273.

³ Маркович, Сима — партийные псевдонимы Сима, Семич, Димич, Милан Милич (1888—1940), профессор математики, один из основателей КПЮ. Возглавлял делегацию КПЮ на III конгрессе Коминтерна, был избран на нем членом ИККИ. Неоднократно подвергался арестам. Был членом ЦК КПЮ. На III съезде КПЮ (май 1926 г.) стал секретарем Политбюро ЦК КПЮ. В 1929 г. был исключен из КПЮ за неподчинение решениям IV съезда КПЮ. С 1936 г. находился в эмиграции в СССР, где работал научным

ния Сталина в эту комиссию¹. Считаясь лидером правой фракции в КПО, С. Маркович, придерживавшийся в противовес Коминтерну мнения о том, что обстановка в Югославии отнюдь не зреет революцией, смотрел на национальный вопрос как на фактически конституционный, поддающийся решению на принципах автономии в рамках буржуазного государства. В произнесенной 30 марта 1925 г. речи на заседании упомянутой комиссии ИККИ, а также в написанной в июне 1925 г. полемической статье Сталин подверг критике осужденную Коминтерном как «социал-демократическую и оппортунистическую» позицию С. Марковича, обосновав свой взгляд на национальный вопрос в неразвитых странах как по сути дела крестьянский вопрос. Отождествляя «вопрос национального самоопределения» с «коренными изменениями границ Югославии» и настаивая на его актуальности, он подчеркивал, что «дело теперь в том, чтобы не превращать нынешние, сложившиеся в результате войн и насилий границы югославского государства в исходный пункт и законную базу разрешения национального вопроса»². По словам С. Марковича, «благодаря товарищу Сталину нам удалось ликвидировать споры в связи с национальным вопросом. Я исправил все свои прежние ошибки в этом вопросе»³.

На III съезде КПО, состоявшемся в Вене 17—22 мая 1926 г., была подтверждена оценка, сводившаяся к тому, что существо кризиса в Югославии заключается в нерешенных национальном и аграрном вопросах и что путь к выходу из него пролегает через свержение буржуазной власти и создание балканской федерации рабоче-крестьянских республик посредством совместной революционной борьбы рабочих и крестьян всех наций Югославии и Балканского полуострова в целом, с чем связывалась перспектива «полного решения» национального вопроса в стране. Была подчеркнута актуальность задачи большевизации партии, предполагавшей включение в КПО прежде всего основного ядра промышленных рабочих и превращение ее в «партию масс». На этом съезде «в соответствии

сотрудником в Институте философии АН СССР. Арестован органами НКВД в 1937 г. и осужден на 10 лет, скончался в ссылке в 1940 г.

¹ *Pozar P. Jugosloveni — zrtve staljinskih čistki. Beograd, 1989. S. 154, 157.*

² *Сталин И. В. Сочинения. М., 1952. Т. 7. С. 69—76, 216—226.*

³ *Pozar P. Jugosloveni — zrtve staljinskih čistki. S. 157.*

с рекомендацией Коминтерна было решено положить конец разногласиям, преодолеть фракционные тенденции и сектантский дух»¹.

Как видный профсоюзный и партийный деятель низового звена И. Броз, работавший с сентября 1925 г. по октябрь 1926 г. на судовой верфи в Кралевице (на Адриатике), а затем на вагоностроительном заводе в Смедеревской Паланке в Сербии, где он возглавлял созданную им парторганизацию, все больше убеждался в том, что фракционная борьба в верхах КПЮ вызывает растущее недовольство ее рядовых членов, наносит огромный ущерб интересам рабочего класса. Несмотря на преследования полиции и неоднократные аресты, И. Броз продолжает активную подпольную работу, часто выступает в рабочей печати, внося вклад в консолидацию рядов КПЮ. Во второй половине марта 1925 г. полицейские власти Беловара арестовали И. Броза по обвинению в организации политических демонстраций. Однако 8 дней спустя за недоказанностью обвинения он был выпущен на свободу². Организаторский дар И. Броза как партийного руководителя особенно раскрылся с возвращением его в марте 1927 г. в Загреб, где он сразу же возглавил городской профсоюз металлистов, а также рабочих кожевенно-перерабатывающей промышленности, став вскоре секретарем комитета профсоюзов всей Хорватии. Уже в апреле 1927 г. И. Броз был избран членом Загребского горкома партии, а в июле — его организационным секретарем. В июле 1927 г. он был арестован и два месяца находился в заключении в тюрьмах городов Сушак, Бакар и Огулин. Несмотря на решение суда, приговорившего его к семимесячному тюремному заключению, И. Броз, объявив шестидневную голодовку и ссылаясь на отсутствие веских улик, добился освобождения и вернулся в Загреб.

Работу Загребской партийной организации — одной из крупнейших тогда в КПЮ — также сковывали сектантство и фракционность, против чего решительно выступил И. Броз. К тому времени борьба за единство рядов КПЮ, прежде всего в руководящем звене, разгорелась с новой силой. Ее эпицентром стала парторганизация г. Загреба, где И. Броз, поддержанный членом горкома А. Хебрангом, повел активную борьбу против левых и правых фракционеров. Своей кульминации она достигла на состоявшейся

---

¹ Историја СКЈ. С. 401.

² Broz Tito J. Sabrana djela. Т. 2. S. 274.

целегально в почь с 25 на 26 февраля 1928 г. на периферии Загреба VIII конференции. И. Броз, пользовавшийся тогда псевдонимом Георгиевич, выступив на ней с содокладом, подверг критике «фракционность, сектанство и групповщину» в партии в целом, в том числе в работе «левацкого» большинства Загребского горкома¹. Сформулированная им линия, паправленная на активизацию практической работы в массах, развитие связей партии с промышленными рабочими, повышение идеологического уровня членов партии, представляла собой полную противоположность тому, что отстаивал от имени большинства политический секретарь Загребского горкома Душан Гргович. Разработанный И. Брозом проект соответствующей резолюции получил одобрение большинства (27 голосов при трех «против» и одном воздержавшемся). И. Броз был избран политическим секретарем Загребского горкома КПЮ. На конференции были также избраны делегаты для участия в совещании Коминтерна по вопросу о положении в КПЮ, назначенном ИККИ на март 1928 г., утверждены специальные директивы, которыми они должны были руководствоваться на нем². Вспоминая об этом периоде, И. Тито писал: «При поддержке ряда товарищей осенью 1927 г. я начал вести борьбу против правой и левой фракций. Эта наша борьба успешно завершилась в марте 1928 г. (так в оригинале.— Ю. Г.) на конференции городской партийной конференции. Еще до конференции в городском комитете произошел раскол. В его состав входило 5 членов. Оказалось, что три члена были фракционерами, поэтому я вместе с товарищем Хебрангом выступил на конференции со своим докладом, а та тройка — со своим. На конференции за меня было подано 29 голосов, а за противников — 2 голоса (так в оригинале.— Ю. Г.). Эта конференция решила попросить Коминтерн вмешаться, в результате чего появилось «Открытое письмо» членам КПЮ³.

В направленном 13 апреля 1928 г. всем членам КПЮ т. н. «Открытом письме» Исполком Коминтерна, призвав югославских коммунистов «поддержать инициативу тех местных организаций, которые уже приступили к ликвидации фракционной борьбы в партии», отдал должное горкому КПЮ Загреба, доказавшему, что в «КПЮ есть здо-

¹ Историја СКЈ. С. 104; *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 2. S. 279.

² *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 1. S. 78—79, 230, 233, 242; Т. 2. S. 272.

³ *Broz Tito J. Autobiografska kazivanja*. Т. 1. S. 11.

ровые члены партии, умеющие твердой рабочей рукой навести порядок в партии»¹.

Откликаясь на призыв Коминтерна «Глубже в массы» — «главный лозунг, который должен стать словом и делом всей КПЮ»², коммунисты Югославии активизировали свою революционную деятельность, на что власти ответили усилением репрессий.

Взятый на заметку полицией 36-летний руководитель загребских коммунистов И. Броз вынужден был скрываться под разными псевдонимами, меняя в конспиративных целях квартиры. 1 мая 1928 г. за организацию майских демонстраций загребского пролетариата И. Броз был арестован и осужден на 14 дней тюремного заключения. За недостатком доказательств он был выпущен на свободу 19 мая 1928 г. 27 июля 1928 г. И. Броз, как автор прокламации, призывавшей рабочих ко всеобщей забастовке в связи с убийством в Скупщине лидера Хорватской крестьянской партии С. Радича, был арестован вторично, но при допросе в здании профсоюза металлистов ему удалось бежать, выпрыгнув через окно на крышу сарая³. Выследив И. Броза с помощью провокатора, власти вновь арестовали его в ночь с 4 на 5 августа 1928 г. на квартире, которую он снимал с июня для хранения поступавшей из-за рубежа марксистской литературы, предназначенной для распространения в Югославии⁴. В этой квартире в доме № 46 по ул. Випоградска цеста полиция изъяла такие книги, как «Манифест Коммунистической партии», «Карл Маркс» В. И. Ленина, «Основы ленинизма» И. В. Сталина, «Бюллетень ЦК КПЮ» за июль 1928 г. и др. Кроме того, было обнаружено 4 ручных гранаты, револьвер и патроны⁵.

Вместе с И. Брозом была арестована и его жена Пелагея Белоусова-Броз, разделявшая с ним все тяготы, выпавшие на долю ее мужа — революционера-профессионала. Вступив в члены КПЮ, она принимала участие в работе Загребской партийной организации⁶. После краткого расследования (с учетом показаний И. Броза на допросе 5 августа 1928 г. о том, что его жена является полиро-

---

¹ Историјски архив Комунистичке партије Југославије. Београд, 1950. Т. 2. С. 452—453; Историја СКЈ. С. 103.

² *Броз Тито Ј. Сабрана дјела*. Т. 2. С. 272.

³ *Ibid.* С. 264.

⁴ *Ibid.* С. 232.

⁵ *Ibid.* Т. 1. С. 256; Т. 2. С. 4, 76, 232.

⁶ *Ibid.* Т. 1. С. 303; Т. 2. С. 10, 97, 323.

вальщиков мебельной мастерской, принадлежавшей фирме «Bothe & Ehrmann»), ее, за отсутствием улики, отпустили¹.

И. Броза было предъявлено обвинение в ведении коммунистической пропаганды, а также в незаконном хранении гранат и огнестрельного оружия. Уже 12 августа ему удалось передать на волю записку: он сообщил о мучениях и издевательствах, которым его подвергают на допросах, требуя под угрозой смерти выдать всех, кто входит в состав руководства партии. В знак протеста И. Броза объявил голодовку. «Я скорее умру, чем подтвержу ложные полицейские обвинения и доносы в адрес моих товарищей»². Это письмо было передано 20 августа Ф. Филиповичу, который переслал его М. Горкичу, отметив при этом, что арест И. Броза «тяжело скажется на местных партийных организациях, а также на партийном аппарате»³. Благодаря М. Горкичу оно было опубликовано под заголовком «Крик из ада югославских застенков» 24 августа в органе Коминтерна «Internationale Presse Korrespondenz» со следующим редакционным комментарием: «Перед нами затертый грязный клочок бумаги, исписанный неровными прыгающими буквами патруженной рукой пролетария. Это письмо секретаря Союза рабочих кожевенной промышленности Югославии Иосипа Броза, арестованного 4 августа, который тайком передал его из загребского полицейского застенка, — письмо, напоминающее простотою изложения журналистский памфлет, представляющий страшное обвинение тюремного режима в Югославии⁴. 29 и 31 августа это письмо было также опубликовано во французском и английском изданиях упомянутого журнала Коминтерна. Отрывки из него поместил также орган Французской компартии «Юманите» 28 августа 1928 г.⁵

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 2. S. 92, 232.

² Ibid. S. 3.

³ Pozar P. Jugosloveni — žrtve staljinskih cistki. S. 43; Филипович, Филип (1878—1938) — в революционном движении с 1897 г., участник революции 1905 г. в России. Один из основателей КПЮ, находился на различных ответственных должностях, был секретарем Центрального исполнительного комитета КПЮ. Являлся представителем КПЮ в Балканской коммунистической федерации и Коминтерне. С 1924 г. находился в эмиграции в СССР, Австрии и Германии. С 1932 г. работал в Аграрном институте в Москве, где был арестован в феврале 1938 г. и расстрелян, реабилитирован в 1957 г.

⁴ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 2. S. 231.

⁵ Ibidem.

И. Броз вместе с другими коммунистами из Загреба похитился под следствием 14 месяцев. На суде, продолжавшемся с 6 по 14 ноября 1928 г., он был обвинен в том, что «в течение 1921—1928 гг. в Загребе и других местах, являясь членом нелегальной Коммунистической партии Югославии, занимался пропагандой коммунизма»¹.

Как отмечалось в тогдашней печати, уделившей этому событию большое внимание, «Иосип Броз — несомненно самая интересная личность на этом процессе. Его лицо принадлежит к тому типу, которые чем-то напоминают сталь. Взгляд светло-серых глаз, скрытых за пенсне, хладнокровен, спокоен, но энергичен». Далее в журналистском репортаже подчеркивалось, что за свои убеждения, твердая приверженность которым И. Броза хорошо известна, он преследовался и приговаривался к тюремным заключениям². В ответ на вопрос, признает ли он себя виновным, И. Броз с гордостью заявил: «Я не чувствую себя виновным, хотя и признаю, в чем меня обвиняет государственный обвинитель. Я признаю, что являюсь членом нелегальной Коммунистической партии Югославии, признаю, что я пропагандировал идеи коммунизма, разъясняя пролетариям все несправедливости, совершаемые по отношению к нам. Однако я не признаю буржуазный суд, так как считаю себя ответственным только перед своей коммунистической партией». И далее: «Я считаю, что естественные законы выше законов, созданных одним классом с целью потеснить другой. За свои идеалы я готов пожертвовать своей жизнью»³. Когда И. Броз начал рассказывать, почему он стал коммунистом, председатель суда грубо оборвал его, в связи с чем И. Броз гневно бросил ему в лицо: «Это лучшее доказательство того, что здесь царит полицейский дух. Да здравствует Коммунистическая партия! Да здравствует мировая революция!»⁴ 21 февраля 1929 г. И. Броз был осужден в соответствии со ст. 2 закона о защите государства на 5 лет и 7 месяцев каторги⁵. Однако он провел в тюремных стенах в общей сложности 6 лет: вначале находился в течение двух с половиной лет в хорватской тюрьме в Лепоглаве, а затем в словенской тюрьме в Мариборе.

Учитывая большой срок тюремного заключения, назна-

---

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 2. S. 165.*

² *Ibid. S. 158.*

³ *Ibid. S. 158, 163.*

⁴ *Ibid. S. 168.*

⁵ *Ibid. S. 177.*

чепный мужу, Пелагея Белоусова-Броз решила выехать вместе с сыном Жарко в Москву. В этом ей оказала содействие организация «Красная помощь Югославии», и в начале 1929 г. она с пятилетним сыном вернулась в Советский Союз¹.

Из-за ареста и судебного процесса И. Броз не участвовал в работе IV съезда КПЮ, состоявшегося 6—16 ноября 1928 г. недалеко от Дрездена. Предшествовавшие ему месяцы характеризовались тем, что, как подчеркивал он впоследствии, «с помощью «Открытого письма»... началась мобилизация всех незараженных фракционностью, преданных партии кадров с целью ликвидации фракционной борьбы и групповщины»². При этом деятельность КПЮ разворачивалась под воздействием установок III съезда КПЮ, который под влиянием преобладавших в Коминтерне настроений «революционного нетерпения», вытекавших из концепции мировой революции, ориентировал югославских коммунистов на то, что «и в условиях относительной стабилизации европейского капитализма на Балканах и в Югославии» «не закрывается революционная перспектива», ввиду чего «основной задачей партии является подготовка революции»³.

Одобрив «Открытое письмо» Исполкома Коминтерна, IV съезд КПЮ⁴ наметил задачи партии по проведению в жизнь его рекомендаций, по руководству классовой и национально-освободительной борьбой трудящихся Югославии. Вместе с тем на его решения наложили отрицательный отпечаток сектантско-догматические перекосы в деятельности Коминтерна в послеленинский период (наподобие навязанной ему Сталиным и Зиновьевым установки о социал-демократии как пособнике и близнеце фашизма), приведшие к подмене идеи В. И. Ленина о важности развертывания общенародной борьбы против капитала и реакции авантюристическим курсом на то, чтобы пресечь наступление фашизма фронтальной революционной атакой, форсировав социально-историческое развитие с помощью социалистических революций. В анализе политической обстановки этот форум югославских коммунистов

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 2. S. 204, 234.

² Broz Tito J. Избор из дела. Реферати са конгреса КПЈ и СКЈ. Београд, 1977. Т. 1. С. 14.

³ Историја СКЈ. С. 102.

⁴ В работе IV съезда КПЮ приняли участие представители ИККИ П. Тольятти и Д. Мануильский (Broz Tito J. Sabrana djela, T. 2. S. 263).

исходил из оценки VI конгресса Коминтерна об обострении общего кризиса капитализма и «предреволюционной ситуации». Поэтому в духе этих решений в ответ на установление в стране в январе 1929 г. монархо-фашистской диктатуры ЦК КПЮ выдвинул ошибочный лозунг вооруженного восстания, для которого в стране отсутствовали объективные условия. Начался самый трудный период в истории КПЮ. Абсолютистский режим со всей силой обрушился на коммунистическую партию и ее сторонников. В результате массовых облав и арестов монархо-фашистские правители самым беспощадным образом расправились с КПЮ, ряды которой сильно поредели, сотни ее руководителей были заточены в тюрьмы, десятки зверски убиты. Арестованный 20 апреля 1929 г. организационный секретарь ЦК КПЮ Джуро Джакович¹ был физически уничтожен уже 25 апреля 1929 г. Только с января 1929 г. по сентябрь 1932 г. было проведено 82 судебных процесса над коммунистами и членами Союза коммунистической молодежи Югославии. Лишь на девяти процессах было осуждено на каторгу 163 человека в общей сложности на 708 лет². Партия была загнана в глубокое подполье, ее ослабленное руководство эмигрировало из страны.

В условиях отлива революционного движения в Югославии, когда КПЮ оказалась фактически обезглавленной, коммунисты, приговоренные к каторге, не сложили оружия. Находясь в тюремном заключении, они продолжали заниматься партийной работой, превратив тюремные застенки в подпольную политическую школу, и тем самым готовили себя к предстоящим решающим битвам. Тюремное заключение Иосип Броз активно использовал и для пополнения знаний, для углубленного изучения трудов классиков марксизма-ленинизма. Более половины срока И. Броз провел в Лепоглаве, недалеко от своего родного Загорья. Работая электриком на тюремной электростанции, он имел возможность более свободного общения с заключенными коммунистами, в том числе содержащимися в камерах-одиночках. И. Броз сразу же проявил инициати-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 2. S. 264; Джуро Джакович (1885—1929) родом из г. Бродска Варош (Славония). В 1904 г. стал членом социал-демократической партии. Один из создателей Коммунистической партии Югославии. С июля 1922 г. входил в состав ее руководства. Подвергался неоднократным арестам. Секретарем ЦК КПЮ по организационным вопросам стал на IV съезде КПЮ (ноябрь 1928 г.). Злодейски убит в 1929 г. И. Тито считал его «душой нового руководства партии».

² Преглед историје СКЈ. Београд, 1963. С. 169—170.

ву в создании тюремной парторганизации, которая и была вскоре сформирована в составе 43 коммунистов. Как вспоминал И. Броз Тито, «для нас, коммунистов, на каторге... не было вакуума. Мы сумели превратить ее в школу, партийную школу... Я, например, помимо всего прочего, учил языки. Вначале — эсперанто, затем перешел на английский... С появлением М. Пьяде мы начали читать и изучать марксистские теоретические труды, так как М. Пьяде переводил «Капитал», ему были доступны все эти книги»¹.

И. Броз близко сошелся с М. Пьяде, осужденным на 14 лет каторги еще в 1925 г. за создание нелегальной типографии, в которой был отпечатан первый номер органа КПЮ «Комунист». В Лепоглаву он был переведен 15 февраля 1930 г. из тюрьмы в г. Сремска Митровица, в которой М. Пьяде вместе с другим видным коммунистом Р. Чолаковичем еще в 1929 г. перевел на сербскохорватский язык первый том «Капитала». М. Пьяде вошел в состав парткома, который возглавил И. Броз. Партком наладил регулярную политическую учебу коммунистов, были созданы различные кружки, в частности по изучению политэкономии, которую преподавал М. Пьяде. Работали также курсы повышения общеобразовательного уровня заключенных, в т. ч. по изучению истории, географии, иностранных языков. Была даже создана специальная библиотека.

О своей деятельности руководство парторганизации лепоглавской тюрьмы отчитывалось на партконференции, состоявшейся осенью 1930 г. Ее материалы были направлены в ЦК КПЮ. Конференция переизбрала в состав парткома И. Броза и М. Пьяде, включив в него также А. Хебранга², осужденного в 1928 г. на 12 лет каторги и доставляемого из Сремской Митровицы в лепоглавскую тюрьму летом 1930 г.

7 мая 1931 г. И. Броз и ряд других коммунистов были переведены в мариборскую тюрьму в Словении. Основной мотив такого решения властей заключался в том, что коммунисты, содержащиеся в лепоглавской тюрьме, поддерживают связь с загребскими коммунистическими организациями, готовят побег. Здесь по инициативе Иосипа Броза была создана партийная организация мариборской тюрьмы, которую возглавил партийный комитет в соста-

¹ Broz Tito J. Autobiografska kazivanja. T. 1. S. 87—88.

² Broz Tito J. Sabrana djela. T. 2. S. 246:

ве: И. Броз (секретарь), Радомир Вуйович и Родолюб Чолакович. Как и в Лепоглаве, начала функционировать сеть идейно-политической учебы, которую заключенные именовали коммунистическим университетом им. Джуро Джаковича. Упор в обучении делался на историю, политэкономию, философию. В качестве секретаря парторганизации И. Броз наладил 15 июня 1933 г. письменный контакт с руководством КПЮ в Загребе¹.

Большой моральной поддержкой И. Брозу служили письма жены Пелагеи Белоусовой-Броз, которые периодически ей удавалось передавать из СССР в Югославию². Она неоднократно присылала ему и денежные переводы³. В письме из мариборской тюрьмы, датированном 8 мая 1932 г., И. Броз, сообщая об отсутствии у него денег даже на приобретение марок, писал: «Еще недавно у меня постоянно было немного денег. Полька (так И. Броз называл свою жену Пелагею.— Ю. Г.) регулярно присылала мне переводы, однако в последнее время они перестали поступать. Учитывая кризис на рынке фипансов, она пишет, что не может найти способ, как переслать деньги, но надеется, что ей удастся сделать это. Недавно я получил от нее письмо и фотографию Жарко (речь идет о письме от 4 марта 1932 г.— Ю. Г.). Сынишка так вырос, что я с трудом узнал бы его. Жена пишет, что он учится хорошо. Написал мне и он: спрашивает, когда я к ним приеду? Кроме того, прислал мне некоторые свои рисунки. Главное, что им там хорошо, и это меня очень радует»⁴. Последний раз И. Броз получил денежный перевод от жены 24 июня 1933 г.⁵

Свои впечатления и выводы о содержании коммунистов в югославских тюрьмах И. Броз доложил в отчете ЦК КПЮ, написанном в марте 1934 г.⁶ В нем И. Броз дал очень высокую оценку мужественному поведению в тюремных застенках А. Хебранга и особенно М. Пьяде, который томился в различных тюрьмах с 1925 г. и которому в 1934 г. за организацию демонстрации протеста против режима содержания заключенных, проходившей под пение «Интернационала», увеличили срок заключения еще на два года (в результате чего его общий срок составил

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 2. S. 248.

² Ibid. S. 300—304.

³ Ibid. S. 234, 304.

⁴ Ibid. S. 10.

⁵ Ibid. S. 354.

⁶ Ibid. S. 10, 234.

14 лет). Настоящей силой была убежденность югославских коммунистов в правоте своей борьбы, настолько негибкой была их воля, что в приговоре по делу М. Пьяде судьи сочли необходимым отметить следующее: «Ясно, что как только эти заключенные попадут на свободу, они при первой же возможности начнут проводить в жизнь идеи, заключающиеся в их песнях»¹.

И действительно, выйдя в марте 1934 г. из тюремного заключения, И. Броз, высланный в деревню Кумровец, через 4 дня бежал в Загреб, где активно включился в подпольную работу по возрождению партийных организаций. Замершая было в 1930—1931 гг. жизнь в КПЮ начала постепенно оживляться, прежде всего в крупных центрах Югославии, особенно после создания в конце июня 1932 г. в соответствии с решением Коминтерна нового временного руководства КПЮ во главе с Йосипом Чижинским, известным после эмиграции в СССР в 1923 г. под псевдонимом Милан Горкич, которое с начала 1934 г. стало называться Центральным Комитетом КПЮ².

С середины 30-х годов начался процесс организационного обновления и укрепления КПЮ, в которой в ходе многолетней борьбы против диктатуры выросли и закалились новые партийные кадры. Включение в работу КПЮ коммунистов, прошедших суровую школу борьбы в тюрьмах и на каторге, имело большое значение для активизации работы партии, укрепления ее связей с массами. Одним из них был И. Броз. В связи с вызовом находившегося тогда в Вене ЦК КПЮ И. Броз в июле 1934 г. нелегально, пользуясь удостоверением Хорватского общества альпинистов, прибыл в столицу Австрии. На состоявшемся 11 июля заседании Политбюро ЦК КПЮ он, как лучший представитель молодого поколения партийных руководителей рабочего происхождения³, был кооптирован в состав высшего органа партии.

¹ Правда. 1935. 6 сентября.

² Broz Tito J. Sabrana djela. T. 2. S. 264, 279; Горкич, Милан, настоящая фамилия Чижинский Йосип — партийные псевдонимы Бург, Соммер (1904—1937). Член КПЮ с 1919 г. В 1923 г. эмигрировал в Австрию, в июле этого же года прибыл в Москву. С 1923 г. — член ВКП(б). Работал в Коминтерне. На VI конгрессе Коминтерна был избран кандидатом в члены ИККИ. Член ЦК КПЮ с 1928 г. В июне 1932 г. введен ИККИ в состав временного руководства КПЮ. В 1934 г. избран в Политбюро ЦК КПЮ. До июня 1937 г. был политическим секретарем ЦК КПЮ. В августе был арестован, обвинен в шпионаже и расстрелян 1 ноября 1937 г. Реабилитирован 31 марта 1956 г.

³ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 2. S. 205; Историја СКЈ. С. 119.

Став членом Политбюро ЦК КПЮ, И. Броз активно включился в выработку и реализацию политики партии. Вернувшись из Вены в августе 1934 г. с заданием подготовить и провести партийные конференции сначала Хорватии и Словении, а до конца года — общегославскую, И. Броз сделал ставку на молодых энергичных членов партии, не обремененных грузом сектантства и многолетних фракционных распрей. При подготовке партконференции Словении он обратил внимание на двадцатилетнего учителя Э. Карделя (псевдонимы: Бевц, Бирк, Тоне, Бродер, Леуц), а также В. Кидрича (псевдоним Кос) — сына профессора Люблянского университета, которые произвели на него очень хорошее впечатление. Знакомство И. Броза с Э. Карделем в Любляне 10 сентября 1934 г. положило начало их многолетнему партийному товариществу. Говоря о впечатлении, которое произвел на них И. Броз, Э. Кардель вспоминал: «Мы обнаружили, что он держит себя и в разговоре и в поведении непосредственно. Было ему около 40 лет, на 20 лет больше, чем нам, так он и выглядел. И. Броз представлял собой абсолютную противоположность старым партийным руководителям. В ответ на какой-либо вопрос он не цитировал Маркса, Энгельса или Ленина. Он излагал свои мысли обычным, простым языком. «Вот проблема,— говорил он,— которую надо решать. Я думаю, что надо поступить так-то. Может быть, у кого-то иное мнение?»¹ По его словам, И. Броз «был первым представителем ЦК КПЮ, который иначе подходил к актуальным партийным проблемам. Многие представители ЦК КПЮ, приезжавшие до него, очень хорошо знали документы Коминтерна, давали множество абстрактных указаний, зачастую слабо представляя себе конкретные политические проблемы». Подчеркивая, что у И. Броза «не было готовых директив», Э. Кардель отмечал, что он «проявил полное понимание практической партийной работы и актуальных проблем» и, в отличие от других, принял участие в дискуссиях, оказав действительную помощь партийному руководству в соответствии с местными условиями².

Твердо отстаивая необходимость консолидации рядов партии, И. Броз 2 августа 1934 г. написал в ЦК КПЮ докладную записку, в которой подчеркивал важность ее скорейшего освобождения от абстрактной и пустой фра-

¹ Цит. по: *Maclean F.* Josip Broz Tito. Zagreb, 1980. S. 33.

² *Mladost*. 1959. 13 aprila.

зеологии, являющейся следствием отрыва ее руководства от трудящихся масс, доказывал необходимость избавления от сектапства во взглядах и методах работы. Этот документ И. Броз впервые подписал псевдонимом Тито, ставшим с тех пор составной частью его фамилии¹. Разъясняя смысл этого псевдонима, И. Тито сказал 14 октября 1946 г. в ответ на вопросы американских журналистов: «Это моя поднольная фамилия... Тито в хорватском языке является одной из фамилий и не имеет никакого другого значения»². В конспиративных целях он пользовался и другими псевдонимами, в том числе: Фридрих Вальтер, Старик, Георгиевич, Руди, Бродоп, Пепо, Драгомир, Хаузер, Исакович, Ивица, Металац, Новак, Отто, Петар, Радник, Тимо, Титус, Виктор, Викторов, Загорац, Яромир Хавличек, Иван Томанек, Джон Карлсон, Славко Бабич, Спиридон Мекас, Карл Зайнер, Иван Констанышек, Йозеф Гофмахер, Иван Кисич и др.³

Уже в сентябре 1934 г. И. Тито вновь отправляется в Вену, чтобы отчитаться о выполнении данных ему Политбюро ЦК КПЮ поручений. Благодаря проведенной им большой подготовительной работе успешно прошла и состоявшаяся нелегально в декабре 1934 г. в Любляне IV конференция КПЮ. Признав, что время, истекшее после IV съезда КПЮ, было самым трудным в истории партии, она вскрыла причины грубых политических ошибок и сектантского уклона периода 1929—1931 гг.⁴ и пришла к выводу, что партия в основном преодолела последствия террора диктаторского режима. Исходя из рекомендаций Коминтерна относительно того, что в организационном строительстве КПЮ надо больше учитывать «национальный момент», конференция приняла решение о создании в рамках КПЮ Коммунистических партий Хорватии и Словении и «в самом ближайшем будущем Македонии». Продолжая придерживаться прежней концепции о двух этапах революции, КПЮ высказалась за решение национального вопроса в Югославии на путях создания, посредством революционной борьбы, независимых национальных государств, отойдя от прежней точки зрения, согласно которой такие государства должны были образовать балкан-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 1. S. XXVII.

² Ibid. T. 2. S. 158.

³ Ibid. T. 1. S. XLII.

⁴ V конгресс КПЈ. Београд, 1949. С. 38—39; Историја СКЈ. С. 125.

скую федерацию советских социалистических республик. На конференции был избран Центральный Комитет в составе 12 членов и 9 кандидатов; в Политбюро были избраны: Милац Горкич (политический секретарь), Благое Парович, Иосип Тито, Камило Хорватин и Адольф Мук. Включение конференцией И. Тито в состав высшего органа КПЮ свидетельствовало о признании его заслуг как партийного руководителя, пользующегося авторитетом в общегославском масштабе.

Глава 2 Сталинские «Чистки»

§ 1. СНОВА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

29 декабря 1934 г. Политбюро ЦК КПО приняло решение направить И. Тито в Москву в качестве представителя КПО в Профинтерне. Однако 18 сентября 1935 г. было предложено рекомендовать его политическим референтом по вопросам КПО в Балканский секретариат Коминтерна¹. В этой связи М. Горкич написал представителю КПО в Коминтерне В. Чопичу (Сенько) специальное письмо, в котором говорилось следующее: «Если Тито станет референтом, позаботься, чтобы к нему отнеслись по-человечески. Скажи Валии² и другим, что он — рабочий, шесть лет провел на каторге и, возможно, вначале будет выглядеть менее опытным, чем искушенные интеллигенты. Но он знает партию, он представляет самую лучшую часть нашего рабочего актива, и спустя некоторое время (6—8 месяцев) мы его возьмем вновь на руководящую работу в ЦК. Поэтому к нему должны относиться не как к мелкому клерку, а как к партийцу, который в скором будущем станет одним из настоящих и, надеюсь, хороших руководителей партии»³.

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 2. S. 226, 228; T. 3. S. 247—248.

² Валецкий, Генрих (Валий, Валия) — польский коммунист, член Международной контрольной комиссии Коминтерна.

³ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 2. S. 227.

В Москву И. Тито прибыл 21 февраля 1935 г. из Праги с австрийским паспортом на имя Йозефа Гофмахера и поселился в расположенной на ул. Горького гостинице «Люкс» (ныне «Центральная»), которая была предоставлена тогда в распоряжение зарубежных коммунистов — сотрудников Коминтерна. Новым ее обитателем, которому администрация этой гостиницы выделила комнату под номером 275, стал Фридрих Фридрихович Вальтер¹. Под этим новым псевдонимом знали И. Тито сотрудники Коминтерна. Им он подписывал документы, которые представлял в Коминтерн. И впоследствии, в т. ч. в период войны, вся переписка с ИККИ велась И. Тито под именем Вальтер².

И. Тито был воодушевлен возможностью снова посетить Советский Союз спустя 15 лет. Вспоминая то время, он говорил: «Это была моя первая встреча с Москвой, ибо во время Октябрьской революции у меня не было возможности побывать в Москве. Я ездил через Ленинград. Теперь, как функционера Коминтерна, меня поместили в гостинице «Люкс» на улице Горького, недалеко от площади Пушкина. Помещение, в котором я работал, находилось в центре Москвы, на ул. Моховой, рядом с Красной площадью»³.

Кроме того, его ожидала встреча с семьей, женой и сыном, с которыми он не виделся почти семь лет. Как уже отмечалось, П. Д. Белоусова-Броз в феврале 1929 г. вместе с сыном Жарко прибыла в Москву. Она была направлена КПЮ в составе группы студентов в СССР на учебу в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю. Мархлевского. Югославской секцией Коминтерна ей, в конспиративных целях, была присвоена фамилия Николаева Елена Александровна. Комиссия по переводу членов иностранных компартий в ВКП(б) при ЦК ВКП(б) перевела ее из КПЮ в ВКП(б), засчитав партстаж с 1929 г. До 1933 г. она, как политэмигрантка, имела вид на жительство, а затем через Коминтерн ей был выдан трехгодичный паспорт СССР.

После окончания в 1932 г. КУНМЗа П. Д. Белоусова-Броз направляется на работу в Казахстан в г. Джаркент преподавателем истории партии и ленинизма в совпартшколе. В 1933 г. ее отозвали в Москву и в 1934 г. предложили работать в Шиловском райкоме партии Рязанской

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 3. С. 174.

² *Ibid.* Т. 2. С. 73—76, 269.

³ *Broz Tito J. Autobiografska kazivanja*. Т. 1. С. 129.

области инструктором (райорганизатором) по заочному обучению и организации массового радиослушания.

И. Тито попытался восстановить фактически распавшуюся за годы почти семилетней разлуки семью. 10-летнего сына Жарко он обнаружил в детском доме недалеко от Ленинграда и забрал его к себе в гостиницу «Люкс». «Жарко Броз, — как отмечается в книге В. Ценчица «Загадка Копинича», — к сожалению, находился тогда в специальных домах, где содержались дети, совершившие правонарушения. В этом не было вины Тито... Жарко был умным мальчиком, играл на музыкальных инструментах, особенно любил трубу, и в школе хорошо успевал. Но характер у него был непослушный»¹. Когда П. Д. Белоусова (Е. А. Николаева) приехала летом 1935 г. в Москву на курсы повышения квалификации партийных работников, они втроем проживали в гостинице «Люкс» в течение двух месяцев. (19 апреля 1936 г. ее брак с И. Тито по взаимному согласию был расторгнут загсом Октябрьского района г. Москвы. В 1937 г. П. Д. Белоусова обвиняется в том, что, проживая в Югославии, якобы была связана с «сотрудником югославской охраны Денисовым» и по прибытии в СССР скрыла это. Другое обвинение гласило, что она через представителя КПЮ Грегора, «ныне арестованного органами НКВД как врага народа», получила советский паспорт на фамилию Николаева Елена Александровна, в котором значилось, что она родилась в Югославии и является по национальности хорваткой. В том же году П. Д. Белоусова приезжала в родное село Михайловку, где обратилась в сельсовет с просьбой выдать ей документ, подтверждающий, что ее родители не были кулаками. 12 июля 1938 г. бюро Шиловского райкома партии исключило ее из рядов ВКП(б) на том основании, что она якобы дала положительный отзыв на «шпиона Денисова». В это время она работала заведующей Домом крестьянина. Спустя два месяца была арестована органами НКВД. На соответствующий запрос Рязанского УНКВД из Коминтерна поступила информация, что Е. А. Николаева во время учебы в КУНМЗе во фракционной борьбе не участвовала, но симпатизировала бывшим левым в КПЮ, часто встречалась с ними, дружила и устраивала «чайнки», за что со стороны парторганизации получила предупреждение. Решением «тройки» при УНКВД Рязанской области была приговорена по статье 58—6 УК РСФСР к 10 годам

¹ *Cencić V. Enigma Kopicic. Beograd, 1983. T. 1. S. 94.*

исправительно-трудовых лагерей. В 1940 г. постановлением военного прокурора Московского военного округа дело П. Д. Белоусовой прекращено за отсутствием доказательств, и она была освобождена из заключения. После этого Шиловский райком партии принял решение о ее партийной реабилитации. Она стала работать в отделе Коминтерна по оказанию помощи арестованным рабочим. Через некоторое время П. Д. Белоусова вышла замуж за Рогулева Петра Измаиловича, работавшего фотографом в Коминтерне. В 1944 г. у них родилась дочь Нина. В 1948 г. после конфликта Сталина с И. Тито была репрессирована как бывшая жена Генерального секретаря ЦК КПЮ и осуждена на 10 лет тюремного заключения. После XX съезда КПСС в 1957 г. реабилитирована, однако без права проживания в Москве. Жила и работала в г. Истре, Московской области. В 1966 г. Жарко Броз приезжал на свидание с матерью. Его сводная сестра Нина побывала в Югославии, с ней встречался и беседовал И. Тито. Сама П. Д. Белоусова с И. Тито после развода не виделась. По свидетельству соратников И. Тито, он неохотно говорил о своем первом браке и даже, как утверждает В. Дедиер, вычеркнул упоминание о П. Д. Белоусовой из написанной им биографии И. Тито.

В 1966 г. она получила разрешение переехать в Москву, где ей была выделена двухкомнатная квартира, назначена персональная пенсия. Скончалась 12 марта 1967 г. от инфаркта. По ходатайству Фрунзенского райкома КПСС г. Москвы урна с ее прахом захоронена на Новодевичьем кладбище. Рогулев П. И. умер в 1986 г.)¹

Познакомившись в октябре 1935 г. с проживавшей в гостинице «Люкс» женой видного деятеля комсомола Германии, осужденного фашистскими властями на 15 лет каторги, Люцией Бауэр (настоящие ее имя и фамилия Иоганна Кёниг, 1914 г. рождения, уроженка г. Хемниц), И. Тито зарегистрировал с ней брак 13 октября 1936 г. После отъезда в Югославию он оставил Жарко на ее попечение, намереваясь забрать их к себе после того как устроится. Но арест 21 сентября 1937 г. Люциин Бауэр органами НКВД расстроил эти планы. Жарко Броз был передан на воспи-

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 2. С. 3, 10, 74, 92, 97, 100, 103, 106, 182, 202, 204, 232, 234, 279, 300—304; *Dedijer V. Novi prilozii...* Т. 2. С. 316—318; Партархив Омского обкома КПСС. (Автор выражает признательность научному сотруднику партархива Омского обкома КПСС В. Л. Фролову за оказанное содействие в уточнении биографических данных П. Д. Белоусовой.)

такие в специальный детдом для детей сотрудников Коминтерна в г. Иваново¹.

Работая в Коминтерне, И. Тито общался со многими руководящими деятелями этой организации — Г. Димитровым, П. Тольятти, М. Торезом, К. Готвальдом, Х. Диасом, В. Пиком и др. Будучи политическим референтом по КПЮ в Балканском секретариате ИККИ (на эту должность его утвердила 11 мая 1935 г. Политическая комиссия Политсекретариата ИККИ), И. Тито, он же Вальтер, выполнял одновременно, в соответствии с решением ЦК КПЮ от 23 марта 1935 г., и функции члена политического представительства КПЮ при ПК ИККИ, которое возглавлял тогда В. Чопич². Балканским секретариатом, который занимался компартиями Болгарии, Греции, Румынии и Югославию, руководил тогда В. Пик.

Говоря о своей работе в тот период, И. Тито рассказал в 1977 г., что он «присутствовал на заседаниях Балканского секретариата и дважды на совещании в ИККИ, когда речь шла о югославских делах»³. 4 марта 1935 г. он выступил на заседании Балканского секретариата с информацией о положении в КПЮ. Так, в начале марта 1935 г. вместе с другими представителями КПЮ он участвовал в заседании Политкомиссии ИККИ, принявшей резолюцию «О ближайших задачах КПЮ», в которой подчеркивалось, что настоящей задачей югославских коммунистов является создание вокруг пролетарского ядра широкого антифашистского народного фронта, опирающегося на союз рабочего класса с трудовыми массами крестьянства⁴.

По словам И. Тито, кроме основной работы в качестве референта в Балканском секретариате ИККИ он «иногда читал лекции слушателям Ленинской школы и Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, где имелось постоянное отделение для обучения и югославских коммунистов»⁵. В этот период он возобновил свое знакомство с Э. Карделем, который учился с декабря 1934 г. в аспирантуре Ленинской школы и присутствовал

¹ *Cencic V. Enigma Kopinic*. Т. 1. S. 103.

² *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 3. S. 158, 247—248.

³ *Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ između dva rata*. Beograd, 1977. S. 42—43.

⁴ См.: VII конгресс Коминтерна и борьба за создание Народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 131.

⁵ *Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ... S. 43; Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 3. S. 3—7.

с марта 1935 г. на заседаниях Балканского секретариата. В качестве секретаря югославской делегации И. Тито принял участие с правом совещательного голоса в работе VII конгресса Коминтерна, проходившего в июле — августе в Москве в Доме союзов. В составе делегации КПЮ были также Горкич (Йосип Чижинский), Бошкович (Филип Филипович), Сенько (Владимир Чопич), Шмит (Благод Парович), Железар (Иван Марич), Миленкович (Драго Петрович), Симонович (Милан Радованович)¹. Здесь И. Тито впервые увидел Сталина. Его поразило то, что за весь месяц работы конгресса Сталин появился в президиуме только один или два раза, причем садился за одной из мраморных колонн. «Больше мы его не видели,— говорил И. Тито.— А звали Хозяином. Так было принято в то время»².

VII конгресс Коминтерна, ознаменовавший поворот в его политике на путях возвращения к ленинской постановке проблемы единого фронта, принятые им решения имели, по оценке И. Тито, «огромное значение для КПЮ», указав путь, которым «наша партия должна идти и налаживать связи с массами». Однако, по его словам, «сектанство... еще долгое время мешало проведению в жизнь решений VII конгресса Коминтерна»³.

Участвуя в работе VII конгресса, И. Тито вынес впечатление, что КПЮ «не имела особо прочных позиций в Коминтерне», считавшем ее «очень слабой партией». Это, на его взгляд, подтверждалось тем, что никто из представителей КПЮ не был избран в Исполнительный комитет Коминтерна. Единодушно предложенная делегацией КПЮ кандидатура И. Тито в состав ИККИ была снята по требованию, исходившему, по его мнению, от представителя ЦК ВКП(б) в Коминтерне Д. З. Мануильского, истолковавшего это предложение как «противопоставление Вальтера Горкичу»⁴. Как отмечалось на заседании делегации КПЮ на VII конгрессе Коминтерна, состоявшемся 19 августа 1935 г., «при выдвижении кандидатуры Вальтера не было (в ИККИ.— Ю. Г.) намерения выражать недоверие Горкичу, а также противопоставлять Вальтера Горкичу». Исходя из желания «продемонстрировать руководящим товарищам из Коминтерна,— подчеркивается в протоколе этого заседания,— что в руководстве КПЮ нет грызни»,

¹ Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ... S. 44.

² Ibidem.

³ Broz Tito J. Избор из дела. Т. 1. С. 22.

⁴ Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ... S. 44—45.

первоначальное решение было изменено: вместо отозванной кандидатуры И. Тито была предложена кандидатура М. Горкича, который, однако, был избран лишь кандидатом в Исполком Коминтерна¹. «Этот эпизод,— подчеркивал И. Тито,— был очень неприятным, особенно для меня, хотя я ему ничем не способствовал»².

По окончании работы VII конгресса Коминтерна участвовавшим в его работе делегациям была предоставлена возможность осуществить поездки по Советскому Союзу. По поручению Политбюро ЦК КПЮ И. Тито возглавил делегацию КПЮ, которая в конце августа — первой половине сентября 1935 г. посетила Свердловск, Куйбышев, Челябинск, Магнитогорск³. Вспоминая об этой поездке в 1952 г., И. Тито говорил, что как в Москве, так и в других городах, в которых ему довелось побывать, он «был свидетелем многих и многих несправедливостей», того, что не нравилось ему. По его словам, «люди сторонились друг друга, опасались разговаривать, все время происходили аресты, арестовывались те, кто вчера еще производил аресты, люди исчезали в течение ночи, и никто не осмеливался спросить, куда их уводят»⁴.

На заседании Политбюро ЦК КПЮ, проведенном в Москве 18 октября 1935 г., было принято решение о возвращении И. Тито на работу в Югославию. Однако в связи с резкой эскалацией репрессий югославских властей против коммунистов, которые стали подвергаться повальным арестам, было решено с такой поездкой повременить (позтому намечавшаяся первоначально командировка И. Тито в Москву на 6—8 месяцев в действительности продлилась почти два года). Ввиду осложнения положения в стране в ЦК КПЮ, находившемся тогда в Вене, вновь верх взяли сектантские настроения, наложившие отпечаток на решения состоявшегося в апреле 1936 г. пленума ЦК КПЮ, шедшие вразрез с установками VII конгресса Коминтерна.

В условиях, когда Коминтерн играл роль оперативного руководителя коммунистических партий, являвшихся его секциями, назначая и смещая их руководство и по сути дела определяя их политику, ИККИ отменил решения апрельского пленума ЦК КПЮ, признав целесообразным сменить прежнее руководство КПЮ. По инициативе Сек-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 3. S. 171, 249.

² Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ... S. 44—45.

³ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 3. S. 172, 349.

⁴ Dedijer V. Josip Broz Tito. Prilozi za biografiju. S. 223—224.

ретариата ИККИ 15 августа 1936 г. в Москве было проведено совещание руководящего партийного актива КПЮ, которое, осудив ошибочные оценки вышеупомянутого пленума, оживившуюся групповщину и фракционную борьбу, одобрило решения ИККИ. Было решено сформировать новое Политбюро ЦК КПЮ. Совещание признало целесообразным, чтобы все руководство партии находилось в Югославии, за исключением политсекретаря, остающегося за границей для облегчения связи КПЮ с Коминтерном. Вспоминая об этом заседании Секретариата ИККИ с участием находившегося в Москве руководящего актива КПЮ, И. Тито говорил: «Товарищ Димитров на одном из заседаний ИККИ, на котором я выступил с отчетом о положении в Югославии и организационных вопросах нашей партии, заявил, что он считает единственно правильным, чтобы руководство КПЮ было в стране. Разумеется, я с воодушевлением воспринял предложение товарища Димитрова, и было решено, чтобы ЦК находился в стране, т. к. опыт показал, что ЦК не может из-за границы руководить партийной организацией»¹.

§ 2. СОЗДАНИЕ ВРЕМЕННОГО РУКОВОДСТВА КПЮ

Как отмечал И. Тито в отчете, написанном им в Москве 2 сентября 1938 г., он выехал по распоряжению Коминтерна в октябре 1936 г. на работу в Югославию еще до формирования нового состава Политбюро ЦК КПЮ «с задачей руководить деятельностью партии и нести основную ответственность за новое руководство, которое должно находиться в стране»². Покинув 16 октября Москву с югославским паспортом на имя Ивана Кисича, он через Польшу поездом прибыл в Прагу, откуда некоторое время спустя переехал в Вену³, где 18 октября встретился с прежним руководством ЦК КПЮ, в т. ч. Сенько (В. Чопичем), Железаром (И. Маричем), Валичем (В. Прежихов) и др. Приблизительно через месяц в Вену приехал М. Горкич, объявивший, что в созданный новый состав Политбюро ЦК КПЮ вошли кроме него Вальтер (И. Тито), Розенко (Р. Чолакович), Рихтер-Станое (С. Жуйович) и Ф. Лескошек (один из руководителей сло-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 17. S. 128.

² Ibid. T. 4. S. 74, 75, 269.

³ Местонахождением ЦК КПЮ первоначально были Прага и Вена, а с 1 января 1937 г., с одобрения ИККИ, М. Горкич перенес его в Париж.

ненских профсоюзов, находившийся в стране). «О себе, — писал И. Тито, — Горкич сказал, что назначен секретарем и имеет право вето»¹. По словам И. Тито, ему показалось «страшным и непонятным» заявление М. Горкича насчет «права вето», но, зная, что ему предстоит работать в стране, он не стал делать из этого проблемы, решив «дисциплинированно выполнять все поручения Коминтерна и по воле руководства»².

Касаясь в одном из выступлений периода войны того, каким было положение в КПЮ с 1929 по 1935 г., И. Тито говорил: «Наше руководство находилось за границей, в Вене. Менялось часто. ЦК сменил несколько составов. Во главе партии были разные люди, такие, как Мартинович, Филип Филинович, Джуро Цвийич, Горкич и т. п. За границей возникла бешеная фракционная борьба за руководящее место в партии. На ход событий наши партийные кадры не могли оказать влияния, ни те, кто находился в тюрьмах, ни те, кто был на свободе. Коминтерн вмешивался несколько раз, меняя руководство, но не был в состоянии создать из тех, кто находился в эмиграции, здоровое ядро. В 1936 г., когда началась испанская война, Коминтерн образовал новый Центральный Комитет, он повлиял на формирование нового ЦК во главе с Горкичем и людьми, не запятнавшими себя до этого, кроме Горкича, фракционной борьбой»³.

В начале декабря 1936 г., по указанию М. Горкича, И. Тито выехал в Югославию с задачей подготовить мобилизацию добровольцев для Испании и наладить контакты ЦК КПЮ с руководством краевой парторганизации Словении⁴. Посетив Словению, Хорватию (Загреб) и Далмацию (Сплит), он в конце декабря 1936 г. прибыл в Прагу, где находился М. Горкич, чтобы проинформировать его о проделанной работе. Тогда, по его словам, М. Горкич впервые сказал ему, что для отправки югославских добровольцев в Испанию нанято судно и что ответственным за это он назначил члена ЦК КПЮ А. Мука «как хорошего знатока морского дела»⁵. В связи с тем что И. Тито не согласился с данными М. Горкичем «директивами о широкой популяризации вербовки добровольцев», выразив опасение, что сведения о такой агитации могут стать до-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 74.

² Ibidem.

³ Ibid. T. 17. S. 128.

⁴ Ibid. T. 4. S. 74.

⁵ Ibid. S. 76.

стоянием полиции, между ними возник конфликт¹. «Я был просто взбешен и поссорился с М. Горкичем»², — рассказывал впоследствии И. Тито. Из-за несоблюдения должных мер конспирации арендованный А. Муком за 700 тыс. франков французский пароход «La Corse», который должен был взять на борт у югославского острова Брач в период с 28 февраля по 3 марта 1937 г. более 500 югославских добровольцев, был конфискован полицейскими властями³. В руки полиции вместе с нелегальными пассажирами попал и А. Мук, который, не выдержав пыток, вел себя в ходе следствия трусливо и выдал многих руководителей КПО, их явки, в связи с чем И. Тито в письме в Коминтерн на имя В. Пика назвал 28 августа 1937 г. А. Мука «крупнейшим предателем нашей партии»⁴.

Пробыв три месяца в Югославии, И. Тито в конце марта 1937 г. прибыл в Париж, где отчитался перед Политбюро ЦК КПО о своей подпольной работе. Его информация об оживлении деятельности парторганизаций в стране была признана «интересной и вселяющей оптимизм» и направлена ИККИ⁵.

На заседании ЦК КПО 3 апреля 1937 г., в котором приняли участие Бург (М. Горкич), Тито (Вальтер), Шварц (С. Жуйович) и Руди (Р. Чолакович), была создана специальная комиссия в составе М. Горкича и И. Тито для расследования обстоятельств неудачи с отправкой югославских добровольцев в Испанию. 16 апреля 1937 г. ЦК КПО одобрил составленный ими отчет, который был сразу же отправлен в Москву и передан 27 июля 1937 г. Генеральному секретарю ИККИ Г. Димитрову⁶. В июле последовал вызов М. Горкича из Парижа в Москву⁷, а в августе 1937 г. перестала поступать финансовая помощь Коминтерна ЦК КПО. И. Тито считал, что неудача с экспедицией югославских добровольцев повлияла на то, что М. Горкич был отстранен от выполнения обязанностей Генерального секретаря ЦК КПО⁸.

После месячного пребывания в Париже И. Тито вновь вернулся в страну, где находился до середины августа, пробыв в подполье в течение 1937 г. в общей сложности

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 76.

² Cencić V. Enigma Kopinić. T. 1. S. 77.

³ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 3. S. 225.

⁴ Ibid. S. 91.

⁵ Ibid. S. 226—227.

⁶ Ibid. S. 39, 87—89, 178, 235.

⁷ Ibid. T. 3. S. 244; T. 4. S. 80.

⁸ Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ... S. 49.

7 месяцев¹. Проживая большей частью в Загребе, он много ездил по стране. В результате знакомства на месте с партийной работой И. Тито пришел к выводу о необходимости решительного кадрового усиления парторганизаций, ослабленных массовыми арестами. Многие из них оказались практически обезглавленными. В связи с тем что все члены Сербского краевого комитета КПЮ находились в начале 1937 г. в тюремных застенках, И. Тито попросил «кого-нибудь из белградских товарищей» приехать в Загреб. По этому вызову для встречи с «членом ЦК КПЮ» в Загреб отправился только что вышедший из тюремного заключения молодой коммунист Милован Джилас, пользовавшийся партийной кличкой «Джидо». Вспоминая о своей первой встрече с И. Тито, М. Джилас впоследствии писал: «Это был человек среднего роста, худощавый, довольно крепкого телосложения. Выражение лица производило впечатление решительности, держался он спокойно и доброжелательно, взгляд его голубых глаз был мягким»². М. Джиласу сразу же показалось, что он где-то видел этого человека. Но он никак не мог припомнить этого. И лишь спустя некоторое время его вдруг осенило, что его недавний загребский собеседник очень похож на «рабочего Броза», собственноручный портрет которого показывал ему М. Пьяде в тюрьме. При следующей встрече с И. Тито М. Джилас, не удержавшись, рассказал ему об этом. И. Тито, рассмеявшись, лишь махнул рукой в ответ.

По возвращении в Белград М. Джилас встретился с Александром Ранковичем, который недавно вышел на свободу после шестилетнего пребывания в тюрьме. Выполняя просьбу И. Тито, они вместе подобрали из числа студентов Белградского университета «толкового и одаренного юношу»³ для работы среди молодежи. Им оказался Иво Лола Рибар, которому И. Тито поручил возглавить созданную по его инициативе Центральную молодежную комиссию при ЦК КПЮ.

Очередным шагом И. Тито в деле укрепления кадрового состава КПЮ стал вызов из СССР Э. Карделя, проживавшего в Москве под фамилией Бирк Франц Эдвардович. Будучи назначенным инструктором ЦК КПЮ по Словении, он в этом качестве присутствовал в марте 1937 г. на учредительном съезде КП Словении, подготовительную

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 76.

² Dedijer V. Josip Broz Tito... S. 233—234.

³ Ibidem.

работу по созыву которого провел И. Тито¹. Четыре месяца спустя ему удалось созвать аналогичный съезд КП Хорватии, проходивший 1—2 августа 1937 г. в Загребе².

Эти меры вместе с возрождением ряда первичных партийных организаций на местах способствовали заметному организационному и идейно-политическому укреплению КПЮ.

В первых числах августа 1937 г. И. Тито стало известно из письма, присланного ему членами Политбюро ЦК КПЮ Р. Чолаковичем и С. Жуйовичем из Парижа, что Генеральный секретарь ЦК КПЮ М. Горкич был срочно вызван ИККИ в июле в Москву, где был арестован. В нем они сообщали также, что в этой связи в руководстве КПЮ возникла известная неопределенность, и предлагали И. Тито как можно быстрее приехать в Париж³.

Считая, что в руководстве КПЮ создалась «новая ситуация»⁴, И. Тито срочно выехал в Париж. Там он узнал, что перед отъездом в Москву М. Горкич поручил руководить работой ЦК КПЮ до своего возвращения не С. Жуйовичу, являвшемуся оргсекретарем, а Р. Чолаковичу⁵, к которому, по его словам, питал наибольшее доверие. Однако, как отмечал И. Тито в отчете, представленном им ИККИ 2 сентября 1938 г., вскоре выяснилось, что Р. Чолакович не пользуется доверием у других членов ЦК КПЮ. В этой обстановке И. Тито было предложено выполнять обязанности оргсекретаря ЦК КПЮ. Вначале он

---

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 77.

² Ibid. T. 3. S. 236.

³ Ibid. S. XIII.

⁴ Ibid. S. 111, 240.

⁵ Чолакович, Родолюб — партийные псевдонимы Розенко, Руди, Р. Босанац (1900—1983), революционер, государственный деятель, публицист. Член КПЮ с 1919 г. За покушение в 1921 г. на министра внутренних дел М. Драшковица был осужден на 12 лет каторги. Вместе с М. Пьяде перевел в тюрьме на сербскохорватский язык «Капитал» и «Нищету философии» К. Маркса, а также «Государство и революция» В. И. Ленина. В 1933 г. эмигрировал сначала в Вену, а затем в Москву, где окончил аспирантуру в Ленинской школе. С конца 1936 г. входил в руководство КПЮ, был членом Политбюро ЦК КПЮ до 1938 г. Затем редактировал газеты КПЮ «Пролетер» и «Класна борба». Во время войны — член Главного штаба Сербии и политический комиссар Главного штаба Боснии и Герцеговины. После войны — секретарь ЦК КП Боснии и Герцеговины, заместитель председателя правительства Югославии, член ЦК СКЮ. В Москве был известен под фамилией Розенко Михаил Иванович.

сомневался, падо ли ему брать на себя такую ответственную функцию, но, когда, по словам И. Тито, сам Р. Чолакович настоял на этом, он согласился стать оргсекретарем ЦК КПЮ¹.

Арест М. Горкича по обвинению в том, что он является «английским шпионом», объективно в атмосфере сталинских репрессий не мог не бросить тень на все руководство КПЮ. В условиях возникшего т. н. «кризиса доверия руководства Коминтерна к КПЮ»² в ЦК партии с новой силой вспыхнула фракционная борьба, появилась групповщина. В обстановке взаимных обвинений в «горкичевщине» некоторые видные партийные деятели стали выступать против линии КПЮ: не брезгуя интригами и клеветой, в т. ч. дезинформацией ИККИ, они попытались захватить руководство партией в свои руки³. И. Тито в качестве оргсекретаря ЦК КПЮ «настаивал на соблюдении дисциплины в ожидании решения Коминтерном вопроса о КПЮ»⁴. По его словам, особую активность проявили в тот период такие руководящие деятели КПЮ, как И. Марич (Железар) и Л. Кусовац (Роберт, Обаров)⁵. Считая членов прежнего руководства КПЮ, прежде всего Р. Чолаковича и С. Жуйовича, сторонниками М. Горкича, они обвиняли также И. Тито в сотрудничестве с «горкичевцами» и покровительстве им, требуя «устранения всех, кто вместе с М. Горкичем входил в состав руководства». «Я ответил им,— писал И. Тито в отчете для ИККИ,— что не имею на это права, поскольку их назначил Коминтерн, и поэтому

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 3. S. 250; T. 4. S. 37.

² Ibid. T. 3. S. XIV.

³ Ibid. S. 111, 240.

⁴ Ibid. T. 4. S. 41, 78.

⁵ Марич, Иван — партийный псевдоним Железар (1894—1968), член КПЮ с 1919 г. Был членом Далматинского краевого комитета КПЮ. В 1935 г. эмигрировал в СССР. В апреле 1936 г. был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПЮ. В середине 1936 г. был арестован и отсидел год в тюрьме в Вене. В 1939 г. исключен из КПЮ за фракционность. Вернулся из Парижа в Югославию в 1940 г. Во время войны находился в течение двух лет в концентрационных лагерях Италии. После 1945 г. проживал в Сплите.

Кусовац, Лабуд — партийные псевдонимы Обаров, Роберт (1899—1967), адвокат и журналист. Член КПЮ с 1919 г. Был членом Сербского краевого комитета КПЮ. В 1932 г. эмигрировал сначала в Австрию, а затем в СССР, где до 1937 г. работал в Профинтерне, был известен под фамилией Обаров Обрад Николаевич. С 1937 г. находился в Париже, работал в Комитете по оказанию помощи республиканской Испании. За фракционность исключен в 1939 г. из КПЮ, восстановлен в партии в 1945 г., но в 1948 г. вновь был исключен из нее.

все мы должны ждать решения ИККИ в связи с нашим вопросом»¹.

Непросто складывались отношения И. Тито и Р. Чолаковича, который, по его мнению, был «человеком М. Горького», ввиду чего он испытывал к нему определенное недоверие. В Париже И. Тито сразу заявил, что Р. Чолакович «все же должен отвечать за близкие отношения с Горьким»². Тогда же, в августе 1937 г., он дал следующую характеристику М. Горькому: «С Горьким работать было очень трудно. Он не прислушивался к чужому мнению, тем более не выносил критики и вообще был очень нетерпимым человеком. Он нанес большой ущерб при отправке наших добровольцев в Испанию»³.

Чтобы пресечь раздоры в руководстве ЦК КПЮ, И. Тито отправил Р. Чолаковича в Испанию, однако тот без его разрешения вновь через полтора месяца появился в Париже, вследствие чего отношения между ними еще больше ухудшились и И. Тито его полностью изолировал⁴. С. Жуйович, проявлявший, по словам И. Тито, «все время дисциплинированность», был направлен в Вену, где находился пункт по приему и пересылке югославских добровольцев в Испанию⁵. И. Марич (Железар) вообще перестал выполнять указания И. Тито, провозгласив себя, по его словам, секретарем ЦК КПЮ⁶. Вместе с Л. Кусовацем они утверждали, что «Коминтерн ликвидирует руководство во главе с И. Тито», что «КПЮ будет распущена»⁷.

В конце октября — начале ноября 1937 г. стало известно о том, что М. Горькому предъявлено обвинение в шпионаже. Это еще больше усилило сдержанное отношение в Коминтерне к руководству КПЮ, которое подогревалось доходившей до Москвы информацией о фракционной борьбе. Осенью 1937 г. эта борьба, угрожавшая единству партии, приобрела особенно широкий размах. В середине октября 1937 г. И. Тито получил приглашение приехать в Москву, правда, вскоре оно было отозвано, как преждевременное⁸. В это время Л. Кусовац и И. Марич, установив

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 4. С. 41, 79.

² *Ibid.* С. 78.

³ *Cencić V. Enigma Kopinic*. Т. 1. С. 76.

⁴ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 4. С. 78—79.

⁵ *Ibid.* Т. 3. С. 113. (Всего на стороне республиканской Испании сражалось более 1750 югославских добровольцев.)

⁶ *Ibid.* Т. 4. С. 41.

⁷ *Ibid.* Т. 3. С. 124; Т. 4. С. 3—5, 41, 241, 271.

⁸ *Ibid.* Т. 3. С. 111, 124.

связь с бывшим секретарем Сербского краевого комитета КПЮ, в прошлом членом Политбюро ЦК КПЮ П. Милетичем (Шепо), отбывавшим тюремное заключение в тюрьме г. Сремска Митровица с июня 1932 г., выступили единым фронтом против ЦК КПЮ¹. Будучи руководителем крупнейшей тюремной парторганизации в Югославии, объединявшей в своих рядах до 180 заключенных коммунистов, П. Милетич, несмотря на противодействие находившихся вместе с ним в этой тюрьме М. Пьяде, А. Хебранга и их сторонников, обвинил их в капитулянтстве и троцкизме, смог склонить на свою сторону значительную часть политзаключенных. В обход ЦК КПЮ, без его ведома и согласия, П. Милетич развернул через своих сторонников деятельность за пределами тюремных стен по подготовке чрезвычайного съезда КПЮ, надеясь добиться своего избрания на пост Генерального секретаря ЦК КПЮ². По свидетельству Р. Чолаковича, «еще в поябре 1937 г. М. Джилас, узнав, что П. Милетич готовится к побегу из тюрьмы, предчувствуя опасность такого развития событий для партии, направил Иво Лолу Рибара в Париж предупредить И. Тито об этом»³. В этих условиях И. Тито решительно пресек такую деятельность П. Милетича: 9 декабря 1937 г. ЦК КПЮ принял по его инициативе постановление об упразднении тюремного партийного комитета во главе с П. Милетичем и о назначении до создания нового парткома М. Пьяде (Младена) доверенным лицом ЦК КПЮ, которому поручалось нормализовать обстановку в тюрьме. Такое решение объяснялось тем, что партком сремско-митровицкой тюрьмы «проявлял неискренность к ЦК, саботировал его решения, развернул ослабляющую единство КПЮ фракционную борьбу, применял в своей деятельности антипартийные методы, которые вели к изоляции партии от трудящихся масс»⁴. Однако И. Марич и Л. Кусовац

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 3. S. XVI, 124, 240, 244. Милетич, Петко — партийный псевдоним Шепо (1897—1939), по профессии столяр. Член КПЮ с 1919 г. В соответствии с решением ЦК КПЮ выехал в начале декабря 1926 г. в СССР, где до 1929 г. обучался в Коммунистическом университете нацменьшинств Запада. По решению ИККИ стал членом ЦК КПЮ, вернулся в Югославию, где возглавил Сербский красный комитет КПЮ. Входил в состав Политбюро ЦК КПЮ. Арестован в июне 1932 г. и осужден 12 мая 1933 г. на 7 лет каторги. Вернувшись из заключения, нелегально приехал в Советский Союз, где был арестован органами НКВД.

² *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 3. S. 131—132; Т. 4. S. 24—25, 245.
³ *Colaković R. Kazivanje o jednom pokoljenju*. Beograd, 1972, S. 409.

⁴ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 4. S. 9, 241.

выступили против смещения П. Милетича. При этом они сообщили ему, что якобы «ждут приглашения в Москву». И. Марич и Л. Кусовац попытались также склонить на свою сторону бывшего тогда членом Сербского краевого комитета КПЮ М. Джиласа, предлагая ему проявлять сдержанность в отношении к ЦК КПЮ, «выжидать, откуда подует ветер»¹. 24 февраля 1938 г. И. Марич передал И. Тито письмо для Коминтерна с осуждением ЦК КПЮ за отстранение П. Милетича от руководства партийным комитетом парторганизации тюрьмы г. Сремска Митровица².

Тем временем И. Тито продолжал прилагать энергичные усилия, направленные на локализацию конфликта в руководстве партии, который отрицательно сказывался на ее единстве и авторитете руководства КПЮ. О предпринимаемых им мерах по организационному и идейно-политическому укреплению КПЮ и его руководящего звена И. Тито регулярно информировал Коминтерн. С августа 1937 г. по март 1938 г. он направил из Парижа В. Пику, члену Секретариата ИККИ, ответственному за компартии Балканских стран, пять писем, два отчета и одну телеграмму. Информировав в них о положении в партии, в т. ч. в ЦК, о взаимоотношениях в среде коммунистической эмиграции в Париже и в парторганизации тюрьмы г. Сремска Митровица, И. Тито просил В. Пика помочь возможно быстрее решить т. н. вопрос КПЮ, подчеркивая, что состояние неизвестности является питательной почвой для нездоровых явлений, выпадов отдельных антипартийных элементов. Ссылаясь на поддержку со стороны ИККИ решения совещания руководящего партийного актива КПЮ, состоявшегося в Москве в августе 1936 г., И. Тито настаивал на необходимости перемещения членов Политбюро ЦК КПЮ в страну, создания там легального аппарата и ликвидации технического аппарата ЦК КПЮ в Париже. Напоминая В. Пику, что с июля 1937 г. от Коминтерна перестала поступать материальная помощь, он писал, что «это очень неприятно, ибо нам именно сейчас непременно нужна такая помощь»³. 11 января 1938 г. он сообщил В. Пику о разрастающихся личных конфликтах и раздорах в руководстве КПЮ: «Нам удавалось как-то уберечь фирму (партию.— Ю. Г.) от потрясений. Но если такое положение продлится дальше, это может иметь фатальные последствия для нее»⁴.

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 252.

² Ibidem.

³ Ibid. T. 3. S. 90—91.

⁴ Ibid. T. 4. S. 12.

Однако от Коминтерна с августа 1937 г. так и не поступило ответа фактически ни на один поставленный им вопрос, и тогда И. Тито под свою ответственность решился на рискованный шаг. В конце марта 1938 г. он вернулся из Парижа в страну и на заседании ЦК КПЮ, состоявшемся 22 марта 1938 г., добился принятия решения о ликвидации руководства КПЮ за границей. При этом И. Тито были предоставлены полномочия на создание временного руководства КПЮ в стране, которое выполняло бы роль ЦК до решения «вопроса о КПЮ» в Коминтерне¹.

Об этих решениях И. Тито информировал Г. М. Димитрова в письме от 23 марта 1938 г., обосновав их ссылками на установки августовского (1936 г.) совещания руководящего партийного актива КПЮ в Москве о целесообразности постоянного пребывания руководства КПЮ в Югославии. «Хотя,— писал И. Тито,— в течение восьми месяцев нахожусь без какой-либо моральной и материальной помощи, я всеми силами старался спасти фирму (партию.— Ю. Г.) в стране от всех потрясений. Я помогал политическими советами, послал последние средства, лишь бы дела фирмы не были поставлены под угрозу. Сейчас здесь я остался без каких-либо средств. Становится все труднее поддерживать связь со страной. В силу этих и других причин невозможно помочь своевременно советами. Исходя из этого, и особенно с учетом военной опасности, я решил ликвидировать здесь (в Париже.— Ю. Г.) центр, оставив одно представительство... Я лично выеду в страну, где попытаюсь создать из местных ответственных руководителей временный центр... Пригласив их к сотрудничеству, я сформирую временное руководство, задача которого в эти трудные дни возглавить на месте дела нашей фирмы, пока наш вопрос не будет решен у тебя... Товарищ Д[имитров], надеюсь, что и ты согласишься с этими мерами. Во всех своих усилиях по перемещению центра в страну я ориентировался на известное мне еще с осени 1936 г. твое мнение, что руководство должно переехать в страну. Ты об этом сказал при решении нашего вопроса. Важную роль тогда играл тот факт, что в заграничном центре возникли нездоровые явления, явления групповщины... Сейчас оправдались мои опасения, что эту трудную ситуацию могут использовать некоторые нетерпеливые и нездоровые элементы, вопреки всем моим призывам дисциплинированно ждать твоего решения. К сожалению, и здесь нашлось двое

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 80.

таких, а именно Железар (Иван Марич) и Обаров (Лабуд Кусовац), которые совершают непартийные выкидыши и проступки, за которые заслуживают быть наказанными самым строгим образом. В страну они слали свои распоряжения, создав тем самым путаницу, которая может иметь тяжелые последствия для фирмы. При этом я должен подчеркнуть, что в таком своем поведении они пользуются определенной поддержкой французских друзей (ЦК ФКП.— Ю. Г.), которые своей сдержанностью в отношении меня затрудняют принятие необходимых мер по изоляции этих лиц. Железар был ответственным за работу с эмигрантами, но ввиду такого своего поведения я его сместил. Обаров отвечает за работу с туристами (испанскими добровольцами.— Ю. Г.), но я должен буду отстранить его от этого, поскольку эту свою должность он использует для нанесения вреда фирме.

Товарищ Д[имитров], я несколько раз обращался за советами по важным политическим вопросам, но они остались без ответа... Еще раз подчеркиваю, что я полностью отдаю себе отчет в том, какое значение имеет это решение и та ответственность, которую я беру и перед тобой. Поэтому прошу тебя срочно ответить, одобряешь ли ты мои меры и решения. Прошу также принять срочные меры, ибо речь идет о спасении моей семьи (партии.— Ю. Г.)»¹.

Непосредственно после возвращения в Югославию И. Тито написал Г. Димитрову 1 апреля 1938 г. второе письмо, в котором более подробно поделился с ним соображениями о намерении создать временное руководство КПЮ в стране взамен «центра в Париже», которое будет состоять прежде всего из «превосходных» рабочих кадров в стране, воспитанных «на основе линии VII конгресса Коминтерна» и «не засоренных горкичевщиной». В этом письме он также дал характеристики прежним членам Политбюро ЦК КПЮ, доказывая необходимость формирования руководства из преданных и проверенных рабочих в стране, что создавать руководство из старого состава было бы, на его взгляд, неверным.

О самом М. Горкиче И. Тито отозвался как о малоизвестном в стране руководителе: «Его в стране никто не знает, кроме нескольких интеллигентов, которые ничего не значат. Его случай (арест.— Ю. Г.) не будет иметь каких-либо серьезных последствий для фирмы (партии.— Ю. Г.)». «Р. Чолакович (Розенко), по мнению И. Тито,

---

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 36—38.

слишком рано занял этот пост. Хотя он отсидел 12 лет в тюрьме, у него нет никакого опыта работы в массах, правда, в теоретическом отношении он весьма подготовленный». И далее: Р. Чолакович, правда, несознательно, «попал под влияние Горкича», поэтому его «нельзя принимать в расчет при составлении новой комбинации, но его было бы жалко уничтожить и следовало бы использовать на какой-нибудь другой работе в партии, если там у тебя нет чего-либо против него».

«Шварц (Сретен Жуйович) очень хороший массовик, скромный, готов выполнять любую работу, но и он слишком рано попал на это место. Хотя он не в такой степени, как Розенко, находился под влиянием Горкича, однако не оказывал должного противодействия. Впрочем, он меньше всех знал Горкича, и было бы несправедливо считать его человеком Горкича. Но он мог бы им стать из-за своей слепой веры в этого человека».

«Четвертый (член Политбюро ЦК КПЮ.— Ю. Г.),— писал Тито,— постоянно находится в стране и никогда не видел Горкича; это — словенец Франц Лескошек. Популярный и преданный борец за интересы рабочего класса».

«Пятый — это я. О себе,— подчеркивал И. Тито,— на этот раз ничего не буду говорить, пусть лучше скажут другие. Могу лишь заявить, что никогда не был ничьим человеком, а только человеком фирмы (партии.— Ю. Г.). Таким и останусь».

В заключение И. Тито охарактеризовал Л. Кусоваца и И. Марича: «Обаров (Лабуд Кусовац) — довольно трудолюбивый... но не самостоятельный... в сложившейся ситуации проявил себя в очень плохом свете, особенно что касается склонности к фракционности и групповщине. Об этом я тебе уже писал. В стране он пользуется довольно плохой репутацией и не может быть принят во внимание для использования на руководящей работе, хотя у него есть такие амбиции».

«Железар (Иван Марич) известен в Далмации, имеет слабую политическую и теоретическую подготовку. Большой провинциал, отличается многочисленными мелкобуржуазными пережитками, но, по моему мнению,— писал И. Тито,— по-своему предан фирме. Однако следует учитывать, что он является владельцем мастерской, в которой используется наемная рабочая сила... Впрочем, и он проявил себя в данной ситуации как абсолютно недисциплинированный человек»¹.

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 39—42.

Месяц спустя, в начале мая 1938 г., И. Тито создал временное руководство КПЮ в стране, в состав которого, по его предложению, вошли: представители Словении — Муха Маринко, Франц Лескошек, Эдвард Кардель; представители Хорватии — Йосип Краш, Андрия Жая, Драго Петровиц; представители Сербии — Александар Ранкович, Милован Джуплас и Иво Лола Рибар, как руководитель СКМЮ¹. Позднее в его работу включились Раде Кончар, Моше Пьяде, Иван Милутинович и др.²

Письмо, написанное И. Тито 23 марта 1938 г., было получено Г. М. Димитровым 8 апреля 1938 г. Ознакомившись с ним, он написал по диагонали в левом верхнем углу: «Показать тт. Пику и Коларову для принятия срочного заключения по поставленным вопросам»³.

Наконец, в начале июня 1938 г. И. Тито получил по своей просьбе вызов приехать в Москву. Однако, когда он прибыл в Париж, оказалось, что документы для поездки в СССР еще не готовы, и ему пришлось в течение двух месяцев ждать советскую визу, «находясь под психологическим давлением неопределенности, окажут ему или кому-то другому доверие, подвергаясь вероломным интригам «параллельного центра», сторонников П. Милетича и др.»⁴.

Стремясь ускорить получение въездных документов, И. Тито написал в середине июля 1938 г. очередное письмо Г. М. Димитрову, в котором поставил его в известность о том, что им в стране «создано временное руководство для текущей работы из нескольких членов ЦК Словении, ЦК Хорватии и нескольких руководителей из Сербии». Отметив, что «до сих пор удалось не только уберечь партию от более глубоких потрясений, но и добиться хороших результатов в работе», объясняя это «наличием здоровых кадров в стране, преданных партии и Коминтерну», он писал далее: «Однако было бы опасно, если бы такая ситуация продолжалась в дальнейшем. Среди эмиграции имеются очень плохие явления. Перед отъездом в страну я сместил Роберта (Л. Кусоваца) и Железара (И. Марича) с их постов за фракционную деятельность. Но после моего отъезда здешняя братская партия (ФКП.— Ю. Г.) пригласила Железара к себе и дала ему мандат на работу среди эмигрантов. Он злоупотребляет этим и говорит всюду, что пользуется доверием Коминтерна, что руководство не существ-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 259.

² Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ... S. 52.

³ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 58—59, 271.

⁴ Cencic V. Enigma Kopinic T. 1. S. 82.

вует, что он никого не признает». Касаясь положения дел в тюрьме г. Сремска Митровица, И. Тито сообщил, что «ситуация там еще не нормализовалась»: «Две трети заключенных во главе с М. Пьяде ведут себя дисциплинированно и подчиняются решениям. Одна треть... которую возглавляет Петко Милетич, занимается невероятными глупостями, делает выпады против партии. Моша Пьяде называет эту группу крупнейшими преступниками. Здесь в Париже она пользуется поддержкой Железара (И. Марича) и Обарова (Л. Кусоваца). Мне удалось локализовать борьбу в тюрьме, чтобы она не распространилась на партийные организации за пределами ее стен». В заключение И. Тито еще раз обратился к Г. Димитрову с просьбой: «Товарищ Д[имитров], прошу тебя посодействовать, чтобы наш вопрос был решен как можно скорее... Если нет доверия ко мне, то надо назначить кого-то другого и оказать ему моральную поддержку. Но ни в коем случае никого из этой гнилой эмигрантской среды. Я чувствую большую ответственность перед партией в стране и не могу больше здесь вот так сидеть. Я по-прежнему считаю, что необходимо опираться на кадры в стране, что руководство должно находиться в стране под контролем партии». И. Тито попросил Г. Димитрова сделать все, чтобы он получил разрешение на въезд в СССР¹.

Это письмо, посланное И. Тито с направлявшимся в Москву на учебу участником гражданской войны в Испании, югославским добровольцем Й. Копиничем, с которым он был знаком по партийной работе в 1935 г., было зарегистрировано в Коминтерне 21 июля 1938 г.²

Не получив ответа от Г. Димитрова, И. Тито вновь написал 8 августа 1938 г. ему письмо, в котором напоминал

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 55—59, 269, 271.

² Broz Tito J. Sabrana djela... T. 4. S. 59, 269. Копинич, Йосип — кооперативные псевдонимы Вальдес, Вокшин, Воздух, Глумчев, Н. Н., Апун Кадич, родился в 1911 г. Член КПЮ. По решению ЦК КПЮ выехал в 1934 г. в СССР, где закончил Коммунистический университет национальностей Запада и Ленинскую школу. В Москве знакомится с И. Тито. С сентября 1936 г. — участник гражданской войны в Испании. Из Испании вернулся в 1938 г. в СССР. В 1940 г. был направлен ИККИ в Югославию, в г. Загреб, в качестве руководителя радиотелеграфного пункта связи Коминтерна с КПЮ и рядом других компартий европейских стран. После войны — на дипломатической работе в Турции, был сотрудником Министерства внешней торговли и транспорта. С 1951 г. — директор судостроительного предприятия «Уляпик» в Пуле, возглавлял судостроительное предприятие «Ядранброд», руководил до 1972 г. крупнейшим заводом в Любляне «Литостроем».

о своей просьбе: «Относительно того, что я думаю и что думают несколько здешних товарищей о том, как надо решить наш вопрос, я информировал тебя уже несколько раз... Еще раз прошу тебя: в интересах нашей партии и Коминтерна ускорь решение этого вопроса. Я жду здесь уже два месяца, чтобы приехать к тебе»¹. После этого И. Тито была выдана виза на въезд в СССР.

**§ 3. И. ТИТО: «МОЙ ДОЛГ РЕВОЛЮЦИОНЕРА
ОБЯЗЫВАЛ МЕНЯ НЕ КРИТИКОВАТЬ,
НЕ ПОМОГАТЬ ВРАЖДЕБНОЙ
ПРОПАГАНДЕ ПРОТИВ СССР»**

Год и 9 месяцев И. Тито не был в Москве. И вот 25 августа 1938 г. он сошел в советской столице с трапа самолета, прилетевшего из Парижа по маршруту Копенгаген — Стокгольм — Рига — Москва. Вспоминая о тех днях, И. Тито писал впоследствии: «Положение тогда в Москве было очень тяжелое. Царила атмосфера чисток. Многие из наших людей были арестованы. В самом Коминтерне чувствовалось огромное недоверие к КПЮ, которое накапливалось годами. Ситуация с представителями нашей партии при Коминтерне была абсолютно неясной, можно сказать, что их больше не было»².

Поиск «врагов народа» внутри страны, расправа Сталина с ленинской гвардией революционеров коснулись, как известно, и получивших политическое убежище в СССР видных деятелей коммунистических партий, зарубежных коммунистов, работавших в Коминтерне, что серьезно подорвало международное коммунистическое движение. Коминтерн не только поддержал призыв Сталина на печально знаменитом февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. усилить бдительность по отношению к «троцкистским агентам», но и принял решение считать борьбу против них узловой задачей текущего момента, выявляя и искореняя резерв троцкизма за границей.

Репрессии не обошли стороной и югославских коммунистов. Как уже отмечалось, летом 1937 г. был арестован Генеральный секретарь ЦК КПЮ М. Горкич. Обвинение его в том, что он является «иностраннным шпионом», «троцкистом», объективно, в атмосфере сталинских чисток, не могло не бросить тень на все руководство партии. В пу-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 69.

² Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ... S. 55.

чине сталинских чисток исчезли вскоре Ф. Филипович и В. Чопич. Выдвинутые нелепые обвинения в шпионаже в адрес Симы Марковича, Джуро и Степана Цвийича, Камило Хорватина, Ивана Гржетича, Косты Новаковича, братьев Войислава, Радомира и Гргура Вуйовичей, Младена Чопича, Антона Маврака, Симы и Тозы Милюша, Андрии Мпхайловича, Николы Оровчанаца, Акифа Шеремета, Йована Малишича (Мартиновича), Гойко Самарджича, Йована Радуновича и других¹, привели и их к трагической гибели. Жертвами сталинского террора стали в общей сложности 800 видных югославских коммунистов. Над КПЮ нависла реальная угроза ее роспуска.

В обстановке вакханалии пропавших и беззакония, которую культивировал Сталин в СССР, И. Тито предстояло лично отчитаться перед Коминтерном о выполнении данных ему поручений после того, как он в октябре 1936 г. покинул Москву. Уже 2 сентября 1938 г. он написал отчет, заканчивавшийся информацией о создании им временного руководства. При этом он подчеркивал: «Несмотря на все трудности, возникшие в стране после всего того, что случилось в руководстве, в работе партии достигнуты и хорошие результаты. Я это не считаю своей заслугой, а дело все в том, что наши основные руководящие кадры проявляют большую самоинициативу... Правда, все еще имеются и большие недостатки, трудности. Наши партийные кадры еще не имеют большого опыта руководства партией... Мы располагаем хорошими и не столь уж малочисленными кадрами, закалившимися в борьбе в последние годы. Эти кадры абсолютно преданы Коминтерну. Эта преданность Коминтерну является гарантией того, что наша партия справится со всеми трудностями, одолеет всех врагов партии — различных троцкистов, фракционеров и др., которые стремятся использовать трудности нашей партии в своих карьеристских и иных целях. Надо сказать, что в последнее время у нас, в Югославии, подняли головы различные нездоровые и сомнительные элементы, которые ведут разнообразную подрывную работу с целью деморализации и уничтожения нашей партии»². В качестве иллюстрации И. Тито сослался на конфликтную ситуацию, создавшуюся в старом руководстве КПЮ в связи со сложными взаимоотношениями между ним и Р. Чолаковичем, и особенно с И. Маричем и Л. Кусовацем. Обвиняя последних в стрем-

¹ Историја СКЈ. С. 155; *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 4. С. 173, 302.

² *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 4. С. 82.

лении «дорваться до руководства партией», он писал: «Им нет дела до партии, они руководствуются личными амбициями». И. Тито сообщил также, что «Железар (И. Марич) распространил в стране слух о том, что он получил мандат Коминтерна на создание нового руководства, что он секретарь партии и т. д.». В заключение И. Тито подчеркивал необходимость «мобилизации всех наших честных партийных кадров с тем, чтобы наш вопрос в Коминтерне был решен как можно скорее»¹.

Насколько можно было установить, И. Тито за первые двадцать дней пребывания в Москве написал 7 отчетов и докладов общим объемом 70 страниц², главная цель которых состояла в том, чтобы проинформировать о политической обстановке в стране, рассказать о положении дел в партии, показать, что ржавчина групповщины и фракционности, поразившая руководство КПЮ, не затронула рядовых югославских коммунистов, и в конечном счете добиться скорейшего положительного решения т. н. «вопроса КПЮ» в Коминтерне.

Помимо письменных отчетов И. Тито имел ряд обстоятельных бесед с В. Пиком, секретарем ИККИ Д. З. Мануильским, другими руководителями Коминтерна. В результате было решено вынести «вопрос КПЮ» на рассмотрение Секретариата ИККИ, заседание которого состоялось 17 сентября. От КПЮ в его работе приняли участие кроме И. Тито В. Попич (Сенько) и С. Цвийич (Андрей). Был заслушан и обсужден доклад И. Тито, представлявший собой выжимку из тех отчетов, которые он представил ИККИ письменно³. Свое выступление на этом заседании он закончил следующими словами: «В связи с решением вопроса о руководстве нашей партии перед новым руководством стоит задача чистки партии от разных фракционеров и троцкистских элементов как за границей, так и в стране... Наша партия питает полное доверие к Коминтерну. Она охотно примет любое решение, которое вынесет Коминтерн... У нас имеются большие возможности для работы. В нашей стране огромное большинство народа, несмотря на всю клевету реакционеров и фашистов, питает глубокие чувства симпатий к СССР, имеются условия для создания блока демократических сил»⁴.

---

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 79, 82.

² Ibid. S. 74—157.

³ Ibid. S. 111—119.

⁴ Ibid. S. 119.

По итогам обсуждения Секретариат ИККИ создал комиссию в составе Д. З. Мануильского, О. Куусинена, М. А. Москвина и И. Тито, которой поручалось выработать проект резолюции¹. Он был написан И. Тито и вынесен на рассмотрение Политического секретариата ИККИ, заседание которого состоялось 5 января 1939 г.

26 декабря этот документ был доложен Г. Димитрову, который одобрил его в качестве «директивы для деятельности руководства КПЮ в предстоящий период». Он согласился также с тем, чтобы «обязать временное руководство в стране написать и отпечатать «Открытое письмо» к коммунистам Югославии, в котором на основе этой директивы объяснить конкретные задачи КПЮ и призвать всех коммунистов сплотить свои ряды и организованно работать над осуществлением линии партии». Г. Димитров собственноручно отредактировал предложение «утвердить нынешний состав ЦК в качестве временного руководства партии и обязать его выработать конкретный план консолидации руководства партии», заменив глагол «утвердить» на «считать» и добавив после слов «руководства партии» — «в стране»².

30 декабря 1938 г. Г. Димитров принял И. Тито. Этой беседы И. Тито настойчиво добивался в своих письмах от 17 октября и 2 ноября, адресованных Г. Димитрову, подчеркивая «историческое значение» такой встречи для КПЮ, а также важность ее и для него лично³. Выслушав соображения И. Тито по вопросу нормализации положения в руководстве КПЮ, Г. Димитров сказал И. Тито, что «дела в КПЮ неважные, гнилые», что «в верхушке КПЮ все фракционеры, и Вы — фракционер». Далее он дал ему развернутые установки следующего содержания: «Резолюция ИККИ — директива для работы, обсудить и издать в стране, в «Пролетере», в виде «Открытого письма членам КПЮ». Все, что мы теперь наметим, будет временным, пока выяснится положение партии в стране. Сейчас мы не можем утверждать руководство партии, нам надо больше данных для этого. Вам поручается связаться с людьми в стране, ознакомить их с резолюцией. С группой товарищей в стране надо проконсультироваться и создать временное руководство из 3-х или 5-и человек (это надо, чтобы товарищи в стране решили), и эти 3 или 5 человек будут отвечать перед ИККИ. Они проконсультируются с

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. Т. 4. S. 221.

² Ibid. S. 144.

³ Ibid. S. 124, 130.

Иосиф Броз (в среднем ряду) с группой рабочих в Камнике (1911 г.).

Иосиф Броз с супругой Пелагеей Белоусовой-Броз и сыном Жарко, родившимся в селе Велико Тройство в 1924 г.

Иосип Броз,
политический секретарь
Загребского горкома
КПЮ (1928 г.).

Иосип Броз и Моше Пьяде
в Леноглавской тюрьме
(1928 г.).

**Иосип Броз Тито
(1937 г.).**

**И. Тито обходит строй
1-й пролетарской бригады
в Босански-Петроваце
(7 ноября 1942 г.).**

На боевых
позициях.

И. Тито на реке Неретве
(апрель 1943 г.).

И. Тито с доктором
Иваном Рибаром
после ранения на р. Сутьеске
(июль 1943 г.).

А. Ранкович, И. Тито,
М. Джилас
(декабрь 1943 г.).

**И. Тито и глава советской
военной миссии
при Верховном штабе НОАЮ
генерал Н. В. Корнеев
(февраль 1944 г.).**

**И. Тито на смотре
британских «коммандос»
(июнь 1944 г.).**

И. Тито во время
визита в Италию
(август 1944 г.).

После возвращения
из Италии И. Тито,
Ж. Броз, Э. Кардель
(август 1944 г.).

Послание 2-на Молотова и 2-на Идена
Маршалу Тито

Но с большими удовлетворениями узнали о сближении между доктором Шудашичем и Вами в деле коммунистической партии к соглашению о второй встрече между Вами на Югославской территории.

Советское правительство и правительство его величества горюко одобрено цели встречи, которые, как мы известно, состоялись в том, чтобы решить Югославские вопросы и образования единое Югославское правительство, поскольку оба правительства соглашались, что скорее достижение этих целей - в пределах интересов Югославской нации.

Мы твердо надеваемся, что мой друг и вы оба и доктор Шудашича, которому мы также направил послание, что вы достигли соглашения в этом деле.

Молотов.

13. 10. 44, 1845

Послание В. М. Молотова и А. Идена маршалу Тито (октябрь 1944 г.).

И. Тито на Сремском фронте (февраль 1945 г.).

Подписание в Москве
договора о дружбе,
взаимной помощи и послевоенном
сотрудничестве между СССР
и Югославией
(апрель 1945 г.).

И. Тито обходит части
Югославской армии
в Целе
(май 1945 г.).

Маршал Югославии Иосип Броз Тито.

**Указ Президиума Верховного Совета СССР
О награждении Маршала Югославии Иосип Броз Тито
орденом «Победа»**

За выдающиеся успехи в проведении боевых операций большого масштаба, способствовавших достигнута победе Объединенных Народов над гитлеровской Германией, награждать

Орденом «ПОБЕДА»

Маршала Югославии Иосип Броз Тито.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **М. КАЛИНИН.**

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **А. ГОРКИН.**

Москва, Кремль. 9 сентября 1945 года.

Указ Президиума
Верховного Совета СССР
о награждении И. Броз Тито
орденом «Победа».

И. Броз Тито подписывает
Декларацию о провозглашении
Федеративной Народной
Республики Югославии
(ноябрь 1945 г.).

Генеральный секретарь ЦК КПЮ
Иосип Броз Тито
выступает с докладом
на V съезде КПЮ
(июль 1948 г.).

И. Броз Тито
приносит присягу
в Союзной Скупшине
в связи с избранием его
президентом Югославии
(январь 1953 г.).

**Встреча И. Броз Тито
с У. Черчиллем
в Великобритании
(март 1953 г.).**

**И. Броз Тито
пручает высший
югославский орден
«Свобода» Г. К. Жукову
(1956 г.).**

И. Броз Тито
и Н. С. Хрущев
(сентябрь 1963 г.).

**Встреча трех лидеров
Движения неприсоединения:
Г. А. Насер, И. Броз Тито,
Дж. Неру
(июль 1956 г.).**

**Президент Тито
на торжественном
заседании ЦК СКЮ,
посвященном
60-летию СКЮ/КПЮ
(апрель 1979 г.).**

И. Броз Тито в кругу семьи.

И. Броз Тито
и его жена Йованка Броз.

активом, затем созовут совещание, где будет определен состав ЦК. До этого надо проверить весь актив партии, выбрать лучших, проверить весь остальной состав ЦК, устранить гнилое и укрепить ЦК. Надо разъяснить линию партии — не заговорничество, а линия массовой работы. Говорить о национальном фронте в Югославии было бы неправильно, так как Югославия многонациональная страна. Лучше говорить о народно-демократическом блоке и по этой линии концентрировать весь актив сочувствующих. Одновременно надо провести работу, чтобы КПЮ была костяком всего движения. Это значит, что коммунисты должны быть активным элементом в рабочей партии, в профсоюзах, в народно-демократическом фронте. Нелегальную компартию надо укреплять для руководства этой массовой работой».

Высказавшись далее за то, чтобы «руководящую группу пока что оставить в составе: Джилас, Лека (А. Ранкович), Бирк (Э. Кардель), Полди (М. Марипко), Лескошек, Краш и Вальтер (И. Тито)», Г. Димитров подчеркнул, что «они ответственны за решение вопроса, тройка или пятерка будет готовить совещание и разъяснять линию партии». При этом он прямо заявил И. Тито, что его задача «временная», что он «едет в страну, передает решения, обсуждает, определяет с товарищами — тройка или пятерка, вместе с ними готовит совещание, проводит совещание и возвращается с докладом. Валич (настоящее имя Ловро Кухар, он же Прежихов Воранц.— Ю. Г.) пока что остается в Париже для связи». По словам Г. Димитрова, ИККИ никому, в т. ч. Железару, «никакого мандата не давал». При этом он сообщил, что И. Тито «не имеет полного доверия ИККИ», для завоевания такого доверия необходимо «показать на деле, что он добросовестно проводит указания ИККИ». «Вы не являетесь центральным руководителем КПЮ,— продолжал разъяснять позицию ИККИ по вопросу Генерального секретаря ЦК КПЮ Г. Димитров,— а связующим деятелем, который связывает нас с югославским пролетариатом и югославскими деятелями. Надо помочь установить руководство партии в стране. Сейчас надо спасти честь партии и поставить дело партии на более здоровую основу. Если Вы сейчас приедете в Париж и будете заявлять и разыгрывать роль — вот я уполномоченный ИККИ, чтобы одних направлять в США, а других в Югославию, то Ваше дело пропащее. Правильно, что надо расчистить. Но нет единственного и единоличного руководителя партии, КПЮ,

есть группа товарищей в стране, в которую Вы входите, и Ваша обязанность вместе с ними обсудить и вместе с ними решить. Вы не имеете права сам решать. Надо сказать в Париже, что никто не может надеяться на партийную работу, что каждому предстоит или вернуться в страну, или остаться в эмиграции. Если налицо совсем разложившиеся элементы, то руководство партии в стране решит и нам представит на утверждение... Вы не мандатар (так в оригинале.— Ю. Г.), руководство внутри страны решает... Средства для КПЮ будут предоставлены очень ограниченные, пока не наладится работа. Надо подготовить средства в самой стране... Теперь будет дано лишь немного средств... для установления связи. Когда наладится в стране дело печати, будем помогать. Надо в стране обеспечить для печати руководство и технику. Документ ИККИ надо хорошо перевести для югославских условий и тогда выпустить брошюрой под заголовком, например, «Что хочет КПЮ?»... Вам срок дается три месяца... ИККИ будет утверждать руководство КПЮ лишь после совещания в стране»¹.

Таким образом, И. Тито предоставлялся как бы испытательный срок в три месяца, после чего он должен был вновь приехать в Москву для отчета в Коминтерне о проделанной работе. Как рассказал И. Тито в 1972 г., тогда Г. Димитров был готов «помочь, чем только может», то есть назначить его Генеральным секретарем ЦК КПЮ, но, так как «другие (в Коминтерне.— Ю. Г.) не захотят этого», он обязал его «как можно скорее добиться консолидации партии в Югославии»². В 1977 г., возвращаясь к этому вопросу, И. Тито заявил, что Г. Димитров «питал ко мне доверие и считал, что я должен нести ответственность за Коммунистическую партию как Генеральный секретарь»³.

На состоявшейся 5 января 1939 г. «летучке» членов Политического секретариата ИККИ была окончательно утверждена разработанная в декабре 1938 г. «Резолюция ЦК КПЮ», которая вошла в историю КПЮ под названием «Декабрьская (январская) резолюция ЦК КПЮ»⁴.

Эта резолюция, носившая директивный характер, в сос-

¹ ЦПА ИМЛ (в тексте сохранена орфография оригинала).

² *Сулчиц П.* Политическая загадка Тито // *Вечерняя Москва*. 1990. 16 февраля.

³ *Broz Tito J.* Sabrana djela. T. 1. S. XI; *Broz Tito J.* Borba i razvoj KPJ... S. 58.

⁴ *Ibid.* T. 4. S. 229, 144—152.

тавленни проекта которой принял активное участие сам И. Тито, формулировала задачи югославских коммунистов по объединению всех народных сил против опасности фашистской агрессии, сплочению демократических сил в народный демократический блок, в связи с чем особое значение придавалось достижению профсоюзного единства. Отдельный раздел посвящался организационным задачам и массово-политической работе КПЮ, в котором, в частности, говорилось следующее: «КПЮ не использовала огромные возможности, имеющиеся в Югославии, для усиления легальной работы партии в целях выполнения задач, поставленных VII конгрессом Коминтерна. Это частично объясняется тем, что в руководство временно прикли враги рабочего класса, которые дезорганизовывали работу партии... КПЮ должна разоблачить и выбросить из своих рядов все чуждые элементы, всех двурушников; она должна разоблачить и изолировать от рабочего движения всех троцкистов, провокаторов и шпионов... Следует покончить с примиренческим поведением отдельных коммунистов в отношении троцкистов и всех антипартийных явлений». Обращалось внимание на необходимость улучшения марксистско-ленинского образования и воспитания кадров, популяризации успехов и политики Советского Союза, в резолюции подчеркивалась необходимость обеспечения регулярного выхода центрального органа партии газеты «Пролетер», издания в Югославии «Краткого курса истории ВКП(б)» и организации его изучения всеми членами партии и Союза коммунистической молодежи Югославии¹.

Данная резолюция должна была послужить основой для «Открытого письма членам КПЮ», которое поручалось составить и отпечатать временному руководству КПЮ, чтобы таким образом разъяснить югославским коммунистам конкретные задачи КПЮ, сплотить партийные ряды для успешной реализации линии партии².

Во время пребывания в Москве И. Тито смог доказать: революционное движение в Югославии во главе с КПЮ динамично развивается; фракционная борьба, характерная для верхних эшелонов партии и некоторых партийных центров (например, в тюрьмах, на каторге), захватила преданных и закаленных членов партии, которые в трудных условиях боролись за идеалы рабочего

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 145—152.

² Ibid. S. 144.

класса; КПЮ превращается в значительный политический фактор в стране и заслуживает доверия Коминтерна.

В переписке, которую вел И. Тито из Москвы с Э. Карделем, И. Лолой Рибаром, другими своими соратниками, он сообщал, что «паще дело решено удовлетворительно «Дедом» (Коминтерпом.— Ю. Г.)¹, подразумевая под этим то, что ему удалось не только снять вопрос о возможном роспуске КПЮ, но и отвести наветы в свой адрес, которые скопились в Коминтерне благодаря стараниям его оппонентов. Как считает югославский исследователь В. Ценчич, компрометирующий материал, поступавший в Коминтерн после ареста М. Горкича в результате деятельности И. Марича, Л. Кусоваца, П. Милетича и других, приобрел в конечном счете форму «крупной интриги, которая могла стоить ему головы»². Оппозиционная группа обвиняла его в том, что он отказался очистить руководство КПЮ и его аппарат от сторонников М. Горкича и сомнительных элементов, связанных с полицией. Осенью 1938 г., как свидетельствует Й. Копичич, И. Тито был «буквально на волосок от ареста» в связи с тем, что его противники пытались инкриминировать ему вину за провал операции с отправкой югославских добровольцев в Испанию в феврале — марте 1937 г.³ Они утверждали также, что руководимый И. Тито ЦК КПЮ якобы сотрудничает с полицией, поскольку иначе, мол, невозможно было бы обеспечить рост тиража партийной литературы, издающейся КПЮ в условиях прекращения финансирования этих расходов со стороны Коминтерна. Далее, ими ставилось в вину И. Тито то, что он назначил Генеральным секретарем ЦК СКМЮ сына Председателя первой Скупщины Югославского королевства И. Рибара — Иво Лолу Рибара, который, по их утверждениям, в силу своего социального происхождения не может быть настоящим коммунистом. И. Тито осуждался ими за использование в качестве уполномоченного ЦК КПЮ по работе среди югославских студентов и молодежи в Париже Б. Кидрича — сына капиталиста, которого они считали «полицейским агентом и провокатором». Наконец, они обвиняли Герту Хас⁴, работавшую курьером ЦК КПЮ, которая стала

¹ Broz Tito J. Borba i razvoj KPI... S. 59.

² Cenčić V. Enigma Koptić. T. 1. S. 84.

³ Ibid. S. 92—93.

⁴ Герта Хас Мицика — словенка австрийского происхождения (австрийка по отцу и словенка по матери), родилась в 1914 г. К революционному движению приобщилась, будучи студенткой

вскоре женой И. Тито, в передаче полиции копий документов ЦК КПО¹.

Эта возня преследовала только одну цель — вывести И. Тито из числа претендентов на вакантный пост Генерального секретаря ЦК КПО. Не случайно он назвал свое пребывание в Москве «самыми трудными днями в своей жизни», после которых у него в волосах появилась седая прядь².

Много позже, в 1959 г., И. Тито рассказал, что во время пребывания в Москве ему в ИККИ предложили написать характеристики на ряд югославских коммунистов, работавших в Коминтерне, из которых, по его словам, «мало кто оставался на свободе». К этому деликатному поручению он, по его утверждению, отнесся с большой осторожностью, предпочитая ссылаться на слабое знакомство с тем или иным коммунистом, особенно после того как у него были неприятности в связи с написанием позитивной характеристики на члена Политбюро ЦК КПО в 1934—1936 гг., члена представительства КПО в Коминтерне Камилло Хорватина³. Напомнив, что «тогда обвинялась вся наша партия», И. Тито говорил в 1977 г.: «Причины всех этих чисток не были известны как сегодня. О многих товарищах я лично ходатайствовал в Коминтерне и его аппарате. Я говорил, что этот и этот товарищ являются хорошими коммунистами, а они мне резко отвеча-

экономического факультета Загребского университета. В члены КПО вступила в 1936 г. Активно работала в загребском пункте по переправке югославских добровольцев в Испанию. С 6 апреля 1938 г. являлась курьером Политбюро ЦК КПО, была секретарем И. Тито. 24 мая 1941 г. в Загребе родила сына — Александара-Мишо Броза.

Оставшись после отъезда И. Тито 22 мая 1941 г. из Загреба в Белград одна с грудным сыном в оккупированном Загребе, Герта Хас в течение года скрывалась под псевдонимом Мария Марич на квартирах надежных людей. Но вскоре устали попали на ее след. 3 марта 1943 г. она была арестована и заключена в тюрьму. Герту Хас удалось обменять в апреле 1943 г. на захваченных в плен фашистов: она была спасена за день до расстрела. Поскольку И. Тито состоял к тому времени в гражданском браке с Даворианкой Паупович, Герта Хас покинула в начале августа 1943 г. батальон сопровождения Верховного штаба НОА и ПОЮ, к которому она была первоначально прикреплена, и уехала в родную Словению, где паходилась в партизанском отряде до конца войны. После ее окончания постоянно проживает в Белграде, является сотрудницей Института международной политики и экономики. Ее перу принадлежит ряд трудов по экономике.

¹ *Cencic V. Enigma Kopinic. T. 1. S. 84—89.*

² *Ibid. S. 96.*

³ *Ibid. S. 96—97.*

ли, что он троцкист, шпион, империалист и тому подобное. Почти каждый югослав подвергался в троцкизме. В такой атмосфере один за другим исчезали югославские коммунисты, покинувшие родину из-за полицейского террора, многие были осуждены без суда на 20 и более лет, в том числе те, кто приехал на учебу, чтобы еще больше помочь своей партии, своему классу, вернувшиеся из Испании добровольцы, кто выжил в боях за республику, а также кто остался в Советской России после мировой войны, чтобы строить первое в мире социалистическое государство»¹.

Делясь своими впечатлениями от пребывания в Советском Союзе в 30-е годы, И. Тито подчеркивал, что внутренне у него вызывали сильный протест факты злоупотребления властью Сталиным и чинившийся им произвол, но он считал — все это является лишь преходящим внутренним делом, «постепенно все образуется», оправдывая это тем, что «невозможно всего добиться быстро». «Мой долг революционера, — пояснял он, — обязывал меня не критиковать, не помогать враждебной пропаганде против СССР, являвшегося единственной страной, в которой произошла революция и где надо было строить социализм. Я считал, что следует заниматься не пропагандой против этой страны, а пропагандой за социализм в своей стране... И мной, и многими из нас руководила тогда одна мысль: не сделать ничего, что могло бы навредить дальнейшему развитию международного коммунистического движения»². «Никогда не было так трудно, как в то время... Я не был уверен, — подчеркивал он позднее, — что и меня не схватят. За то, что меня не арестовали, я должен быть благодарен Димитрову...»³

В середине января 1939 г. И. Тито обратился к Г. Димитрову с письмом на русском языке следующего содержания: «Прошло 15 дней с тех пор, как Вы меня, тов. Димитров, приняли и дали указания для работы в стране, по я все еще ожидаю моего отъезда. Вчера пришло письмо из страны и от Валича из Парижа очень тревожного содержания... Разные нездоровые и вражеские элементы подняли головы и стараются разложить партию... Товарищи в стране просят спешно помощи КИ. Они говорят, что только создание авторитетного руководства может спасти си-

¹ *Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ...* S. 44—45.

² *Dediđer V. Josip Broz Tito...* S. 224.

³ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 1. S. XI; Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ...* S. 58.

туацию... Дорогой товарищ Димитров, я прошу Вас, сделайте все, чтобы ускорить мой отъезд в страну. Я правду говорю, что этот раз мне очень тяжело припять такую тяжелую ответственность по время, когда наша партия находится в таком тяжелом положении и когда, по Вашим же словам, ко мне есть резервы, по я не боюсь никаких трудностей и сделаю все, чтобы спасти нашу партию и оправдать то доверие, которое Вы мне дали»¹.

В двадцатых числах января 1939 г. И. Тито вылетел из Москвы через Стокгольм в Копенгаген, а оттуда в Париж. Перед отъездом И. Тито попросил Й. Копинича взять на себя заботу о его сыне Жарко, который рос и воспитывался в детском доме². Г. Димитров не только помог ускорить отъезд И. Тито, но и распорядился, чтобы представитель ФКП при ИККИ передал в Париж своему руководству, которое из-за позиции И. Марича довольно сдержанно относилось к И. Тито, просьбу оказывать ему содействие в реализации полученных в Коминтерне рекомендаций, касающихся деятельности КПЮ³.

Поскольку И. Тито должен был по делам задержаться в Париже до марта, он переслал в страну для распространения среди югославских коммунистов доставленный им из Москвы текст резолюции, одобренной Политическим секретариатом ИККИ, который теперь предстояло утвердить ЦК КПЮ. Вернувшись в Югославию, на состоявшемся 15—18 марта 1939 г. на озере Бохинь заседании «временного руководства по текущим делам КПЮ» И. Тито представил исчерпывающий отчет об итогах своего пребывания в Москве. Перед КПЮ были поставлены следующие основные задачи: очистить партию от остатков фракционеров и антипартийных элементов; укрепить КПЮ в организационном отношении; повысить идейно-политический уровень членов партии; объединить прогрессивные силы в Народном фронте для борьбы против антинародных режимов и против фашистской опасности.

Временное руководство КПЮ утвердило как указанную резолюцию, ставшую теперь Резолюцией ЦК КПЮ, так и написанный И. Тито в соответствии с договоренностью с Коминтерном сразу после возвращения в страну текст «Открытого письма членам КПЮ», призывавшего к последовательной и решительной борьбе за сплочение рядов партии. В нем, в частности, говорилось: КПЮ благода-

¹ ЦПА ИМЛ (в тексте сохранена орфография оригинала).

² *Cencic V. Enigma Kopinic. T. 1. S. 91.*

³ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 229, 308.*

ря «многочисленным здоровым кадром, преданным Коминтерпу», который и на этот раз оказал помощь в борьбе против фракционеров, «вышла из испытаний окрепшей именно потому, что она очистила свои ряды и будет очищать их и впредь от всех нездоровых, сомнительных и антипартийных элементов... Спустя двадцать лет после своего создания паша партия выбросила из своих рядов всех, кто мешал ее развитию. Это исторический поворотный момент для нашей партии... Учась на опыте героической борьбы русской большевистской партии, который прекрасно изложен в «Кратком курсе истории ВКП(б)», мы, несмотря на все трудности, удесятерим наши усилия и свою работу, чтобы оправдать честное имя авангарда пролетариата»¹.

Временное руководство КПЮ исключило из рядов партии за фракционность и групповщину, связь с классовым врагом, обман Коминтерна, за подрывную антипартийную деятельность, за связь с троцкистскими и другими сомнительными элементами М. Горкича, И. Марича, Ј. Кусоваца, П. Милетича, С. Марковича, В. Чопича и других видных в прошлом руководящих деятелей КПЮ, всего 30 человек, большинство из которых были к тому времени арестованы органами НКВД, осуждены и находились в лагерях либо же были ликвидированы в Советском Союзе². Вспоминая эпизод с исключением П. Милетича, М. Джилас утверждал в 1982 г., что он считал его виновным во фракционной борьбе за лидерство в партии, по вместе с тем «не соглашался с формулировкой И. Тито, будто П. Милетич являлся троцкистом, ибо был уверен, что это не соответствовало истине»³.

И. Тито признавал впоследствии, что в мартовской (1939 г.) резолюции ЦК КПЮ наряду с действительно антипартийными, фракционными элементами фигурировали и невинно пострадавшие в Москве от сталинского террора честные югославские коммунисты. Это произошло из-за соглашательской политики ЦК КПЮ с той «интерпретацией обвинений наших товарищей в СССР, которые давались официальными советскими органами»⁴. «Конечно же, — писал И. Тито, — это были невинно осужденные революционеры... Их необходимо реабилитировать до конца,

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 171—172.

² Ibid. S. 194, 289, 295—296.

³ Kalezić V. Djilas miljenik i odpadnik komunizma. Kontroverzje pisca i ideologa (drugo popunjeno izdanje). Beograd, 1988. S. 78—79.

⁴ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 173, 479.

несмотря на то что среди них были и махровые фракционеры, создавшие и ряд других трудностей для нашей партии. Поэтому одно дело осуждение за фракционность, и здесь нам нечего менять в наших тогдашних оценках. Однако совсем другое — чудовищное и предельно негуманное — осудить на смерть и расстрелять революционеров, своих вчерашних товарищей, как это делал Сталин. Большой ошибкой было исключение из партии всех тех революционеров, которые арестовывались и предавались суду НКВД. Нет ничего более страшного для революционера, чем невинно пострадать от руки своих товарищей»¹.

В соответствии с рекомендацией Коминтерна и лично Г. Димитрова с мая 1938 г. начал выходить центральный партийный орган газета «Пролетер». В первом ее номере было помещено несколько статей И. Тито, подписанных псевдонимами «Т.» и «Т. Т.», в т. ч. «Двадцатилетие КПЮ», «Троцкизм и его пособники», «Забота о кадрах», «История ВКП(б)». Так, в первой из них он подчеркивал: «Благодаря кадрам, безгранично преданным партии и закаленным в повседневной суровой борьбе, партия смогла преодолеть все трудности. Сегодня, через 20 лет после создания, партия с помощью Коминтерна отбросила балласт, мешавший ее развитию, и имеет сейчас все условия для того, чтобы окрепнуть и стать массовой, несмотря на то что находится в подполье»². И. Тито отдает должное «великому вождю и учителю международного пролетариата товарищу Сталину», с помощью которого, по его словам, «был положен конец антиленинской позиции по национальному вопросу, которую хотели навязать нашей партии правые оппортунисты во главе с Симой Марковичем»³. В связи с выходом в СССР «Краткого курса истории ВКП(б)» И. Тито, подчеркнув, что он написан при непосредственном участии товарища Сталина, назвал его «самым ценным вкладом, обогатившим марксистско-ленинскую литературу в последние годы». И. Тито высказался за то, чтобы «Краткий курс истории ВКП(б)» изучил каждый член КПЮ⁴. В статье «Троцкизм и его пособники» И. Тито призывал «проявлять ленинско-сталинскую настойчивость и последовательность... в борьбе против различных троцкистских и полутроцкистских элементов», «большевистскую бдительность» в деле «разо-

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 4. S. 173.

² *Ibid.* S. 178.

³ *Ibidem.*

⁴ *Ibid.* S. 187, 189.

блачения перед рабочими троцкистских агентов и провокаторов». «Очищая ряды нашей партии от всех троцкистских и полутроцкистских элементов, мы,—предупреждал И. Тито,—должны в то же время вести борьбу за изгнание троцкистов и их пособников из всех других рабочих и демократических народных организаций...»¹

9—10 июня 1939 г. в Словении в районе горы Шмарна состоялось общегославское совещание руководящего актива КПЮ, которому предшествовало проведение трех пленумов ЦК КПЮ. В нем приняло участие около 30 видных деятелей КПЮ, представлявших все национальные и краевые парторганизации за исключением Македонии и Далмации². Принятая резолюция ориентировала членов партии на активную борьбу за ее единство, против фракционности и групповщины, за расширение партийных рядов, прежде всего за счет привлечения как можно большего числа рабочих, крестьян, представителей передовой интеллигенции³.

В мае 1939 г. И. Тито вновь получил вызов из Москвы, но попросил отсрочить свой приезд. 20 июня 1939 г. Г. Димитров получил от И. Тито письмо, в котором тот докладывал: «Сейчас уже могу сообщить Вам, что я выполнил почти все поручения, данные Вами. Однако для этого мне понадобилось не три, а 4,5 месяца... Члены партии с воодушевлением восприняли январскую резолюцию ЦК и Открытое письмо ЦК»⁴.

И. Тито удалось отправиться в Москву лишь в начале августа 1939 г. Через Париж он приехал в Гавр, откуда прибыл грузопассажирским пароходом «Сибирь» в Ленинград, поезд «Красная стрела» доставил его 2 сентября в Москву. В гостинице «Люкс», где поселился И. Тито, ему отвели комнату № 128⁵.

После первых встреч с членом Секретариата ИККИ В. Пиком И. Тито приступил к написанию отчета о политической обстановке в стране, о положении в КПЮ, о ее задачах в новых условиях в свете начавшейся второй мировой войны, а также подписанного Советским Союзом в августе 1939 г. пакта о ненападении с фашистской Германией, повлекшего за собой серьезные негативные последствия для международного коммунистического и демо-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 4. S. 183.

² Ibid. S. 303.

³ Ibid. S. 209—211.

⁴ Ibid. S. 198—199.

⁵ Ibid. S. 334—335.

кратического движения, дезориентировавшего Коминтерн и широкие пародные массы, в глазах которых наша страна выступала оплотом борьбы против фашизма.

Как позднее вспоминал И. Тито, положение было деликатным, щекотливым, поскольку, с одной стороны, речь шла о развязывании новой войны, а с другой — о паличии договора между социалистическим и фашистским государствами. По словам И. Тито, это у многих вызывало замешательство. Во время его пребывания в Москве, когда на встрече представителей Коминтерна и нескольких его секций (состоявшейся в середине 1939 г.) секретарь Президиума ИККИ Д. З. Мануильский предложил написать проекты воззваний каждому для своей страны, в которых определялись бы главные направления деятельности компартий, то «большинство из них, опасаясь ошибиться, что в тех условиях в СССР грозило Лубянкой, явились на следующий день с пустыми руками»¹. И. Тито же, по его словам, за ночь написал текст воззвания, исходивший из того, что советско-германский пакт о ненападении, которым СССР хотел как можно дольше отодвинуть грозившую ему опасность, не должен существенным образом влиять на политику коммунистических партий, ибо фашизм продолжал представлять главную опасность для прогрессивного человечества². Зачитанное И. Тито воззвание понравилось Д. З. Мануильскому, который, одобрив его, сказал, что падо писать об опасности для каждого народа и проводить подготовку на случай фашистского нападения, не упоминая Советского Союза, соглашение которого с Германией является «делом политики и тактики»³.

К середине сентября И. Тито составил «Отчет о положении в Югославии», а 26 сентября закончил написание документа под названием «Обстановка в Югославии. КПО и ее предстоящие задачи». 2 октября они были переданы В. Пиком Г. Димитрову. «В приложении направляю отчет югославского товарища Вальтера, составленный на основе нашего совместного совещания об обстановке в стране, о положении партии и ее задачах», — писал В. Пик Г. Димитрову. Ознакомившись с этими материалами, Г. Димитров написал на сопроводительной записке В. Пика следующую резолюцию: «Товарищу Крылову. Разослать всем

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 5. S. 265; Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ... S. 64.*

² *Ibid. S. 265.*

³ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 5. S. 265; Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ... S. 64.*

членом Секретариата для обсуждения на заседании Секретариата. 5.10.39 г. Г. Д.»¹. В результате обсуждения этих документов на заседании Секретариата 23 ноября 1939 г. было признано, что руководство КПЮ, проводя в жизнь решение Секретариата от 5 января 1939 г., своей деятельностью смогло завоевать доверие членов партии². Отметив далее целый ряд несомненных позитивных сдвигов в деятельности КПЮ по усилению ее влияния в массах, Секретариат обратил вместе с тем внимание и «на слабости и недостатки в работе партии, которые следует как можно скорее устранить». На первом месте называлась недостаточно энергичная борьба против оппортунизма, фракционности, «за очищение партии от троцкистских и других враждебных элементов, за большевистскую бдительность и дисциплину». В числе других упущений указывалось на «остатки сектантства» и «грубые оппортунистические ошибки политики хвостизма»; недостаточную марксистско-ленинскую подготовку кадров, их низкий теоретический и политический уровень; неудовлетворительную постановку оргпартийной работы в партии, особенно в Сербии; слабую работу в профсоюзах, а также на селе³.

Во время пребывания в Москве И. Тито было предложено и на этот раз писать характеристики на югославских коммунистов и молодежных активистов. Вместе с участником гражданской войны в Испании В. Влаховичем, которого он рекомендовал представителем СКМЮ в Коммунистический Интернационал Молодежи, И. Тито присутствовал в октябре на одном из заседаний Исполкома КИМа, выступив на нем с коротким сообщением о состоянии молодежного движения в Югославии. Он неоднократно встречался с другим югославским добровольцем — участником гражданской войны в Испании, находившимся на учебе в Москве, Й. Копиничем (Вокшиным), назначенным ИККИ руководителем Центра связи ряда коммунистических партий Европы с Коминтерном. По договоренности с И. Тито, этот радиотелеграфный Центр связи должен был размещаться в Загребе, в организации и деятельности которого он обещал оказать самое активное содействие со стороны ЦК КПЮ⁴.

И. Тито пришлось заниматься также и опровержением компрометирующего материала в свой адрес. В этот при-

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 5. S. 6—27.

² *Ibid.* S. 194—197.

³ *Ibid.* S. 196—197.

⁴ *Ibid.* S. 265.

езд он был обвинен «югославским немцем из Осиека, работавшим в Компартии Германии»¹, в троцкистском искажении при переводе на хорватско-сербский язык IV главы «Краткого курса истории ВКП(б)». Но при обсуждении этого вопроса в Контрольной комиссии Коминтерна была доказана абсурдность такого обвинения. Не удалось также скомпрометировать И. Тито и с помощью муслировавшихся недругами спекуляций вокруг ареста органами НКВД в сентябре 1937 г. его второй жены Бауэр Люции (Кениг Иоганны) как «агента гестапо»².

По этому вопросу И. Тито дал ИККИ еще 27 сентября 1938 г. следующее письменное разъяснение на русском языке: «По вопросу о моей бывшей жене Люси, которая оказалась врагом и арестована органами НКВД, должен заявить следующее: я с ней познакомился в ноябре или в октябре 1935 г. в общежитии «Люкс» через Ненадову (Брайна Фос) и ее мужа Ненадова (Бергман — наст. фам.), где они жили вместе в одной комнате. После моего приезда в СССР в 1935 году я развелся с моей первой женой, с которой я не виделся почти 7 лет, так как она жила в СССР, а я на каторге в Югославии. Причиной того, что я с ней развелся, было: когда я приехал в Москву, узнал от многих товарищей, что она является главным виновником того, что мой сын Жарко стал почти хулиганом и пропащим ребенком, — я его нашел в исправдоме недалеко от Ленинграда. Кроме того, я узнал также, что она в бытовой жизни вела себя неморально. Но несмотря на все это и против желания товарищей, высказывавшихся, что с ней больше не надо жить, я согласился с ней, что для спасения мальчика, которого я взял из исправдома, я возобновлю совместную жизнь с ней, если она поможет мне спасти мальчика. Тогда она находилась на партработе по по линии ВКП(б) верст за 300 от Москвы и летом 1935 г. приехала в Москву на подготовительные курсы. За это время она жила со мной в «Люксе» 2 месяца — продолжительность учебы на курсах. За это время я полностью убедился, что она не только не помогает мне исправить сына, но ненавидит и портит его, что у нее отсутствует чувство матери и т. д. Тогда я предложил ей развестись, так как у нас другой связи, кроме сына, нет, а она является ему чужим человеком. Она согласилась, и мы развелись.

¹ *Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ... S. 56.*

² *Cencic V. Enigma Kopinic. T. 1. S. 103.*

Мне было очень трудно одному с мальчиком, так как я работал в Комиинтерне, а он был один дома и часто хулиганил в «Люксе», так что непрерывно поступали жалобы из Управления «Люксом» против него, и, когда я познакомился с другой женщиной — Люси, я ей предложил переехать ко мне, так как я надеялся, что она мне поможет смотреть за мальчиком. Когда она переехала, и впоследствии я увидел, что она хорошо относится к нему, я согласился на ее предложение записаться в ЗАГСе — это было уже осенью 1936 года, перед моим отъездом в страну на работу. Я это сделал потому, что она согласилась стать матерью мальчику и заботиться о нем.

На основании чего я думал, что она является проверенной? Это то, что она была дочерью бедного рабочего, что была женой раньше видного деятеля германского комсомола, который был приговорен на 15 лет каторги в Германии, то, что была послана в Москву на краткосрочные курсы, то, что получала пособие от немецкого представительства при КИМе и т. д.

Правда, я ее считал очень наивной и политически неразвитой. Как раз из-за этого я часто ее предостерегал не иметь никаких связей с эмигрантами из Германии, так как боялся, чтобы кто-нибудь ее не использовал для вражеских целей по отношению к СССР. Эти мои предостережения были и в тех нескольких письмах, которые я ей послал из-за границы. Я ей сказал, что порву связь с ней, если услышу, что она не исполняет моих советов.

В 1937 году весной я думал ее взять с собой за границу.

Считаю, что я здесь был недостаточно бдителен и что это является в моей партийной жизни большим пятном. Я думаю, что разны вредители нашей партии могут это использовать против меня и нужно с этим считаться. Такой случай уже имел место: Нина Обарова уже говорила: «Как же может быть Тито (Вальтер) секретарем партии, когда его жена арестована». Это, конечно, делается из фракционных соображений группы Железара, Обарова, Нины Обаровой. Но это факт, который может мне мешать в работе»¹.

Личная неприязнь к И. Тито его оппонентов проявилась и в том, что они стали ему приписывать «склонность

---

¹ ЦПА ИМЛ (в тексте сохранены стиль и орфография оригинала).

к буржуазным маперам» на том основании, что он носил перстень¹. Как утверждает Й. Копинич, благодаря его доверительным связям со многими сотрудниками Коминтерна ему удалось разветчать созданный вокруг П. Милети́ча миф как о «герое и мученике» и доказать в записке объемом в 50 страниц, что тот был «закоренелым фракционером», который даже в тюрьме «вел фракционную борьбу против легального ЦК КПЮ»². В этих условиях появившемуся осенью 1939 г. в Москве после многолетнего тюремного заключения в Югославии П. Милети́чу пришлось расстаться с надеждами стать Генеральным секретарем ЦК КПЮ. Вскоре по прибытии он был арестован органами НКВД и предан суду³.

§ 4. ВО ГЛАВЕ ПАРТИИ

Успешно выполнив все дела в Коминтерне, повидавшись со своим 15-летним сыном Жарко, учившимся в СССР, И. Тито после трехмесячного пребывания в Москве 26 ноября 1939 г. выехал поездом в Одессу. Затем по паспорту на имя кападского гражданина Спиридона Мекаса направился через Стамбул на родину. В условиях начавшейся второй мировой войны другого более короткого пути в Югославию тогда не было. Несмотря на то что И. Тито стремился поскорее вернуться домой, из-за трудностей с паспортно-визовыми делами ему пришлось пробыть в Стамбуле около трех месяцев. Здесь он нелегально встре-

---

¹ По свидетельству Й. Копинича, И. Тито купил перстень с опалом в 1939 г. в Москве на Кузнецком мосту на гонорар, полученный за перевод на хорватско-сербский язык «Краткого курса истории ВКП(б)» (*Cencić V. Enigma Koprinić. T. 1. S. 92*). В интервью с Ф. Маклином 14 декабря 1963 г. И. Тито подтвердил этот факт (Борба. 1964. 10 мај). Как утверждает М. Джилас, «перстень, купленный И. Тито в Советском Союзе для возможной продажи в случае финансовых затруднений», «соскользнул с пальца И. Тито и был утерян во время пятого наступления» (битва на Сутьеске, в ходе которой И. Тито был 9 июня 1943 г. ранен в руку.— Ю. Г.). По его словам, во время визита И. Тито в Советский Союз в апреле 1945 г. ему был подарен другой перстень, который он носил постоянно до конца своей жизни (*Djilas M. Tito... S. 130*).

² *Cencić V. Enigma Koprinić. T. 1. S. 101*.

³ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 2. S. 350*; югославский исследователь П. Пожар утверждает, ссылаясь на свидетельство одного из многолетних руководителей Службы общественной безопасности Югославии С. Стефаповича, соратника А. Ранковича, что якобы П. Милети́ч не был ликвидирован в сталинских «чистках» в 1939 г., а, пройдя через сибирские лагеря, дожил до 1971 г. (*Pozar P. Jugosloveni — žrtve staljinskih čistki. S. 275*).

тился с болгарским революционером — участником гражданской войны в Испании Штерью Атанасовым, которому, по поручению ИККИ, передал деньги и советский паспорт для поездки в СССР¹. Отсюда он послал несколько писем в Москву Й. Копиничу (Вокшину). Настаивая на его скором отъезде в Югославию, И. Тито косвенно напоминал ему условленную явку в Загребе. «Миранда Морич,— писал он,— очень скучает по тебе. Она живет сейчас в Загребе, ул. Басаричева, дом 18, 2 этаж»². 20 декабря он сообщил Й. Копиничу, что его повестила в Стамбуле курьер ЦК КПЮ Герта Хас. «Она очень добрая и много заботится обо мне. Хочет, чтобы мы обвенчались. Вероятно, так и сделаю, хватит быть неженатым»³. С ней он переправил в середине декабря в страну всю партийную документацию, привезенную им из Коминтерна, а также передал просьбу к ЦК КПЮ прислать ему в Стамбул новый паспорт, с тем чтобы не подвергать себя риску в Югославии в случае приезда туда по паспорту с советской визой. В январе беспартийный адвокат из Загреба В. Велебит привез И. Тито из Югославии паспорт, а также информацию Э. Карделя о политической обстановке в стране. Когда в Стамбул прибыл Й. Копинич, он представил его В. Велебиту, поручив ему оказать содействие в развертывании в Загребе радиотелеграфного Центра Коминтерна⁴. Поскольку и второй доставленный из Югославии паспорт оказался И. Тито сомнительным, он решил вернуться в страну по старому паспорту на имя капедца Спиридона Мекаса — инженера, находившегося на работе в СССР, прибегнув при этом к небольшой хитрости. Купив билет первого класса на итальянский пароход «Граф Савойский», который должен был отплыть в середине марта из Неаполя в США, И. Тито поехал в Неаполь поездом, следовавшим через Загреб, где и сошел неприметно 15 марта 1940 г. Спустя несколько дней он прочитал в одной из загребских газет, что в Гибралтаре английские власти остановили пароход «Граф Савойский», безуспешно пытаясь обнаружить опасного шпиона, направлявшегося из СССР в Канаду⁵.

Во второй половине марта И. Тито провел в Загребе

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. T. 5. S. 265.

² *Cencic V. Enigma Kopinic*. T. 1. S. 121.

³ *Ibid.* S. 118—119.

⁴ *Broz Tito J. Sabrana djela*. T. 5. S. 266—268; *Cencic V. Enigma Kopinic*. T. 1. S. 129.

⁵ *Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ...* S. 65—66.

заседание ЦК КПЮ, на котором проинформировал о результатах своего пребывания в СССР. Было решено ускорить подготовку к высшему форуму КПЮ, которому должны предшествовать краевые партийные конференции.

Приятной наружности инженер Славко Бабиц (в этот период И. Тито пользовался еще псевдонимом инж. Костапшек), всегда модно одетый, обходительный, отличавшийся манерами потомственного интеллигента, подчеркивавшиеся массивным перстнем на левой руке, ничем не вызывал подозрений у югославской полиции. Его небольшой автомобиль марки «Форд», приобретенный для нужд ЦК КПЮ, можно было видеть тогда в различных частях Загреба. Развернув буквально под носом у полиции активную политическую деятельность, И. Тито передвигался в сопровождении Герты Хас по всей Югославии. Так, он лично присутствовал в апреле на заседании ЦК КП Хорватии в Загребе, встречался в мае в Белграде с руководством Сербского краевого комитета КПЮ, посетил Любляну, Сплит, Дубровник, Пикшич, Дашловград, в августе участвовал в работе VIII краевой партконференции Черногории, Боки, Санджака и Косово и Метохии, а в сентябре — VI общегославской конференции СКМЮ. С прибытием в мае Й. Копинича в Загреб И. Тито много внимания уделял созданию пункта радиосвязи с Коминтерном, в результате чего уже с начала июня 1940 г. между Загребом и Москвой стала функционировать круглосуточная стабильная связь¹. Он лично подобрал здание, которое со всех точек зрения отвечало бы условиям нелегального проведения V съезда КПЮ, о целесообразности созыва которого он сообщил в Секретариат ИККИ через посетившего в мае 1940 г. Загреб представителя КП Австрии Хопера. На основе состоявшейся у Хопера беседы с И. Тито он составил, по просьбе последнего, информацию для ИККИ, озаглавив ее «Партийный отчет из Югославии»². В ней он сообщил, в частности, следующее: «После соответствующей подготовки проведены на этих территориях (Сербии, Словении, Боснии.— Ю. Г.) конференции, на которых рассмотрены организационные и политические вопросы, определены задачи для каждой территории и избрано руководство... Заключится все это проведением съезда партии... Партийное руководство планирует провести его

¹ *Cencic V. Enigma Kopicic. T. 1. S. 131.*

² *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 5. S. 198—202.*

осенью этого года... Оно просит Секретариат сообщить, согласен ли он с этим планом»¹.

В начале октября 1940 г. И. Тито решил направить в Москву в качестве своего представителя инженера Никола Петровича, который во временном руководстве занимался курьерской службой². Получив от И. Тито подробные инструкции, Н. Петрович прибыл в Москву 10 октября, где находился в течение 15 дней. За это время он встретился с членами Секретариата ИККИ В. Пиком, П. Тольятти и В. Коларовым, отчитался о проведенной работе по устранению слабостей и недостатков, на которые указал ИККИ в ноябре 1939 г.³ В соответствии с данными ему И. Тито поручениями Н. Петрович написал обширный отчет о деятельности КПЮ и ее временного руководства, который был обсужден в середине октября на заседании Секретариата ИККИ. По его словам, Д. З. Мануильский, который вел это заседание, позитивно оценил положение в КПЮ и работу ее руководства⁴. Он также сообщил о намерении ИККИ использовать загребский пункт радиосвязи для шифрпереписки Коминтерна с компартиями ряда оккупированных европейских, в т. ч. Балканских, стран⁵.

По отчету и выступлению Н. Петровича Секретариат ИККИ принял 15 октября 1940 г. секретное решение под названием «Решение Секретариата ИККИ об ответе на несколько вопросов секретаря ЦК КПЮ товарища Вальтера, переданных устно (через товарища Петровича)»⁶. Данное решение рекомендовало И. Тито воздержаться от проведения съезда КПЮ, мотивируя это тем, что в этом случае трудно было бы соблюсти должную конспирацию и избежать ареста «руководящих товарищей». Предлагая созвать партийную конференцию, Секретариат ИККИ советовал: «Если важные актуальные партийные вопросы нельзя будет решить на партийной конференции, их надо решить ЦК КПЮ по согласованию с Секретариатом ИККИ. Это особенно касается состава и пополнения ЦК КПЮ»⁷.

Подписанное В. Пиком, Эрколи, Готвальдом и Д. Ма-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 5. S. 200.

² Ibid. T. 6. S. 289—290.

³ Ibid. T. 5. S. 196—197.

⁴ Ibid. T. 6. S. 290.

⁵ Ibid. S. 302.

⁶ Ibid. S. 201—204.

⁷ Ibid. S. 201.

пуильским, это решение явилось первым официальным документом, в котором руководство Коминтерна назвало И. Тито секретарем ЦК КПЮ, что означало окончательное позитивное решение Коминтерном т. п. вопроса о КПЮ, предоставление И. Тито мандата на оставшийся вакантным с лета 1937 г. пост Генерального секретаря ЦК КПЮ.

Когда Н. Петрович привез ободряющие вести из Москвы, сплоченная группа единомышленников в составе Э. Карделя, А. Ранковича, М. Джиласа, И. Лолы Рибара, М. Пьяде и С. Жуйовича уже завершала под руководством И. Тито подготовку материалов к общегославскому партийному форуму. Это были в основном молодые (большинству из них еще не было и 30 лет), глубоко преданные коммунистическому делу революционеры, которые, однако, уже имели за плечами богатый опыт подпольной работы, их не сломили полицейские гонения, тюремные застенки, суровые условия многолетней каторги. Между ними и И. Тито разница в возрасте, за исключением М. Пьяде и С. Жуйовича, относившихся к числу руководителей КПЮ старшего поколения, составляла почти 20 лет. В знак уважения к И. Тито, а также признания старшинства его соратники пользовались в обиходе кличкой «Старик», которая «с подачи» М. Джиласа и И. Лолы Рибара прочно закрепилась за ним на всю жизнь.

V конференция КПЮ, в работе которой участвовал 101 делегат, была проведена в Дубраве, пригороде Загреба, в обстановке строгой конспирации с 19 по 23 октября 1940 г. Хотя, как настоял Коминтерн, она называлась конференцией, по характеру обсуждавшихся на ней вопросов и принятых решений данный форум югославских коммунистов, который подвел черту под «тяжелым многолетним внутренним кризисом КПЮ», имел по существу значение съезда¹.

Конференцию открыл появившийся в президиуме в сопровождении Э. Карделя, М. Пьяде и других соратников И. Тито. Обращаясь к делегатам конференции, он приветствовал их от имени Коминтерна, после чего предоставил слово прибывшему с ним Й. Копичичу, назвав его «нашим гостем»². Приветственная речь Й. Копичича на конференции в качестве представителя Коминтерна, в

¹ *Broz Tito J.* Избор из дела... Т. 1. С. 10.

² *Broz Tito J. Sabrana djela.* Т. 6. С. 297; *Cencić V. Enigma Kopicic.* Т. 1. С. 133.

которой он передал югославским коммунистам привет и наилучшие пожелания от его Генерального секретаря Г. Димитрова, вызвала большое воодушевление делегатов¹.

В своем выступлении И. Тито подверг критике предательскую политику правительства Цветковича — Мачека, привлек внимание к опасности, грозившей независимости Югославии со стороны стран «оси», подчеркнув при этом роль СССР, «огромный прогресс в стране социализма», проводящей «политику мира и защиты народов», представляющей надежду и опору малых народов². В заключительной речи он заявил, что Югославия идет навстречу судьбоносным событиям, и выразил уверенность, что следующая конференция КПЮ состоится в независимом отечестве, свободном от национального и социального угнетения³. С удовлетворением констатировав факт консолидации рядов КПЮ, в которой состояло уже 6455 человек⁴, И. Тито сказал, что «не следует все сваливать на Горкича. Это было давно. Сейчас на нас ложится ответственность»⁵.

Конференция завершилась избранием Центрального Комитета (в количестве 22 членов и 16 кандидатов), а также Политбюро в составе 7 человек, в который вошли: И. Тито (Генеральный секретарь ЦК КПЮ), Э. Кардель, А. Ранкович, М. Джилас, Р. Кончар, Ф. Лескошек, И. Милутинович⁶. О ее итогах И. Тито детально проинформировал через загребскую радиостанцию Г. Димитрова. В телеграмме на его имя подчеркивалось, в частности, что «единство этой конференции, в которой участвует свыше 100 представителей трудящихся Югославии, является гарантией того, что КПЮ займет достойное место среди секций Коминтерна и выполнит свою задачу вождя и организатора борьбы трудящихся Югославии»⁷. Конференция передала Сталину — «нашему дорогому вождю и учителю, пламенный коммунистический привет». «От имени трудящихся Югославии,— говорилось в этой телеграмме,— мы приветствуем в твоём лице славную, непобедимую большевистскую партию, свергнувшую на 1/6 земного шара капиталистическое рабство и под твоим муд-

¹ *Cencic V. Enigma Kopicic. T. 1. S. 133.*

² *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 6. S. 4—5.*

³ *Ibid. S. 299.*

⁴ *Broz Tito J. Избор из дела... T. 1. С. 23.*

⁵ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 6. S. 45.*

⁶ *Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ... S. 62, 67.*

⁷ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 6. S. 45, 47, 48—69.*

рым руководством осуществляющую вековые чаяния всех угнетенных — коммунизм»¹.

V конференция показала, что КПЮ выросла в монолитную в организационном и идейном отношении революционную партию рабочего класса. Находясь на протяжении двадцати лет на пелегальном положении, КПЮ, несмотря на репрессии и гонения монархических властей, собственные ошибки и слабости, многое сделала для воспитания югославских народов в духе интернациональной солидарности с Советским Союзом.

Установление дипломатических отношений с Советским Союзом в июне 1940 г. явилось крупной победой прогрессивных, антифашистских сил Югославии и прежде всего КПЮ. Это позволило СССР предпринять целый ряд акций, направленных на поддержку борьбы народов Югославии за суверенитет и независимость своей страны. В условиях нарастающего давления фашистских Германии и Италии на Югославию Советский Союз заявил 17 октября 1940 г. о своем «сочувствии Югославии в борьбе югославских народов за свою политическую и экономическую независимость»². В ноябре 1940 г. СССР потребовал от гитлеровской Германии не распространять зону войны на Балканах, о чем Советское правительство поставило в известность и правительство Югославии³.

17 января 1941 г. Советское правительство вновь заявило фашистской Германии, что Советский Союз не может быть безучастным к событиям в восточной части Балканского полуострова⁴.

В связи с усилившимся в условиях нарастающего давления стран «осп» капитулянтскими настроениями в среде антинародной правящей верхушки, И. Тито написал от имени ЦК КПЮ в начале марта 1941 г. воззвание «Против капитуляции — за пакт о взаимопомощи с Советским Союзом», сыгравшее важную роль в повышении боевого антифашистского духа трудящихся Югославии. В нем содержался призыв проводить собрания и митинги протеста против присоединения Югославии к Тройственному пакту, против намерения правящей камарильи продать независимость Югославии⁵. Такая линия ЦК КПЮ пахо-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 6. S. 46, 47, 48—69.

² История дипломатии. М., 1975. Т. 4. С. 157.

³ См. там же.

⁴ См.: 60 лет борьбы СССР за мир и безопасность. М., 1979. С. 148.

⁵ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 6. S. 182—185.

дидась в полном соответствии с указаниями Коминтерна, с которым И. Тито с лета 1940 г. постоянно советовался через радиостанцию Й. Копичича. «Рекомендуем, — радировал Г. Димитров И. Тито 22 марта 1941 г., — взять решительную позицию против капитуляции перед Германией. Поддерживать движение за всепародное сопротивление попытке военного вторжения. Требовать дружбу с Советским Союзом...»¹ 29 марта 1941 г. Г. Димитров советовал И. Тито: «Не забегайте вперед. Не поддавайтесь провокациям врага. Не подставляйте под удар и не бросайте преждевременно в огонь авангард народа. Еще даже и близко не наступил момент решительной схватки. Основная задача партии сейчас состоит в том, чтобы неустанно разъяснять свои взгляды и всесторонне готовить себя и массы. Примите это к сведению и исполнению. Подтвердите прием этого письма. Информировать нас регулярно. Д.»².

Однако антинародное правительство Югославии, продолжая ориентироваться на страны «оси», методично готовило сделку за спиной народов Югославии. В феврале 1941 г. премьер-министр Югославии Д. Цветкович и министр иностранных дел А. Цинцар-Маркович нанесли визит Гитлеру, который потребовал от Югославии присоединиться к «оси Берлин — Рим — Токио». После тайного вояжа принца-регента Павла³ в резиденцию Гитлера Берхтесгаден в начале марта 1941 г. и последовавшей затем его поездки на поклон к Муссолини в Рим Югославия поставила все же 25 марта 1941 г. в Вене свою подпись под протоколом о присоединении к Тройственному пакту. Весть о присоединении к этому нацистскому пакту была воспринята в Югославии как предательство, вызвав мощный взрыв народного негодования. Повсюду под лозунгами «Нет! Лучше война, чем пакт», «Белград — Москва — единственное спасение» прошли массовые митинги протеста, достигшие своего апогея 27 марта 1941 г.⁴ Учитывая обстановку в стране и широкое недовольство народных масс, стремясь не допустить революционного взрыва, что могло бы привести к краху буржуазного строя

¹ ЦПА ИМЛ (в тексте телеграммы сохранена орфография оригинала).

² Jugoslavija, 1918—1988. Tematska zbirka dokumenata. Drugo, izmenjeno i dopunjeno izdanje. Beograd, 1988. S. 445—446.

³ После убийства в 1934 г. короля Александра, из-за несовершеннолетия престолонаследника Петра, принцем-регентом был назначен Павел.

⁴ Любичич Н. Ужицкий партизанский отряд. М., 1982. С. 9.

в стране, группа высших офицеров свергла в этот день подписавшее пакт правительство Цветковича — Мачека. На престол был возведен молодой король Петр, новое правительство возглавил генерал авиации Д. Симович.

28 марта И. Тито срочно вылетел из Загреба в Белград, где уже на следующий день провел партийное совещание с участием всех высших руководителей КПЮ. Проанализировав сложившуюся в стране ситуацию, он подчеркнул, что, хотя новое правительство и является шагом вперед, КПЮ по-прежнему должна «требовать союза с СССР и опоры на него»¹.

Пришедшее к власти на волне всенародного возмущения правительство Д. Симовича обратилось 30 марта к Советскому Союзу с предложением заключить военно-политический союз «на любых условиях, которые предложит Советское правительство, вплоть до некоторых социальных изменений, осуществленных в СССР, которые могут и должны быть произведены во всех странах»². А 3 апреля оно выразило готовность «немедленно принять на свою территорию любые вооруженные силы СССР, в первую очередь авиацию», передав разведанные, в т. ч. полученные от шведского посланника в Берлине сведения о том, что немцами разработан план нападения на СССР³. Однако Сталин, связавший Советский Союз с Германией Договором о ненападении от 23 августа 1939 г. и Договором о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., не мог пойти в отношении с Югославией настолько далеко, ибо подписание такого договора означало бы для СССР немедленное вступление в войну. В результате 5 апреля 1941 г. между СССР и Югославией был подписан лишь Договор о дружбе и ненападении⁴.

Тем временем в Берлине события развивались с невероятной быстротой. Неожиданный поворот событий в Югославию, в отношении которой главарь третьего рейха ранее разрабатывали планы «мирного» захвата, привел Гитлера в ярость. Еще 27 марта 1941 г. он, созвав специальное совещание о положении в Югославии, отдал распоряжение «молниеносно» нанести по ней удар «со всем ожесточением», добиться «уничтожения» вооруженных

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 6. S. 214.

² Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989. № 15. С. 55—63; Правда. 1990. 23 июня.

³ Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989. № 15. С. 55—69.

⁴ Jugoslavija, 1918—1988... S. 459.

сил Югославии и уничтожения ее как государства¹. В тот же день им была подписана на этот счет совершенно секретная директива 025.

Исполняя эту директиву, 6 апреля в 5 часов утра, когда в Москве только что закончился официальный банкет, устроенный по случаю подписания советско-югославского Договора о дружбе и ненападении, фашистские войска вероломно ворвались в пределы Югославии. Немецкая авиация, волнами накатываясь на Белград, беспощадно разрушила своими варварскими бомбардировками, повлекшими большие человеческие жертвы, югославскую столицу. В результате скоротечной т. н. апрельской войны, продолжавшейся всего 11 дней, королевская Югославия капитулировала. Как следствие такого развития событий вышеупомянутый Договор о дружбе и ненападении не мог, естественно, принести какую-либо непосредственную материальную пользу, но его моральное воздействие имело огромную важность для мобилизации народных масс на освободительную борьбу против фашистских захватчиков и их приспешников.

По признанию бывшего генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, главная цель, которая преследовалась генеральным штабом фашистской армии при нападении на Югославию, заключалась в том, чтобы «позднее, при реализации «плана Барбаросса» (т. е. агрессии против СССР.— *Ю. Г.*) оставить свободным правое плечо»². Но народы Югославии своей героической, бесстрашной борьбой, на которую они поднялись летом 1941 г. по призыву КПЮ, перечеркнули эти замыслы.

Только Коммунистическая партия Югославии, численность которой с октября 1940 г. по июнь 1941 г. возросла вдвое, достигнув 12 тыс. человек³, во всеоружии встретила эти трагические дни.

---

¹ Нюрнбергский процесс. М., 1954. Т. 1. С. 362.

² Там же. С. 363.

³ *Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ...* S. 69.

Глава 3 Маршал Югославии

§ 1. ОБЕЩАНИЕ СТАЛИНУ ПОДНЯТЬ ВОССТАНИЕ

Рухнувший подобно карточному домику в итоге скоротечной войны буржуазно-монархический режим Югославии вверг ее народы в самую страшную трагедию в их новейшей истории. Гитлер выполнил свое обещание стереть Югославию с лица земли. Она была расчленена и как таковая уже к концу апреля исчезла с политической карты Европы: на территории Хорватии уже 10 апреля 1941 г. было создано так называемое «Независимое государство Хорватия» (в состав которого вошли также Босния, Герцеговина, Срем) во главе с фашистской марионеткой усташем¹ А. Павеличем. В Сербии, где в августе

¹ Усташа — хорватские фашисты, выражавшие интересы наиболее реакционных шовинистических кругов хорватской буржуазии. Усташское марионеточное «Независимое государство Хорва-

1941 г. немецкие захватчики сформировали марионеточное правительство квислинга М. Недича¹, а также Бапато было установлено новое управление германских оккупационных войск. Северную часть Словении аннексировала фашистская Германия, а ее южную часть, Черногорию и часть Далмации захватила фашистская Италия. Территория Косово и Метохии, а также западная Македония были включены в состав созданной Италией т. н. Великой Албании. Хортистская Венгрия получила Бачку, Баранью, Меджумурье и Прекомурье, а монархо-фашистская Болгария — юго-восточную Сербию и большую часть Вардарской Македонии.

Решительно осудив нападение стран оси на Югославию, СССР, никогда не признавший законности расчленения страны нацистской Германией и ее сателлитами, с самого начала последовательно выступал за послевоенное восстановление югославского государства и включение в его состав территорий на итало-югославской границе, большинство населения которых составляют словенцы, о чем, в частности, было прямо заявлено Сталиным в беседе с министром иностранных дел Англии А. Иденом 16 декабря 1941 г.²

Из всех политических партий Югославии только КПЮ заявила о непризнании оккупации и расчленения страны, высказалась за продолжение сопротивления захватчикам, смело взяв на себя ответственность за ее судьбу.

В то время как лидер Хорватской крестьянской партии В. Мачек призывал хорватский народ к лояльности и послушанию усташским властям, И. Тито созывает 10 апреля, в день создания т. н. «Независимого государства Хорватии», подпольное совместное заседание ЦК КПЮ и ЦК КПХ. Констатировав, что партия переоценила возможности сопротивления югославской армии, ЦК КПЮ решил продолжать борьбу, несмотря на распад воору-

жения» объявило войну странам антигитлеровской коалиции и послало свои войска на советско-германский фронт. Усташа оставались до конца войны сторонниками гитлеровских фашистов и вместе с ними участвовали в боевых действиях против партизан и частей Народно-освободительной армии Югославии.

¹ Недич, Милан — генерал армии королевской Югославии, назначенный 28 августа 1941 г. гитлеровским командованием в Сербию премьером сербского коллаборационистского правительства, уже 5 сентября 1941 г. заключил соглашение с лидером четников Д. Михайловичем о сотрудничестве в борьбе против партизанских отрядов.

² Churchill W. S. The Second World War. Boston, 1950. Vol. III. P. 608.

ных сил Королевства Югославии, обратиться к народам Югославии с соответствующим воззванием. Было принято также решение создать Военный комитет во главе с И. Тито, перевести местопребывание ЦК КПЮ из Загреба в Белград, направить членов ЦК КПЮ на места, чтобы информировать об этих решениях партийные организации. ЦК КПЮ 15 апреля 1941 г. обратился с воззванием к югославским народам, в котором разъяснялись перспективы антифашистской борьбы в условиях краха буржуазно-монархической Югославии.

Важным шагом в разработке концепции освободительной борьбы явилось совещание руководящего партийного актива, проведенное ЦК КПЮ в начале мая 1941 г. Вошедшее в историю КПЮ под названием майского, это совещание, исходя из того что борьба против оккупантов и их приспешников является патриотическим долгом всех слоев народа, нацелило партию на необходимость создания ее широкой политической базы в виде Единого народно-освободительного фронта. Было признано целесообразным создать военные комитеты при руководящих органах всех национальных партийных организаций¹. Участник этого совещания, ветеран югославского революционного движения П. Григорич вспоминал, что тогда И. Тито сказал: «Наступил момент, когда КПЮ должна взять на себя обязанность повести народ на борьбу», но в данный момент партия «не призывает народы Югославии подняться на восстание, а сделает это только после нападения Германии на Советский Союз»². По итогам этого совещания И. Тито направил Г. М. Димитрову телеграмму следующего содержания: «Мы организуем боевые отряды, воспитываем свои военные кадры, готовим вооруженное восстание в случае нападения на СССР»³. Как пояснил И. Тито впоследствии, период в два месяца — с середины апреля до 22 июня — все партийные организации в стране использовали для проведения последней подготовки к восстанию, для организации диверсий, сбора оружия и т. д.⁴

Во второй половине мая 1941 г. И. Тито переехал из Загреба в Белград, в результате чего в течение следующих четырех месяцев, вплоть до середины сентября 1941 г., местопребыванием ЦК КПЮ будет столица Югославии. Он

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 262.

² Oslobođenje. 1984. 23 mart.

³ Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989. № 17. С. 42.

⁴ V конгресс КПЈ. С. 63.

поселился в квартире инженера С. Савичевича по улице Звечанска, дом 44. Для всех любопытных Генеральный секретарь ЦК КПЮ был инженером Славко Бабичем — представителем «Шкоды», приехавшим из Загреба по служебным делам¹.

В октябре 1944 г. И. Тито рассказывал К. М. Симонову, что, когда он приехал из Загреба в занятый немцами полуразрушенный Белград, в городе царил террор. За появление вечером на улице расстреливали на месте. Двери в домах, квартирах и комнатах под страхом смерти запрещено было запирать. Немцы могли ворваться куда угодно, в любую минуту. Многие недели подряд И. Тито приходилось спать, не раздеваясь, положив под голову парабеллум. «Единственно, что меня успокаивало в те дни, так это то, что я почевал ровно в четвертом по счету доме от дома команданта Белграда генерал-лейтенанта Шредера. Да, это было такое время, когда надо было или остаться живым, или умереть, думая только о будущем страны и ни на минуту о своем личном будущем»².

В конце мая он встретился в Белграде с советским военным атташе и сообщил ему, что немецкие части, участвовавшие в нападении на Югославию, ускоренными темпами перебрасываются через Венгрию и Румынию к советской границе, что в Загребе немецкие офицеры говорят о предстоящем вскоре нападении Германии на СССР³. Написав обширный отчет для Коминтерна «О положении и событиях в Югославии», он пересылает его с сотрудниками советского посольства в Югославию, покинувшими Белград в начале июня 1941 г.⁴ «Всюду в Югославии,— подчеркивал И. Тито в этом отчете,— народ ожидает спасения только от Советского Союза. 95% населения питают симпатии к Советскому Союзу»⁵. Одновременно с этим он послал в Загреб Й. Копиничу телеграмму для передачи ее в Коминтерн (этой радиостанцией он будет пользоваться для связи с Москвой до февраля 1942 г.), в которой сообщалось о передвижении немецких войск из Югославии к границам Советского Союза. По свидетельству Й. Копинича, в заключение этой информации И. Тито «попросил Г. М. Димитрова передать И. В. Сталину его обязательство: если СССР подвергнется фашистскому нападению, югославские

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 263.

² Симонов К. М. Югославская тетрадь. М., 1945. С. 24.

³ Broz Tito J. Autobiografska kazivanja. T. 1. S. 253.

⁴ Broz Tito I. Izabrane statve i reci. M., 1987. С. 61—70.

⁵ Там же. С. 64.

коммунисты — защитит восстание». «Тем самым, — писал И. Тито, — мы защитим честь КПЮ и докажем ее приверженность первой стране социализма»¹. В приложенной к этой телеграмме записке на имя Й. Коцинича И. Тито поставил его в известность, что он «через братьев (советское посольство. — Ю. Г.) по их желанию послал обширный отчет». «Они, — писал он, — сказали, что для Йожи (Сталина. — Ю. Г.), но думаю, что получит и Дед (Коминтерн. — Ю. Г.). Они, кстати, уехали десять дней назад. Вынуждены были, ибо на них наседали немцы». В конце записки И. Тито выразил надежду на то, что, несмотря на свою большую занятость, ему удастся «подъехать к вам повидать сына и старуху»². (Вскоре после переезда И. Тито в Белград его вторая жена Герта Хас родила 24 мая 1941 г. сына Мишо.)³

После встречи 5 июня 1941 г. с Генеральным секретарем Народной крестьянской партии Д. Йовановичем И. Тито информировал ИККИ о достигнутой с ним договоренности по вопросу объединения сил в борьбе с оккупантами⁴.

Как только стало известно о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, И. Тито безотлагательно созвал заседание членов Политбюро и членов ЦК КПЮ, находившихся в Белграде. По свидетельству С. Вукмановича-Темпо, И. Тито заявил при этом: «Мы должны связать нашу судьбу с судьбой Советского Союза... Что будет с ним, пусть то же будет и с нами»⁵. Это заседание состоялось в доме банковского служащего В. Мрчаршцы по ул. Молеровой, дом 43. Обсудив создавшуюся в результате вступления СССР в войну новую обстановку, открывшую перспективу победы над фашизмом, ЦК КПЮ, считая, что «наступил наиболее подходящий момент для развертывания всеобщего восстания»⁶, решил обратиться к народам Югославии с воззванием. В нем, в частности, подчеркивалось: «Пробил решающий час. Начался решающий бой против злейших врагов рабочего класса, бой, который фашистские преступники сами навязали вероломным нападением на Советский Союз — надежду трудящихся всего мира. Драгоценная кровь героического советского народа

¹ *Senčić V. Enigma Kopinić. T. 1. S. 140.*

² *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 41; Senčić V. Enigma Kopinić. T. 1. S. 196—197.*

³ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 210.*

⁴ *Ibid. S. 42.*

⁵ *Vukmanović-Tempo S. Revolucija, koja teče. Beograd, 1971. Knj. 1. S. 185.*

⁶ Борба. 1975. 9 maja.

проявляется не только во имя защиты страны социализма, но и во имя окончательного социального и национального освобождения всего трудового человечества. Поэтому это и наша борьба и мы должны поддержать ее всеми силами, вплоть до наших жизней»¹. Хотя все содержанше данного воззвания было пронизано мыслью о необходимости вооруженной борьбы, однако прямого призыва к вооруженному восстанию оно еще не содержало, а лишь ориентировало на «безотлагательную подготовку к последнему и решающему бою»².

На расширенном заседании Политбюро ЦК КПЮ 27 июня 1941 г. было признано целесообразным создать Главный штаб народно-освободительных партизанских отрядов Югославии во главе с Генеральным секретарем ЦК КПЮ И. Тито, а также направить часть членов ЦК и активистов партии на места с целью организации партизанских отрядов и руководства ими.

Об этих решениях ЦК КПЮ И. Тито проинформировал ИККИ в конце июня 1941 г. через загребскую радиостанцию. «Партия обратилась с воззванием в связи с нападением на СССР и призвала народ к борьбе против фашистских захватчиков,— писал он.— Она дала указание проводить массовый саботаж и организовала партизанские отряды для выведения из строя линий коммуникаций». Сообщая, что «по всей стране создаются боевые группы во главе с военно-революционными комитетами под руководством партии», И. Тито советовался с Коминтерном по поводу целесообразности начала народного восстания: «Мы готовим народное восстание против оккупантов, так как народ проявляет большое желание к борьбе. Сообщите нам ваше мнение по этому поводу. У нас довольно мало оружия. Есть ли возможность вскоре получить его? Вальтер»³.

¹ Сборник документов и податка о народно-освободилачком рату југословенских народа. Београд, 1949. Т. I. Књ. 1. С. 12—13; *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 7. С. 43—44.

² *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 7. С. 43—44.

³ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 7. С. 48; *Cencic V. Enigma Koprnic*. Т. 1. С. 198.

Как отмечает югославский историк Н. Попович, «послал ли эту телеграмму ЦК КПЮ по получении телеграммы Коминтерна, в которой также говорится о нападении на СССР, нам неизвестно. Однако в обеих телеграммах обращает на себя внимание идентичная позиция в отношении войны». По его мнению, «это несомненно был ответ Тито на директивы Коминтерна, данные всем коммунистическим партиям в связи с падением Германии на Советский Союз» (*Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u drugom svetskom ratu*. (1941—1945). Београд, 1988. С. 42, 54—55).

В своих воспоминаниях М. Джилас писал, что ЦК КПЮ «давно поддерживал радиосвязь с Коминтерном, т. е. с Москвой, и такой ответственный, судьбоносный шаг, как восстание и вооруженная борьба, вряд ли мог быть предпринят без одобрения сверху... Мы ждали указаний Москвы, и они вскоре поступили»¹.

22 июня И. Копинич расшифровал письмо ИККИ, адресованное восьми компартиям, в т. ч. КПЮ, с которыми Коминтерн поддерживал связь через возглавлявшуюся им радиостанцию в Загребе. В нем говорилось, в частности, что «вероломное нападение Германии на СССР является ударом не только против первой страны социализма, но и против свободы и независимости всех народов мира. Поэтому защита советского народа является в то же время защитой поработанных гитлеровцами народов, а также защитой всех других народов, которым угрожает фашизм»².

В письме же в адрес ЦК КПЮ, помимо всего прочего, подчеркивалось: «Народам Югославии предоставляется возможность развить всестороннюю освободительную борьбу против немецких поработителей. Необходимо принять все меры, чтобы поддержать и облегчить справедливую борьбу против немецких поработителей. Необходимо развернуть движение под лозунгом создания единого национального фронта борьбы против немецких и итальянских фашистских разбойников, в защиту поработанных фашизмом народов, дела, неразрывно связанного с победой СССР. Учитывайте, что на данном этапе речь идет об освобождении от фашистского рабства, а не о социалистической революции. Подтвердите получение. Д.»³.

Поскольку И. Тито не было в Загребе, то И. Копинич решил сразу же после расшифровки этой телеграммы передать ее полный текст «человеку, которого Тито оставил в Загребе, — Владимиру Поповичу-испанцу»⁴, сообщившему о ее содержании И. Тито в Белград 5 июля 1941 г.⁵ От него же И. Тито узнал и о содержании еще одной телеграммы ИККИ, поступившей в адрес ЦК КПЮ 1 июля 1941 г., которая была, судя по всему, ответом на запрос И. Тито о целесообразности начала народного восстания. В ней, в частности, говорилось следующее: «Отечествен-

¹ *Djilas M. Wartime. N. Y., 1977. P. 4.*

² ЦПА ИМЛ.

³ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 265; Cencić V. Enigma Kopingić. T. 1. S. 197.*

⁴ *Cencić V. Enigma Kopingić. T. 1. S. 201, 197.*

⁵ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 266.*

пая война советского народа против разбойничьего нападения Гитлера это гигантская смертельная схватка, от исхода которой зависит не только судьба Советского Союза, но и свобода вашего народа. Настал час, когда коммунисты должны поднимать народ на активную борьбу против оккупантов. Организуйте, не медля ни одной минуты, партизанские отряды и развертывайте в тылу у врага партизанскую войну. Поджигайте военные заводы, склады, нефтехранилища, аэродромы, разрушайте железнодорожную, телефонную и телеграфную сеть, не пропускайте перевозки войск и боеприпасов. Организуйте крестьян, чтобы они захватывали хлеб, угоняли в леса скот. Нужно всеми средствами терроризировать врага, чтобы он чувствовал себя как в осажденной крепости. Подтвердите получение и сообщайте факты выполнения. 30 июня 1941 г. Г. Димитров»¹.

4 июля состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КПЮ. Оно проходило на вилле симпатизировавшего коммунистам богатого владельца сербской газеты «Политика» В. Рибникара, в фешенебельном пригороде Белграда — Дединье. На нем было решено перейти от саботажа и диверсий к всеобщему восстанию, основной формой которого должна быть партизанская война. В связи с этим партийным активистам рекомендовалось разъехаться по стране и приступить на местах к созданию партизанских отрядов. Учреждалась должность политических комиссаров, являвшихся представителями КПЮ. Так, в Черногорию был направлен М. Джилас, в Словению — Э. Кардель, в Сербию — С. Жуйович, а в Боснию и Герцеговину — С. Вукманович-Темпо. Для Хорватии было создано военное Оперативное руководство в составе В. Поповича (руководитель), Р. Колчара и А. Хебранга. И. Тито, А. Ракович, И. Милутинович и И. Лола Рибар образовали штаб с местонахождением в Белграде. Было признано целесообразным создать Главный штаб народно-освободительных партизанских отрядов Югославии. Решено подготовить воззвание с призывом к народам Югославии к вооруженному восстанию. Текст такого воззвания, написанный И. Тито, был обнародован 12 июля 1941 г.

«В бой! В бой против фашистской захватнической банды, стремящейся истребить не только лучших народных бойцов, но и славян на Балканах, вознамерившейся поработить весь мир и установить чудовищное, какое только

¹ ЦПА ИМЛ; *Cencić V. Enigma Kopinic*. Т. 2. S. 183.

известно в истории, господство над народами. В бой, ибо пришло время сбросить захватническое фашистское ярмо. В бой, ибо это наш долг перед советскими народами, борющимися и за нашу свободу. В бой, в последний бой за уничтожение фашистской заразы!»¹

В своих воспоминаниях М. Джилас рассказал, что тогда многие в ЦК КПЮ верили в скорую победу Советского Союза. Эту свою убежденность он, по его словам, высказывал перед отъездом в Черногорию И. Тито, который не стал возражать ему; однако, хотя он уверенно заявил, что окончательная победа будет безусловно за Советским Союзом, но, на его взгляд, война продлится все же долгое время².

В ответ на призыв коммунистов под лозунгами «Смерть фашизму — свободу народу», «Братство и единство» по всей стране начали объединяться антифашистские силы, формировались многочисленные партизанские отряды, руководство которыми стал осуществлять созданный 27 июля вместо прежнего Военного комитета Главный штаб народно-освободительных партизанских отрядов Югославии во главе с И. Тито. Вслед за поднявшимися на борьбу 7 июля сербскими партизанами 13 июля восстала Черногория, 22 июля — Словения, 27 июля — Хорватия, а также Босния и Герцеговина. И, наконец, 11 октября — Македония.

Как видно, развитие восстания в Югославии летом 1941 г. происходило неравномерно. Позднее других к народно-освободительной борьбе подключилась Македония. Это было связано с тем, что секретарь Македонского краевого комитета КПЮ М. Шаторов (Шарло), высказавшийся за выделение македонской парторганизации из состава КПЮ и ее присоединение (в условиях оккупации Македонии царской Болгарией) к Болгарской рабочей партии (коммунистов), не выполнил решения Политбюро ЦК КПЮ от 4 июля 1941 г. Выразив несогласие с такими действиями М. Шаторова, И. Тито обратился за содействием в решении этого вопроса к Коминтерну. В ответе ИККИ, полученном ЦК Болгарской рабочей партии (БРП) и ЦК КПЮ в октябре 1941 г., разъяснялось, что «Македония должна остаться в Югославии по соображениям практической и целесообразности». При этом подчеркивалось: «Основная борьба сейчас ведется против немецких и

¹ Сборник документов и податка... Т. 1. Кн. 1. С. 12—13; *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 7. С. 53—54.

² *Djilas M. Wartime*. P. 7.

итальянских оккупантов и их агентов. Главным средством борьбы сейчас является партизанское движение. Это движение сейчас развивается на югославской территории и под руководством Югославии. Сербская Македония (имеется в виду Вардарская Македония.— Ю. Г.) должна стать базой этого движения, которое бы дезорганизовывало тыл Германии и Италии на Балканах». ИККИ рекомендовал обеим партиям наладить тесное сотрудничество на территории Македонии и «придерживаться права на самоопределение македонского народа»¹. А 27 февраля 1942 г. Г. М. Димитров радировал И. Тито следующее: «Ваши советы о передаче КПЮ руководства македонскими организациями выполнены... ЦК БРП, несмотря на непрерывающиеся попытки установить непосредственную связь с ЦК КПЮ пока не удалось... ЦК БРП полагает, что при существующем положении было бы целесообразно объединить македонскую парторганизацию в самостоятельную македонскую партию, подчинив ее ЦК КПЮ, причем руководство македонскими парторганизациями со стороны ЦК КПЮ надо усилить... Просьба сообщить Ваше мнение по поводу этой информации. Необходимо связаться с ЦК БРП. Необходимо иметь также представителя ЦК КПЮ в Македонии»².

Некоторая задержка с развертыванием народно-освободительной борьбы произошла в Хорватии. Это объяснялось прежде всего сильным террором усташского режима в т. п. «Независимом государстве Хорватия», загнавшего КПХ в глубокое подполье и удерживавшего в тюремных застенках лагеря в Керестинце многих ведущих хорватских коммунистических деятелей (к примеру, Б. Аджию, О. Прицу, О. Кершовани и др., расстрелянных 9 июля 1941 г.)³. Свою роль сыграла и позиция ЦК КПХ, считавшего, что «еще не наступило время для широкой вооруженной борьбы»⁴, так как «приход Красной Армии в Загреб следует ожидать через два-три месяца»⁵. На почве этих разногласий произошел конфликт руководства ЦК КПХ с Й. Копиничем, который добивался безоговорочного подчинения указаниям Коминтерна о проведении акций саботажа, выведения из строя предприятий в городе и др. Возражая против таких акций, руководство

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 237.

² Ibid. T. 9. S. 223.

³ Cencić V. Enigma Kopinić. T. 2. S. 269.

⁴ Morača P. Jugoslavija 1941. Beograd, 1971. S. 310.

⁵ Cencić V. Enigma Kopinić. T. 1. S. 7.

ЦК КПХ утверждало, что «эти объекты нам самим очень скоро понадобятся, так как Красная Армия вступит в Загреб самое позднее через три месяца»¹. Так, В. Попович, по словам Й. Копинича, обвинив его в пораженческих построениях и малодушии, сказал ему 24 июня: «Ты, Йожа, не веришь в силу Красной Армии, что ты нас упрекаешь, ведь мы прекрасно знаем о ее мощи и уверены, что война продлится недолго»².

О такой позиции руководства ЦК КПХ Й. Копинич проинформировал Коминтерн. «Особенно,— вспоминал он впоследствии,— я рассказал о беседах с В. Поповичем. Мне посоветовали вступить в контакт с теми, кто хочет что-нибудь сделать, а не с теми, кто не хочет. Тем временем поступила и вторая телеграмма из Коминтерна, в которой говорилось о задачах каждого коммуниста не по какой-то военной линии, а как борца партии»³. Она была адресована ЦК КПХ, а также ЦК КПЮ — для сведения, и была послана из Москвы 28 июня 1941 г. Высокомерно-приказная ее тональность наглядно иллюстрирует характер тогдашних взаимоотношений Коминтерна с отдельными его секциями. Так, в ней говорилось следующее: «Ваша теория о том, что партия не должна вмешиваться в т. н. военную работу, и отговорка, что это дело «военной линии», являются неправильными. Вся партия является сегодня военным аппаратом, каждый партиец должен защищать СССР, каждый партиец является сегодня мобилизованным красным солдатом...»⁴

По свидетельству Й. Копинича, руководство ЦК КПХ восприняло эту телеграмму как «ультиматум», в частности, В. Попович «отказался выполнять директивы о диверсионных операциях, считая, что в Коминтерне сидят папикеры и что через два-три дня Красная Армия вступит в Загреб»⁵. Не помогло утверждение Й. Копинича, будто телеграмму готовили не без ведома Сталина.

Несмотря на то что И. Тито находился в глубоком подполье в Белграде и прямая связь с ним была затруднена, т. к. осуществлялась ограниченным кругом лиц, знавшим пароль и явки, Й. Копинич все же узнает их у супруги Й. Тито Герты Хас и посылает ему две записки, информируя тем самым о своем конфликте с ЦК КПХ. «Ста-

¹ *Cencic V. Enigma Kopicic. T. 1. S. 202.*

² *Ibid. S. 201, 208.*

³ *Ibid. S. 209.*

⁴ *Ibid. S. 207—208.*

⁵ *Ibid. S. 208.*

рик, — писал он в первой записке, — здесь, вероятно, в руководстве сидят предатели... Ты должен незамедлительно приехать сюда»¹. В другой записке на имя И. Тито Й. Копинич также бил тревогу: «Здесь твои друзья саботируют любую работу... Массы недовольны деятельностью твоих друзей. О такой «работе» я проинформировал Деда (Компютери.— Ю. Г.), так как они ничего не предприняли и после его ясного письма. За все это, естественно, несешь ответственность и ты... Мне кажется, что Дед очень недоволен вами, так как вы ничего, почти ничего не предприняли, чтобы помочь ему»². Оправдывая свои действия, призванные побудить руководство ЦК КПХ к выполнению директив ИККИ, Й. Копинич сообщил И. Тито, что он исходил также и из того, что «ты еще раньше сообщил Деду, что в случае нападения на Союз (СССР.— Ю. Г.) вы поднимете вооруженное восстание»³. И далее: «Я подчеркнул, что надо приступить к рекомендованным акциям, поскольку речь идет о чести нашей семьи (партии.— Ю. Г.), поскольку Дед рассчитывает на твои (И. Тито.— Ю. Г.) обещания»⁴.

Судя по всему, эту информацию Й. Копинича И. Тито получил после личной беседы с прибывшим нелегально в Белград В. Поповичем. На основе всего, что ему стало известно, он решил прежде всего поставить в известность ИККИ относительно того, что «в некоторых организациях проявилась медлительность», но «ЦК распорядился, чтобы поставленные задачи безотлагательно выполнялись под страхом смерти»⁵. В письме, написанном 6 июля лично Й. Копиничу, И. Тито, реагируя на его самовольные действия, предостерег от вмешательства в дела ЦК КПХ, выразив несогласие с предпринятыми им шагами, «поскольку не может обвиняться вся семья... Кто виноват в этой медлительности, — писал И. Тито, — мы разберемся и применим суровые меры... Я отдал решительные распоряжения хорватам, и тот, кто будет саботировать, подвергнется расстрелу»⁶.

Не дождавшись ответа от И. Тито, Й. Копинич, считая, что «линия Деда» и после «директивной речи Сталина»⁷

¹ *Cencić V. Enigma Kopinic. T. 1. S. 214.*

² *Ibid. S. 215—216.*

³ *Ibid. S. 140, 236.*

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 49—50.*

⁶ *Ibid. S. 49.*

⁷ *Cencić V. Enigma Kopinic. T. 2. S. 263, 266.*

не выполняется ЦК КПХ (от 3 июля 1941 г.— Ю. Г.), сообщил 4 июля в Коминтерн следующее: «Здесь же руководство не развивает инициативу масс, а тормозит ее. Несмотря на большое количество составов на железнодорожной станции, ничего не предпринимается. Запрещено выводить из строя телеграфно-телефонную связь. Хотя в лесах много беженцев, партизанские отряды не создаются, так как утверждают, что не пришло время. Вальтер находится в Сербии»¹. Реакция ИККИ на это сообщение Й. Копичича не заставила себя ждать. Охарактеризовав такую позицию руководства КП Хорватии как «трусливую и предательскую», ИККИ подчеркивал: «Освобождение народов тесно связано с уничтожением Германии Советским Союзом. Единый фронт югославских народов против фашистских поработителей должен подкрепляться партизанской деятельностью в тылу врага. Любое колебание и оттяжка является предательством. Ознакомьте народные массы с речью Сталина»². В ответ Й. Копичич радировал в Москву: «Ваши директивы здесь же руководство не признает ни на словах, ни на деле». Сообщив, что он «с Вальтером связи еще не имеет», попросил «разрешения помочь навести порядок»³. На эту просьбу 9 июля от ИККИ поступила телеграмма, гласившая: «Поручаем Вам сформировать новый центр (ЦК КПХ), который провел бы в жизнь данную нами линию. Прервать всякую связь с предательским руководством. Немедленно обезопасьте себя и аппарат от предательства. Что делает Вальтер? Сообщите о партизанском движении в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине»⁴. Получив письмо от И. Тито 6 июля, Й. Копичич сразу же сообщил ИККИ, что «связь с Вальтером восстановлена» и что вопрос о партизанском движении решится, поскольку И. Тито поставил его «очень резко»⁵.

11 июля Й. Копичич присутствовал на заседании Загребского горкома партии, который поддержал его. Было решено информировать И. Тито о «поручении Деда образовать новый Центр», а Загребскому горкому временно

¹ *Cencic V. Enigma Kopinic. T. 2. S. 267.*

² *Ibid. S. 190—191.*

³ *Ibid. S. 267; Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 213, 266.*

⁴ *Cencic V. Enigma Kopinic. T. 2. S. 191; Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 266.*

⁵ *Ibid. S. 267.*

взять на себя организацию акций в соответствии с директивами Коминтерна»¹.

13 июля состоялось заседание ЦК КПХ, на котором было достигнуто «согласие в отношении акций, а также о взаимном сотрудничестве, пока не придет Тито или его уполномоченный»². На этом же заседании, как утверждает Й. Копинич, речь шла об организации побега коммунистов, находившихся в заключении в лагере Керестинец, а также о создании партизанских отрядов³. Акция по освобождению узников Керестинца была осуществлена Загребским комитетом партии в ночь с 13 на 14 июля. Будучи плохо подготовленной, она закончилась трагически: из 90 человек, которым удалось бежать, 68 пало в неравном бою с усташами⁴.

Учитывая создавшееся в Загребе положение, Политбюро ЦК КПЮ приняло 16 июля решение создать специальную комиссию во главе с секретарем Сербского краевого комитета КПЮ Б. Нешковичем для расследования обстоятельств конфликта ЦК КПХ и Загребского горкома партии с участием Й. Копинича. Сообщая 17 июля об этом решении, И. Тито в письме в адрес ЦК КПХ подчеркнул, что «товарищ Воздух (Й. Копинич.— Ю. Г.)⁵ допустил грубую ошибку тем, что все это проделал по своему усмотрению и без нашего ведома вмешался в вопросы, к которым он не имел никакого права касаться... допустив тем самым выпад и против нас в условиях, когда мы не были в состоянии сами информировать Деда о подлинном положении дел»⁶. При этом И. Тито решительно настаивал на том, чтобы ЦК КПХ положил конец личным конфликтам и препирательствам и сделал все возможное, чтобы «поддержать борьбу сербов и черногорцев». «Трусам и саботажникам не только не должно быть места в партии,— писал он,— их надо стереть с лица земли»⁷.

Комиссия ЦК КПЮ, работавшая в Загребе с 23 по 27 июля 1941 г., приняла к сведению информацию ЦК КПХ по этому вопросу. Самокритично признав, что в первые дни нападения фашистских захватчиков на СССР

¹ *Cencić V. Enigma Kopinic. T. 2. S. 191, 268.*

² *Ibid. S. 268.*

³ *Ibidem.*

⁴ *Ibid. S. 192—193, 268—269.*

⁵ Й. Копинич, который пользовался следующими подпольными псевдонимами: Воздух, Вокшин, Вальдес, Глумчев, Н. Н., Антун Кадич и др.

⁶ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 55.*

⁷ *Ibid. T. 7. S. 55—57.*

акции саботажа, диверсии и военные действия были равны нулю, ЦК КПХ объяснил это «большое упущение» тем, что «он передоверил эту работу национальному военному комитету Хорватии, который «своим бюрократизмом, сектантством и бездеятельностью тормозил акции, объективно преступно саботируя эту важнейшую работу»¹.

В итоге расследования Й. Копинич был обвинен в превышении своих полномочий, в неправомерном вмешательстве в дела ЦК КПХ, в противопоставлении себя ЦК КПЮ. Ему была также поставлена в вину осуществленная «в обход ЦК КПХ афера Керестинец»², инкриминированы интриганство и фракционная деятельность, с помощью которых он якобы домогался поста секретаря ЦК КПЮ, пытаясь сместить И. Тито³.

Получая такого рода информацию, И. Тито усомнился, пересылал ли Й. Копинич его телеграммы в Москву вообще и есть ли у него возможность переправлять их туда. В письме, посланном Й. Копиничу, вероятно, в июле, он писал: «Верно ли то, что ты сообщил наверх (в Москву.— Ю. Г.), что все мои отчеты Деду были ложными. Если это правда, то, разумеется, я не могу больше слать тебе информацию и поддерживать с тобой связь»⁴.

После окончания работы комиссии Й. Копинич написал И. Тито письмо, в котором, признав, что поступил не тактично, выразил уверенность, что «теперь, когда все дело взял в свои руки ЦК КПЮ, имевшие место ранее недостатки будут исправлены»⁵. Несмотря на покаяние Й. Копинича, Политбюро ЦК КПЮ решило поставить перед ИККИ вопрос о его замене на посту руководителя радиостанции. Однако ИККИ не согласился с этим предложением. В направленной 27 сентября 1941 г. на имя Вальтера телеграмме Г. Димитрова говорилось: «Мы хорошо знаем Вокшина (Й. Копинича.— Ю. Г.) и доверяем ему так же, как и Вам. Предлагаем окончательное ликвидировать имеющее место недоразумение. Вокшин должен остаться и впредь заведующим пунктом связи. Окажиге Вокшину полное содействие для обеспечения его работой — материальными средствами, документами для Розы (Стеллы Копинич — жены Й. Копинича.— Ю. Г.) и др.

¹ *Cencic V. Enigma Kopinic*. Т. 2. S. 184—185.

² *Ibid.* S. 224.

³ *Ibid.* Т. 1. S. 204—205.

⁴ *Ibid.* Т. 2. S. 199.

⁵ *Ibid.* Т. 1. S. 284.

Время сличком ответствешное, чтобы решать такие вопросы спешешно под влиянием субъективных настроеший. Д.»¹

Хотя у И. Тито, как он сообщил ИККИ, не было доверия к Й. Копиничу, руководимая им радиостанция продолжала и далее активно использоваться ЦК КПЮ для информирования Коминтерна о размахе партизанской борьбы в Югославии, об усилиях ЦК КПЮ по созданию антифашистского фронта в Югославии.

Направлявшиеся И. Тито в Загреб курьерами телеграммы для передачи через загребскую радиостанцию попадали в Москву с большим запозданием. Поэтому он еще 25 ноября 1941 г. попросил Й. Копинича прибыть к нему в Рогатицу и помочь наладить прямую связь Верховного штаба с Коминтерном. Й. Копинич приехал в Рогатицу 30 декабря 1941 г. и пробыл у И. Тито до 4 января 1942 г. Он передал шифровальщику П. Савичу² и радисту В. Драгичевичу резервный шифр и позывные для отправки и приема телеграмм, а также помог наладить работу радиостанции Верховного штаба, благодаря чему И. Тито стал с 9 февраля 1942 г. поддерживать прямую связь с Москвой³.

При первой же личной беседе Й. Копинича с И. Тито возникшая между ними размолвка была улажена. И. Тито в ответ на разъяснения Й. Копинича относительно того, что он не имел в виду «совершить приписывавшийся ему путч в КПЮ, а тем более свергнуть Тито», сказал тогда ему: «Меня убеждали, что ты хочешь запать мое место, что покушаешься на мою голову и что вообще речь идет не о ЦК КПХ. Я знал, что, если ты информируешь Коминтерн о том, что я не выполняю его директив, там решат,

¹ ЦПА ИМЛ; *Cencic V. Enigma Kopinic*. Т. 1. S. 329; Т. 2. S. 262.

² Савич, Павле — партийный псевдоним Пая, родился 10 января 1910 г., академик, физикохимик. Окончил Белградский университет в 1932 г. С 1934 по 1939 г. занимался научно-исследовательской работой в области ядерной физики в Париже. Член КПЮ с 1939 г. Участник НОД с 1941 г. Являлся руководителем шифровального отдела Верховного штаба НОА и ПОЮ. На первой сессии АВНОЮ избран заместителем Председателя АВНОЮ. Являлся членом военной миссии Верховного штаба в Москве. После войны был министром в правительстве Сербии, директором Института ядерных исследований им. Б. Кидрича, заместителем Союзной комиссии по ядерной энергии ФНРЮ, Президентом Сербской академии наук и искусств. Иностранный член академий ряда стран, в т. ч. с 1958 г. АН СССР. За свою научно-исследовательскую работу отмечен золотой медалью М. В. Ломоносова.

³ *Cencic V. Enigma Kopinic*. Т. 2. S. 14.

что меня надо сместить. Это безжалостное правило. Тем более что я дал Сталину обещание сразу же поднять восстание... Кажется, что оба мы были в известной мере введены в заблуждение»¹.

По окончании войны Политбюро ЦК КПЮ по представлению Контрольной комиссии вынесло осенью 1945 г. окончательное решение по т. п. делу Й. Копинича, относящемуся к июню — августу 1941 г. Решением Политбюро за допущенные тогда ошибки Й. Копиничу был вынесен строгий выговор. Причем голоса распределялись так: четыре члена Политбюро высказались за наказание Й. Копинича, в то время как И. Тито, А. Ракович и Ф. Лескошек проголосовали против².

Надо сказать, что И. Тито высоко ценил услуги Й. Копинича, оказанные им партии и до и во время войны. Относясь к нему по-дружески, он обращался к Й. Копиничу по кличке «Малыш», периодически приглашал его к себе, усаживал на торжественных обедах рядом с собой, нередко по правую от себя руку. После войны И. Тито первоначально хотел использовать Й. Копинича в качестве посла Югославии в США, но затем, в силу изменившихся обстоятельств, Й. Копинич оказался на дипломатической работе в Турции, выполняя под прикрытием торгового атташе разведывательные функции, в т. ч., как он сам утверждает, и в пользу СССР³. Вернувшись в начале 1949 г. в Югославию, он работал в министерствах внешней торговли и транспорта, с 1951 г. стал генеральным директором судовой верфи «Уляник» в Пуле. Проработав на этой должности 12 лет, Й. Копинич в середине 60-х годов возглавил загребское предприятие «Ядранброд», а вскоре встал во главе крупнейшего завода в Любляне «Литострой». С 1972 г. находится на пенсии.

§ 2. И. В. СТАЛИН: «ВСЯ ЮГОСЛАВИЯ И ЗАНЯТЫЕ НЕМЦАМИ СОВЕТСКИЕ РАЙОНЫ ОХВАЧЕНЫ ПОЖАРОМ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ»

Первые четыре месяца разраставшейся народно-освободительной борьбой И. Тито руководил из Белграда. Под именем инженера Славко Бабица он был частым гостем В. Рибникара — богатого владельца газеты «Политика», на вилле которого проводились заседания Политбюро ЦК

¹ *Centric V. Enigma Kopinic*. Т. 1. S. 340—342.

² *Ibid.* Т. 1. S. 334; Т. 2. S. 123—124.

³ *Ibid.* Т. 2. S. 126—131.

КПЮ и Главного штаба народно-освободительных партизанских отрядов. Здесь же были выработаны программные документы, определившие стратегию и тактику борьбы, специфика которой учитывала внутреннюю расстановку сил, международную обстановку, политическая линия, отвечавшая интересам подавляющего большинства народа. Была выдвинута идея Единого народно-освободительного фронта (ЕНОФ), инициатором которого сразу же выступила КПЮ, что позволило добиться сплочения всех подлинно патриотических сил на платформе борьбы против оккупантов и их пособников.

Большое значение для разъяснения идеи ЕНОФ имел «Бюллетень Главного штаба народно-освободительных партизанских отрядов Югославии», первый номер которого вышел 10 августа 1941 г. В помещенной в нем статье И. Тито «Задача народно-освободительных партизанских отрядов» подчеркивалось, что они «не являются военными формированиями какой-либо политической партии или группы — в данном конкретном случае и Коммунистической партии, несмотря на то что коммунисты сражаются в первых рядах, а представляют собой боевые части народов Югославии, в составе которых должны сражаться все патриоты, способные к вооруженной борьбе против оккупантов, независимо от своих политических убеждений»¹.

Внимательно изучая ход боевых действий на советско-германском фронте по передачам Московского радио, И. Тито обобщил опыт борьбы советских партизан, изложив его в статье «Борьба партизан против немецких захватчиков на восточном фронте», которая была помещена 8 сентября в пятом номере «Бюллетеня»².

Делая акцент на общенациональных, антифашистских, а не классовых, социальных аспектах народно-освободительной борьбы, ЦК КПЮ в своих документах на первых ее этапах «избегал говорить о социалистической революции»³. Так, призывая народы Югославии «объединиться независимо от их политических и религиозных взглядов и изгнать несправедливых оккупантов из своей страны», ЦК партии в воззвании от 25 июля 1941 г. подчеркивал, что «ведет эту борьбу не ради завоевания власти и не для

---

¹ *Броз Тито И.* Избранные статьи и речи. (Май 1941 — октябрь 1979). М., 1987. С. 71.

² *Броз Тито Ј.* *Sabrana djela.* Т. 7. С. 273.

³ *Броз Тито Јосип.* Избор из дела. Национално питање и револуција. Београд, 1977. Т. 3. С. 472; *Броз Тито Ј.* 60 година револуционарне борбе СКЈ. Београд, 1979. С. 13.

того, чтобы использовать ситуацию для достижения своих целей, как это хотят представить оккупанты и их агенты внутри страны»¹.

Имея в виду особую остроту национального вопроса в королевской Югославии, а также попытки оккупантов и их приспешников разжечь национальную рознь, спровоцировать братоубийственную войну, дезорганизовав единый антифашистский фронт, И. Тито уделял неослабно внимание борьбе за национальную свободу и равноправие всех югославских народов и народностей. В духе выдвинутого КПЮ лозунга «Братство и единство» партия отстаивала право каждого народа самому решать свою судьбу, подчеркивая, что она «будет и впредь бороться за создание братского, свободного и равноправного содружества всех народов Югославии»². Усилия компартии, направленные на слияние всех антифашистских и патриотических сил в единый народно-освободительный фронт, сорвали коварный план контрреволюционных сил, которые хотели представить освободительную борьбу как дело, касающееся исключительно коммунистов и их борьбы за власть³, изолировать КПЮ от народа, развязать гражданскую войну.

Политбюро ЦК КПЮ в Белграде разработало план проведения партизанских операций в Сербии, где пламя вооруженного восстания летом 1941 г. полыхало особенно ярко. Было решено создать свободную территорию в Западной Сербии в качестве базы для более успешного руководства вооруженной борьбой во всей Югославии. Отдавая в конце июля 1941 г. приказ штабу Валевого народно-освободительного партизанского отряда вступить в контакт с руководителем четнических отрядов Д. Михайловичем для достижения договоренности о совместной борьбе против фашистских захватчиков, И. Тито одновременно направил директивное письмо начальнику Главного штаба народно-освободительных партизанских отрядов Сербии С. Жуйовичу, в котором им была поставлена задача освободить в Сербии компактную территорию для перевода туда из Белграда Главного штаба народно-освободительных партизанских отрядов Югославии⁴.

Касаясь этого вопроса, бывший Союзный секретарь по делам народной обороны Югославии Н. Любичич в своей

¹ Сборник докумената и података... Т. 1. С. 25.

² *Броз Тито И.* Избранные статьи и речи. С. 578.

³ *Броз Тито J.* Sabrana djela. Т. 7. С. 82

⁴ *Ibid.* С. 268—269.

книге «Ужицкий партизанский отряд» писал: «Сразу после нападения нацистской Германии на Советский Союз некоторые товарищи в руководстве КПЮ считали, что СССР очень скоро победит. В связи с этим выдвигались предложения, чтобы первая свободная территория, то есть база для успешного развития вооруженного восстания, находилась как можно ближе к границе Советского Союза, например в Хомолье, в Восточной Сербии. Но с учетом развития событий на советско-германском фронте от этого вскоре отказались. Тогда товарищ Тито выбрал территорию в Западной Сербии»¹. Впоследствии И. Тито неоднократно подтверждал, что вначале намеревался расположить Главный штаб в Хомолье, в хомольских лесах. Однако в результате ознакомления с рельефом местности территория Западной Сербии показалась ему более подходящей, поскольку оттуда, в случае наступления противника, открывалась возможность отхода в Боснию и Санджак². Но была и другая причина, не менее важная, чем первая: в Ужицком крае преобладала горная и лесистая местность, а жители этого района отличались, по словам И. Тито, «боевым духом»³. «Мы поступили так потому,— подчеркивал он,— что были глубоко убеждены, что окажемся в революционной среде, жители которой твердо отстаивают свою независимость и свободу»⁴.

Вначале И. Тито и его соратники не предполагали, что им так быстро удастся создать большую свободную территорию⁵. Однако дело с восстанием пошло довольно успешно. Уже 23 августа 1941 г. И. Тито смог сообщить в Коминтерн следующее: «Партизанские бои в Сербии все больше принимают форму народного восстания. Немцы удерживают только крупные города, а села и небольшие населенные пункты находятся под контролем партизан. Партизаны смещают общинные управы... и создают народные комитеты в качестве власти... Все штабы и командиры партизанских отрядов по всей Югославии поддерживают постоянную связь с Главным штабом партизанских отрядов Югославии, которым руководит Вальтер»⁶.

¹ Любичич Н. Ужицкий партизанский отряд. М., 1982. С. 112.

² Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ... S. 81.

³ См.: Тито Броз Ј. Први дани устанка // Борба. 1959. 29 новембар.

⁴ Broz Tito J. Govori i članci. Naprijed, 1959. Knj. 6. S. 156.

⁵ См.: Тито Броз Ј. Први дани устанка // Борба. 1959. 29 новембар.

⁶ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 82, 93—94.

По мере освобождения Ужичкого края в Белграде завершались последние приготовления к переезду руководства партии и Верховного штаба на свободную территорию Западной Сербии. В Белграде же до обоснования Верховного штаба в новом месте на освобожденной территории оставался Центр связи во главе с Б. Нешковичем.

Обзаведясь при содействии священника Д. Милутиновича фальшивым паспортом, выданным в четническом штабе Косты Печанаца на имя командира четы Дринского, И. Тито отправился 16 сентября 1941 г. через весь город на белградский вокзал. Элегантно одетый мужчина, сопровождаемый двумя девушками¹ и священником, ничем не вызвал подозрений оккупационных патрульно-полицейских служб Белграда. Сев в поезд, он благополучно прибыл к вечеру следующего дня в Ужичку Пожегу. Переночевав здесь, И. Тито на следующий день направился в Косьерич, передвигаясь то на извозчике, то пешком, добрался до села Робайе, расположенного недалеко от Валево. Там И. Тито поджидали партизанские дозоры. Здесь И. Тито встретился с инструктором Сербского краевого комитета КПЮ М. Миничем, который рассказал о своих двух безрезультатных встречах с Д. Михайловичем. Стремясь побудить его к сотрудничеству с партизанами в борьбе против фашистских захватчиков, И. Тито лично от-

---

¹ Его сопровождали курьеры Политбюро ЦК КПЮ Веселинка Малинска, а также Даворианка Паунович (Зденка), с которой И. Тито вступил в гражданский брак. Она родилась 19 января 1921 г. в Кучево. Окончила гимназию в г. Пожаревац. К революционному движению приобщилась, будучи студенткой философского факультета Белградского университета. Являлась секретарем парторганизации этого факультета. На протяжении всей войны работала в чине майора личным секретарем И. Тито. В июле 1944 г. была направлена в Советский Союз, где лечилась от туберкулеза легких в санатории «Архангельское». Была награждена советским орденом Отечественной войны I степени. 27 августа 1944 г. через главу Военной миссии НОА и ПОУ в СССР В. Терзича она послала И. Тито радиogramму следующего содержания: «Прошу сообщить Ваше мнение о моем возвращении в Югославию». На это И. Тито ответил 28 августа 1944 г.: «Товарищ Зденка должна вернуться через месяц-полтора. В течение этого времени она должна вылечиться и, по возможности, выучить стенографию». 14 сентября 1944 г. И. Тито телеграфировал В. Терзичу из Виса в Москву: «Даворианка Паунович должна в возможно короткие сроки научиться печатать на машинке с русским шрифтом. Приобретите для нее такую пишущую машинку, с которой она должна вернуться к нам». Однако спасти ее не удалось. Она скончалась 1 мая 1946 г. В соответствии с ее желанием похоронена в Белграде, в саду Белого дворца. В память о ней одна из улиц Пожареваца названа ее именем.

правился 19 сентября для беседы с Д. Михайловичем в село Струганик, приютившееся у подножия горы Равна, где тогда находился штаб руководителя четнических отрядов. Но и на этой встрече Д. Михайлович, продолжая считать, что условия для вооруженной борьбы якобы еще не созрели, наотрез отказался от такого сотрудничества. И. Тито удалось, однако, договориться о том, чтобы четники и партизаны не нападали друг на друга.

Из села Струганик И. Тито переехал в освобожденный г. Крупаць, куда к тому времени, как было условлено, должны были прибыть остальные члены Политбюро ЦК КПЮ и Верховного штаба НОПОЮ. 26 и 27 сентября в небольшом сербском селе Столице он провел военно-политическое совещание высшего руководства народно-освободительного движения Югославии. Его участники с воодушевлением восприняли оглашенное И. Тито приветствие югославским партизанам от партизан Белоруссии и Украины. Совещание завершилось принятием важных решений, которые способствовали укреплению организационных основ ширившегося партизанского движения: предусматривалось создание национальных и краевых главных штабов партизанских отрядов; Главный штаб НОПОЮ переименовывался в связи с этим в Верховный штаб; было решено перейти к созданию стабильных крупных военных формирований, ввести повсюду в стране единую военную структуру партизанских отрядов.

Об итогах этого совещания И. Тито информировал 28 сентября ИККИ, сообщив, что четыре дня назад был освобожден г. Ужице и захвачены большие военные трофеи¹. При этом он обратился с просьбой прислать оружие, сообщив, что в руках партизан находится несколько аэродромов, куда могли бы приземлиться самолеты. Информировав о захваченной у немцев радиостанции, он попросил ИККИ сообщить шифр и ключ для поддержания прямой связи с Москвой. Поблагодарив «героических партизан Белоруссии и Украины» за приветственную телеграмму, сообщил в Москву, что «партизанская армия в Югославии «пламенный партизанский привет»². В начале октября он сообщил в Москву, что «партизанская армия в Югославии насчитывает около 100 тыс. человек и около 30 тыс. четников, которые являются нашими союзниками», и вновь повторил просьбу о присылке оружия.

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 134.*

² *Ibid. S. 134—135.*

10 октября И. Тито на трофейной автомашине, полученной в подарок от Посавского партизанского отряда, прибыл в освобожденный город Ужице — военный и политический центр обширной освобожденной территории, получившей название Ужицкой республики. Этот оазис свободы площадью 19 тыс. км², на которой проживало свыше миллиона человек, просуществовал в оккупированной Югославии 75 дней. Там разместились Политбюро ЦК КПЮ и Верховный штаб НОПОЮ во главе с И. Тито, отсюда они руководили разрастающейся освободительной борьбой на всей территории Югославии.

И. Тито вместе со своими ближайшими соратниками заняли здание Народного банка, примыкающего к склону горы, где находились банковские кладовые, в левом крыле которых было оборудовано бомбоубежище, а в правом — действовал оружейный завод, изготовлявший, в частности, 400 виптовок марки «Партизанка» ежедневно (всего на этом партизанском заводе вооружения и боеприпасов было изготовлено 16 500 таких виптовок¹).

В городе работала также табачная фабрика, выпускавшая сигареты «Красная звезда». По свидетельству М. Джиласа, И. Тито послал тогда советскую пилотку, прозванную впоследствии титовкой, которая стала составной частью военной формы, введенной в народной армии новой Югославии. По его словам, «у всех на головных уборах были пришиты красные звезды, сделанные из плотной материи, в то время как на пилотке у Тито сверкала кем-то подаренная ему эмалированная советская звездочка с серпом и молотом»².

С 19 октября 1941 г. в Ужице впервые после запрета 6 января 1929 г. начала выходить газета «Борба», орган ЦК КПЮ. С середины ноября 1941 г. главным ее редактором стал М. Джилас, отозванный из Черногории. Впоследствии Э. Кардель объяснил это тем, что М. Джилас применял там «чрезмерные репрессивные меры, повлекшие за собой ненужное кровопролитие, что нанесло большой ущерб репутации не только коммунистической партии, но и народно-освободительного движения в целом»³.

В середине — конце октября ЦК КПЮ предпринимает еще одну попытку найти общий язык с четниками. С этой целью Д. Михайловичу 20 октября был передан проект соглашения, в котором в деталях расписывалось возмож-

¹ Любичич Н. Ужицкий партизанский отряд. С. 162—163.

² Djilas M. Wartime. P. 92.

³ Борба, 1974 1—2 маја.

ное сотрудничество партизаны четников по 12 позициям. В частности, предлагалось проведение совместных операций, формирование единого оперативного штаба, создание народно-освободительных комитетов и др. Эти вопросы стали предметом обсуждения на второй встрече И. Тито с Д. Михайловичем, состоявшейся в ночь с 26 на 27 октября в селе Браичи. И. Тито предлагал пригласить на их переговоры прибывшего за два дня до этого в штаб Д. Михайловича английского представителя капитана Б. Хадсона, но Д. Михайлович с этим не согласился. Отклонил он и большинство пунктов переданного ему накануне проекта соглашения. Как писал впоследствии И. Тито, Д. Михайлович «упорно стоял на том, что еще не настало время для начала борьбы. При этом он ссылался на различные карательные акции немцев¹, указывая, что в случае начала вооруженной борьбы эти меры возмездия со стороны оккупантов приобрели бы массовый характер. Он сказал, что не может взять на себя ответственность за такое развитие событий, призывая меня подумать об этом»².

При возвращении с этой встречи с Д. Михайловичем И. Тито едва не погиб, по чистой случайности избежав ловушки четников, заминировавших мост, по которому он должен был проехать³.

Хрупкое состояние нейтралитета между партизанами и четниками было нарушено Д. Михайловичем 2 ноября, когда он неожиданно предпринял нападение на г. Ужице, но был отброшен партизанами к подножию горы Равна. Четнические отряды оказались на грани уничтожения, однако И. Тито воздержался от полного их разгрома, принимая в расчет чисто тактическое соображение, связанное прежде всего с тем, что Д. Михайлович еще не до конца разоблачил свое коллаборационистское лицо в глазах сербского народа, на который «это предательство произвело самое глубокое впечатление»⁴. И. Тито вынужден был также считаться и с международным фактором, связанным с поддержкой Д. Михайловича королевским эмигрантским правительством, за спиной которого стоял официальный Лондон⁵.

---

¹ 21 октября 1941 г. в сербском городе Крагуевац фашисты учинили чудовищную кровавую бойню, зверски уничтожив за один день около 7 тыс. мирных жителей.

² Цит. по: Любичич Н. Ужицкий партизанский отряд. С. 252.

³ См. там же. С. 252—253.

⁴ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 197.

⁵ Ibid. S. 198.

Нападении четников на партизан не помешало, однако, провести в Ужице 7 ноября 1941 г. уникальное для оккупированных стран того трудного 1941 г. мероприятие. В этот день здесь в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции состоялся военный парад, который принимал Верховный главнокомандующий НОПОЮ И. Тито. Была проведена также праздничная демонстрация бойцов партизанских отрядов и жителей города и окрестных сел, организованы тематические лекции, праздничные концерты. Эти торжества, придавшие новые силы партизанскому движению по всей Югославии, явились вместе с тем впечатляющим актом пролетарской солидарности трудящихся Югославии с борющимися народами Советского Союза.

Стремясь положить конец братоубийственному кровопролитию, партизанское руководство во главе с И. Тито, несмотря на вероломство Д. Михайловича, не прекращало поисков налаживания единого с четниками фронта антифашистской борьбы. Одно время, особенно после того как 20 ноября 1941 г. удалось все же подписать соглашение о прекращении состояния враждебности, казалось, что эти усилия могут увенчаться успехом. Однако последовавшее через пять дней генеральное наступление немецких войск на Ужицкую республику со всей очевидностью обожало истинную цену взятых на себя Д. Михайловичем обязательств. Отклонив предложение Верховного штаба НОПОЮ о совместной защите Ужицкой республики, четники оставили партизан один на один с вооруженными до зубов фашистскими войсками. Мобилизовав бронетанковые части, артиллерию и авиацию, гитлеровцы нанесли массированный удар по г. Ужице. Как отмечает М. Джилас в своих мемуарах, «во время этого наступления Д. Михайлович встретился с представителями немецкого командования и пообещал, что его силы не будут сотрудничать с партизанами, пока те сражаются с немцами»¹. В результате восьмидневных кровопролитных боев стало ясно, что перед таким яростным натиском врага город не удержать, и И. Тито отдал приказ об отступлении в горные районы Санджака, к границе Сербии, в Восточную Боснию. Это был критический момент в развитии партизанского движения в Югославии. Грозил реальная опасность пленения и даже гибели всего высшего партизанского руководства во главе с И. Тито. «Я,— вспоминал впоследствии

---

¹ *Djilas M. Wartime. P. 114.*

он,— можно сказать, едва не погиб на раскисшей дороге между селами Забучье и Любаня... Ни один Верховный главнокомандующий ни одной армии, вероятно, не пережил таких моментов в своей судьбе. А вот в нашей, партизанской войне имели место и такие необычные случаи»¹.

В ходе двухмесячных боев — с конца сентября до начала декабря 1941 г. — намного превосходящие немецко-фашистские силы, несмотря на решительный отпор, который оказывали партизанские части, заняли освобожденную территорию, подвергая население жестоким репрессиям.

Под непрерывным огнем противника основным партизанским силам удалось перебраться из Сербии через Санджак в заснеженные горы Боснии. И. Тито вместе с членами ЦК КПЮ обосновался сначала в селе Радойня, а в начале декабря — в селе Дренова, где, по свидетельству М. Джиласа, 7 декабря 1941 г. было проведено заседание ЦК КПЮ, обсудившее создавшуюся военно-политическую обстановку. Тито, по его словам, высказал мнение о необходимости слияния отрядов, отступивших из Сербии, в бригады, не привязанные к определенной территории и способные сражаться в любом месте. Затем Тито неожиданно объявил, что он считает необходимым сложить с себя полномочия секретаря партии, предложив, чтобы этот пост занял Кардель. «Партия не должна нести ответственность за все провалы»², — сказал оп. У М. Джиласа сложилось впечатление, что при этом И. Тито «руководило чувство ответственности, особенно за неудачу в Сербии»³. Предложение И. Тито о его отставке было единодушно отвергнуто, в т. ч. на том основании, что «Москва не поймет этого шага, посчитает, что в КПЮ произошел раскол». По словам М. Джиласа, «Тито был явно доволен нашей реакцией... В ходе заседания он взял себя в руки и вел себя так, как будто ничего и не было»⁴.

¹ Broz Tito J. Vojni memoari // Front. 1972. 5 maja.

² Djilas M. Wartime. P. 118—119.

³ Ibid. P. 119.

⁴ Ibidem; В. Дедьер, ссылаясь на записи тех дней, когда, по его словам, оп «ежедневно находился рядом с И. Тито», а также на свидетельства Э. Карделя, оспаривает утверждения М. Джиласа о том, что 7 декабря было проведено заседание ЦК КПЮ. По его словам, в беседе с ним Э. Кардель, признав, что тогда И. Тито говорил ему, что ужасное поражение угнетает его, вынуждая думать о новых формах борьбы, в частности о создании подвижной армии, сказал: «Поэтому Тито не мог впасть в такую депрессию, чтобы отречься от должности Генерального секретаря пар-

Впоследствии И. Тито вспоминал: «Наше отступление и потеря свободной территории в западной Сербии не имели для нашей последующей борьбы каких-то трагичных последствий, так как тогда у нас уже были свободные территории в Боснии и Герцеговине, в Хорватии и Черногории. Потеря одной территории означала для нас необходимость завоевания другой или этой же, но еще большей площади, так как мы не могли допустить сужения нашей базы в условиях, когда наши вооруженные силы постоянно увеличивались»¹.

Будучи убежденным, что интересы расширения масштабов народно-освободительной борьбы диктуют необходимость создания регулярных, более крупных и более маневренных, чем партизанские отряды, военных формирований, не связанных с определенной территорией, И. Тито приступил во второй половине декабря к «созданию настоящих воинских частей, способных покидать свою территорию и воевать там, где необходимо и когда им будет приказано»². «Тито,— по словам М. Джиласа,— сформировал Первую пролетарскую бригаду из сербских отрядов и двух черногорских батальонов 21 декабря 1941 г., в день рождения Сталина, что не было случайным совпадением... Это была первая постоянная воинская часть, районом действия которой была вся территория Югославии. Она состояла из 1200 бойцов, вооруженных автоматическим оружием... Его созданием Тито продемонстрировал свой талант в вопросах военной организации. Дата создания Первой пролетарской бригады отмечалась до 1948 г. как день армии, когда, после ссоры со Сталиным, она была сдвинута на один день — на 22 декабря»³.

В конце ноября — декабре 1941 г. окончательно расходятся пути-дороги партизан и четников. 30 ноября штаб Д. Михайловича принял решение о т. н. «легализации» четнических отрядов, т. е. об их включении в квислингские вооруженные формирования сербского марионеточного правительства М. Недича, с которым глава четников вступил в антикоммунистический стовор еще 5 сентября⁴.

ти, ибо весь был нацелен на то, чтобы извлечь необходимые уроки из боевых операций в Сербии и предпринять новые меры как с точки зрения организационной структуры армии, так и ее стратегическо-тактических концепций» (*Dedijer V. Novi prilozii... T. 2. B. 947—948*).

¹ Цит. по: Любичич Н. Ужидский партизанский отряд. С. 460.

² Историја СКЈ. С. 196.

³ *Djilas M. Wartime. P. 120—121.*

⁴ См. Любичич Н. Ужидский партизанский отряд. С. 176.

Такая интеграция позволила четникам частично остаться на территории Сербии. Однако после проведенной 6—7 декабря немецкой операции «Михайлович» четнические отряды оказались дезорганизованными, а сам Д. Михайлович, которого гитлеровцы считали «английским агентом», перебазировался в находившийся под итальянской оккупацией Санджак.

В Москве тогда не располагали оперативными данными о таком повороте событий в казалось бы налаживавшемся сотрудничестве партизан и четников, о чем еще в сентябре — октябре информировал ИККИ И. Тито. О том, что с конца октября четники вероломно выступили с оружием в руках против партизан, встав на путь сотрудничества с оккупационно-квислингским режимом, ИККИ узнал со значительным запозданием из телеграммы И. Тито, поступившей на имя Г. Димитрова 12 января 1942 г., в которой говорилось следующее: «В октябре прошлого года подлодкой переброшена в Черногорию англо-югославская миссия в составе англичанина — капитана Хадсона и югославов майоров Лалатовича и Остоича с рацией, имея направление к Михайловичу. Сразу же после их приема Михайлович начал систематически срывать наш прежний с ним договор и готовить открытое нападение на нас. От имени английского правительства капитан Хадсон требовал от нас в ноябре распустить партизан и стать безоговорочно под командование Михайловича. Хадсон заявил, что английское правительство потребует от правительства СССР, чтобы оно заставило нас выполнять требования англичан. 1 ноября Михайлович отвел свои части с фронта и с тыла напал на наши войска. В течение 15 дней мы разгромили Михайловича, он капитулировал, и мы договорились о прекращении военных действий между нами. В наших руках имеются факты о связи Михайловича с Недичем. Помощник Михайловича майор Дангич несколько раз ездил в Белград на переговоры с Недичем. Дангич в декабре заключил с Недичем союз для борьбы против нас в Боснии. Недич должен снабжать их оружием»¹.

Задержка с получением своевременной информации от И. Тито по этому вопросу была вызвана, по свидетельству Й. Копинича, перерывом в радиосвязи, «поскольку Советы, из-за немецких налетов, переносили свои центры связи на Урал и далее на восток». В условиях дефицита информации от ЦК КПЮ ничуть не удивительно, что в ряде слу-

¹ ЦПА ИМЛ.

чаев в печати Советского Союза использовались и зарубежные материалы, в которых четники представлялись в качестве антиокупацционной, антифашистской силы движения Сопротивления в Югославии. Однако они отнюдь не отражали официальной точки зрения Советского правительства, которое прочно стояло на позициях последовательной поддержки народно-освободительного движения, руководимого КПЮ. Конечно же, правительство СССР в полном единодушии с руководством КПЮ и НОД считало желательным объединение на антифашистской платформе усилий всех противостоявших в Югославии оккупантам сил, независимо от их политической ориентации. Это нашло, в частности, отражение и в советском предложении Англии от октября 1941 г. о координации и объединении усилий обеих стран в оказании помощи антигитлеровскому движению в Югославии. Когда же 17 ноября 1941 г. из Лондона поступила поддержанная англичанами просьба эмигрантского королевского правительства об оказании содействия в установлении единого фронта борьбы против фашизма в этой стране путем подчинения партизан Д. Михайловичу как «национальному вождю», Советское правительство, поставленное в довольно-таки трудное положение, прибегло к сложному дипломатическому маневрированию. Ему удалось отклонить ловко завуалированное приглашение СССР участвовать в похоронах партизанского движения в Югославии. Как справедливо считает югославский историк Н. Попович, Советское правительство оказалось тогда «в незавидном положении»¹. «Жизненные интересы,— пишет он,— подсказывали ему ни в коем случае не ухудшать отношения с одним из союзников — Великобританией, причем в канун решающей битвы за Москву. Согласись Советское правительство с югославскими и британскими требованиями о подчинении югославских коммунистов Д. Михайловичу, оно признало бы тем самым факт поддержания им связи с коммунистами, что еще больше усилило бы подозрения со стороны союзников и осложнило бы межсоюзнические отношения. Поэтому в данном случае лучшим решением было — молчание. И только 6 января 1942 г. А. Вышинский ответил Д. Богичу (поверенному в делах Королевства Югославии в СССР.— Ю. Г.): «Советское правительство не считает уместным вмешиваться в восстание в Югославии»². Такая позиция Совет-

¹ *Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi... S. 64.*

² *Ibidem.*

ского Союза, по существу, означала фактическую поддержку КПЮ и возглавляемого им народно-освободительного движения Югославии. Следует учесть, что деликатность ситуации усугублялась и тем, что ставший к тому времени генералом руководитель четников Д. Михайлович был включен в декабре 1941 г. в состав югославского королевского правительства в эмиграции в качестве военного министра, а в январе 1942 г. возглавлявшиеся им воинские формирования были официально провозглашены «югославской армией на родине».

На протяжении всей войны Советскому правительству пришлось вести дипломатическую борьбу с Великобританией и США по т. н. югославскому вопросу.

Но если в сфере дипломатии Советскому Союзу приходилось проявлять вполне понятную гибкость и осторожность, то в своей пропаганде он всецело и открыто демонстрировал свои симпатии народно-освободительному движению, оказывая ему безоговорочную морально-политическую поддержку.

Советская печать и радио, Совинформбюро и ТАСС, широко и обстоятельно рассказывая о боевых действиях и мужественных подвигах воинов НОАЮ и югославских партизан, об их успехах, доносили до всего мира правду о том, кто в действительности сражается в Югославии против фашизма, а кто встал на путь пособничества ему. Уже 8 июля 1941 г. Совинформбюро сообщило о массовых выступлениях против германского фашизма в Югославии¹. «Сербские партизаны, отделенные от советских партизан и Красной Армии многими сотнями миль,— отмечалось 15 июля 1941 г. в «Правде»,— фактически дерутся плечом к плечу, делают общее дело».

Подчеркивая большое значение борьбы народов Югославии в общих усилиях антигитлеровской коалиции, «Правда» 1 августа 1941 г. писала: «Действия германских насильников встречают достойный отпор югославских патриотов... В партизанских отрядах участвуют десятки тысяч людей... Народы Югославии — на стороне Советского Союза. Они являются активными участниками коалиции демократических держав, борющихся со злейшим врагом человечества — германским фашизмом». 12 августа 1941 г. в советских газетах сообщалось о дальнейшем развертывании партизанской войны в Хорватии, Сербии, Боснии и

---

¹ См.: Сообщения Советского Информбюро. М., 1944. Т. 1. С. 37.

Герцеговине, Черногории¹. Как отмечалось в советской прессе 31 октября 1941 г., «число партизан, ведущих с оружием в руках борьбу против немецких и итальянских оккупантов и их клеветов, достигло 80 тыс. человек»². 20 ноября 1941 г. советские партизаны обратились по радио к югославским партизанам. «Мы,— говорилось в приветствии,— слышали о ваших героических подвигах в борьбе против немецкого фашизма. Глубоко уверены, что и вы, и мы выстоим в этой героической борьбе против общего врага до тех пор, пока совместно со славной Красной Армией полностью и окончательно не уничтожим немецкий фашизм»³.

Высокая оценка успехов народно-освободительного движения была дана в приказе народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина от 1 мая 1942 г., в котором отмечалось, что «вся Югославия и занятые немцами советские районы охвачены пожаром партизанской войны»⁴. Эта похвала Сталина получила широкий отклик в партизанском движении Югославии.

Отдавая должное тому, что «советские средства информации и советская дипломатическая служба поддерживали нашу линию и тем самым косвенно оказывали давление на мировое общественное мнение», Э. Кардель отмечал в своих мемуарах, что «особую ценность для нас имела радиостанция «Свободная Югославия», которая своими передачами... способствовала распространению правды в нашей борьбе...»⁵. Созданная на территории СССР при содействии Советского правительства в рамках радиосети Коминтерна, «Свободная Югославия» вела вещание с 11 ноября 1941 г. по январь 1945 г. Передачи этой радиостанции готовились представителями КПЮ в Москве. После того как была установлена прямая радиосвязь И. Тито с ИККИ (февраль 1942 г.), стали поступать материалы от ЦК КПЮ, Верховного командования НОАЮ и партизанских отрядов, которые сыграли важную роль в политическом просвещении югославских трудящихся, в укреплении международных позиций народно-осво-

---

¹ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 466.

² Там же. С. 475.

³ Исторички архив Комунистичке партије Југославије. Т. 1. Књ. 1. Београд. С. 321.

⁴ Правда. 1942. 1 мая.

⁵ *Kardelj E. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije (1944—1957)*. Ljubljana, 1980. S. 40.

бодительного движения Югославии. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что помимо передач на языках народов Югославии с октября 1942 г. она стала вещать также на английском, французском и чешском языках¹.

Несмотря на огромные трудности, которые испытывал Советский Союз, особенно в печальный период войны, он оказывал посильную помощь братским югославским народам, рассматривая ее как выполнение своего интернационального долга. Однако материальная помощь Советского Союза стала поступать в Югославию планомерно только с начала 1944 г., когда советско-германский фронт приблизился к Югославии на расстояние, позволявшее советской авиации дальнего действия достигать ее территории. Но доставка советских военных грузов в Югославию была по-прежнему сопряжена с огромными техническими препятствиями, так как нашим самолетам и тогда приходилось преодолевать под огнем противника расстояния, превышавшие 1300 км. 27 марта 1942 г. Г. Димитров сообщал И. Тито: «Прилагаются все усилия помочь вам вооружением. Технические трудности, однако, огромные. На их преодоление в ближайшее время, к сожалению, нельзя рассчитывать. Просьба иметь это в виду и стараться всяческими способами пока добывать оружие у врага и рационально использовать наличное у вас оружие»².

По свидетельству Й. Копинича, И. Тито «сознавал, что Советы находятся в тяжелом положении и что доставка помощи маловероятна». Сам он говорил тогда И. Тито, что «иллюзорно ожидать советской помощи воздушным путем, поскольку не существует таких самолетов, которые были бы в состоянии преодолеть несколько тысяч километров до нашей свободной территории». Отвечая ему, И. Тито сказал: «Знаю я это, но как мне сообщить об этом моим командирам и бойцам, которым эта надежда помогает выстоять даже в самых трудных боях?» И, немного помолчав, он добавил: «Я думаю, что эта война будет длительной. Но я и об этом не могу сказать партизанам, которые ожидают скорой победы Красной Армии. Представляешь, они уже готовятся к встрече Красной Ар-

---

¹ См.: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 525; *Влаховић В. Сеќања // Политика*. 1975. 12, 13 марта.

² Архив ЦК СКЮ, фонд «ЦК КПЮ — КИ», 1942/88; *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 7. С. 94, 134, 145.

мпи в Белграде. Если бы я сказал им правду, у многих бы опустились руки!»¹

В феврале 1943 г. Г. Димитров в очередной раз радиовал И. Тито по вопросу о военной помощи: «Вы не должны ни на минуту сомневаться, что если была бы и малейшая возможность оказать материальную помощь вашей прекрасной героической борьбе — мы это давно бы сделали... Многократно мы обсуждали лично с Иосифом Виссарионовичем пути и средства оказания вам помощи. К сожалению, до сих пор разрешить эту задачу положительно не удалось из-за непреодолимых технических и транспортных трудностей. Мы не прекратим и теперь наших усилий для отыскания реальных возможностей посылки помощи. Как только эти возможности будут добыты, сделаем все необходимое»².

С продвижением советско-германского фронта на Запад советская военно-транспортная авиация смогла приступить к систематическим полетам в Югославию с военными грузами. По неполным данным, со специальной авиационной базы в районе Винницы, в местечке Калиповка, организованной в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 8 мая 1944 г., советская авиация дальнего действия совершила 1930 самолето-вылетов, доставив НОАЮ и югославским партизанам 1758 т вооружения, боеприпасов, средств связи, обмундирования, медикаментов³.

Военная помощь Советского Союза особенно возросла после того, как по согласованию с западными союзниками было решено организовать в соответствии с постановлением ГКО от 17 июня 1944 г. советскую авиабазу в Бари (Италия). Отсюда советские летчики на транспортных самолетах и истребителях совершили около 1500 самолето-вылетов, перебросив в 52 пункта освобожденной территории Югославии около 3 тыс. т различных военных грузов, а также переправив в районы боевых действий НОАЮ более 3700 солдат и офицеров и эвакуировав из этих районов 1603 раненых югославских бойца. Через базу Бари в Югославию было доставлено свыше 80 советских врачей и

¹ *Cencic V. Enigma Koprnic. T. 2. S. 13.*

² Архив ЦК СКЮ, фонд «ЦК КПЮ — КИ», 1943/49; ЦПА ИМЛ; *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 14. S. 298.*

³ См.: Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960. С. 48—49; Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. Изд. 2-е. М., 1974. С. 207, 214.

медсестер, которые оказали помощь 11 тыс. раненым югославским воинам. За мужество, проявленное в операциях по снабжению НОАЮ, 57 советских летчиков 4-го бомбардировочного корпуса авиации дальнего действия были награждены югославскими орденами и медалями, а пятеро из них удостоены звания Народного Героя Югославии.

После выхода Красной Армии в сентябре 1944 г. к границе Югославии СССР получил возможность значительно расширить объем своей военной помощи, а также оказать непосредственное военное содействие дружественной НОАЮ в освобождении северо-восточных районов страны и Белграда. Отмечая, что на заключительном этапе войны эта помощь «как с качественной, так и с количественной точки зрения приобрела исключительное значение», Э. Кардель подчеркивал в своих мемуарах: «Трудно представить себе, что наша армия смогла бы без этой помощи выполнить задачи, которые стояли перед ней в ходе боев на сремском фронте, за Триест и Каринтию»¹. Всего за годы войны СССР предоставил новой Югославии около 155,3 тыс. винтовок и карабинов, более 38 тыс. автоматов, более 15,5 тыс. пулеметов, 5,8 тыс. орудий и минометов, 69 танков, 491 самолет, а также большое количество боеприпасов, обмундирования, снаряжения².

**§ 3. И. ТИТО: «НИКОГДА НЕ СДЕЛАТЬ НИЧЕГО ТАКОГО,
ЧТО УСЛОЖНИЛО БЫ
И БЕЗ ТОГО ОЧЕНЬ ТРУДНУЮ СИТУАЦИЮ,
В КОТОРОЙ ТОГДА НАХОДИЛСЯ
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»**

На протяжении всей войны КПЮ неизменно исходила из того, что СССР несет главную тяжесть противоборства с фашизмом, что он сражается за свободу всех поработанных народов, за избавление всего человечества от фашистского ига; что Советский Союз, будучи связанным с югославскими народами узами старой славянской дружбы, является главным и единственным искренним союзником народно-освободительного движения Югославии. Вся пар-

---

¹ *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 54.

² См.: Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. С. 48—49; Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. С. 227—228.

тийно-политическая и пропагандистская деятельность КПО в период войны была выдержана в восторженных в отношении Советского Союза тонах восхищения его примером как «государства счастья и процветания трудящихся», как «образца для подражания». Тональность ей задавали партийные документы, решения ЦК КПО, высказывания Генерального секретаря ЦК КПО И. Тито. Показательными в этом смысле являются оценки роли СССР, Красной Армии для судеб Югославии, содержащиеся, к примеру, в письме Верховного штаба народно-освободительных партизанских отрядов Югославии, направленном 2 января 1942 г. Исполнительному комитету Освободительного фронта словенского народа: «Мы, народы Югославии, всем обязаны русскому народу, Советскому Союзу и его Красной Армии. Только она в состоянии противостоять натиску фашистских армий и, только опираясь на Советский Союз, могут народы Югославии — и особенно словенский народ — гарантировать себе свободное развитие в будущем. Крах Гитлера близок. Подобно тому как Советский Союз до сих пор нес на своих плечах львиную долю борьбы против фашизма, так и в ближайшем будущем его помощь угнетенным, особенно малым народам, будет иметь решающее значение»¹. В этих условиях вполне логично, что вышеупомянутый приказ Сталина по случаю 1 Мая 1942 г., в котором отдавалось признание и народно-освободительной борьбе в Югославии, был воспринят ЦК КПО как боевой призыв, адресованный и югославским воинам.

По случаю 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции ЦК КПО разослал во все парторганизации инструкцию, в которой подчеркивалось, что четвертьвековая годовщина Великого Октября «должна отмечаться на всей освобожденной территории и во всех частях. Ни одно село, ни одна часть не должны остаться без праздничных мероприятий»². В приказе И. Тито в связи с этой годовщиной подчеркивалось: «Вместе с советским народом, с нашей героической союзницей Красной Армией и партизанами Советского Союза мы уже 17 месяцев сражаемся против фашистских оккупантов и их приспешников — национальных предателей. Это наш долг перед братским Советским Союзом, который несет на

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 8. S. 83.

² Oktobar u Jugoslaviji, 1918—1945. Izbor iz dokumenata o godišnjicama Oktobra. Beograd, 1967. S. 589.

своих плечах почти всю тяжесть кровопролитной войны за спасение человечества от фашистских захватчиков»¹. Выступая 27 ноября 1942 г. на первой сессии АВНОЮ в г. Бихаче, И. Тито заявил, что «все результаты нашей борьбы, которых мы добились на сегодняшний день, являются большей частью заслугой наших великих славянских братьев — русских и всех народов Советского Союза». Свою речь он закончил здравицами в честь «нашего великого союзника Советского Союза», «великого вождя и стратега Сталина», «героической Красной Армии», «наших союзников Англии и Америки»². В телеграмме, посланной И. Тито Сталину по случаю годовщины Великого Октября, выражалась гордость по поводу того, что «учение и опыт великой партии Ленина — Сталина» стали также достоянием КПЮ, содержалось заверение в том, что «коммунисты Югославии сделают все для того, чтобы КПЮ была достойной своего учителя», подчеркивалось, что «народы Югославии с честью выполняют свой долг в совместной борьбе против фашистских империалистов и их прислужников»³.

Воссоздавая царившую тогда атмосферу поистине благоговейного отношения югославских коммунистов, партизан, воинов ПОАО к СССР, ко всему советскому, югославский историк П. Попович пишет: «Краткий курс истории ВКП(б)» читался и воспринимался как евангелие, самой любимой книгой был роман Н. Островского «Как закалялась сталь», а целое поколение партизан, членов СКМЮ отождествляло себя с П. Корчагиным, героем этого романа. Партизанские песни сочинялись на русские мелодии. Со словами «Да здравствует Сталин!» партизаны шли в атаку и гибли на поле брани»⁴. Преобладающее тогда, по мнению П. Поповича, догматическое, пекритическое восприятие СССР, «идеализированное восхваление СССР, Сталина, советского опыта и достижений», которые характеризовали отношение югославов к Советскому Союзу во второй мировой войне, сыграли «исключительную роль в войне и революции в Югославии»⁵. И далее: «Политика опоры на СССР подразумевала для КПЮ участие в войне не только с целью разгрома фашизма, но одновременно означала и то, что с его помощью она придет к вла-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 12. S. 176.

² Ibid. T. 13. S. 43.

³ Ibid. T. 17. S. 118.

⁴ Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi... S. 305.

⁵ Ibidem.

сти и построит по образцу советской модели политическую и общественную систему в своей стране»¹.

Как отмечает югославский историк В. Джуретич, в обстановке всеобщего преклонения перед Советским Союзом Генеральный секретарь ЦК КПЮ, поддерживающий постоянную радиосвязь с Коминтерном, являлся в представлении рядовых югославов «эмиссаром» Сталина, великой России», «человеком Москвы», что усиливалось упорно распространявшимися слухами о русском происхождении И. Тито, в результате чего он объективно воспринимался «как синоним нескольких мощных символов: советизма (русофильства), Коминтерна (коммунизма) и панславизма, как олицетворение великих мифов: Сталина и Димитрова»².

Целиком и полностью ориентирясь на первую страну социализма, во всем солидаризуясь с ней, КПЮ, о чем уже говорилось выше, в первый же день нападения фашистских захватчиков на Советский Союз призвала народы Югославии выразить ему свою поддержку самоотверженной борьбой против оккупантов. После известной телеграммы ИККИ от 22 июня 1941 г. КПЮ были приняты меры к уточнению стратегии и тактики народно-освободительной борьбы, к приведению своей линии в соответствие с установкой Коминтерна о том, что «на данном этапе речь идет об освобождении от фашистского угнетения, а не о социалистической революции»³. Как отмечается в «Истории СКЮ», данная установка заменила «десятилетиями господствовавшую в международном коммунистическом движении доктрину свержения империализма путем превращения империалистической войны в революционную, классовую войну за победу европейской и мировой революции»⁴. В связи с этим ЦК КПЮ, отойдя от прежнего акцентирования антикапиталистического и антиимпериалистического характера вооруженной борьбы против оккупантов, стал выдвигать на передний план прежде всего антифашистские и освободительные ее цели⁵. При этом И. Тито, как Генеральный секретарь ЦК КПЮ, не только высказался за сотрудничество на равноправной основе со всеми политическими силами, которые были готовы вклю-

¹ *Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi... S. 69.*

² *Duretic V. Saveznici i jugoslovenska ratna drama. Beograd, 1985. S. 66—67.*

³ *Историја СКЈ. С. 196.*

⁴ *Ibid. С. 196—197.*

⁵ *Ibid. С. 197.*

читься в освободительную борьбу, по и сам, как было показано выше, предпринял целый ряд конкретных инициативных шагов, направленных на сплочение всех подлинно патриотических сил на антифашистской основе.

В рамках такой корректировки, уточнения политического курса ЦК КПЮ претерпела изменение и высказанная И. Тито в августе 1941 г. идея создания Народного комитета освобождения Югославии, о которой он, информируя ИККИ, писал: «Мы готовимся создать Народный комитет освобождения, в который войдут представители разных демократических течений вместе с нашими людьми. Это будет в некотором роде народная центральная власть. Комитет обратился с призывом к народу к всеобщей борьбе. Фамилии мы сообщим позднее. Комитет будет нелегальным»¹.

Разъясняя ход своих мыслей, И. Тито говорил, что замысел о создании такого органа вписывался в усилия КПЮ, направленные на объединение всех антифашистских патриотических сил в единой народно-освободительной борьбе, и преследовал цель подчеркнуть ее широту, лишить аргументов враждебную пропаганду, пытавшуюся «представить (партизанское) движение как чисто коммунистическое дело»².

Однако, соизмеряя тактическую целесообразность такого шага со степенью зрелости внутренних и внешних условий, И. Тито и возглавляемое им руководство КПЮ и народно-освободительного движения пришли в сентябре 1941 г. к выводу, что в сложившейся тогда конкретной обстановке зарождения антигитлеровской коалиции, участником которой выступало также югославское эмигрантское правительство, поддерживавшее официальные отношения со всеми союзными державами, включая СССР, было бы преждевременным форсировать осуществление этой идеи³. Как отмечал И. Тито, «когда в начале сентября 1941 г. я узнал, что Советское правительство вновь установило, т. е. возобновило дипломатические отношения с югославским королевским правительством в эмиграции, мне на основе этого стало еще более ясно, насколько сложными были отношения в рамках антигитлеровской коалиции и какие усилия прилагает Советское правитель-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 94.

² Ibid. S. 81.

³ См.: Губианский Л. Я. Советский Союз и повал Югославия. 1941—1947 гг. М., 1987. С. 72.

ство с целью укрепления этой коалиции, что вместе с тем было и предупреждением для нас проявлять в своей политике осторожность... Поэтому я предложил в тот момент отказаться от создания такого комитета... Об этом мы приняли решение на военно-политическом совещании в селе Столице в конце сентября 1941 г.»¹. Было сочтено целесообразным вернуться в этому вопросу тогда, когда станет ясно, что «обстановка и с точки зрения международных отношений созрела для этого»².

Настаивая на сплочении всех патриотических сил, расширении политической базы антифашистской борьбы, ЦК КПЮ на упомянутом совещании представителей штабов и командиров народно-освободительных партизанских отрядов Югославии в селе Столице подверг критике «многие недостатки и ошибки», «сектантские проявления в отношении союзников по борьбе», в частности, как писал 1 октября 1941 г. И. Тито, «в отношении занимающих сейчас нейтральную позицию групп четников, которые не расположены еще вступить в борьбу, но не являются враждебными нам»³. С тем чтобы выбить почву из-под ног тех, кто обвинял КПЮ в стремлении с помощью восстания установить советскую власть, было сочтено целесообразным разъяснить в вышедшем 19 октября 1941 г. первом номере газеты «Борба», что народно-освободительные комитеты не являются органами ни одной политической партии, что в них должны быть представлены «все те политические группы, организации и лица, которые сегодня стоят на позиции борьбы против оккупантов»⁴.

Исходя из антифашистской общедемократической концепции, разворачивавшейся в Югославии под руководством КПЮ народно-освободительной борьбы, ЦК КПЮ и лично И. Тито резко осудили сектантские проявления в деятельности партийной организации Черногории, Боки и Санджака, а также представителя ЦК КПЮ в Черногории М. Джиласа. «Достаточно прочитать речь Сталина от 7 ноября и призывы ЦК ВКП(б), — писал И. Тито 10 ноября Э. Карделю, — чтобы убедиться в том, что наше мнение, изложенное в последнем письме (22 октября. — Ю. Г.), правильное. Речь идет о борьбе против немецкого империализма как конкретного врага»⁵. За допущенные ошибки

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 82.

² Ibidem.

³ Ibid. S. 138.

⁴ Борба. 1941. 19 новембар.

⁵ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 186—189, 252.

М. Джилас был отозван в начале ноября 1941 г. из Черногории и заменен И. Милутиновичем. Решения же состоявшейся 8 августа партийной конференции Черногории, Боки и Санджака, как страдающие «крупными политическими и военными ошибками, были отменены».

Продолжая считать, что «придание партизанским частям узкоклассового характера... сужает массово-политическую базу народно-освободительной борьбы», И. Тито пришел под влиянием разгрома Красной Армией гитлеровских войск под Москвой к выводу, что в развитии политической обстановки в мире начинается новый этап в духе более резкой классовой дифференциации, что «проявляется и у нас во все большем объединении всех реакционных сил против нас». В связи с этим И. Тито поставил перед партией «новые задачи: более тесное объединение рабочего класса с бедняцко-крестьянскими массами, повышение роли партии, более активная популяризация СССР и социалистического строительства, укрепление внутреннего единства партии и расширение ее рядов, создание пролетарских, наших воинских частей, которые будут оказывать более решающее влияние на исход боев». В контексте этих установок он сообщил руководителям народно-освободительной борьбы на местах о том, что 21 декабря 1941 г. была «создана Первая пролетарская народно-освободительная ударная бригада в качестве ядра будущих подобных формирований». «Сообщаем, — писал он, — что флаг этой бригады — красный с серпом и молотом. Это по существу вооруженные силы партии»¹.

Из сказанного видно, что в первой половине декабря 1941 г. как следствие провала немецкого наступления на Москву и обострившегося противоборства народно-освободительного движения с буржуазно-монархическими силами и их военными формированиями в руководстве ЦК КПЮ во главе с И. Тито возобладала точка зрения о том, что «вооруженная борьба против оккупантов переросла в классовую войну между рабочими и буржуазией»². На основании этого был сделан вывод об «актуализации проблемы послевоенного устройства в Югославии»³, поскольку «война быстрыми темпами близится к своему завершению»: в этой обстановке следует готовиться к наступлению «второго этапа» революции, в ходе которого родится новая

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 8. S. 31, 35.

² Djilas M. Wartime. P. 119.

³ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 8. S. 224, 228.

Югославия¹. Поэтому уже с конца 1941 г. ЦК КПЮ, по-прежнему отстаивая первоочередность решения общенациональной задачи освобождения от фашизма, стал все более определенно подчеркивать, что возврата к старой Югославии, где трудящиеся массы угнетались и эксплуатировались, а народы были лишены всех прав, не будет, будущая Югославия может быть только свободным братским содружеством равноправных народов. Заостряя внимание на проблеме послевоенного государственного и общественного устройства Югославии, ЦК КПЮ предупреждал вместе с тем: это «не следует понимать как крутой поворот в нашей политике, которая проводилась до сих пор»².

В своих мемуарах М. Джилас, вспоминая беседы с Э. Карделем в Ужице (1941 г.) и Яйце (1943 г.), утверждал, что в ноябре 1941 г. Э. Кардель считал, будто в Югославии уже началась национальная революция, но полагал, что по тактическим соображениям не следует злоупотреблять революционной фразеологией, нельзя давать повод реакционным силам представлять борьбу против фашизма как «борьбу коммунистов за советскую власть», тем более что такого же мнения придерживались Коминтерн и руководство Советского Союза. Позже, в 1943 г., Э. Кардель в критическом тоне говорил ему о «сектантских ошибках» в Сербии в 1941 г., подразумевая под этим «узость нашей пропаганды и, возможно, нашей организации, возглавлявшейся исключительно коммунистами, использование в качестве эмблемы красной звездочки и приветствия в виде скажотого кулака и т. д.»³.

В начале февраля 1942 г. ЦК КПЮ, стремясь избежать сектантских перегибов, недвусмысленно подтвердил широту социально-политической базы народно-освободительной борьбы, пояснив, что революционные перемены должны осуществляться в ее рамках.

13 февраля 1942 г. ИККИ предложил Верховному штабу народно-освободительных отрядов Югославии выступить от имени югославских народов с кратким воззванием к народам оккупированных стран. «В этом воззвании, — говорилось в телеграмме ИККИ, — рассказывая о том, как ваш народ борется за свободу и независимость, Верховный штаб призвал бы эти народы не производить военную продукцию, не предоставлять сырье и продукты питания кровожадному Гитлеру, всячески дезорганизовывать его воен-

¹ Историја СРЈ. С. 216.

² Ibidem.

³ *Djilas M. Wartime*. P. 95, 99.

ную машину, развивать партизанское движение против оккупантов и всеми силами добиваться полного поражения смертельного врага всех народов Европы — немецкого фашистского империализма. Такоо воззвание мы бы предали самой широкой огласке через печать и радио. Сообщите ваше мнение. Д.»¹. 23 февраля 1942 г. И. Тито ответил, что Верховный штаб приветствует это предложение и готов выступить с подобным воззванием. Однако вскоре в Москве от этой идеи отказались, в связи с чем 22 марта 1942 г. Г. Димитров сообщил И. Тито следующее: «Посоветовавшись по вопросу обнародования воззвания Верховного штаба, мы пришли к выводу, что в интересах дела надо временно отложить его опубликование до тех пор, пока не будут окончательно разъяснены некоторые вопросы отношений между советским и югославским правительствами»².

Решение повременить с таким воззванием совпало по времени с тем, что ИККИ в начале марта 1942 г. высказал несогласие с некоторыми аспектами политики КПЮ. Поскольку речь идет о первых проявлениях определенных разночтений в позициях ИККИ и ЦК КПЮ, обусловленных прежде всего недостаточной взаимной информированностью, а также неодинаковым видением в силу объективных причин конкретных проблем, являвшихся предметом переписки, есть смысл привести текст телеграммы ИККИ от 5 марта 1942 г., с тем чтобы читатель сам смог составить представление не только о сути критических замечаний, но и о той тональности, в какой они были сделаны. В ней, в частности, говорилось следующее: «При анализе всех ваших информации создается впечатление, что на основании некоторых сведений, полученных от англичан и югославского правительства, можно предположить, что партизанское движение приобретает коммунистический характер и направлено на советизацию Югославии. Зачем вам, например, нужно было создавать специальную пролетарскую бригаду? Ведь сейчас основная непосредственная задача заключается в том, чтобы объединить все антигитлеровские элементы, разгромить оккупантов и добиться национального освобождения. Как объяснить тот факт, что сторонникам Англии удается сформировать вооруженные части, противостоящие партизанским отрядам? Разве кроме коммунистов и сочувствующих им нет других югославских патриотов, с которыми вы могли бы вместе сражаться

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 9. S. 30, 235.

² Ibid. S. 267.

против оккупантов? Трудно согласиться с тем, что Лондон и югославское правительство идут вместе с оккупантами. Здесь должно быть какое-то большое недоразумение. Очень вас просим, серьезно подумайте о всей вашей тактике и деятельности, проверьте, все ли вами сделано со своей стороны для того, чтобы по возможности создать подлинный и единый национальный фронт всех врагов Гитлера и Муссолини в Югославии ради осуществления единственной задачи — изгнания захватчиков и поработителей, если нет, срочно примите меры и проинформируйте нас. Д.»¹.

Спустя четыре дня И. Тито направил Г. Дмитрову ответ следующего содержания, который был получен в Москве 10 марта 1942 г.: «На основе наших информации Вами сделано ошибочное заключение. Сторонники правительства в Лондоне не все и не открыто сотрудничают с оккупантами в борьбе против партизанской и добровольческой армии Югославии. Они борются против нас под именем Недича, которого пазывают лучшим сыном Сербии. Отряды Д. Михайловича сейчас влиты в армию Недича. Это жандармы, офицеры и бандитские шайки четников Печанца.

Сторонники правительства в Лондоне с самого начала партизанского движения в Югославии были решительно настроены против вооруженной борьбы с оккупантами, говоря, что это вызывает репрессалии против жителей. Таких взглядов был и Дража Михайлович. Как раз из-за этого они выступают вооруженной силой против нас и поэтому для борьбы против нас оккупанты дают им военные матерпалы. Это малочисленные шайки, которые имеются только в Сербии и Боснии. Верховный штаб партизанской и добровольческой армии имеет до 200 000 бойцов. Это не только коммунисты и сочувствующие, а и сторонники разных партий, истинные патриоты. И у нас есть офицеры и генералы, но они честные патриоты.

Пролетарские бригады мы создали не с начала партизанского движения, а зимой, в декабре месяце, когда в этом оказалась необходимость. Это подвижные части, составленные из рабочих и крестьян. Они служат примером того, как пужно бороться за свою национальную независимость. Создание их имело огромное влияние на другие части партизан и добровольцев. У нас отмечается массовое желание крестьян к вступлению в пролетарскую бригаду, но мы не идем по линии зачисления всех желающих в эту бригаду, а создали добровольческие части, чтобы соединить

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 9. S. 224.

всех патриотов в борьбе против оккупантов. Вальтер»¹.

О содержании телеграммы ИККИ от 5 марта и своем ответе на нее И. Тито проинформировал 11 марта М. Пьяде: «На днях я получил километровое письмо от него (Коминтерн.— Ю. Г.), в котором он мне сообщает, что на основании наших материалов складывается впечатление, что наше партизанское движение слишком далеко заплывает в коммунистические воды, иначе как это возможно, что сторонники Лондона организуют четников против нас? Далее в нем говорится, зачем надо было создавать специальную пролетарскую бригаду? Требуется, чтобы мы пересмотрели нашу политику и создали широкий народно-освободительный фронт. Я ему коротко и ясно ответил, что из наших сообщений он сделал неправильные выводы, что у нас есть широкий народно-освободительный фронт, но не со сторонниками «пятой колонны», а с огромным большинством настоящих патриотов... Что создание пролетарских бригад было неизбежной необходимостью... и что они борются не за советизацию... Мне кажется, что из Лондона вводят в заблуждение, и я стараюсь ежедневно слать разъяснения с тем, чтобы они не оказались дезинформируемыми в отношении событий у нас»².

Сообщая о том, что в Коминтерне большие надежды возлагаются на союз с Великобританией и США. И. Тито в подтверждение приводит предложенные ИККИ изменения в текст воззвания Верховного штаба, суть которых сводится к тому, чтобы «в двух местах упомянуть мощный союз Англии, Америки и СССР в борьбе против Гитлера», а также «опустить мои три лозунга в честь Сталина, Советского Союза и Красной Армии»³.

В ответном письме от 15 марта 1942 г. М. Пьяде отметил, что «мы в общем и целом на правильном пути в нашей внутренней политике». Однако, утверждал он, с его точки зрения, Коминтерн прав насчет того, что «мы ушли несколько дальше, чем было нужно», в связи с чем «нам надо будет кое-что и пересмотреть». Указав на то, что «международная обстановка, развитие событий в остальных оккупированных странах отстали от нашего развития на огромный шаг, на что мы обращали недостаточное внима-

¹ Архив ЦК СКЮ, фонд «ЦК КПЮ — КИ», 1942/37; Broz Tito J. Sabrana djela. T. 9. S. 91—92.

² Zbornik dokumenata i podataka NOR jugoslovenskih naroda. Dokumenta Vrhovnog Štaba NOVJ, 1942. (Mart — april 1942). Beograd, 1955. T. II. Knj. 3. S. 104, 107.

³ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 9. S. 100—101.

ние», М. Пьяде подчеркивал: «Продолжая нашу борьбу, мы должны больше согласовывать ее с общей обстановкой».

На следующий день М. Пьяде направил ему еще одно письмо, в котором говорилось следующее: «Хотя я и сам считал, что создание пролетарской бригады было необходимым, следует подумать, надо ли дальше идти по этой линии. Сейчас уже создана и вторая. Ты выступил с инициативой создания такой бригады и в Черногории. Может быть, было бы лучше объединить некоторые хорошие партизанские и добровольческие части с ударными партизанскими и добровольческими бригадами. Во-вторых, думаю, что Дед не одобрил бы то, что мы в качестве эмблемы используем только пятиконечные звездочки, отказавшись от трехцветной ленты; а также красные знамена с серпом и молотом. Я думаю, что члены Верховного штаба должны вернуться к своим головным уборам с югославской трехцветной лентой... Следовало бы предложить им направить к нам сюда своих представителей, чтобы мы не были один на один с англичанами... Думаю, что ЦК следовало бы, пользуясь четническим наступлением в Черногории, выступить с заявлением, которое соответствовало бы духу необходимых корректив, вытекающих из замечаний Деда. Выступить с заявлением для общественности и с резолюцией, адресованной членам партии»¹.

Этот обмен мнениями вызвал недовольство И. Тито позицией М. Пьяде, на которого, как написал он ему 26 марта, «серьезно разозлился» за его философствования по поводу того, что «мы действительно допустили ошибку и что нас занесло влево».

Обмен телеграммами между И. Тито и Г. Димитровым способствовал прояснению позиций обеих сторон и был взаимно полезным, хотя по форме критические замечания ИККИ порой и имели правоучительный характер. Чувствуя, что это могло задеть И. Тито, ИККИ прислал в ответ на его разъяснение от 9 марта 1942 г. телеграмму следующего содержания: «Нашу телеграмму вы, к сожалению, неправильно поняли. Никаких упреков мы вам не делали. Для этого не было и никаких оснований. Вы пользуетесь полным безоговорочным доверием у нас. Наш запрос имел лишь единственную цель — получить необходимые разъяснения в связи с вашей последней информацией. Поскольку советское инорадно, по политическим соображениям, пока не упоминает четников, целесообразным яв-

¹ Сборник документов и податка. Т. II. Кн. 3. С. 150—151.

ляется, чтобы «Свободная Югославия» очень сильно подчеркивала, что борьба идет главным образом образом с четниками. Мировое общественное мнение нужно мобилизовать в первую очередь против оккупантов, а четников упоминать и разоблачать между прочим. Это, конечно, на данном этапе. Что касается вашей героической борьбы и ее успехов, мы всячески широко популяризируем, а это именно в области пропаганды и есть самое существенное. Д.»¹. Считая, что во многом причиной недопонимания позиций явилась взаимная недостаточная информированность, И. Тито в телеграмме от 8 апреля 1942 г. внес следующее предложение: «Считаю очень нужным, чтобы поскорее приехал кто-нибудь из советского штаба»².

В целом руководство ЦК КПЮ, пользуясь словами Э. Карделя, воспринимало советы Коминтерна как своевременное напоминание, которое очень помогло в борьбе с сектантскими проявлениями.

Вспоминая свой разговор с И. Тито в марте 1942 г. в Фоче, М. Джилас писал: «Тито был очень недоволен «сектантством» коммунистов, особенно в Черногории, где четническое движение, открыто сотрудничавшее с итальянцами, быстро набирало силу»³. В начале июня 1942 г. на заседании ЦК КПЮ И. Тито, касаясь «провалов в Черногории и Герцеговине», сказал, что вину за это несут И. Милутинович и М. Джилас, которые «заслуживают того, чтобы им было поставлено, как он выразился по-русски, на вид»⁴. Возвращаясь к «трудному опыту в Черногории и особенно в Герцеговине», И. Тито писал 1 августа 1942 г. Э. Карделю в Любляну: «Сектантство в Черногории в значительной мере способствовало, помимо всего прочего, тому, что итальянским оккупантам удалось создать четнические формирования, с помощью которых они после этого разбили наши партизанские отряды. В Герцеговине мощный подъем народного восстания вскружил голову нашим руководителям в Оперативном штабе, и они начали допускать невероятное сектантское свихство и в невероятно короткое время погубили это народное восстание, и оккупантам удалось с помощью четнических элементов разбить наши партизанские батальоны, личный состав которых стал в массовом порядке переходить к четникам»⁵.

¹ ЦПА ИМЛ.

² Там же.

³ *Djilas M. Wartime*. P. 142.

⁴ *Ibid.* P. 181.

⁵ *Broz Tito J. Sabrana djela*. T. 11. S. 149.

4 апреля 1942 г. И. Тито провел в Фоче заседание ЦК КПЮ, на котором явления «левого уклона» были подвергнуты резкой критике. ЦК КПЮ более полно разработал стратегию и тактику партии в условиях все более открытого выступления ведущих сил югославской буржуазии против народно-освободительного движения Югославии. Сформулированная И. Тито линия гласила: «Борьба против оккупантов и всех их прислужников остается и впредь нашей главной задачей»¹. 20 апреля 1942 г. И. Тито смог телеграфировать в Москву: «Наша политическая программа сейчас такова: борьба против оккупантов и их агентов, борьба за освобождение народов Югославии, за единство и братство всех народов Югославии. Этой цели должны быть подчинены все политические и экономические меры народно-освободительных комитетов. Это и есть программа КПЮ»². «Тем самым,— считает югославский историк Н. Попович,— была окончательно разрешена тактическая дилемма: социальная революция — освободительная война, в чем свою положительную роль сыграла и критика Коминтерна от 5 марта 1942 г.»³.

Предметом товарищеского обсуждения ЦК КПЮ и ИККИ в период войны были как вопросы стратегии и тактики антифашистской борьбы в широком плане, так и конкретные вопросы, связанные с текущей обстановкой. Г. Димитров старался также держать И. Тито в курсе дел личного порядка, связанных, в частности, с его сыном, ушедшим в 17 лет добровольцем на фронт и потерявшим руку в боях под Москвой у деревни Крюково. Находившийся в конце марта 1942 г. в Загребе И. Лола Рибар первым сообщил И. Тито, что в одной из передач Московского радио на сербскохорватском языке говорилось, что его сыну Жарко «присвоено звание Героя Советского Союза»⁴ за его героические заслуги в боях под Москвой, где он был тяжело ранен,— потеряв руку до локтя»⁵. Делясь этой информацией с М. Пьяде, И. Тито написал тогда же: «Теперь ему 17 лет, а в армию он ушел добровольцем, сражался в 8-й гвардейской дивизии. Сейчас он находится в Москве, вышел из госпиталя. Как видишь, единственный югослав, который добился этой высшей награды. Боже мой, дети обгоняют

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 10. С. 25—31.

² *Ibid.* С. 61, 240.

³ *Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi...* С. 75.

⁴ В действительности Жарко Броз за проявленное мужество был награжден орденом Отечественной войны.

⁵ *Zbornik dokumenata i podataka...* Т. II. Кнж. 3. С. 266.

своих родителей»¹. Он сообщил об этом 29 марта 1942 г. и представителю Верховного штаба в Македонии С. Вукмановичу-Темпо: «Моему сыну Жарко, которому сейчас 17 лет, присвоено звание Героя Советского Союза, так как он особенно проявил себя при обороне Москвы, где потерял одну руку»². 31 марта 1942 г. Г. Димитров радировал И. Тито следующее: «Ваш сын храбро сражался. Получил опасное ранение. Теперь он здоров. Находится в Москве. Живет пока в «Люксе». Посылает Вам привот»³.

Г. Димитров и И. Тито взаимно консультировались по таким наиболее крупным вопросам, как целесообразность создания общенационального органа народно-освободительной борьбы, отношение к пользовавшемуся поддержкой официального Лондона эмигрантскому правительству Королевства Югославии, противоборство с коллаборационистской политикой военного министра Д. Михайловича и находившихся под его командованием четнических отрядов, противодействие посягательствам внутренней и внешней реакции на революционные завоевания югославских трудящихся и др. В целом руководство ЦК КПЮ и лично И. Тито с пониманием относились к советам Коминтерна, в частности о пагубности забегания вперед, преждевременной социально-классовой идентификации ПОД и др. Можно сказать, что, несмотря на все нюансы в позициях КПЮ и ИККИ, а также расхождения тактического порядка по тем или иным вопросам с Советским Союзом во время войны, вызывавшие порой, по словам Э. Карделя, «политические недоразумения» и создававшие «некоторые ситуации», когда «мы чувствовали себя «разменной монетой» в глобальной политике великих держав»⁴, в общем и целом взаимоотношения между ними отличали дух откровенного партийного товарищества и взаимопонимания.

Самым острым вопросом для руководства КПЮ оставался вопрос о взаимоотношениях с четниками, а также о тактической линии в отношении югославского эмигрантского правительства.

25 марта 1942 г. И. Тито, отметив, что «из-за измены Д. Михайловича югославское правительство в Лондоне совсем скомпрометировало себя перед народами Югославии», высказал Г. Димитрову следующее мнение: «Если оно будет оказывать поддержку Д. Михайловичу, то мы

¹ Zbornik dokumenata i podataka... Т. II. Knj. 3. S. 266.

² Ibid. S. 264.

³ ЦПА ИМЛ.

⁴ Kardelj E. Borba za priznanje... S. 27, 73.

выпущены будем открыто выступить против правительства в Лондоне. Считаем необходимым образовать новое правительство из демократических элементов в стране и за границей, которое выпустило бы воззвание с призывом к народам Югославии решительно бороться с оккупантами и открыто клеймило бы всех предателей и сотрудников оккупантов. Это мы сообщили миссии (Великобритании.— Ю. Г.), она согласилась сообщить об этом в Лондон. Просим Ваше мнение. Вальтер»¹. В ответ Г. Димитров изложил 1 июля 1942 г. свои соображения по затронутым И. Тито вопросам: «1. Разоблачать перед народом предательские действия четников — конкретно, документально и убедительно, конечно, необходимо. Но в настоящее время политически целесообразно было бы сделать это в форме обращения к югославскому правительству, подчеркивая, что борющиеся югославские патриоты с правом ожидают от него поддержки и недопущения того, чтобы действующие от его имени разные лица вонзали нож в спину народно-освободительной партизанской армии, когда она сражается против полчищ оккупантов. Это значит разоблачать, но не переходить пока в прямую атаку на само правительство.

2. Надо развернуть широкую политическую кампанию против пособников оккупантов на основе необходимости единой борьбы сербов, хорватов, черногорцев, словенцев против общего врага. Эту кампанию вести таким образом, чтобы разделять, а не объединять всех четников против партизанской армии. Ваша тактическая линия в этом отношении должна быть — часть людей четников отвоевать на свою сторону, другую часть нейтрализовать, а самую злостную часть беспощадно уничтожать.

3. Очень важно было бы, наряду с выступлениями от имени Верховного штаба и отдельных штабов партизан, организовать также и выступления (с листовками и пр.) известных общественных и политических деятелей Югославии против пособников оккупантов и в пользу народно-освободительной партизанской армии, в пользу боевого единства югославских патриотов, без различия политических убеждений и прежней внешнеполитической ориентации (просоветской или проанглийской).

4. Следовало бы добиться создания национального комитета помощи освободительной войне югославских народов из известных патриотических сербских, хорватских,

---

¹ Архив ЦК СКЮ, фонд «ЦК КПЮ — КИ», 1942/50.

черногорских и словенских деятелей, который выступил бы в стране и за границей в защиту политической платформы борьбы народно-освободительной партизанской армии.

Просьба обсудить эти наши советы и сообщить нам Ваши соображения, а также конкретные мероприятия, которые предпримите в этом направлении. Д.»¹.

В начале августа 1942 г. ИККИ вновь вернулся к вопросу о политической целесообразности использования названия бригад пролетарскими, считая, что подобная социально-классовая идентификация боевых частей народно-освободительного движения могла бы только притуплять и размывать антифашистскую направленность борьбы в Югославии. И. Тито, руководствуясь соображениями придания этой борьбе максимальной широты, полностью согласился с замечанием Г. Димитрова, хотя оно и высказано было в довольно резкой форме: «Вальтеру — Бирку². Называйте ваши пролетарские бригады не пролетарскими, а ударными бригадами, повторяем — ударные бригады. Поймите — это имеет огромное политическое значение как для сплочения народных сил против оккупантов и их пособников внутри страны, так и для заграницы. Вы ведете народно-освободительную борьбу силами рабочих, крестьян, народной интеллигенции и других патриотов, а не пролетарскую борьбу. Из этого должны всегда исходить. Перестаньте лить саму воду на мельницу врагов народа, которые злостно используют всякие подобные лягушечьи с вашей стороны. Д.»³.

В ответной телеграмме И. Тито сообщил 11 августа Г. Димитрову: «Мы согласны с Вами, что нужно называть бригады только ударными, а не пролетарскими. Пролетарскими останутся только 1-я и 2-я бригады, имеющие в своем составе большинство рабочих. Сообщаем, что название — пролетарские — выдвинули сами бойцы и командиры, хотя находившиеся там крестьяне и были сторонниками других партий. Многие добровольческие отряды не хотят называться добровольческими, а партизанским, и не хотят носить национальные значки вместо пятиконечной звезды. Вальтер»⁴. Спустя несколько дней И. Тито в телеграмме Э. Карделю, пересланной в Словению через Г. Димитрова, отдал конкретное указание на этот счет: «Ваша

¹ ЦПА ИМЛ.

² Бирк — псевдоним Э. Карделя.

³ Архив ЦК СКЮ, фонд «ЦК КПЮ — КИ», 1942/162.

⁴ Архив ЦК СКЮ, фонд «ЦК КПЮ — КИ», 1942/172; Broz Tito J. Sabrana djela. T. 11. S. 184, 293—299.

бригада не должна называться пролетарской, если не комплектована исключительно из рабочих, а одиннадцатой пародно-освободительной партизанской словенской ударной бригадой»¹.

Но бывали также и случаи, когда в силу дефицита информации со стороны ИККИ, которая своевременно разъясняла бы подоплеку тех или иных советских шагов на мировой арене, в т. ч. в отношении югославского эмигрантского правительства, руководство ЦК КПЮ не имело возможности вовремя правильно сориентироваться в тактических ходах правительства СССР в рамках антигитлеровской коалиции.

Выше уже говорилось, к каким дипломатическим маневрам вынуждено было прибегнуть Советское правительство в ноябре 1941 г., с тем чтобы отвести просьбу английского и югославского правительств «убедить коммунистические элементы в Югославии предоставить себя в военном отношении в распоряжение генерала Михайловича, как национального вождя»². В конце 1941 — начале 1942 г. на последующие аналогичные обращения Советское правительство то ссылалось на отсутствие связи с народно-освободительным движением, то отделивалось заявлением, что «не считает подходящим вмешиваться в восстание в Югославии»³, делая при этом вид, что оно абсолютно не заинтересовано во внутренних событиях в этой стране. На протяжении весны — лета 1942 г. шла напряженная дипломатическая борьба вокруг этого вопроса. Были случаи, когда Советский Союз шел на компромиссы, не желая обострять межсоюзнические отношения. Но, когда 21 июня 1942 г. И. Тито переслал в ИККИ резолюцию, принятую конференцией патриотов Черногории, Боснии Которской и Санджака, в которой разоблачался коллаборационизм Д. Михайловича, в Москве пошли на то, чтобы этот материал, переданный 6 и 7 июля радиостанцией «Свободная Югославия», был также распространен по каналам официального ТАСС. Его обнародование 19 июля через ТАСС имело исключительное значение для популяризации народно-освободительного движения Югославии в

---

¹ Архив ЦК СКЮ, фонд «ЦК КПЮ — КИ», 1942/173 (11 августа Г. М. Димитров получил от Э. Карделя напрямую следующий ответ: «Полностью согласны с указанием и сразу же приняли меры, чтобы исправить ошибку. Бирк»); *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 11. С. 191.

² *Международная жизнь*. 1958. № 8. С. 154—155.

³ Там же.

мире, поскольку этот документ был перепечатан почти всеми газетами коммунистических партий за границей, а затем распространен и многими средствами массовой информации, которые отнюдь не радовались победам народно-освободительного движения. «Тем самым,— по мнению югославского историка Н. Поповича,— мировое общественное мнение и союзнические правительства впервые были ознакомлены с коллаборационизмом Д. Михайловича, что положило начало краху легенды о нем как о сербском Робин Гуде, балканском орле, вожде антифашистской, освободительной борьбы»¹. А в начале августа 1942 г., как считает английская исследовательница Э. Баркер, Советское правительство «вручило эмигрантскому югославскому, а также английскому правительствам своего рода обвинительный приговор против Михайловича»². В первых числах августа 1942 г. НКВД СССР направил правительству Королевства Югославии памятную записку, в которой Д. Михайлович и руководимые им четники разоблачались как пособники оккупантов. Чуть позже она была вручена советским полпредом И. Майским и А. Идену. Тогда впервые Советское правительство фактически призналось в имеющейся у него связи с руководством народно-освободительного движения Югославии, поскольку обвинения в коллаборационизме Д. Михайловича доказывались в памятной записке со ссылкой на многочисленные факты, поступившие от И. Тито.

Между тем, не будучи уведомленным об этих демаршах Советского правительства, сделанных по дипломатическим каналам, И. Тито продолжал слать в Москву телеграммы, доказывая, что в отношении «предательской политики югославского правительства, осуществляемой через Д. Михайловича, не может быть никакого сомнения»³. Пребывая в неведении, предпринято что-либо конкретно по его информации, И. Тито был крайне удручен, узнав 9 сентября 1942 г. по радио о происшедшем преобразовании миссии югославского эмигрантского правительства в Москве в посольство. Поскольку И. Тито не знал, что повышение ранга дипломатических представительств, касавшееся всех эмигрантских правительств оккупированных европейских стран (в т. ч. Югославии, Чехословакии,

¹ *Popovic N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi... S. 81.*

² *Barker E. Some Factors in British Decision-making over Yugoslavia. 1941—1944 // British Policy Towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece. L., 1975. P. 13, 161.*

³ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 11. S. 217.*

Норвегии, Греции и Бельгии), предпринималось одновременно всеми ведущими державами антигитлеровской коалиции как жест, призванный продемонстрировать непризнание фашистской оккупации и уничтожения их государственности, он истолковал этот факт как показатель состояния отношений между СССР и югославским эмигрантским правительством. Не скрывая своего удивления и огорчения, И. Тито сообщил 9 сентября в Москву, что это «произвело тяжелое впечатление на всех патриотов, тем более что то же предательское югославское правительство открыто сотрудничает с оккупантами». Этот акт является, по оценке И. Тито, признанием югославского правительства Советским правительством, а не признанием «нашей пародной борьбы»¹. В ответ Г. Димитров в тот же день направил И. Тито следующую телеграмму: «Сообщите срочно коротко содержание имеющихся у вас документов о роли Д. Михайловича. Проверьте хорошо аутентичность этих документов. Учитывайте, что оккупанты сугубо заинтересованы разжигать взаимную борьбу между партизанами и четниками. Не исключено, что некоторые документы могут быть умышленно сфабрикованы самими оккупантами. Д.»².

Однако эта размолвка очень быстро была устранена, так как Советское правительство в последующие месяцы все более активно и настойчиво использовало содержание поступивших по просьбе ИККИ от И. Тито захваченных партизанами четнических документов для оказания дипломатического давления на югославское эмигрантское правительство и правительство Великобритании с целью добиться их отречения от Д. Михайловича как предателя и коллаборациониста. В то же время содержание этих документов становилось известно широкой мировой общественности через радиостанцию «Свободная Югославия». 23 января 1943 г. она предала гласности ноту, которую Верховный штаб Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии (НОА и ПОЮ), а также Исполком Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ) направили 15 января правительствам США, Англии и СССР. В этом документе, подписанном И. Тито и И. Рибаром, после перечисления конкретных фактов коллаборационизма Д. Михайловича говорилось, в частности, следующее: «Мы считаем несов-

¹ Архив ЦК СКЮ, фонд «ЦК КПЮ — КИ», 1942/223; *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 12. С. 30.

² ЦПА ИМЛ.

местными такие факты, когда югославское правительство в Лондоне, с одной стороны, воеет через своего министра Михайловича и его четников против НОА на стороне оккупантов и в то же время пользуется гостеприимством союзников и их дипломатической поддержкой. Паша народно-освободительная армия принесла уже десятки тысяч жертв и каждый день приносит все новые и новые жертвы в тяжелейших непрерывных боях с оккупантами не только для освобождения народов Югославии, но и за дело союзников, и поэтому мы имеем право требовать от союзников не только признания нашей борьбы, но и того, чтобы союзники лично заинтересовались поведением югославского правительства в Лондоне и его военного министра Михайловича. Мы неоднократно уже требовали присылки комиссии союзников, чтобы установить здесь, в Югославии, действительное положение и чтобы раз и навсегда положить конец ужасному обману и заблуждению мировой общественности»¹.

С учетом специфики обстановки в Югославии и сложного характера взаимоотношений в антигитлеровской коалиции, в т. ч. с югославским эмигрантским правительством, а также исходя из понимания необходимости избежать ненужного обострения в ее рамках, что могло бы пагубно сказаться на сокращении сроков войны, в чем кровно были заинтересованы и СССР, и новая Югославия. И. Тито согласился в этот период и с советами ИККИ в связи с высказанным им 12 ноября 1942 г. намерением создать Народный комитет освобождения Югославии (НКОЮ), который рассматривался бы как «нечто вроде правительства»².

Ниже приводится полный текст телеграммы Г. Димитрова И. Тито от 19 ноября 1942 г.: «Вальтеру. Создание Народного комитета освобождения Югославии очень необходимо и чрезвычайно важно. Придайте обязательно этому комитету общенациональный югославский и общепартийный антифашистский характер как по его персональному составу, так и по его программе действий. Не рассматривайте этот комитет как нечто вроде правительства, а как политический орган народно-освободительной борьбы. Не противопоставляйте его югославскому правительству в Лондоне. На данном этапе не поднимайте вопрос об упразднении монархии. Не выдвигайте лозунг о республи-

¹ Архив ЦК СКЮ, фонд «ЦК КПЮ — КИ», 1943/38; *Istorijski arhiv KPIJ. Beograd, 1949. T. 1. Knj. 2. S. 398.*

² *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 12. S. 232.*

ке. Вопрос о режиме в Югославии, как вы понимаете, будет решаться после разгрома итало-германской коалиции и после освобождения от оккупантов и сейчас является самым основным, задачей, доминирующей над всеми прочими задачами. Учитывайте, что Советский Союз находится в договорных отношениях с югославским королем и правительством и что открытое выступление против последних создает добавочные трудности в деле общих военных усилий и во взаимоотношениях между Советским Союзом, с одной стороны, и Англией и Америкой, с другой стороны. Вопросы вашей борьбы рассматривайте не только со своей национальной точки зрения, но и с интернациональной, с точки зрения англо-советско-американской коалиции. Укрепляя всячески свои позиции в народно-освободительной борьбе, проявляйте в то же время больше политической гибкости и маневренности.

Все мы восхищены вашей героической борьбой и от души рады вашим успехам. Вашу борьбу широко популяризируем во всех странах. Она справедливо вызывает восторг среди борющихся против фашизма народов, групп и деятелей и служит прекрасным примером для подражания народам других оккупированных стран. Желаем вам стойко выдержать предстоящие трудности и завоевать лучшие дальнейшие успехи. Жму крепко ваши мужественные руки. Димитров»¹.

Разделяя мнение ИККИ о нецелесообразности противопоставления ИКОЮ югославскому эмигрантскому правительству, о нежелательности предрешать на данном этапе вопрос о режиме в Югославии, выдвигать лозунг о республике и ликвидации монархии, И. Тито от имени руководства КПЮ телеграфировал в Москву: «С Вашими советами мы согласны, так и поступим»².

На созванной в г. Бихаче 26—27 ноября 1942 г. в соответствии с решением ЦК КПЮ от 19 октября 1942 г. учредительной скупщине Антифашистского веча народно-освободения Югославии (АВНОЮ) И. Тито, обосновывая важность создания центрального политического органа для руководства принявшей общегославский характер народно-освободительной борьбы, заявил: «У нас нет возможности создать законное правительство, так как это еще не позволяют международные отношения и условия.

¹ Архив ЦК СКЮ, фонд «ЦК КПЮ — КП», 1942/289, 1942/162, 1942/172, 1942/173; Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 517.

² Broz Tito J. Sabrana djela. T. 12. S. 297.

Но у нас есть право на одно, а именно: на создание в этих трудных условиях политического органа, который объединит все народные массы, который объединит наш народ и поведет его вместе с нашей героической армией на новые битвы, которые предстоят нам и которые будут очень трудными. У нас нет никакой власти на нашей территории, кроме наших народно-освободительных комитетов, созданных самим народом. Мы не признаем различные фашистские марионеточные правительства, и именно поэтому мы должны в этой стране создать такое положение, при котором наш народ — в таких условиях — смог бы внести свой максимальный вклад в народно-освободительную борьбу»¹.

АВНОЮ было провозглашено «общенациональным и общепартийным политическим представительством народно-освободительной борьбы». Был избран Исполнительный комитет АВНОЮ, в который наряду с руководителями КПЮ были избраны некоторые лидеры буржуазных партий, общественные деятели, работники культуры, являвшиеся активными участниками народно-освободительной борьбы. Председателем Исполнительного комитета АВНОЮ был избран д-р Иван Рибар, один из лидеров Демократической партии, в прошлом председатель Учредительного собрания Королевства сербов, хорватов и словенцев (отец И. Лолы Рибара). «Первая сессия АВНОЮ, — вспоминал М. Джилас, — была целиком и полностью делом Тито — ему принадлежат и ее замысел, и авторство ее решений... Тито считал — и остальные члены руководства поддержали его, — что на сессии в той или иной форме должно быть провозглашено создание правительства. Однако Москва не соглашалась. Создание правительства мне казалось преждевременным, но я не возражал, так как полагал, что для такой большой территории какой-то орган государственной власти все же должен быть учрежден. Тито нашел формулу, которая удовлетворила и Москву и нас: Исполнительный комитет, не являющийся правительством, но решающий вопросы управления, организации тыла и снабжения»².

Об итогах этой учредительной скупщины АВНОЮ И. Тито проинформировал 29 ноября 1942 г. Коминтерн телеграммой, в которой, в частности, говорилось: «Хотя мы и не считаем этот Исполнительный комитет за какое-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 12. S. II.

² Djilas M. Wartime. P. 208—209.

то правительство, но все же он должен будет заботиться о всех вопросах общественной жизни и фронта, причем помогают ему народно-освободительные комитеты, которые созданы почти во всех областях на освобожденной и неосвобожденной территории. У нас другой гражданской власти, кроме этих комитетов, нет»¹. В тот же день в Москве была получена от И. Тито еще одна телеграмма следующего содержания: «Иосифу Виссарионовичу Сталину — Председателю Государственного комитета обороны. От учредительного собрания Антифашистского Веча народного освобождения Югославии наше первое приветствие посылается Вам, Великий полководец и организатор побед свободолюбивых народов над фашизмом. Основанием Антифашистского Веча народного освобождения Югославии народы нашей страны вповь ясно демонстрируют свою непоколебимую волю и решимость плечом к плечу с народами Советского Союза выдержать борьбу до полной победы над общим врагом. Нерушимое братство по оружию между народами Югославии и Великими советскими народами выковано в настоящей борьбе. Никто и никогда больше не сможет разъединить нас. Смерть фашизму! Свобода народу! От имени Президиума Учредительного собрания Антифашистского Веча народного освобождения Югославии — Иван Рибар». Под телеграммой значилась подпись: «Вальтер»².

Поскольку оккупанты и квислинги, а также королевское эмигрантское правительство продолжали распространять клеветнические измышления в адрес народно-освободительного движения, И. Тито от имени НОА и ПОЮ и И. Рибар от имени АВНОЮ сочли необходимым выступить с «Заявлением о характере, основных целях и платформе НОД в Югославии», которое уже 11 февраля было передано в эфир радиостанцией «Свободная Югославия». В этом важнейшем документе, преследовавшем цель раз и навсегда положить конец кривотолкам насчет попыток КПЮ «навязать Югославии коммунизм», четко разъяснялось, что «народно-освободительное движение Югославии под руководством Верховного штаба и АВНОЮ — есть народное движение, в котором участвуют все честные патриоты, независимо от партийно-политической принадлежности, вероисповедания и национальности». И далее: «Это движение имеет своей целью: 1) освобождение страны от

¹ Архив ЦК СКЮ, фонд «ЦК КПЮ — КИ», 1942/285; Broz Tito J. Sabrana djela. T. 13. S. 55.

² ЦПА ИМЛ.

окупаптов и завоевание пезависимости, а также завоевание истинно демократических прав и свобод всем народам Югославии; 2) неприкосновенность частной собственности и полная возможность проявления инициативы в промышленности и хозяйственной деятельности; 3) никаких радикальных перемен по отношению к общественной жизни и деятельности не вводится, кроме замены реакционных общественных управ и жандармов народными выборными представительствами, которые имеют истинно демократический народный характер. Все важнейшие мероприятия, как в общественной жизни, так и государственной организации, будут решаться по окончании войны представителями, которых действительно свободно выберет сам народ»¹. Как видно, это Заявление как по духу, так и текстуально (особенно 3-й его пункт) явно перекликается с высказанными ИККИ 19 ноября 1942 г. соображениями по поводу будущего государственного устройства Югославии.

Самостоятельно вырабатывая стратегию и тактику народно-освободительной борьбы, ЦК КПЮ постоянно выверял свои шаги интернационалистской меркой, в чем ему помогала переписка с ИККИ, с тем чтобы, как подчеркивал И. Тито, «никогда не сделать ничего такого, что усложнило бы и без того очень трудную ситуацию, в которой тогда находился Советский Союз»².

§ 4. 100 ТЫС. РЕЙХСМАРОК ЗОЛОТОМ ЗА ГОЛОВУ ТИТО

Гитлеровские захватчики и их союзники провели в течение войны семь генеральных наступлений против Народно-освободительной армии и партизанских отрядов, сковававших на протяжении всей войны от 30 до 55 вражеских дивизий. Но им не удалось ни в ходе этих наступлений, ни в крупнейших боях за Ужице (1941 г.), на Козаре (1942 г.), на Неретве (1943 г.), Сутьеске (1943 г.) сломить народно-освободительное движение. Численность Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии постоянно росла (к концу 1941 г. — 80 тыс. человек, к концу 1942 г. — 150 тыс., к концу 1943 г. — 320 тыс., к концу 1944 г. — 400 тыс. человек). Она добивалась все более крупных военных успехов, что проявлялось, в частности, в образовании обширных свободных

¹ Архив ЦК СКЮ, фонд «ЦК КПЮ — КИ», 1943/37.

² Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 82.

территорий, составивших к концу 1943 г. в общей совокупности около половины площади страны.

После того как И. Тито удалось под непрерывным огнем врага вывести в конце 1941 г. партизанские отряды из Сербии в Восточную Боснию, со стороны Верховного штаба было сделано все возможное, чтобы максимально использовать короткую передышку для консолидации партизанских сил, подвергшихся уже в середине января 1942 г. новому нападению. Однако и это, т. н. второе генеральное наступление, в ходе которого фашистские войска и усташа нанесли по партизанам удар со всех сторон, а итальянцы попытались отрезать им отход на юг, не увенчалось успехом. Искусным маневром И. Тито вывел основные партизанские силы из окружения, разместив свой штаб в небольшом восточнбоснийском городе Фоча, из которого он в течение следующих трех месяцев руководил работой по пополнению и реорганизации партизанских отрядов. Это был трудный период для народно-освободительного движения, которое столкнулось с многочисленными проблемами военного и политического характера. Они были порождены прежде всего усилившейся подрывной деятельностью четников, начавших открытую вооруженную борьбу против партизан. Свою отрицательную роль сыграли также карательные операции, проводившиеся оккупантами и коллаборационистами против мирного населения. В условиях нехватки теплой одежды, продуктов питания, оружия и боеприпасов началось брожение среди колеблющихся, политически незрелых повстанческих масс, элементы деморализации захватили и отдельные партизанские отряды. Положение осложнялось тем, что была нарушена связь Верховного штаба с руководителями восстания в других районах страны. Кризис в партизанском движении, его спад в Черногории и Герцеговине, Восточной Боснии и Санджаке зимой и весной 1942 г. были вызваны также и перегибами ультралевацкого толка со стороны местных руководителей, забеганием вперед, что отпугнуло многих крестьян, переход которых на сторону четников начал приобретать массовый характер¹.

Проанализировав явления т. н. левого уклона, ЦК КПЮ осудил на своем заседании 6 апреля 1942 г. «сектантские искажения линии партии» и принял меры, способствовавшие тому, что народно-освободительное движение, опираясь на широкую антифашистскую платформу,

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 7. S. 252; T. 8. S. VII.

очень быстро начало обретать массовый характер. Серьезным испытанием стало продолжавшееся с февраля по июнь 1942 г. т. н. третье генеральное наступление фашистских войск. Когда итальянские части начали в феврале теснить партизан в Черногории, И. Тито решил передислоцироваться в Восточную Боснию. Однако, поскольку в Восточной Боснии усилилось давление с севера фашистских и четнических частей, И. Тито вместе с Первой и созданной 1 марта 1942 г. Второй пролетарскими бригадами решил в начале мая отступить из Фочи южнее, чтобы возглавить боевые действия в районе Черногории. 22 мая 1942 г. он радировал в Москву: «Обстановка здесь критическая... Наши партизанские отряды предельно измождены непрерывными боями, а кроме того, у нас нет больше боеприпасов... Всюду народ прокликает югославское правительство в Лондоне, которое через Д. Михайловича помогает оккупантам. Мне со всех сторон задают вопрос и бойцы и гражданские лица: «Почему Советский Союз не шлет нам помощь... От имени Верховного штаба просим передать Верховному командованию Красной Армии нашу просьбу о помощи нам... Мы знаем, что это трудно осуществить. Мы будем продолжать борьбу, несмотря на жертвы»¹. В ответ 2 июня 1942 г. Г. Димитров радировал И. Тито: «Как мы и раньше уже сообщали, в ближайшее время, по понятным Вам причинам, Вы не можете, к сожалению, рассчитывать на получение отсюда амуниции и автоматического оружия. Главная причина, — невозможность переброски. Поэтому необходимо, чтобы Вы максимально и наиболее рационально использовали все наличные возможности (в т. ч. и самые малейшие, а также и самые труднейшие) для самоснабжения на месте. Таким образом, несмотря на чертовские трудности, продолжать и развертывать освободительную войну, держаться и отбивать удары врага, пока станет возможной и внешняя помощь»².

Под напором превосходящих сил противника партизанские отряды вынуждены были покинуть Черногорию и отступить в направлении р. Сутьески. В результате начавшегося на заре 28 июня 1942 г. марша, преодолев с непрерывными боями более 300 км, основная часть партизанских сил переместилась в Боснию. Здесь войска НОА и ПОЮ и около 50 тыс. гражданского населения попали на горе Козара в окружение, из которого им удалось вырваться в результате семидневных кровопролитных бо-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. Т. 10. S. 170.

² ЦПА ИМЛ.

св. Перейдя в наступление, 150-тысячная Народно-освободительная армия и партизанские отряды Югославии освободили к концу августа большую часть Центральной и Западной Боснии, создав т. п. Бихачскую республику с центром в городе Бихач, где, как уже говорилось, в конце ноября 1942 г. была проведена учредительная скупщина Антифашистского Веча народного освобождения Югославии.

В ноябре 1942 г. в Виннице Гитлер принял лидера хорватских фашистов А. Павелича. На этой встрече была достигнута принципиальная договоренность об активизации борьбы против партизан и о более тесной координации усилий в этом деле немецких, итальянских и усташских войск. Считая, что после кампании в Африке может последовать высадка англо-американских армий на Балканы, Гитлер отдал приказ безотлагательно очистить примыкающие к Адриатическому побережью территории Югославии от партизан, ликвидировать т. п. «Титоланд». 3 января 1943 г. в Риме командующий группой армий «Е» генерал-полковник А. Лёр встретился с итальянским начальником штаба Каваллери, командующим 2-й армией Марко Роатта, генералами А. Павелича, а также вожаком четников в Далмации и Герцеговине Евджевичем. На этой встрече была утверждена операция под кодовым названием «Вайс», замысел которой состоял в том, чтобы объединенными усилиями расчленив, окружить и раз и навсегда покончить с партизанским движением в Югославии.

Совместная немецко-итало-усташско-четническая операция, к осуществлению которой было привлечено 90 тыс. солдат оккупационно-квислинговских войск, нарушила первоначальные планы И. Тито выйти весной 1943 г. в Южную Сербию. В ходе этой операции, вошедшей в югославскую историографию под названием 4-го генерального наступления, которая началась в январе и продолжалась до марта 1943 г., имелось в виду окружить и уничтожить партизанские силы в Центральной Боснии, в связи с чем с севера и востока кольцо должны были замкнуть немцы и усташа, а с юга и запада — итальянцы и четники. Операция осуществлялась с привлечением самолетов, танков и артиллерии, которых у партизан не было. Гитлер лично следил за ее ходом, руководил ею А. Лёр.

Части НОА и ПОЮ, обремененные 4 тыс. больных и раненых, среди которых свирепствовал тиф, утратив быструю маневренность, передвигались с трудом, чем не замедлил воспользоваться противник. Оказавшись в очень сло-

жноп положении, И. Тито обратился 30 января 1943 г. к ИККИ с запросом: «Неужели спустя 20 месяцев нашей героической борьбы, почти сверхчеловеческой борьбы, пельзя найти возможность помочь нам? Двадцать месяцев мы сражаемся без малейшей матерпальной помощи с чьей бы то ни было стороны... Сделайте все возможное, чтобы помочь нам»¹.

Из Москвы 12 февраля 1943 г. поступил ответ Г. М. Димитрова, в котором говорилось следующее: «Вы пе должны ни на минуту сомневаться, что, если была бы и малейшая возможность оказать материальную помощь вашей прекрасной, героической борьбе, мы это давно бы сделали. Советский народ вместе со своими руководителями целиком и полностью стоит на вашей стороне, препполнен восхищением и глубокими братскими симпатиями к югославской пародно-освободительной армии. Многократно мы обсуждали лично с Иосифом Виссарииовичем пути и средства оказания вам помощи. К сожалению, до сих пор разрешить эту задачу положительно не удалось из-за непреодолимых технических и транспортных трудностей. Мы не прекратили и теперь наших усилий для отыскания реальных возможностей посылки помощи. Как только эти возможности будут добыты, сделаем все необходимое»².

Тем временем, осуществляя прорыв, основная часть партизанских сил, неся с собой раненых, преодолела с боями почти 160 км и вышла в долину реки Неретвы. В этот момент, как сообщил 27 февраля 1943 г. И. Тито ИККИ, части НОА и ПОЮ оказались в исключительно трудной ситуации. Крупные силы четников Михайловича, подоспевшие на помощь немецким, птальянским и усташским войскам, неожиданно напали на части НОА и ПОЮ с тыла, вынудив их отступить на правый берег Неретвы, в связи с чем план освобождения Герцеговины и Восточной Боснии не удался. Единственный маршрут, которым можно было вывести 4 тыс. раненых, вновь оказался прочпо в руках оккупантов и четников. Передавая в Москву содержание приказа Верховного командования четнических отрядов Д. Михайловича, подтверждавшего их участие в боевых действиях на стороне оккупантов, И. Тито писал: «Просим на основе этого четнического документа ознакомить Иосифа Виссарииовича с обстановкой и предпри-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 14. S. 28.

² Архив ЦК СКЮ, фонд «ЦК КПЮ — КИ», 1943/49; Broz Tito J. Sabrana djela. T. 14. S. 298.

пять все для того, чтобы решительно потребовать от югославского правительства объяснить свою позицию... Это является срочным, так как мы находимся в критическом положении»¹.

Ситуация непрерывно ухудшалась и требовала безотлагательных решительных действий. В этих условиях И. Тито предложил смелый план, смысл которого заключался в следующем: взорвать мосты на Неретве и нанести основными силами контрудар по немецко-устанской группировке, затем, оттеснив ее на север, быстро развернуть фронт в сторону реки, наведя импровизированные мосты, форсировать ее, разбить четников и, переправив через нее раненых, пробиться, тесня итальянские войска в Восточной Герцеговине, Черногории и Санджаке в юго-западном направлении.

Находясь в Москве, М. Джилас написал в мае 1944 г. для журнала «Война и рабочий класс» (ныне «Новое время») статью о И. Тито, в которой этот драматический момент битвы на Неретве описал следующим образом: «Мы уже были окружены,— впрочем, фактически мы всегда окружены,— враг еще туже стянул кольцо и начал наступать. План Тито был прост и поэтому превосходен. Он нацупал слабое место в неприятельском кольце и прорвал это кольцо. Он приказал разрушить мосты через реку Неретву, по которым мы должны были отступать, чтобы немцы думали, что мы все еще находимся в окружении. А Тито тем временем быстро повернул свои войска, потеснил немцев и через спешно наведенные деревянные переправы перешел через Неретву, уведа с собой даже четыре тысящи раненых»².

Однако в своих мемуарах, выпещдших на Западе в 1977 г., М. Джилас дал иную трактовку этих событий. Мосты, утверждад он, были взорваны преждевременно, и Тито сначала пришел в ярость, но, поостыв, решил, не имея другого выхода, превратить эту «ошибку» в военную хитрость, предложив «рискованный, но блестящий маневр»³, к реализации которого части НОА и ПОЮ приступили 3 марта. При этом И. Тито вновь обратился в Москву за помощью.

Проявляя массовый героизм, упорство и решительность, воины НОА и ПОЮ полностью воплотили в жизнь

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 14. S. 96.

² Джилас М. Маршал Югославии Йосип Броз Тито // Война и рабочий класс. 1944. 1 июня. № 11. С. 26.

³ Djilas M. Wartime. P. 224—226.

плап, предложенный И. Тито. Прорыв был осуществлен в ночь с 6 на 7 марта; 7 марта был построен временный деревянный мост через реку, а уже в ночь с 8 на 9 марта под непрерывным огнем артиллерии и авиации противника началась длившаяся неделю переправа бойцов и раненых на левый берег р. Неретвы. 11 марта реку перешел И. Тито с членами Верховного штаба. Так завершилась битва на Неретве, известная еще как «битва за спасение раненых».

Вспоминая драматическую ситуацию, создавшуюся в ходе боев на реке Неретве, И. Тито рассказал в октябре 1944 г. К. М. Симонову: «Мы были прижаты к горам — со всех сторон были немцы. Впереди — река Неретва, мосты через которую были еще в наших руках. С нами было четыре тысячи тяжело раненых, и я должен был их спасти. Весь день и ночь шел бой за горный проход. Если бы немцы прорвались в долину, где мы были, то все раненые погибли бы. Отдав приказание и ожидая результатов боя, я всю ночь ходил по зданию маленькой мельницы, где был мой штаб. Должно быть, именно в ту ночь я еще сильнее поседел. К утру мне доложили, что немцы пока задержаны. Теперь мне предстояло решить, куда прорываться: через горы в Боснию или через реку в Санджак. Я решил на последнее — там немцы были слабее. Но для того чтобы плап удался вполне, я решил на хитрость и, к удивлению своих войск, приказал взорвать все мосты через Неретву и приказал части своих дивизий наступать по направлению на Боснию. Они двинулись, разбили немецкую дивизию и стали прорываться дальше. Немцы стянули туда все силы от реки, а я тем временем павел новый мост и стал переправлять войска в Санджак. И если та минута, когда я ходил ночью по мельнице, была самой тяжелой, то та минута, когда я увидел, как последний из четырех тысяч раненых переправился через Неретву, была самой счастливой из всех, какие я могу вспомнить»¹.

В этот период руководство народно-освободительным движением пошло на возобновление переговоров с фашистскими военными властями в Загребе об обмене военнопленными. Первые переговоры об обмене военнопленными велись по сделанному 7 августа 1942 г. предложению Верховного штаба НОА и ПОЮ, в результате которых 5 сентября 1942 г. удалось выменять и тем самым спасти

¹ Симонов К. М. Югославская тетрадь. С. 27—28.

32 видных участника народно-освободительного движения; томившихся в усташских тюрьмах и концетрационных лагерях. Среди них был и попавший в феврале 1942 г. в руки усташей А. Хебрауг, замепивший вскоре на посту секретаря ЦК КП Хорватии расстрелянного в Силите итальянскими фашистами Р. Кончара¹.

Как поведал в 1977 г. М. Джилас, в ходе одного из разговоров, состоявшихся в начале марта 1943 г., в котором участвовали И. Тито, А. Рапкович, он и В. Велебит, была высказана идея «направить письмо немцам через пленного майора Штекера с предложением обменять военнопленных на наших арестованных товарищей, имея в виду согласие немцев на подобную операцию в 1942 г. Именно Тито развил дальше эту идею, сразу же приняв меры к ее реализации. Пригласив членов ЦК — Рапковича, Пьяде и меня к себе на водяную мельницу на реке Рама, он предложил направить немцам через майора Штекера письмо с предложением договориться не только об обмене пленными, но и о том, чтобы обращаться с ранеными и пленными в соответствии с международными конвенциями, а также потребовать, чтобы немцы признали нас «воюющей стороной»². На соответствующее письмо ответ поступил неожиданно быстро: уже через 2—3 дня немцы дали согласие на такие переговоры. В связи с этим И. Тито на проведенном 9 марта совещании с участием А. Рапковича и М. Джиласа утвердил состав делегации, а также ее тактику на предстоящих переговорах. В изложении М. Джиласа согласованная тактическая линия заключалась в следующем: «Немцы не должны были знать, что наша главная цель состоит в том, чтобы проникнуть в Сербию, а также о том, что мы собирались освободить Северную Черногорию, Санджак, частично Косово и Южную Сербию... Короче, мы должны были назвать Санджак в качестве будущей партизанской территории, а четников в качестве нашего основного противника... Ни слова не было сказано о прекращении боевых действий между немцами и нами, но это также подразумевалось»³. В ответ на заданный М. Джиласом вопрос: «Что скажут в этой связи русские?» — И. Тито, уже уведомивший Коминтерн о предполагаемом обмене военнопленными, якобы ответил: «Они тоже думают в первую очередь о своих людях и о своей армии». После этого речь зашла о составе делегации. По словам М. Джиласа, «Тито считал дан-

¹ *Dedijer V. Novi prilozii...* Т. 2. S. 479—480.

² *Djilas M. Wartime.* P. 229.

³ *Ibid.* P. 230.

ный вопрос настолько деликатным и важным, что предложил, чтобы я, как член Политбюро, вошел в состав делегации». Кроме М. Джиласа, выступавшего под псевдонимом Милош Маркович, делегацию Верховного штаба НОА и ПОЮ на переговорах, начавшихся 11 марта и продолжавшихся до середины апреля 1943 г. в Горнем Вакуфе, Сараеве и Загребе, представляли еще К. Попович и В. Велебит, которому, по словам М. Джиласа, И. Тито поручил проследить, чтобы жена Герта Хас, арестованная усташскими властями, «была обязательно включена в список обмена военнопленными». «Жена Тито Герта Хас, с которой он жил до Зденки (Даворианка Паунович.— Ю. Г.) и которая родила сына накануне войны,— писал М. Джилас в своих воспоминаниях,— была арестована и числилась в списке заключенных, на которых мы настаивали, чтобы немцы передали нам. Во время беседы Тито три-четыре раза возвращался к вопросу о ее освобождении. Было очевидно, что ее судьба не была ему безразличной, и он возбужденно настаивал: «Сейчас важнее всего выволить нашего товарища. Сделай все возможное, чтобы освободить ее!»¹

Поскольку эти переговоры проходили в разгар тяжелых боев, когда части НОА и ПОЮ, обремененные 4 тыс. ранеными и больными, еще не вырвались из неприятельского кольца в Северной Герцеговине между Неретвой и Дриной, делегация Верховного штаба, «надеясь выиграть время и оттянуть наступление немецких войск», «вела переговоры не только по вопросу обмена военнопленными и признания за НОА и ПОЮ статуса воюющей стороны, но и о возможности временного прекращения огня на определенных участках боевых действий»².

«Немцы вначале соглашались только на обмен военнопленными, но,— как утверждает М. Джилас,— в качестве условия настаивали на прекращении боевых действий партизан в Славонии». Постепенно, по его словам, «был достигнут прогресс в направлении перемирия: немцы дали понять, что они прекратят боевые действия, как только мы перестанем совершать палеты на железнодорожную дорогу в Славонии. Но никакого соглашения так и не было подписано, равно как и не было речи о получении нами какого-либо оружия или помощи от немцев»³.

Об итогах этих переговоров М. Джилас проинформи-

¹ *Djilas M. Wartime. P. 240.*

² *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 14. S. 347—348.*

³ *Djilas M. Wartime. P. 242.*

ровал И. Тито, который, как ему показалось, не проявил к этому такого интереса, как раньше, поскольку пемцы уже прекратили преследование. По он приказал славонским партизанам свернуть свои боевые действия, в частности их рейды на железную дорогу, связывающую Загреб с Белградом, и одобрил поездку В. Велебита в Загреб, который вернулся вместе с Гертой Хас¹.

«Немецкие войска остановились на правом берегу Неретвы,— отмечал И. Тито,— и дальше не пошли, в Верховном штабе в конце марта сложилось впечатление, что немецкое командование поддалось тактическому маевру представителей Верховного штаба и временно приостановило состояние вражды». И далее: «С точки зрения Верховного штаба имелось в виду выиграть время для завершения разгрома четнических сил, сконцентрированных в Восточной Герцеговине, Юго-Восточной Боснии и Санджаке, и не допустить их объединения с войсками западных союзников, которые, как тогда предполагалось, могли высадиться в районе Южной Адриатики»². Замысел этих переговоров И. Тито объяснил в начале апреля 1943 г. следующим образом: «Здесь не идет речь ни о каком перемирии, а лишь о прекращении нападения на одного врага — пока не будет разбит другой. Четники являются сейчас самым опасным врагом с учетом предстоящих событий. Особенно если произойдет высадка союзников на Балканах, после чего югославское правительство в Лондоне может попытаться воспользоваться ситуацией, чтобы присвоить себе плоды нашей борьбы. Мы до сих пор не прибегали к тактике использования противоречий между врагами, а это надо делать»³.

Эти переговоры используются буржуазными историками с целью компрометации народно-освободительной борьбы народов Югославии. Примером, иллюстрирующим попытки «уличить» партизанское движение в существовавшем коллаборационизме и тем самым хоть как-то обелить действительный коллаборационизм четников Д. Михайловича, является мнение американского историка У. Р. Робертса о том, что «Тито по крайней мере рассматривал возможность сотрудничества с немцами»⁴. Касаясь этого вопроса, И. Тито в своем выступлении в Ябланице на праздновании 35-летия битвы на Неретве 12 по-

¹ *Djilas M. Wartime. P. 244.*

² *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 14. S. 347—348.*

³ *Ibid. S. 348.*

⁴ *Roberts W. R. Tito, Mihajlovic and the Allies. 1941—1945. N. Y., 1973. P. 106—112.*

ября 1978 г. говорил: «Кто может нас сегодня упрекнуть за то, что мы предпринимали шаги, укрепляющие нас, конечно, не прекращал при этом боевых действий. Ни у кого из нас даже мысли не было насчет того, что немцы не будут сражаться против нас. Мы только знали лишь, что им пужна передышка, чтобы разработать новый стратегический план, но мы были уверены, что непременно вновь схватимся друг с другом. Я ни минуты не сомневался, что они, как только будут в состоянии, вновь ударят по нам. Но, как я уже сказал в речи, мы проводили в жизнь стратегический план передислоцирования частей в направлении Черногории, Санджака и далее Косово, Южной Сербии и Македонии для их пополнения новыми силами»¹.

Направленная в Москву информация И. Тито об этих переговорах не встретила в ИККИ понимания. Сообщая 30 марта 1943 г. о проходивших в Загребе переговорах по вопросу обмена военнопленными, он поставил вместе с тем ИККИ в известность, что «немецкий посол в Загребе передал через одного майора о своем желании встретиться со мной»².

Надо полагать, что такого рода телеграмма не могла быть не доложена Сталину. Об этом можно судить по характеру направленного И. Тито ответа, явно несущего на себе печать хорошо известного всем отрицательного отношения Сталина к пленным и обмену ими. В ответной телеграмме, полученной И. Тито в начале апреля, говорилось, в частности, следующее: «Нас привело в замешательство то обстоятельство, что вы обмениваетесь военнопленными с немцами. Что посылаете к ним делегации, которые ведут различные переговоры с немцами, а также то, что немецкий посланник в Загребе выразил пожелание встретиться лично с вами. В чем здесь дело?.. Просим вашего объяснения по этому вопросу... Ожидаем ваш ответ»³.

Не скрывая своего огорчения, И. Тито в своем ответе, признав, что эта телеграмма «произвела тяжкое впечатление», сделал вывод, что она свидетельствует о «наличии известного недоверия и сомнения в отношении наших действий», что отнюдь не служит ободряющим стимулом «в этой трудной ситуации», в которой «мы сейчас находимся». Касаясь вопроса об обмене военнопленными, он пояс-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 14. S. 348.

² Ibid. S. 201.

³ Ibid. S. 349—350.

шил, что «в условиях нашей борьбы мы не можем иметь при себе большое количество военнопленных», а их обмен позволяет «вырвать из лап врага» темнящихся в концентрационных лагерях и тюрьмах Павелича многих патриотов, спасти «наших руководящих товарищей, пока их еще не убили». «В том же, что немецкий представитель в Загребце,— писал далее И. Тито,— хочет, несмотря на все свншество, которое написано обо мне в немецких и хорватских газетах, встретиться со мной, никто не виноват, и отнюдь не означает, что я хочу разговаривать с ним, более того, у меня и в мыслях этого нет». В заключение телеграммы, подчеркнув, что высказанные упреки являются незаслуженными, заверил: «Можете быть уверенными в том, что наша борьба и впредь останется незапятнанной, какой она была и до сих пор, по вы должны иметь в виду, что мы отвечаем за жизни нескольких миллионов людей, питающих к нам и нашей борьбе доверие, и мы должны действовать так, чтобы не подорвать его»¹. «Ни я,— писал впоследствии М. Джилас,— ни кто-либо другой из членов ЦК КПЮ не испытывали угрызений совести по поводу того, что переговорами с немцами мы могли предать Советский Союз, интернационализм или нашу копечную цель. Военная необходимость выпуждала нас к этому. История большевизма — даже не считая Брест-Литовского мира и пакта Гитлер — Сталин — дает обилие прецедентов на этот счет. Переговоры держались в строгом секрете. По этому вопросу не было расхождений среди высших руководителей, если не считать того, что мы с Ранковичем больше сомневались, чем И. Тито, в положительном их исходе. Что касается более продолжительного перемирия или более широкого соглашения, то в это по-настоящему никто не верил»².

Тем временем, пока осуществлялась операция «Вайс», в ходе которой произошло крупнейшее до сих пор столкновение партизан с 12-тысячной группировкой четников, открыто выступивших на стороне немецко-итальянских войск, о чем И. Тито сразу же поставил в известность Коминтерн³, югославское королевское правительство, по согласованию с А. Иденом, в очередной раз предприняло попытку «выяснить», не согласится ли правительство СССР повлиять на Верховный штаб НОА и ПОЮ с целью примирения партизан и четников при условии, что Михай-

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 14. С. 204—205.

² *Djilas M. Wartime*. P. 244.

³ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 14. С. 96.

лович будет осуществлять верховное командование всеми силами Соппротивления в стране. После того как правительство СССР в очередной раз дало 19 февраля недвусмысленный отрицательный ответ на этот зондаж, британское правительство решило само обратиться по данному вопросу к СССР. В результате английскому послу в Москве А. К. Керру было поручено передать в Наркоминдел Меморандум правительства Великобритании правительству СССР от 9 марта 1943 г. Этот документ любопытен тем, что в нем содержатся красноречивые признания об отсутствии понимания и поддержки со стороны Советского Союза позиций западных держав в т. п. югославском вопросе, о его отказе проводить согласованную с Великобританией политику, об откровенной поддержке советской стороной партизан и осуждении Д. Михайловича.

Отмечая безуспешность прежних попыток склонить правительство СССР к тому, чтобы добиться подчинения народно-освободительного движения главарю четников Д. Михайловичу, правительство Великобритании на этот раз уже не поднимало, как это было в ноябре 1941 г., вопрос о создании под руководством Д. Михайловича единого фронта между народно-освободительным движением Югославии и четническими отрядами. Теперь оно попыталось добиться того, чтобы правительство СССР убедило руководство народно-освободительного движения сотрудничать с ним.

В этот период принципиальная позиция Советского Союза в отношении четнического движения нашла подтверждение в виде, направленной эмигрантскому правительству королевства Югославии 2 апреля 1943 г., в которой правительство СССР решительно настаивало на том, чтобы оно отмежевалось перед мировой общественностью от сотрудничества четников с оккупантами и приказало Д. Михайловичу в интересах борьбы против немцев и итальянцев распустить четнические отряды в Черногории и Герцеговине¹.

Однако официальный Лондон по-прежнему продолжал делать ставку на Д. Михайловича, поддерживая в этом эмигрантское правительство и короля Петра. В связи с этим И. Тито обратился от имени АВНОЮ через ИККИ с опровержением измышлений в адрес народно-освободительного движения, предложив «союзникам направить в Югославию комиссию, которая на месте смогла

---

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 14. S. 330.

бы проверить истинность наших обвипений и ознакомиться с пстициным положением дел в Югославии»¹.

Одержав верх в битве на Неретве, вырвавшиеся из окружения части НОА и ПОЮ практически не имели времени для восстановления своих изрядно подорванных непрерывными трехмесячными боями сил. Уже 15 мая они вновь были подвергнуты нападению со всех сторон еще более крупной немецко-итало-ушташско-четнической группировкой, усиленной частями армии царской Болгарии. Взамен неудавшейся операции «Вайс» немецкое командование разработало по указанию Гитлера новую операцию под кодовым названием «Шварц». Теперь 18 тыс. воинам НОА и ПОЮ пришлось вести неравные кровопролитные бои с 120-тысячным объединенным неприятельским войском, которые продолжались вплоть до 19 июня. Операция «Шварц» вошла в историю народно-освободительной борьбы как пятое генеральное фашистское наступление.

В течение мая — июня 1943 г. народно-освободительное движение Югославии оказалось в наиболее трудной за всю войну ситуации. Теснимые обладавшим шестикратным перевесом в живой силе и технике врагом части НОА и ПОЮ двинулись в северо-западном направлении в надежде пробиться к реке Сутьеске. В ее долине они оказались зажатými в плотном кольце окружения. Началась отчаянная кровопролитная схватка, в результате которой в неравном бою ценой гибели 8 тыс. человек 12 июня 1943 г. удалось все же осуществить прорыв в горы Восточной Боснии, в который устремились войска НОА и ПОЮ. В ходе этих ожесточенных боев 9 июня от осколка разорвавшейся рядом бомбы получил ранение в левую руку И. Тито. Об обстоятельствах своего ранения И. Тито рассказал впоследствии следующее: «Я укрылся за стволом сломанного бука; когда рядом со мной взорвалась бомба и все покрылось мраком, мне показалось на какое-то мгновение, что я погиб. Мою собаку Люкс, прикрывшую мне голову своим телом, разорвало на куски... Чуть дальше от нее лежал бездыханный английский капитан Стюарт, его ноги торчали вверх... Еще дальше — Джуро (Джуро Вуйович — ординарец И. Тито. — Ю. Г.)... Среди этого опустошения я вдруг увидел на искореженном дереве небольшую лесную птичку, издававшую жалобные звуки... Взрывом ей перебило ногу и повредило крылья... Это крохотное создание стояло на одной ноге, подергивая кры-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 15. S. 5.

льшком. Эта картина глубоко врезалась мне в память... В этот момент ко мне подошел Марко (А. Рапкович.— Ю. Г.), взяв меня под руку...»¹

После роспуска Коминтерна И. Тито продолжал поддерживать прямую радиосвязь с Г. М. Димитровым, передавая через него информацию, предназначенную для правительства СССР, Сталина, а также радиостанции «Свободная Югославия». Так, 12 июня 1943 г. он, проинформировав Г. М. Димитрова о ходе боевых действий, сообщил при этом: «Мы все еще находимся в тяжелом положении. Враг вновь пытается нас окружить. Я ранен в руку шрапнелью. Просим вашей поддержки в этом самом трудном испытании»². 22 июня 1943 г. И. Тито поставил в известность Г. М. Димитрова, что продолжавшееся ровно 40 дней пятое наступление немецких, усташских и итальянских частей с целью уничтожения НОА и ПОУ провалилось. Это вынуждено было признать и осуществлявшее руководство операцией «Шварц» немецкое командование, которое в донесении от 20 июня 1943 г. подчеркивало: «Ход боев показал, что коммунистические силы под командованием Тито отлично организованы, умело управляемы, обладая боевым духом, вызывающим удивление»³.

Изнурительная битва на Сутьеске далась пелегко как И. Тито, так и другим его соратникам. По словам М. Джи-ласа, когда он после длительного перерыва увидел 3 июля 1943 г. И. Тито и А. Рапковича в небольшой пещере недалеко от поселка Кладань, то его поразило, насколько оба они похудели. «Рапкович выглядел как туберкулезник, которому жить осталось считанные дни, а у Тито пальцы стали настолько тонкими, что приобретенное им в Москве кольцо для продажи на случай нужды соскользнуло и потерялось. Первым делом я спросил И. Тито о его ране. «Пустяки — обычная царапина», — ответил он небрежно. И. Тито был уже без повязки и пользовался рукой, как будто она вообще не была ранена. История же о погибшей собаке, заслонившей своим телом хозяина, является самым обыкновенным мифом: если собака жалась к своему хозяину, то делала она это из страха, а не потому, что она понимала что-либо в баллистике»⁴.

В своем стремлении во что бы то ни стало обезгла-

¹ *Dedijer V. Novi prilozii...* T. 2. S. 820.

² *Broz Tito J. Sabrana djela.* T. 15. S. 204.

³ *Ibid.* S. 216, X.

⁴ *Djilas M. Wartime.* P. 300.

нить парадно-освободительное движение немецкое командование буквально по пятам преследовало в течение июля 1943 г. оперативную группу дивизий и Верховный штаб НОА и ПОЮ. После шестимесячных безуспешных попыток уничтожить воинов НОАЮ, ликвидировать или захватить в плен верховное руководство НОД немецкие оккупационные власти объявили в июле 1943 г., что тот, кто арестует или убьет «коммунистического вождя по фамилии Тито», получит в качестве вознаграждения 100 тыс. рейхсмарок золотом¹.

15 июля И. Тито созвал заседание Верховного штаба НОА и ПОЮ и Политбюро ЦК КПЮ, на котором была проанализирована ситуация в Средиземноморье и на Балканах, так как стало известно о высадке англо-американских войск на Сицилии. Имея в виду непрекращавшиеся попытки Великобритании вмешаться во внутренние дела Югославии на стороне короля и эмигрантского правительства, И. Тито считал нежелательным и опасным для революционных завоеваний югославских трудящихся возможное открытие второго фронта западными союзниками на Балканах. Еще 26 августа 1942 г. он писал Сталину: «Настроение 95% населения на стороне Советского Союза и союзников. Естественно, присутствие частей Красной Армии на Балканах было бы намного более желательным для наших народов, чем остальных союзнических частей»². Считая, что возможная скорая высадка англо-американских войск вслед за Италией на югославском Адриатическом побережье явилась бы мощной поддержкой реакционным силам, И. Тито предложил на этом заседании срочно передислоцироваться в западные районы Югославии, ближе к Далмации, Хорватии и Словении. Совершив марш-бросок из Восточной в Западную Боснию, И. Тито вместе с членами Верховного штаба, АВНОЮ и Политбюро ЦК КПЮ обосновался 24 августа 1943 г. в освобожденном древнем боснийском городке Яйце.

Накануне капитуляции Италии НОА и ПОЮ представляли собой внушительную силу, насчитывавшую около 200 тыс. человек, с которой, как доминирующим военным фактором в Югославии, нельзя было не считаться. Весть о капитуляции Италии вызвала мощный приток новых сил в ряды НОА и ПОЮ. Захваченное оружие позволило вооружить еще около 80 тыс. бойцов. Учитывая

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 15. С. 193.

² *Ibid.* Т. 11. С. 245.

несомненные военные, а также политические успехи народно-освободительного движения, рост его авторитета, сопровождавшийся дальнейшей дискредитацией четников, Великобритании, а за ней и США к лету 1943 г. стали вносить коррективы в тактику, которая сочетала теперь заигрывание с народно-освободительным движением с откровенным нажимом на него. «До этого наши миссии,— пишет У. Черчилль в своих мемуарах,— находились только в отрядах, руководимых Михайловичем... В мае 1943 г. мы предприняли новый ход»¹. Информирова об этом Советское правительство, английский посол заявил 4 июля в Наркоминделе, что правительство Великобритании решило пересмотреть свою прежнюю политику и в будущем оказывать свою поддержку всем элементам сопротивления в Югославии, независимо от политической окраски². Смысл этого «нового хода» состоял в том, что в Лондоне, хотя и осознали, что игнорировать народно-освободительное движение больше было невозможно, но по-прежнему считали, что списывать Михайловича со счетов как «неэффективную фигуру» было бы пока политически нежелательно, а с военной точки зрения — преждевременно.

Исходя из этого, весной 1943 г. официальным Лондом было решено, продолжая оказывать поддержку Михайловичу, установить непосредственный контакт также с партизанами и попытаться еще раз примирить стороны. Эта политика получила в английской историографии название политики «равной помощи». Э. Кардель, обоснованно назвавший ее политикой «мнимой нейтральности», отмечал, что первоначально она проявлялась в том, что правительства Англии и США пошли на установление «экспериментальных контактов с партизанами»³. Началось все с того, что правительство Англии направило в Верховный штаб ЮОАЮ, а также в региональные штабы военные миссии связи. «У этих миссий, по правде говоря, не было никаких политических полномочий,— писал Э. Кардель,— они не были уполномочены говорить от имени правительств, а выступали только от имени своего военного командования, прежде всего командования, находившегося в Каире. Но при этом они весьма активно интересовались нашими политическими целями и намерениями, а также соотношением сил и их влиянием в стране в целом»⁴.

¹ Churchill W. S. The Second World War. Vol. V. P. 410.

² См.: Международная жизнь. 1958. № 8. С. 78.

³ Kardelj E. Borba za priznanje... S. 29.

⁴ Ibid. S. 30.

Сообщая о намерении англичан направить в Верховный штаб НОА и ПОЮ свою военную миссию, И. Тито обратился 23 мая 1943 г. с просьбой к Верховному командованию Красной Армии «также прислать своего военного представителя, как только это будет возможно»¹. К этому вопросу он вновь вернулся в телеграмме, полученной в Москве 26 июля 1943 г., в которой говорилось: «Англичане направили нам до сих пор 7 самолетов с разными материалами, но они больше всего стараются присылать разные т. н. диверсионные миссии. Мы осторожно контролируем эти миссии. Очень хотели бы, чтобы Советский Союз отправил к нам свою миссию. На днях должна прибыть американская миссия. Сообщите Ваше мнение. Вальтер»². Первая английская военная миссия из числа т. н. экспериментальных прибыла в распоряжение партизанских частей в ночь с 18 на 19 мая 1943 г. во главе с майором У. Джонсом. Вскоре после этого в ночь с 27 на 28 мая в Югославию была заброшена еще одна английская военная миссия во главе с майором Ф. В. Дикипом. Но с ее аккредитацией при Верховном штабе НОА и ПОЮ каких-либо существенных изменений в политике Англии не произошло. Хотя английские власти приостановили передачи четнической радиостанции «Карагеоргий», разрешили 29 июля 1943 г. «осторожно упоминать имя Тито», в своей пропаганде, однако, как и прежде, основная ставка правительством Англии делалась на Михайловича и его сторонников. Военная помощь по-прежнему направлялась Д. Михайловичу, который использовал ее для борьбы не против оккупантов, а против народно-освободительного движения. Как свидетельствует в своих мемуарах Ф. Маклин, «оружие, которое мы (Англия.— Ю. Г.) сбрасывали четникам... использовалось ими против партизан, сражавшихся с пемцами»³. Что касается военной помощи ПОАЮ, то она, по словам И. Тито, не получила до сентября 1943 г. от западных союзников ни одного патрона.

В духе вышеупомянутой политики «мнимой нейтральности» правительство Англии направило в Югославию нового главу своей военной миссии при Верховном штабе НОАЮ бригадира Ф. Маклина (прибыл в Югославию 17 сентября 1943 г.), решив одновременно повысить уровень своего представительства и при вожаке четников, которое с 25 сентября 1943 г. стал возглавлять бригадир

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 15. S. 154.

² Архив ЦК СКЮ; фонд «ЦК КПЮ — КИ», 1943/178.

³ Maclean F. The Eastern Approaches. L., 1956. P. 339.

Г. Ф. Армстронг. Аналогичным образом поступили и США: с 18 августа 1943 г. они аккредитовали при Михайловиче свою миссию во главе с капитаном У. Мэпсфилдом, которую с 23 сентября 1943 г. возглавил полковник А. Сайц; к английской же миссии при Верховном штабе НОАЮ они прикомандировали вначале М. Бенсона, а затем Л. Фэриша. В январе 1944 г. У. Черчилль направил в Югославию в помощь Ф. Маклину своего сына Рапдольфа, который оставался на югославской территории до января 1945 г.

Глава объединенной англо-американской военной миссии при Верховном штабе НОА и ПОЮ Ф. Маклин, имевший возможность длительное время общаться с И. Тито, следующим образом рассказал о том впечатлении, которое произвел на него он осенью 1943 г.: «Тито, что касается внешнего мира, все еще представляет собой загадочную личность; ему было 52 года, крепкого телосложения, волосы — железно-серого цвета. Его правильное, как бы высеченное из камня лицо было худым и сильно загоревшим, губы — беспощадно решительные. От взгляда его светло-голубых глаз ничего не могло ускользнуть. В нем была сконцентрирована энергия тигра, изготовившегося к прыжку. Когда он говорил, выражение его лица быстро менялось, неожиданная улыбка сменялась гневом, вновь озаряясь взглядом, полным понимания. У него был приятный голос, который вдруг становился строгим; его одежда была опрятной и удобной: обычный без знаков различия военный китель, перетянутый ремнем с пистолетом в кобуре, и брюки; на пилотке — небольшая пятиконечная звезда; на руке, совсем неожиданно, бриллиантовый перстень (так в тексте.— Ю. Г.). Он не скрывал, что является коммунистом, наоборот, этим гордился. Однако, что необычно для коммуниста, он был готов обсуждать любой вопрос и сразу же принять решение без ссылок на высшие авторитеты. Казался абсолютно уверенным в себе; лидер, а не подчиненный. Ему были присущи и другие неожиданные качества: он обладал удивительно широким взглядом на мир; очевидной независимостью духа; не покидавшим его чувством юмора; умением, не стесняясь, ценить обычные радости жизни; врожденным сомнением в людях, уступавшим место дружеским отношениям, дружелюбию; сменой настроений, резкими приступами гнева; периодической склонностью к хвастовству и стремлению выделиться; непременными внимательностью и великодушием; удивляющей готовностью выслушать чу-

жое мпение; и, наконец, сильно развитым чувством национальной гордости... Когда надо было принимать важные политические или военные решения, он принимал их спокойно и хладнокровно, несмотря на всю серьезность ситуации. Проявлял, вдохновляя других, абсолютную преданность общей цели, полное презрение к опасностям и трудностям, с которыми сталкивался... В обманчивом военном счастье Тито делил со своими бойцами все опасности и неудачи. Когда партизаны были на марше, и он шел с ними, преодолевая огромные расстояния на лошади или пешком, через леса и горы, в хорошую и плохую погоду, проявляя такую выносливость, которая бы и у более молодого вызвала удивление. Стремился во всем убедиться сам, получив информацию из первых рук. Закончив неотложные дела, он либо присоединялся к беседам членов Верховного штаба, либо играл в шахматы, а мог лечь на землю и заснуть. Отличался способностью «отключиться», если надо, ото всех забот и полностью расслабиться: при этом он смеялся и шутил, производя впечатление беззаботного человека. Но стоило ему в любое время суток, независимо от того, работал ли он, спал или ел, получить срочное известие, услышать приближающуюся стрельбу или предупреждение охраны, как он начинал безотлагательно действовать. Осторожность и молниеносная реакция уже давно стали неотъемлемой частью его личности. Опасность только обостряла и усиливала его способности»¹.

Подробно информируя через Г. М. Димитрова Советское правительство о характере деятельности английских военных миссий в Югославии, И. Тито сообщал 1 сентября 1943 г. в Москву: «При наших штабах есть две категории английских военных миссий — военной разведслужбы и Интеллидженс сервис. Они слишком много хотят знать о нашей армии. Мы даем им информацию, которую, по нашему мнению, можно давать... Мы требуем признания нашей армии в качестве регулярной армии, а не только как партизан и патриотов. Мы просим Советский Союз поддержать это наше требование. Просим также Советский Союз прислать своих представителей в наш штаб. Мы считаем, что для этого есть достаточно возможностей... Англичан уже среди нас несколько десятков, но наша армия и народ с нетерпением ожидают братскую советскую делегацию»².

¹ *Maclean F. Josip Broz Tito. S. 76—80.*

² *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 16. S. 153.*

Обращаясь 13 октября 1943 г. с просьбой отпечатать 30 тыс. партбилетов на словенском, хорватском и сербском языках, изготовить 100 тыс. пилоток и несколько десятков комплектов обмундирования для офицеров НОА и ПОЮ, направить медикаменты, портативные радиостанции, зенитные орудия, автоматы и одежду, И. Тито писал, что «англичане присылают смехотворное количество (оружия.— Ю. Г.) и то, когда забрасывают к нам шпионов. Того, что они до сих пор прислали нам, недостаточно, чтобы одеть и вооружить два батальона»¹.

В конце ноября глава британской миссии при Верховном штабе НОА и ПОЮ Ф. Маклин вернулся для доклада в Каир с настроянием, которое он сам суммировал следующим образом: «Итак — единственная надежда на прямую и немедленную союзническую интервенцию»². Излагая свои соображения У. Черчиллю, находившемуся тогда в Каире проездом из Тегерапа после завершения конференции «большой тройки», Ф. Маклин сказал ему, что «партизаны, независимо от того, будем мы им помогать или нет, будут представлять решающий политический фактор в Югославии после войны, и что Тито и другие лидеры движения являются откровенными, не скрывающими этого коммунистами, и что система, которую они установят, будет неизбежно похожей на систему Советского Союза и, по всей вероятности, сильно ориентированной в направлении СССР»³. Стремясь выяснить «перспективы обеспечения эффективной союзнической поддержки в Югославии», У. Черчилль поинтересовался возможностями проведения боевых операций на Далматинском побережье и островах, на что ему было сказано, что все будет зависеть от того, как скоро удастся преодолеть тупик, в который зашла итальянская кампания⁴.

Считая, что задача укрепления политических позиций народно-освободительного движения становится на данном этапе, с учетом расстановки сил как внутри страны, так и на международной арене, все более актуальной, И. Тито еще 11 августа 1943 г. выступил с инициативой созыва Второй сессии АВНОЮ.

12 октября 1943 г. И. Тито через Г. Димитрова поставил в известность Советское правительство о намерении созвать Вторую сессию АВНОЮ. Видимо, опасаясь полу-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 17. S. 60.

² Maclean F. The Eastern Approaches. P. 381.

³ Ibid. P. 402.

⁴ Ibid. P. 382, 410—411.

чить отрицательный ответ на прямой запрос мшения Москвы по существу данного вопроса, он проводит такой зондаж в косвенной форме, чем и объясняется характер направленной им телеграммы Г. Димитрову, текст которой гласил: «В Словении, Хорватии и в АВНОЮ высказывается предложение, чтобы на следующем его заседании я, оставаясь командующим армией, был избран Председателем Исполнительного веча АВНОЮ. Я с этим не согласен и считаю это неправильным. Прошу вашей поддержки с тем, чтобы убедить хотя бы соратников. За границей это, на мой взгляд, было бы плохо воспринято»¹. В своем ответе 16 октября 1943 г. Г. Димитров, полностью согласившись с мнением И. Тито, писал: «Предложение Веча Словении и Хорватии об избрании Тито Председателем Исполнительного комитета АВНОЮ, остающегося командующим армией, является нецелесообразным. Это предложение следует отозвать»².

Убедившись, что информация о возможном созыве сессии АВНОЮ не встретила возражений в Москве, И. Тито 5 ноября обратился к Исполкому АВНОЮ с конкретным предложением провозгласить АВНОЮ высшим законодательным и политическим органом во главе с Президиумом, а также создать временное правительство под названием Национальный комитет освобождения Югославии с последующим его утверждением сессией АВНОЮ, которую, по его словам, надо срочно созвать «в связи с событиями в мире и нашей стране, а также попыткой югославского эмигрантского правительства и короля обманным путем использовать решения, достигнутые в Москве (видимо, имеется в виду конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, состоявшаяся 19—30 октября 1943 г.— *Ю. Г.*), для возвращения в страну»³.

Еще 18 сентября 1943 г. на освобожденную югославскую территорию недалеко от г. Бугайно десантировалась группа болгарских коммунистов во главе с соратником Г. Димитрова Штерью Атанасовым (известным также под псевдонимами Виктор и Георгиев). Позже Ш. Атанасов вспоминал: «В первой половине августа 1943 г. мы снова встретились с Г. Димитровым, который окончательно определил наши задачи. Нам предстояло выбраться с парашютом над югославской территорией. Установив связь с партизанскими руководителями в Югославии,

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 17. S. 54.

² *Ibid.* S. 320.

³ *Ibid.* S. 187.

Б. Иवानов, И. Пейчев и Д. Цырвулапов при их содействии должны были выехать в Болгарию и поступить в распоряжение ЦК БКП, а мне подлежало остаться в Верховном штабе НОАЮ в качестве представителя ЦК БКП и болгарского партизанского движения»¹.

Узнав от Ш. Атанасова о предстоящем вскоре проведении в Москве конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, И. Тито решил довести через Г. Димитрова до сведения правительства СССР фактически ту позицию Верховного штаба НОА и ПОЮ, а также АВНОЮ по вопросу о короле и югославском правительстве, с которой он собирался выйти на предстоящую сессию АВНОЮ. В телеграмме Г. Димитрову от 2 октября 1943 г. он попросил его уведомить Советское правительство о следующем: «Мы не признаем ни югославское правительство, ни короля в эмиграции, потому что они два с половиной года и даже сейчас поддерживают сотрудничающего с оккупантами предателя Дражу Михайловича, ввиду чего несут всю ответственность за это предательство перед народом Югославии. 2. Мы не допустим их возвращения в Югославию, так как это означало бы гражданскую войну. 3. Мы говорим от имени огромного большинства народа, который хочет демократическую республику, опираясь на народно-освободительные комитеты. 4. Единственной законной властью народа сейчас являются народно-освободительные комитеты во главе с антифашистскими вечами. Такое же заявление мы сделаем английской миссии при нашем штабе. Английский генерал уже довел до нашего сведения, что английское правительство не будет очень настаивать на короле и эмигрантском правительстве»².

Из документов конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, состоявшейся в Москве 19—30 октября 1943 г., известно, что английское правительство попыталось навязать ее участникам обсуждение вопроса о «совместной политике в отношении движения Сопротивления в Югославии»³, мотивируя свое предложение необходимостью «добиться некоторого рода *modus-vivendi* между Михайловичем и партизанами, с тем чтобы можно было эффективно координировать их воен-

¹ Плечом к плечу, сердцем к сердцу. М., 1984. С. 316. *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 17. С. 313.

² *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 17. С. 9, 310.

³ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. М., 1978. С. 48.

ные усилия в интересах союзников»¹. Высказавшись за координацию «нашей общей политики» в отношении Югославии, А. Иден прямо заявил о заинтересованности правительства Англии в том, чтобы «сохранить тройственное королевство сербов, хорватов и словенцев», т. е. буржуазно-монархическую Югославию. При этом, выразив надежду на то, что «в результате этой конференции югославам будет дан совет воздержаться от конфликтов между собой», А. Иден попытался выяснить, «не намекнет ли советская сторона партизанам о том, что мы не хотим, чтобы Михайлович и партизаны боролись друг против друга»². Отвечая А. Идену, парком иностранных дел Советского Союза В. М. Молотов, отметив, что Д. Михайлович раздутая фигура, заявив, что британскому правительству должно быть известно, что «Михайлович поддерживает оккупантов и даже действует с ними заодно». Он твердо дал понять, что Советское правительство не намерено вступать в контакт с четническими главарями и собирается послать свою миссию к партизанам. В. М. Молотов поставил перед А. Иденом вопрос о возможности предоставления английским правительством СССР «какой-либо базы, например в Африке, для сношения с советской миссией в Югославии, если она туда будет послана»³. В стремлении реабилитировать коллаборациониста Михайловича А. Иден договорился до абсурдного утверждения, что, дескать, «если Советское правительство пошлет свою миссию только к партизанам и не будет иметь хотя бы своего офицера при Михайловиче, то это не поможет делу борьбы против Гитлера в Югославии»⁴. В результате твердой позиции советской делегации югославский вопрос был снят с обсуждения этой конференции.

Для понимания общей обстановки в Югославии накануне Второй сессии АВНОЮ большой интерес представляют следующие две телеграммы Ш. Атанасова, направленные им 3 и 14 ноября Г. Димитрову из Яйце.

В его телеграмме от 3 ноября обращалось внимание на следующее: «Английские офицеры сидят в штабе Д. Михайловича и руководят военными операциями итальянских фашистов против частей НОАЮ, наступающих на восток. Четники и итальянские фашисты в свою

---

¹ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 76.

² Там же. С. 155, 268.

³ Там же. С. 258.

⁴ Там же. С. 259.

очередь вместе с немцами ведут борьбу против НОАЮ. Становится очевидным намерение как немцев, так и англичан изолировать народно-освободительную борьбу югославских народов в Центральной и Западной Югославии, Сербии, Македонии, Болгарии и задушить ее»¹.

В телеграмме от 14 ноября Ш. Атанасов докладывал Г. Димитрову: «Положение здесь таково: весь борющийся народ единодушно признает руководящую роль коммунистической партии. Руководство политических партий, участвующих в освободительной борьбе, распустило свои партии и призвало своих последователей работать под руководством Коммунистической партии. Коммунистическая партия есть единственная реальная политическая сила, способная *организовать новое югославское государство* (курсив мой.— Ю. Г.). Это признают все... Характерно, что к англичанам и американцам все относится подозрительно и с недоверием... Англичане чувствуют холодное отношение югославского народа и армии к себе и делают все, чтобы завоевать доверие югославского народа. В этом духе работает и лондонская радиостанция. Здесь вызывает беспокойство то, что московское радио не высказывается по вопросам эмигрантского правительства и великосербской клики около короля. В этом отношении отстает от лондонской радиостанции даже радиостанция «Свободная Югославия». Высказывание Советского Союза по этим вопросам помогло бы легче разоблачить провокационные слухи, распространяемые врагом, о том, что якобы партизаны — это троцкисты и Советский Союз их не признает. Оккупанты и четники попытались даже создать ложные организации компартии в Черногории до ее освобождения»².

26 ноября 1943 г. И. Тито завизировал написанную Ш. Атанасовым радиogramму для Г. Димитрова, в которой сообщалось, что «28 ноября (в действительности — 29 ноября.— Ю. Г.) открывается пленум Антифашистского Веча Югославии». Отметив, что повестка дня включает такие вопросы, как «реорганизация Веча во временный законодательный орган народов Югославии», а также «создание Национального комитета как временной исполнительной власти, подотчетной Вечу», И. Тито и Ш. Атанасов выразили пожелание прислать делегатам сессии АВНОЮ приветствие от имени Всеславянского комитета³.

¹ Архив ЦК СКЮ, фонд «ЦК КПЮ — КИ», 1943/337.

² Broz Tito J. Sabrana djela. T. 17. S. 284.

³ Ibid. S. 286, 393.

Таким образом, из этих телеграмм видно, что И. Тито «не скрывал от Советского правительства военные цели ЮОД Югославии, а, наоборот, просил поддержки и тем самым не проводил в связи со Второй сессией АВНОЮ политики свершившегося факта. В период с 14 по 28 ноября было достаточно времени, чтобы высказать Тито какое-либо пожелание. Тот факт, что этого не произошло, говорит о том, что Тито была предоставлена возможность сделать так, как он спланировал»¹.

Как вспоминал М. Джилас, Э. Кардель, который, по его словам, внес наибольший вклад в подготовку решений Второй сессии АВНОЮ, неожиданно сообщил 28 ноября членам Политбюро ЦК КПЮ в присутствии И. Тито, что «словенская делегация намеревается внести предложение присвоить И. Тито звание маршала»². «И. Тито залился краской, — свидетельствует М. Джилас, — и, поднявшись со стула, начал ходить по комнате, как бы обдумывая это предложение: не чересчур ли это? Не обидятся ли русские? Мы с ходу развеяли опасения насчет недовольства русских: в конце концов, мы тоже можем иметь маршала. Что касается высказываемой И. Тито высокой чести, то этот вопрос даже не обсуждался: если кто-нибудь и заслуживал этого, так это И. Тито...»³

Вторая сессия АВНОЮ была проведена в ночь с 29 по 30 ноября 1943 г. Громом оваций ее делегаты встретили приветственную телеграмму в адрес сессии от Всеславянского комитета, в которой подчеркивалось: «Своей самоотверженной борьбой народы Югославии покрыли свои знамена бессмертной славой, а пролитой кровью завоевали уважение и любовь всего человечества. Все славянские народы гордятся вашей борьбой, вашими победами»⁴.

Вторая сессия АВНОЮ приняла исторические решения, заложившие основы новой, социалистической Югославии: АВНОЮ было провозглашено верховным представительным, законодательным и исполнительным органом страны (Президиум АВНОЮ возглавил И. Рибар); был сформирован Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ) в качестве временного народного правительства в стране во главе с И. Тито, которому было присвоено звание маршала; сессия приняла решение о том, что югославское государство будет организовано на феде-

¹ *Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi... S. 112.*

² *Džilas M. Wartime. P. 357.*

³ *Ibid. P. 359—360.*

⁴ Друго заседање АВНОЈ. Београд, 1953. С. 175.

ративной основе, на принципах равноправия и самопределаения народов; эмигрантское правительство было лишено всех прав законного правительства Югославии, королю запрещалось возвращаться в страну до окончания войны.

30 ноября 1943 г. И. Тито направил Г. Димитрову написанную М. Пьяде телеграмму об итогах работы Второй сессии АВНОЮ. В ней сообщалось, в частности, что сессия, в работе которой приняли участие 142 из 208 избранных делегатов, завершилась принятием Декларации и трех важных решений. Первое: АВНОЮ конституируется в верховный законодательный и исполнительный представительный орган, Президиум которого назначает Национальный комитет освобождения Югославии, имеющий характер временного правительства; второе: вводится федеративный принцип устройства Югославии; третье: лишается всех прав эмигрантское правительство и запрещается возвращение в страну короля Петра до освобождения всей страны, когда вопрос о короле и монархии будет решен народом. Приняты и другие важные решения. По предложению словенской делегации в НОА вводится звание маршала Югославии. Вновь избранный Президиум АВНОЮ присвоил, по предложению словенцев, под бурные овации Веча это звание Верховному главнокомандующему И. Тито¹.

Сессия направила И. В. Сталину следующую телеграмму: «АВНОЮ, собравшись на своем историческом заседании, шлет Вам — генеральному полковнику и Верховному главнокомандующему Вооруженными Силами Советского Союза свой пламенный боевой привет. Мы знаем, что борьба народов Югославии против фашистских варваров, за свободное и лучшее будущее была бы безнадежна, если бы она не стала составной частью великой освободительной войны свободолюбивого человечества, во главе которой стоит братский великий Советский Союз со своей непобедимой Красной Армией, которая под Вашим мудрым руководством идет от победы к победе, гоня на Запад гитлеровские орды. Мы пренеполнены чувства глубокой благодарности за сверхчеловеческие усилия, которые великая страна социализма проявляет в борьбе за свободу всего человечества. В самые тяжелые дни нашей неравной борьбы против кровожадного подлого оккупанта и его сообщников мы всегда смотрели на славную Советскую Родину, на героическую армию советского народа, ее стойкость и

---

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 17. S. 270—271.*

самопожертвование, и это воодушевляло бойцов нашей народно-освободительной армии на новые подвиги. Сегодня, когда мы создаем единственное законное политическое представительство в Югославии, когда закладываем фундамент новой, демократической федеративной Югославии, мы снова смотрим на Советский Союз и на Вас, товарищ Сталин. Знаем, что СССР всегда был истинным другом всех народов, которые борются за свою свободу.

Да здравствует великий братский Советский Союз, несущий на своих плечах самую большую тяжесть освободительной войны против фашизма!

Да здравствует непобедимая Красная Армия — освободительница человечества!

Да здравствует вождь советских народов, Верховный главнокомандующий Вооруженных Сил Советского Союза, гениальный полководец Сталин!

Президиум АВНОЮ»¹.

§ 5. СТАЛИН — М. ДЖИЛАСУ: «ВЗОРЫ ВСЕГО МИРА УСТРЕМЛЕНЫ НА ВАС»

Решения Второй сессии АВНОЮ означали, что руководимое КПЮ народно-освободительное движение выросло не только в основную военную силу, успешно сражающуюся с оккупантами и коллаборационистами, но и превратилось в главный политический фактор в стране. Однако, если с точки зрения расстановки сил внутри страны вопрос «кто — кого» был к этому времени вполне очевидно предрешен в пользу революционно-демократического лагеря во главе с КПЮ, то с международным признанием рождавшихся в Югославии новых политических реалий дело обстояло отнюдь не просто. Это было связано, в первую очередь, с поддержкой, которую оказывали Великобритания и США королю и эмигрантскому правительству Югославии, делая ставку на сохранение буржуазно-монархического режима в этой стране.

В полной мере такой их подход проявился на совпавшей по времени со Второй сессией АВНОЮ Тегеранской конференции руководителей СССР, США и Англии (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Включенная в документы этой конференции в английской редакции формулировка об оказании партизанам в Югославии помощи снабжением

¹ ЦПА ИМЛ.

и снаряжением в возможно большем разmere, а также операциями «коммандос» *¹, свидетельствовала о фактическом признании народно-освободительного движения Югославии лишь как сугубо военного фактора, делая, как видно, упор на возможности проведения диверсионно-десантных операций союзными войсками в Югославии. Такая перспектива особенно привлекала У. Черчилля с учетом активно обсуждавшихся им тогда с Ф. Рузвельтом планов перенесения боевых действий на югославское Адриатическое побережье в условиях, когда стало ясно, что «партизаны станут будущими хозяевами Югославии» и ничто, как считал Ф. Маклин, «кроме вооруженной интервенции более крупных и эффективных масштабов, чем та, которую осуществили немцы, не избавит Югославию от партизан» (курсив мой.— Ю. Г.)². К этому времени большую военно-политическую роль народно-освободительного движения признавали и США. От его недооценки предостерегал в своем докладе Белому дому американский офицер связи при Верховном штабе НОАЮ Л. Фэриш³. (Копию этого доклада Ф. Рузвельт передал в Тегеране для сведения И. В. Сталину.)

Не умаляя значения официального обязательства Великобритании и США оказывать помощь югославским партизанам, нельзя упускать из виду, что этот шаг западных союзников носил вынужденный характер и был предпринят в рамках разрабатывавшихся тогда британским правительством военно-политических планов на Балканах, с помощью которых У. Черчилль надеялся отеснить Гитлера на рубеж Савы и Дуная⁴, рассчитывая «врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не допустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию»⁵, насадив в Балканских странах удобные Великобритании режимы. У. Черчилль на протяжении всей войны не скрывал своей тяги к средиземноморскому театру военных действий с прицелом их распространения на Балканский полуостров.

---

* Специальные отряды для выполнения диверсионно-десантных операций.

¹ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978. С. 98—99, 102, 104, 126, 129.

² Maclean F. The Eastern Approaches. P. 340.

³ См.: Тегеранская конференция... С. 182.

⁴ См.: Эрман Дж. Большая стратегия (август 1943 — сентябрь 1944). М., 1988. С. 146.

⁵ Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947. С. 186—187.

Однако «балканскую стратегию» У. Черчилля, которой Советский Союз оказывал неизменное решительное противодействие, удалось окончательно отвергнуть на тегеранской конференции. Советский Союз подтвердил на ней намерение «направить свою миссию в Югославию к партизанам», возобновив просьбу к союзникам предоставить в распоряжение СССР базу в Северной Африке или другом месте, по их усмотрению, с которой можно было бы организовать снабжение НОАЮ вооружением и продовольствием¹.

Серьезным ударом по «балканской стратегии» У. Черчилля явились исторические решения Второй сессии АВНОЮ, заложившие основы социалистической государственности в Югославии. Касаясь этого вопроса, он писал в своих мемуарах: «Мои мрачные предсказания подтвердились. В конце ноября Тито созвал политический конгресс своего движения в Яйце, в Боснии, и не только создал временное правительство... но также официально лишил королевское югославское правительство... всех его прав». Признавая, что «партизаны, вне всякого сомнения, заняли положение ведущего элемента сопротивления в Югославии», У. Черчилль считал, что еще не поздно «переиграть» все, важно только, чтобы «не было принято никаких необратимых решений относительно будущего режима в Югославии»².

Исходя из этого, Великобритания и США, продолжая поддерживать связи с НОД лишь на уровне военных представителей, недвусмысленно дали понять своей официальной реакцией на решения Второй сессии АВНОЮ, что речь не идет о признании новых политических реальностей в Югославии. Более того, западные державы подтвердили свое намерение и впредь поддерживать эмигрантское королевское правительство, короля и четников Михайловича³.

Со своей стороны Советское правительство, пытаясь избежать обострения и осложнения отношений в рамках антигитлеровской коалиции, предпочитало и после Второй сессии АВНОЮ акцентировать антифашистскую, патриотическую, освободительную линию НОД. Поэтому, выждав прояснения позиций Англии и США в отношении решений Второй сессии АВНОЮ, правительство СССР высту-

¹ См.: Тегеранская конференция. С. 104, 122, 173.

² Churchill W. S. The Second World War. Vol. V. P. 413.

³ Maclean F. The Heretic. N. Y., 1957. P. 203.

пило 14 декабря 1943 г. с заявлением, которое было составлено таким образом, что, не парушая в глазах Англии и США образа СССР как их лояльного и надежного союзника, означало фактическое признание возникшего в ходе борьбы с оккупантами нового югославского государства. Стремясь создать видимость единодушия в позициях СССР, Англии и США, сообщение Информбюро Наркомпидела СССР, озаглавленное «О событиях в Югославии», ссылаясь на то, что они уже встретили «сочувственные отклики в Англии и США»; подчеркивало, что правительство СССР рассматривает их как «положительные факты, способствующие дальнейшей успешной борьбе народов Югославии против гитлеровской Германии», свидетельствующие «также о серьезном успехе новых лидеров Югославии в деле объединения всех национальных сил Югославии». Рассматривая АВНОЮ в качестве верховного законодательного и исполнительного органа, а НКЮЮ — как временное правительство Югославии, Советское правительство сочло необходимым в очередной раз осудить «деятельность четников ген. Михайловича, которая, по имеющимся сведениям, до сих пор не способствовала, а скорее наносила вред делу борьбы югославского народа против немецких оккупантов и потому не могла не встречать отрицательного отношения в СССР». В этом документе Советское правительство впервые публично обнародовало свое намерение с целью «получить более подробную информацию о всех югославских событиях и партизанских организациях», «направить в Югославию Советскую военную миссию, как это еще раньше сделало британское правительство»¹.

О том, что в конце ноября 1943 г. в Югославии состоялась Вторая сессия АВНОЮ, мир узнал из передачи радиостанции «Свободная Югославия» 29 ноября. О том, что же произошло в Яйце, У. Черчиллю лично доложил прибывший в начале декабря 1943 г. в Каир (где тогда находился, возвращаясь из Тегерана, английский премьер-министр) заместитель главы британской военной миссии У. Ф. Дикин, присутствовавший на упомянутой сессии. Пробыв полгода в Югославии, У. Ф. Дикин 3 декабря вылетел одним самолетом с главой военной миссии Верховного штаба НОА и ПОЮ при ближневосточном коман-

---

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, 22 июня 1941 г.— 31 декабря 1943 г. М., 1944. Т. I. С. 378—379.

дования союзников В. Велебитом! в Александрию, где они приземлились 5 декабря. Каждый из них был снабжен М. Пьяде комплектом решений, принятых Второй сессией АВНОЮ. Как подтвердил 26 декабря 1943 г. И. Тито в радиোগрамме на имя В. Велебита, «копия решения, которую из Югославии привезла британская военная миссия, верна оригиналу»². По свидетельству У. Ф. Дикина, в Каире он был принят У. Черчиллем, которого «в течение целой ночи»³ информировал о своих впечатлениях от пребывания в Югославии. Что касается В. Велебита, получившего от И. Тито указание придерживаться гибкой тактики, «действовать так, чтобы не получить пощечину»⁴, не выдвигая на данном этапе прямо вопроса о признании АВНОЮ, и не обострять ситуацию в политическом плане, то он официально вручил британским властям в Каире 14 декабря весь набор документов сессии, после того как М. Пьяде передал ему соответствующее поручение И. Тито: «Срочно сообщите союзникам все решения и заявления АВНОЮ. Обратите особое внимание на вопрос о короле и правительстве. Король не может вернуться в страну до тех пор, пока не закончится война и сам народ не примет окончательное решение по этому вопросу. Находящееся в Каире эмигрантское правительство народ лишил созданием АВНОЮ всех прав представлять югославские народы за границей. НКЮЮ представляет всю страну, а не только освобожденную партизанами территорию»⁵. 15 декабря Г. М. Димитров получил в Москве телеграмму от И. Тито, в которой говорилось следующее: «Нужно срочно опубликовать декларацию АВНОЮ и решение о короле и югославском правительстве в Лоздипе. Мы все документы и решения уже дали союзникам, и они их знают. Все это здесь мы уже опубликовали. С заявлением Идена в парламенте 14 декабря 1943 г. мы не согласны и ни на шаг не отступим от решений

---

¹ Первоначально главой этой миссии И. Тито назначил члена Политбюро ЦК КПЮ И. Лолу Рибара. Однако 27 ноября 1943 г. И. Лола Рибар погиб, когда самолет, на котором он должен был вылететь в Каир, был подвергнут обстрелу на взлетной площадке возле населенного пункта Гламоч неожиданно появившимся немецким самолетом-разведчиком (*Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 18. S. 255).

² *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 18. S. 110.

³ *Ibidem*.

⁴ *AVNOJ i revolucija. Tematska zbirka dokumenata, 1941—1945*. Beograd, 1983. S. 532.

⁵ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 18. S. 242.

АВНОЮ, которые являются законом. Вальтер»¹. В тот же день эти документы были переданы в эфир радиостанцией «Свободная Югославия».

Получив от В. Велебита информацию И. Тито, Ф. Маклин сообщил ее в Форин оффис, после чего А. Иден поручил ему сказать В. Велебиту для передачи И. Тито, что «Тито ничего не добьется, делая заявления, способные лишь создать неудобства не только для правительства Его Величества, но также и для правительств Советского Союза и Соединенных Штатов, которые постоянно советуются между собой по этим вопросам»². В ответ на эту радиogramму И. Тито направил 26 декабря 1943 г. из Яйце в Каир следующую ориентировку В. Велебиту для бесед с английскими представителями: «а) Вопрос, касающийся короля и монархии, решит народ по окончании войны в соответствии с решением Второй сессии АВНОЮ; в) мы не настаиваем на немедленном официальном признании Национального комитета. Мы работаем над тем, чтобы признание наступило как можно скорее, так как это имело бы огромное значение для нашей борьбы за освобождение народа; с) пропаганда против короля не является для нас такой уж важной, если король перестанет поддерживать реакционные силы, сотрудничающие с врагом в нашей стране и за рубежом против народа»³. Позицию по этим вопросам И. Тито предварительно согласовал с Москвой, в связи с чем Г. Димитров направил в его адрес следующую телеграмму: «Ваши ответы на три каирских вопроса правильны. Желательно, однако, проявить необходимую гибкость в отношении вопроса о пропаганде против короля, чтобы лучше дезорганизовать его сторонников за границей и в Сербии и легче преодолеть некоторые затруднения со стороны англо-американцев в деле их материальной помощи народно-освободительной армии. Можно, например, заявить, что если король не будет занимать враждебной позиции в отношении национального комитета, то и последний будет воздерживаться от всякой пропаганды против короля»⁴.

После Тегеранской конференции и Второй сессии АВНОЮ официальный Лондон активизировал разработку различных вариантов спасения монархии в Югославии. В конечном счете был одобрен курс на «заключение сдел-

¹ ЦПА ИМЛ.

² *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 18. S. 300.

³ *Ibid.* S. 110.

⁴ ЦПА ИМЛ.

ки с Тито посредством отсрочки любого шага, направленного на разрыв с Михайловичем, до тех пор, пока Тито не согласится сотрудничать с королем»¹. Как свидетельствует Э. Кардель, в качестве условия налаживания политических отношений с НКОЮ английское правительство выдвинуло тогда требование, заключавшееся в том, чтобы НКОЮ признал свою зависимость от короля и эмигрантского правительства².

В контексте этих усилий правительство Великобритании высказало 14 декабря 1943 г. Советскому правительству идею поисков «базиса для сотрудничества Тито, короля и эмигрантского правительства»³. 21 декабря 1943 г. советский посол вручил А. Идену следующее послание: «Советскому правительству известно, что в настоящее время существуют весьма напряженные отношения между маршалом Тито и НКОЮ, с одной стороны, и королем Петром и его правительством — с другой... Советское правительство разделяет точку зрения английского правительства, что в интересах борьбы югославского народа против немецких захватчиков необходимо приложить усилия, чтобы найти основу для сотрудничества между обеими сторонами, хотя оно и видит, какие большие трудности стоят на пути осуществления этой задачи»⁴.

В ответ на сделанное в этот период предложение югославского эмигрантского правительства заключить договор о дружбе и сотрудничестве Советское правительство ответило 22 декабря 1943 г., что оно не видит возможности начала таких переговоров, поскольку «ситуация в Югославии неясная и неопределенная»⁵. Сочтя целесообразным предать через ТАСС гласности свое отрицательное отношение к этому предложению, которое «не могло не вызвать недоумения в советских кругах», Советское правительство сослалось на сложившуюся в Югославии ситуацию, «профашистскую роль генерала Михайловича, до сих пор считающегося югославским военным министром, и его борьбу против Народно-освободительной армии маршала Тито, а также образования НКОЮ, поддерживаемо-

---

¹ British Policy Towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece. P. 42—43.

² Kardelj E. Borba za priznanje... S. 26—27.

³ British Policy Towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece. P. 41.

⁴ Churchill W. S. The Second World War. Vol. V. P. 455.

⁵ Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi... S. 118.

го широкими народными массами Югославии»¹. «Отклонение этого предложения Советским правительством, — по справедливой оценке Э. Карделя, — наши народы рассматривают как новое доказательство того, что Советское правительство ценит вклад, который они в рамках пародно-освободительного движения внесли в общую борьбу против фашистских империалистов, как свидетельство того, что Советское правительство правильно смотрит на предательскую роль, которую играют так называемое «каирское правительство» и его агенты»².

О том, какого мнения по этим вопросам придерживался тогда Сталин, можно судить по свидетельству чехословацкого президента Э. Бенеша. По его утверждению, когда он, находясь с 11 по 23 декабря 1943 г. в Москве, сообщил во время встречи Сталину в соответствии с имевшимся у него поручением о желании югославского эмигрантского правительства развивать отношения с СССР, глава Советского правительства ответил, что ему не нравятся эмигрантское правительство и король Югославии, хотя у него нет чувства личного нерасположения к королю, но он симпатизирует И. Тито³.

Осознав невозможность диктовать руководству НОД, поддерживаемому Советским Союзом, свою волю, У. Черчилль решил прибегнуть к новой тактике, начало реализации которой было положено его письмом от 8 января 1944 г. на имя И. Тито. Ее суть состояла в том, чтобы добиться на основе компромисса между новой Югославией и эмигрантским правительством в Лондоне формирования объединенного правительства Югославии, посредством которого можно было бы парализовать деятельность коммунистов.

Упомянутое письмо У. Черчилля от 8 января было вручено И. Тито 20 января 1944 г. Накануне И. Тито, постоянно державший через Г. Димитрова Советское правительство в курсе происходивших событий в Югославии, сообщил, что в страну из Каира вернулся Ф. Маклин, который в сопровождении сына У. Черчилля — Р. Черчилля спешит вручить ему «важное послание» английского премьер-министра⁴. В нем У. Черчилль сообщил о приня-

¹ Внешняя политика СССР. Сб. документов. М., 1947. Т. V. С. 353—354.

² Цит. по: История Югославии. М., 1963. Т. 2. С. 228.

³ См.: Губианский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия, 1941—1947 гг. М., 1987. С. 83.

⁴ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 18. S. 207.

том им решения не оказывать в дальнейшей «никакой военной помощи Михайловичу», а «только Вам... путем поставок морем, поддержки с воздуха и операциями коммандос». Взяв под защиту короля Петра II, он поставил И. Тито в известность, что Великобритания «будет продолжать поддерживать официальные отношения с ним». При этом он дал понять, что действует в данном случае «в самом тесном контакте» со Сталиным и Рузвельтом¹. В подтверждение У. Черчилль переслал копию этого письма Сталину «для личного сведения». Показательно, что в своем ответе от 14 января Сталин, обойдя молчанием тему короля, являющуюся стержневой в послании У. Черчилля, акцент сделал на его поддержке И. Тито: «Ваше послание к Тито, которого Вы так ободряете своей поддержкой,— писал он,— будет иметь большое значение»².

Информируя У. Черчилля о своих беседах с И. Тито, Ф. Маклин сообщил 25 января: «После своего возвращения регулярно встречаюсь с Тито, и вся наша миссия вчера ужинала у него... Он выразил, и действительно это чувствовалось, удовлетворение в связи с получением письма от премьер-министра... Сказал, что впредь он будет избегать нападков на короля Петра, так как не хочет ставить союзников в неудобное положение, полностью понимая их положение, а сейчас самое главное разгромить немцев»³. На следующий день он запросил разрешение поинтересоваться у И. Тито, согласится ли он «вступить в контакт» с королем Петром с тем, чтобы «совместно продолжить вести войну»⁴.

28 января 1944 г. И. Тито передал Ф. Маклину официальный ответ на письмо У. Черчилля от 8 января. В нем И. Тито, проявив понимание обязательств правительства Великобритании «в отношении короля Петра II и его правительства», заверил, что будет «стремиться, насколько это позволяют интересы наших народов, избегать ненужной полемики и не создавать в этом смысле неудобств союзникам»⁵. При этом И. Тито выразил уверенность, что встретит «неоценимую поддержку» со стороны У. Черчилля в деле объединения всех патриотических сил на борьбу про-

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 18. С. 243—244.

² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1989. Т. 1. С. 215.

³ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 18. С. 245.

⁴ *Ibid.* С. 246.

⁵ *Ibid.* С. 221.

тив оккупантов, укрепления единства и братства югославских народов, создания подлинно демократической, федеративной Югославии¹.

В ответ на это письмо И. Тито, проникнутое доброй волей и конструктивностью, У. Черчилль направил ему 5 февраля второе свое послание. Проявив понимание «сдержанного отношения (И. Тито.— Ю. Г.) к королю Петру», глава британского правительства заинтересовался, может ли «смещение Михайловича проложить путь к налаживанию дружественных отношений короля с вами и вашим движением» и «его присоединению к вам на поле боя, имея в виду, что вопрос будущего монархии откладывается до полного освобождения Югославии»².

Получив предложение У. Черчилля, сводившееся фактически к тому, чтобы вернуть короля Петра II в Югославию с согласия руководства НОД, пожертвовав при этом Д. Михайловичем, И. Тито решил обратиться за советом в Москву. 6 февраля 1944 г. радиограммой на имя Г. Димитрова он попросил сообщить ему точку зрения Сталина по вопросу о судьбе короля Петра II и югославского эмигрантского правительства³. Через три дня Г. Димитров, подтвердив получение телеграммы И. Тито, «касающейся короля Петра»⁴, передал следующее «общее мнение, включая и мнение товарища, которого вы называли» (Сталина.— Ю. Г.)⁵:

«1. Антифашистское вече народного освобождения Югославии так же, как и известный англичанин (У. Черчилль.— Ю. Г.), выступает за единство югославов, но до тех пор, пока существуют два правительства — одно в Югославии, а другое в Каире, единства быть не может. Поэтому правительство в Каире должно быть упразднено, включая и Дразу Михайловича, причем оно должно предоставить полный отчет о расходовании огромных сумм народных денег.

2. Правительство в Югославии, то есть правительство АВНОЮ, должно быть признано англичанами и другими союзниками в качестве единственного правительства, причем оно должно подчиняться законам АВНОЮ.

3. Если король Петр примет все эти условия, тогда

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 18. S. 221.

² Ibid. T. 19. S. 241.

³ Ibid. S. 297.

⁴ Ibid. S. 251.

⁵ Г. Димитров попросил впредь именовать этого товарища в переписке «приятелем».

ЛВНОЮ не будет противиться сотрудничеству с ним, при том понимании, что вопрос о монархии в Югославии будет решен народом после освобождения Югославии (всюду курсив мой.— Ю. Г.).

Таково наше мнение.

Срочно подтвердите прием»¹.

После этой телеграммы И. Тито в тот же день ответил У. Черчиллю, что, посоветовавшись с членами НКЮЮ и Президиума АВНОЮ², он хотел бы изложить следующие их позиции и по вопросам, связанным с возможным урегулированием отношений с королем Петром II и югославским эмигрантским правительством:

«1. АВНОЮ, как Вам известно, подтвердило на своей Второй сессии 29 ноября 1943 г., что оно непоколебимо выступает за единство народов Югославии. Но до тех пор, пока существуют два правительства, причем одно в Югославии, а другое в Каире, полного единства быть не может. Поэтому правительство в Каире должно быть упразднено, а вместе с ним и Дража Михайлович. Это правительство должно представить отчет правительству АВНОЮ о расходовании огромных сумм народных денег.

2. НКЮЮ должен быть признан союзниками в качестве единственного правительства Югославии, причем король Петр II должен подчиниться законам АВНОЮ.

3. Если король Петр II примет все эти условия, ЛВНОЮ не будет иметь ничего против сотрудничества с ним при том условии, что вопрос о монархии в Югославии будет решен после освобождения Югославии свободным волеизъявлением народа» (всюду курсив мой.— Ю. Г.)³.

Такой ответ И. Тито У. Черчиллю вызвал нескрываемое раздражение у английского правительства⁴. В докладной записке, направленной У. Черчиллю 20 февраля 1944 г., А. Иден писал, что «условия Тито не следует принимать и что на него и дальше надо оказывать давление с тем, чтобы король вернулся в страну»⁵. Поэтому в очеред-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 19. S. 251.

² Между тем М. Джилас в своих мемуарах утверждает, что И. Тито только в Дрваре «неожиданно, с многозначительным выражением» показал письма У. Черчилля ему и А. Рацковичу, о которых, как он пишет, «до этого мы не знали ничего» (Djilas M. Wartime. P. 375).

³ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 19. S. 25—26.

⁴ Churchill W. S. The Second World War. Vol. V. P. 419.

⁵ Цит. по: Strugar V. Rat i revolucija naroda Jugoslavije. 1941—1945. Beograd, 1962. S. 289.

ном послании И. Тито от 25 февраля У. Черчилль, вновь добиваясь от него согласия на приглашение Петра II в страну, выразил надежду на то, что, «поразмыслив, вы проявите готовность смягчить свои требования и тем самым облегчить нашу совместную работу в деле объединения Югославии в борьбе против общего врага»¹.

Относясь к НКОЮ как к фактически признаваемому Советским Союзом правительству новой Югославии², правительство СССР в подкрепление своей позиции, изложенной в телеграмме И. Тито от 9 февраля 1944 г., в которой говорилось о необходимости вести дело к ликвидации королевского правительства, взяло после Второй сессии АВНОЮ курс на постепенное свертывание даже формальных контактов с этим правительством. А в конце марта 1944 г. СССР практически прекратил какие-либо отношения с ним вплоть до его переформирования летом 1944 г.

Яркой демонстрацией поддержки Советским Союзом народно-освободительного движения в этот период явилось направление в Югославию советской военной миссии, которая была аккредитована не только при Верховном штабе НОА и ПОЮ, как военные миссии западных держав, но и при НКОЮ, что имело в тех условиях огромное политическое значение³. Вылетев 17 января 1944 г. из Москвы, члены миссии во главе с генерал-лейтенантом Н. В. Корнеевым через Астрахань — Тегеран — Каир — Бари прибыли 23 февраля 1944 г. в г. Дрвар, где уже почти месяц находилось тогда руководство НОД во главе с И. Тито⁴. Сюда Верховный штаб НОА и ПОЮ переместился 29 января 1944 г. после ожесточенных боев в Центральной Боснии, вышудивших И. Тито оставить 7 января г. Яйце и перебазироваться в середине января 1944 г. в окруженное лесистыми горами село Потоци.

Временная столица новой Югославии городок Дрвар, расположившийся в живописной долине шириной 4 км и длиной 6 км, окруженной плотным кольцом скалистых гор, встретила посланцев Советского Союза тепло, по-братски. Первая встреча членов советской миссии состоялась в Верховном штабе НОА и ПОЮ. Вспоминая об этом, замести-

---

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 19. S. 258.

² Kardelj E. Borba za priznanje... S. 25.

³ См.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1974. Кн. 2. С. 210.

⁴ См.: Корнеев Н. В. Военная миссия СССР в Югославии // Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960. С. 201.

тель главы советской миссии при НКОЮ генерал-майор А. Горшков писал: «Чисто прибранная комната штаба, на стенах флаги свободной Югославии, Советского Союза, Англии, Америки, портреты Сталина, Рузвельта, Черчилля. Входит среднего роста плотный человек — это маршал Тито... Он прост в обращении с людьми и умеет располагать к себе»¹. В честь советской военной миссии был устроен ужин, на котором И. Тито приветствовал представителей героической Красной Армии, союзницы, овеянной славой, несущей главную тяжесть гигантской борьбы против общего врага. «Мы вас давно ждали,— заявил он.— Наши народы, наши бойцы, командиры и политические комиссары со страстным желанием ожидали день, когда смогут увидеть вас в своей среде... по всеобщему народному ликованию и радости вы можете видеть, какие вы для нас дорогие гости»².

Накануне, 22 февраля 1944 г., И. Тито направил Сталину по случаю 26-й годовщины «братской Красной Армии» телеграмму, в которой от имени бойцов, командиров и политических работников НОА и ПОЮ заверил, что они будут «еще более настойчиво и решительно выполнять свой долг союзника». Далее И. Тито писал: «Они преисполнены сознания, что святой долг перед родиной обязывает их сражаться плечом к плечу с Красной Армией»³. В ответной телеграмме Сталин подчеркивал, что «героическая борьба братских югославских народов и их славной Народно-освободительной армии против немецких захватчиков вызывает глубокие симпатии народов Советского Союза и служит примером, который вдохновляет все поработанные народы Европы»⁴.

В течение нескольких месяцев члены советской военной миссии жили и работали в непосредственном соседстве с И. Тито, который жил тогда не в самом городке, а в деревянном трехкомнатном домике, построенном в пещере горы Градина на высоте около 20 м от ее подножия. Из его окон и небольшой веранды открывался великолепный вид на всю долину Дрвара. К домику вели крутые вырубленные в камне ступени⁵. Недалеко от пещеры имелся еще

¹ Война и рабочий класс. 1 ноября 1944. № 21. С. 26.

² Broz Tito J. Sabrana djela. T. 19. S. 72.

³ Ibid. S. 61.

⁴ Ibid. S. 357.

⁵ См.: Война и рабочий класс. 1 ноября 1944. № 21. С. 26; Зеленин В. В. Операция «Ход конем» // Советское славяноведение. 1974. № 3. С. 94.

один домик, в котором жили А. Ранкович и М. Джилас, а также останавливались другие члены ЦК КПЮ, приезжавшие для доклада И. Тито¹.

Наблюдая И. Тито в различной обстановке, члены советской военной миссии убедились в том, что он обладал умением в любых, самых трудных условиях сохранять присутствие духа, твердость и жизнерадостное настроение².

С прибытием советской миссии в Югославию был налажен прямой контакт между Верховным главнокомандованием Красной Армии и Верховным штабом НОА и ПОЮ, что имело большое значение для координации боевых операций. С установлением стабильной радиосвязи между Дрваром и Москвой начались систематические полеты самолетов советской авиации дальнего действия, доставлявших военные грузы и продовольствие войскам НОА и ПОЮ. По мере сокращения расстояния между советско-германским фронтом и Югославией этот поток советских грузов становился все более интенсивным. Преодолевая расстояние в 1250—1300 км в один конец под огнем противника, советские летчики доставили до начала сентября 1944 г. со специально организованных баз в Калиновке (Винницкая область) и Бари (Италия) около 11 тыс. автоматов и виптовок, более 1300 пулеметов, свыше 270 противотанковых ружей, минометов и пушек, более 8370 тыс. патронов, свыше 20 тыс. мин и снарядов, такое же количество гранат, другие виды вооружения и боеприпасов, средства связи, различного рода снаряжение и обмундирование, медикаменты, продовольствие и т. д.³ Через посредство советской миссии обсужден вопрос о предоставлении СССР Югославии кредита в счет военной помощи, в связи с чем И. Тито сообщил 26 марта 1944 г. в переписке со своими соратниками, что Советский Союз пообещал предоставить НКЮЮ «миллионный заем»⁴.

Уверенный в поддержке Советского Союза, И. Тито продолжал «спокойно, любезно и терпеливо вести переговоры с западными союзниками»⁵ и не особенно спешил с ответом У. Черчиллю на его письмо от 25 февраля. Сну-

¹ *Djilas M. Wartime.* P. 370.

² См.: *Война и рабочий класс.* 1 ноября 1944. № 21. С. 26.

³ См.: *Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне. Документы и материалы.* М., 1985. С. 208—209.

⁴ *Broz Tito J. Sabrana djela.* Т. 19. С. 162.

⁵ *Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi...* S. 128—129.

сти месяц, готовясь к отprawке в СССР военной миссии НКОЮ (решение об этом было принято 16 марта), И. Тито сообщил 26 марта 1944 г. британскому премьеру: «Ответ, который Вы хотите получить по вопросу о короле Петре II, выходит за рамки не только моих личных возможностей, но и всего НКОЮ. Решения АВНОЮ от 29 ноября 1943 г. представляют закон, который мы не можем обойти»¹. Натолкнувшись на бескомпромиссную позицию И. Тито о неизменности решений Второй сессии АВНОЮ, У. Черчилль выразил А. Идену беспокойство в связи с развитием событий в Югославии, подчеркнув, что «не приходится сомневаться в решительной советской поддержке коммунистической Югославии, управляемой Тито»². С учетом этого британский премьер высказал главе Форин оффис свое мнение, что в таких условиях он не видит иного выхода кроме немедленной замены существующего эмигрантского правительства другим, которое было бы более приемлемо для И. Тито и «с которым НКОЮ согласился бы вести переговоры»³. Опасаясь упустить время, У. Черчилль настаивал на том, чтобы, «пока не поздно, договориться с Тито»⁴, имея при этом в виду и обстоятельства, связанные с выходом в апреле 1944 г. Советской Армии через Румынию на Балканы.

Стремясь заручиться поддержкой Советского Союза, У. Черчилль направил 14 апреля 1944 г. письмо народному комиссару иностранных дел СССР. Полностью солидаризируясь с условиями, выдвинутыми НКОЮ для переговоров с эмигрантским правительством, Советское правительство в ответе У. Черчиллю 22 апреля 1944 г. недвусмысленно дало понять, что соглашение между ними может быть достигнуто лишь на условиях, приемлемых для народно-освободительного движения. Так, в ответе было твердо заявлено, что «изменения в югославском правительстве, если они не будут пользоваться соответствующей поддержкой маршала Тито и Народно-освободительной армии Югославии, вряд ли могут принести какую-нибудь пользу». Советское руководство указало, что по этому вопросу следовало бы договориться с маршалом Тито, у которого действительно имеются реальные силы в Югославии⁵.

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela.* Т. 19. S. 159.

² *Churchill W. S. The Second World War.* Vol. V. P. 422.

³ *Ibidem.*

⁴ *Maclean F. The Eastern Approaches.* P. 448.

⁵ См.: *Международная жизнь.* 1958. № 8. С. 79.

Наглядной демонстрацией поддержки новой Югославии со стороны СССР явился прием И. В. Сталиным 19 мая 1944 г. руководства югославской военной миссии во главе с генерал-лейтенантом В. Терзичем, прибывшей в Советский Союз 12 апреля.

С целью придания миссии НКЮЮ в СССР не только военного, но и партийного характера И. Тито включил в ее состав члена Политбюро ЦК КПЮ, члена Верховного штаба НОА и ПОЮ М. Джиласа. В своих воспоминаниях М. Джилас писал, что немаловажное значение при выборе его кандидатуры имело то обстоятельство, что он «знал хорошо русский и мог объяснить советскому руководству особенности обстановки в Югославии, а также имевшиеся просьбы»¹. Членами делегации были также физик Павле Савич, много сделавший в качестве шифровальщика для поддержания прямой радиосвязи И. Тито с Москвой, и А. Августинчич — знаменитый скульптор, заместитель Председателя АВНОЮ.

После длительных споров было решено, что миссия повезет в качестве главного подарка И. В. Сталину ружье «Партизанка», изготовленное на партизанском заводе в Ужице в 1941 г.

Перед отлетом миссии в Москву И. Тито специально встретился с М. Джиласом, поручив ему выяснить возможности признания Советским правительством НКЮЮ в качестве законного правительства, оказания соответствующего влияния через СССР на западных союзников, а также увеличения советской военной помощи². По словам М. Джиласа, Тито поручил также ему узнать у Г. М. Дмитрова или И. В. Сталина, «нет ли замечаний по работе нашей партии»³. Вместе с тем он дал указание миссии обратиться к Советскому правительству с просьбой предоставить заем в 200 тыс. долларов для покрытия расходов, связанных с направлением миссии Верховного штаба НОА и ПОЮ на Запад при том понимании, что «мы вернем эту сумму, а также оплатим помощь, оказываемую нам оружием и медикаментами, после освобождения страны»⁴. В личном плане он попросил М. Джиласа поговорить с его сыном Жарко Броз, являвшимся тогда курсантом одного из военных училищ, «и передать ему от моего имени, что

¹ *Djilas M. Wartime. P. 379.*

² *Djilas M. Conversations with Stalin. N. Y., 1962. P. 20; Djilas M. Wartime. P. 380.*

³ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 20.*

⁴ *Ibidem.*

он должен обязательно учиться там, где я ему сказал, и нести себя как следует»¹. М. Джилас привез в Москву архив Верховного штаба НОА и ПОЮ, эскизы банкнот и орденов новой Югославии, а также размеры для пошива маршальской формы И. Тито.

Аккредитация миссии НКЮЮ в СССР имела большое значение не только для укрепления взаимодействия ПОЮ и Красной Армии, но и для упрочения международных позиций народно-освободительного движения Югославии. Уже в середине апреля 1944 г. с миссией НКЮЮ в Москве была достигнута договоренность о расширении советской материальной помощи НОАЮ, в т. ч. о том, что она будет доставляться воздушным путем с Украины. Сразу же началась работа с участием А. Августинчича по изготовлению банкнот и орденов новой Югославии. Миссия совершила инспекционную поездку в Коломну, где из югославских граждан, находившихся в СССР, формировалась бригада. Членам миссии была предоставлена возможность побывать в расположении войск 2-го Украинского фронта, встретиться в районе Умани с его командующим маршалом И. С. Коневым, подарившим М. Джиласу пистолет с серебряной рукояткой².

Выполняя просьбу И. Тито, М. Джилас встречался и беседовал с Г. Димитровым, который, по его словам, не скрывал, что не ожидал такого успеха от югославских коммунистов. По свидетельству М. Джиласа, Г. Димитров вспомнил, как «Тито перед отъездом из Москвы в конце 1939 г. поклялся, что КПЮ смоет пятно, которым запятнали партию различные фракционеры, и докажет, что достойна своего названия», он отметил, что был за избрание И. Тито Генеральным секретарем ЦК КПЮ³. Г. Димитров вскользь затронул вопрос о переговорах с немцами, заявив: «Мы боялись за вас тогда, но, к счастью, все закончилось хорошо»⁴. Пояснив, что Советский Союз не был в состоянии ввиду удаленности советско-германского фронта от Югославии оказывать помощь югославским партизанам в 1941—1943 гг., Г. Димитров подтвердил, что этот вопрос обсуждался им лично со Сталиным. У М. Джиласа сложилось впечатление, что Г. Димитров понимал революционный характер происходящего в Югославии пово-

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 20. S. 111.

² Борба. 1989. 28—30 новембар.

³ *Djilas M. Conversations with Stalin*. P. 32; *Djilas M. Wartime*. P. 383.

⁴ *Djilas M. Wartime*. P. 383.

рота, но «считал преждевременным — с учетом отношений между СССР и Западом — раскрывать его подлинный коммунистический характер»¹.

М. Джилас был первым руководителем КПЮ, которого принял Сталин. Беседа, проходившая 19 мая 1944 г. в его кабинете в Кремле, продолжалась 75 минут.

В своих воспоминаниях М. Джилас так описал впечатление, которое произвел на него тогда Сталин: «Без сложных процедур или длительных ожиданий нас ввели со стороны комнаты секретаря в кабинет Сталина, который появился в нем одновременно с нами с противоположной стороны. Там уже стояли Молотов и Жуков, а также генерал госбезопасности, прикрепленный к иностранным военным миссиям. Пожимая руку Сталина, я назвал свою фамилию. Но он ничего не сказал в ответ. Терзич же, щелкнув каблуками, вместе с фамилией воспроизвел весь свой титул, на что Сталин ответил: «Сталин». Это выглядело несколько забавно. Зачем Сталину представляться?

Сталин был в маршальской форме. Но в его облике не было ничего военного, не чувствовалось даже той величественности, которая присутствовала на картинах и в кинофильмах. Он был небольшого роста, непропорционального телосложения — туловище слишком короткое, а руки чересчур длинные. У него было бледное лицо, с неровной кожей, красноватой на скулах, почерневшие редкие зубы, жидкие усы и волосы. Но голова горца с живыми лукавыми пытливыми глазами желтого цвета внушала восхищение. Лоб не был таким безжизненным, как на картинах. Чувствовалась постоянная напряженная работа мысли.

Сталин и приятно удивил меня, и в то же время огорчил. Он должен был выглядеть и сильным, и стойким, а он, служа всем нам, коммунистам, добиваясь конечной цели, стал слабым и изможденным. Но эта усталость ментально улетучилась в ходе беседы. Возбужденный, он то и дело беспокойно орудовал трубкой и синим карандашом, легко переходя от одной темы к другой. Сплошной комок нервов, реагирующий на каждое слово, на каждый взгляд. Сталин обладал также чувством юмора — грубого, неожиданного юмора...

После того как все уселись за стол, я сказал, что мы преисполнены энтузиазма от всего увиденного в Советском Союзе. «А мы не испытываем энтузиазма, — ответил он, — хотя и делаем все, что в наших силах, чтобы улуч-

---

¹ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 31.*

нить положение в России». Впоследствии он несколько раз употреблял слово «Россия» вместо «Советский Союз». Я полагал, что это объяснялось обусловленным военным временем подчеркиванием роли русского народа. А возможно, он вообще так считал»¹.

В этой связи небезытересно привести оценки М. Джиласа Сталина с позиций сегодняшнего дня: «Сталин был выдающимся политиком. Пожалуй, даже самым выдающимся для того времени. Он много добился в осуществлении своей доктрины. И, конечно, имел право, как и любой политик, бороться за власть. Но в этой борьбе Сталин далеко уходил за пределы необходимого. Все его ошибки, типичные, кстати, для диктатора, в тех условиях легко проникали в партию, государство, общество и превращались в чудовищные преступления. До сих пор так и не ясно, делал ли он это из-за своей догматической веры в идею построения нового общества или из-за какой-то другой страсти. Страсти к власти, прежде всего. Я думаю, что в его поступках присутствовали все эти элементы... Сталин останется в истории как, несомненно, крупная неординарная личность, но в чисто негативном смысле. Трудно найти в его деятельности хоть один позитивный момент, за исключением, может быть, войны, которую он вел достаточно энергично. Но и здесь Сталин мало задумывался о жертвах, о жестоких расправах с людьми, совершившими какую-нибудь ошибку или просто не согласившимися с ним»².

«Сталин — сложная личность... Некоторые считают Сталина необразованным. По-моему, это неточно. Он не был высокообразованным человеком, как Ленин, но нельзя сказать, что он был безграмотным. Он хорошо знал русскую литературу, историю. Есть данные, что в молодости он занимался философией. Существует также мнение, что Сталин был неглубоким человеком, примитивным в своих решениях и психологии. Мой взгляд другой. Думаю, что через очень сложный внутренний процесс размышлений и переживаний он приходил к упрощенным выводам. Но это и есть талант политика. Высказывалось сомнение относительно веры Сталина вообще в коммунизм. По-моему, он верил. Иначе не мог бы воодушевить миллионы людей, они сразу почувствовали бы фальшь. Конечно, концепция коммунизма у него была своя, но он все-таки верил, что в

---

¹ *Djilas M. Wartime.* P. 386—387.

² *Огонек.* 1990. № 9. С. 26.

далеком будущем такое общество возможно. И при этом презирал людей. Наверное, он исходил, во-первых, из того, что человеческий материал, оставленный капитализмом, несовершенен, во-вторых, что у людей много слабостей и, значит, силой, страхом можно регулировать жизнь общества.

В отличие от Ленина или Тито Сталин был исключительно мстительным человеком. Говорят даже, что он был параноиком. Я этого не заметил в контактах с ним. Есть, правда, душевнобольные, которые способны рационально вести себя в серьезных вопросах. Я — не медик и не психолог. Но, если он и был параноиком, то это создавало его талант, саму его натуру. Он даже убивал своих друзей. Без причины — за неосторожное слово, за высказанное сомнение. В этом есть что-то криминальное. Но собственной корысти, кроме стремления к славе, у него, пожалуй, не было. Его не интересовало, скажем, имущество»¹.

По признанию М. Джиласа, он был воодушевлен состоявшимся непосредственным открытым разговором. Хотя Сталин не пообещал признать НКОЮ в качестве югославского правительства, «было очевидно, — писал он, — что Советское правительство незамедлительно признало бы ИКОЮ, если бы считало условия созревшими для этого»². Так, когда речь зашла о королевском эмигрантском правительстве, Сталин, обращаясь к Молотову, спросил: «Нельзя ли как-то перехитрить англичан с тем, чтобы они признали Тито, который один только и сражается против немцев?» На что Молотов, самодовольно улынувшись, ответил: «Нет, это невозможно, они прекрасно осведомлены в отношении событий в Югославии»³. В ходе разговора о материальной помощи, вспоминал М. Джилас, «щедрость Сталина намного превзошла то, о чем мы просили»⁴. Так, когда М. Джилас и В. Терзич в соответствии с поручением И. Тито подняли вопрос о предоставлении займа ИКОЮ в размере 200 тыс. долларов, Сталин, назвав эту сумму «пустяком», которой мало на что хватит, пообещал, что она немедленно будет выделена. На замечание М. Джиласа относительно того, что после освобождения эта сумма, равно как и стоимость всех поставок оружия и других материалов, будет возмещена, Сталин «искренне рассердился», заявив: «Вы оскорбляете меня. Вы проливаете свою

¹ Проблемы мира и социализма. 1990. № 4. С. 82.

² *Djilas M. Conversations with Stalin*. P. 63.

³ *Ibid.* P. 62.

⁴ *Djilas M. Wartime*. P. 387.

кровь и хотите, чтобы я брал с вас деньги за оружие! Я не купец, мы не купцы! Вы спрашиваете за то же дело, что и мы. Мы обязаны делиться с вами всем, что у нас есть»¹. При обсуждении вопроса о путях доставки советского оружия в Югославию было решено обратиться к западным союзникам с просьбой открыть в этих целях советскую авиационную базу в Италии. «Давайте попробуем,— сказал Сталин.— Посмотрим, какую позицию займет Запад и насколько далеко он готов пойти, чтобы помочь Тито!»²

Информируя 21 мая И. Тито о содержании этой беседы, М. Джилас и В. Терзич направили ему телеграмму следующего содержания: «Сталин интересовался военно-политической обстановкой у нас, особенно в Македонии и Албании; а также проблемой снабжения и пуждами нашей армии, равно как и нашей армией вообще». Далее в телеграмме было сказано, что он спрашивал о Мачеке, Михайловиче, Гавриловиче, Рупнике, Пуриче, Шубашиче, Бичаниче и др. В конце телеграммы М. Джилас и Терзич констатировали: «Товарищ Сталин до мелочей следит за всеми происходящими у нас событиями и хорошо информирован по всем вопросам»³.

После этой беседы по указанию Сталина НКЮЮ был выделен беспроцентный заем в 10 млн долларов в валюте и золотых слитках⁴, а в журнале «Война и рабочий класс» 1 июня 1944 г. была напечатана заказанная М. Джиласу статья о И. Тито. По словам М. Джиласа, «насколько ему известно, советская печать никогда не печатала таких высоких хвалебных оценок и отношении какого-либо живущего деятеля» и что И. Тито «был весьма польщен этой статьей»⁵, в которой, в частности, говорилось следующее: «Народы Югославии имеют в лице Тито руководителя, авторитет которого признан ими всеми, которого любят они все: и сербы, и хорваты, и словенцы, и македонцы, и черногорцы... В личности Тито выдающийся талант политического деятеля сочетается с блестящим дарованием полководца... В личной жизни Иосип Броз Тито, как и все большие люди,— очень простой и скромный человек. Он полон того легкого юмора, который

¹ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 64; Djilas M. Wartime. P. 387.*

² *Ibidem.*

³ *Popovic N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi... S. 128.*

⁴ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 19. S. 318—319.*

⁵ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 46.*

облегчает жизнь в самой трудной и сложной обстановке. Он прекрасный друг и товарищ. В самых тяжелых боях, в самые трудные и ответственные моменты Тито никогда не забывает, например, позаботиться о размещении раненых, больных, потерявших силы товарищей... Нужно видеть его глубокую озабоченность, невыразимую печаль в его ясных голубовато-зеленых глазах, чтобы почувствовать всю его огромную любовь к людям... Он внушает окружающим чувство уверенности. Я наблюдал, что эта уверенность передается не только ближайшим его соратникам, но и всей армии... Как полководец, Тито не терпит шаблона. Для него законом является живая практика... Тито долго обдумывает свои решения. Но раз уж решение принято, он проявляет упорство, которое ломает все преграды... Как руководитель армии, Тито — убежденный сторонник новых и современных методов... Сейчас Тито выступает организатором нашего нового государства, которое создается в ходе народно-освободительной борьбы и скрепляется кровью лучших сынов нашего народа... В этот решающий момент история дала нам Иосипа Броз Тито — человека, который прекрасно понял значение и смысл исторического развития и воплощает в жизнь идеалы свободы и братства народов Югославии»¹.

Вышеупомянутая беседа И. В. Сталина с миссией НКЮЮ была расценена руководством НОД, в частности Э. Карделем, как «несомненно очень сильная помощь нашей линии»².

17 мая 1944 г. У. Черчилль поставил И. Тито в известность о намечающейся полной смене, включая и Д. Михайловича, эмигрантского югославского правительства, которое возглавит сторонник сотрудничества с НОД И. Шубашич. При этом он, спекулируя в политических целях на четническом движении, приписывая ему исключительно большую роль, акцентировал внимание на сербской части Югославии и имеющихся там 200 тыс. сербских крестьян, желающих сражаться против немцев, но не в составе НОАЮ, а параллельно с ней³. Тем самым глава британского правительства безуспешно пытался навязать НОД партнерские отношения с т. н. исочетническими отрядами «сербской ориентации», стоящими на антифашистских позициях. С их помощью англичане стремились сохранить

¹ Война и рабочий класс. 1944. 1 июня. № 11. С. 24—26.

² *Plenica D. Međunarodni odnosi Jugoslavije u toku drugog svet-skog rata*. Beograd, 1962. S. 255—256.

³ *Broz Tito J. Sabrana djela*. T. 20. S. 227—228.

Сербии в качестве оплота монархии, а также создать вместо четнических отрядов Д. Михайловича, занятивших себя коллаборационизмом, новые вооруженные формирования, которые не подчинялись бы И. Тито¹.

19 мая 1944 г. У. Черчилль информировал о своих предложениях Сталина. Показательно, что глава Советского правительства, ограничившись подтверждением того, что он ознакомился с адресованной И. Тито телеграммой У. Черчилля, ушел от обсуждения существа ее содержания².

Со своей стороны И. Тито положительно оценил роспуск правительства Б. Пурича и одобрительно отнесся к сформированию И. Шубашичем нового правительства³. И он лично и руководство НОД в целом, естественно, отдавали при этом себе отчет в том, что такое правительство правящие круги Великобритании намеревались использовать для, как писал Э. Кардель, спасения короля и монархии, а также для завоевания позиций, из которых в дальнейшем можно было бы извлечь пользу, сообразуясь с обстановкой в Югославии⁴. Проявляя поэтому «осторожность и бдительность», руководство НКОЮ изъявляло готовность продолжать поиски «какого-либо компромисса, который если не по существу, то по крайней мере внешне удовлетворял бы требованиям западных держав»⁵.

Настойчивые попытки У. Черчилля вернуть короля Петра II на престол наталкивались на решительное противодействие со стороны И. Тито и его соратников, опиравшихся на решения Второй сессии АВНОЮ. Вместе с тем в поисках выхода из тупика И. Тито согласился на альтернативное предложение о встрече и переговорах с И. Шубашичем⁶. При этом он имел в виду, в частности, и тот факт, что У. Черчилль допускал возможность политического признания НКОЮ со стороны английского правительства в зависимости от прогресса в реализации идеи компромисса⁷.

Тем временем в Берлине полным ходом разрабатывалась очередная операция против народно-освободительного движения, получившая кодовое наименование «Ход ко-

¹ *Churchill W. S. The Second World War. Vol. V. P. 422—423.*

² См.: Переписка... Т. 1. С. 255—356.

³ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 20. S. 329—330.*

⁴ *Plenča D. Međunarodni odnosi... S. 255—256.*

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 20. S. XV.*

⁷ *Maclean F. The Eastern Approaches. P. 441.*

нем». В соответствии с приказом Гитлера предполагалось ликвидировать Верховный штаб НОА и НОЮ, а И. Тито уничтожить или захватить в плен. Как отмечалось выше, летом 1943 г. немецкие оккупационные власти объявили, что тот, кто арестует или убьет «коммунистического вождя по фамилии Тито», получит вознаграждение в размере 100 тыс. рейхсмарок золотом. Когда в Москве стало известно о вынашиваемых гитлеровцами планах пленения И. Тито десантниками, Г. Димитров предупредил его 11 ноября 1943 г. радиограммой из Москвы: «Немцы пытаются узнать место нахождения Верховного штаба и с помощью парашютистов уничтожить штаб и Тито. Последние данные по этому вопросу свидетельствуют о том, что немцы стремятся заполучить такие сведения с помощью английских офицеров, находящихся при Верховном штабе»¹.

По свидетельству главы советской военной миссии Н. В. Корпеева, хотя о подготовке к высадке гитлеровцами десанта на Дрвар знали задолго до 25 мая 1944 г.², по никто не ожидал, что ими будет выбран именно этот воскресный день — день рождения И. Тито, когда ему исполнилось 52 года. Накануне вечером И. Тито, ничего не подозревая, посмотрев кинофильм «Зоя Космодемьянская», ушел отдыхать в свой домик у входа в пещеру. В 5 часов 10 минут утра следующего дня он был разбужен своим ординарцем — доносившийся из Дрвара звон колокола возвещал воздушную тревогу. Выйдя на террасу, И. Тито услышал гул авиационных моторов. В 6 часов 35 минут началась массированная бомбардировка. Волнами накатываясь на небольшой городок, немецкие самолеты в течение 25 минут сбрасывали на него свой смертоносный груз. После этого в небе над Дрваром появились транспортные самолеты с десантными планерами: из «юнкеров» посыпались парашютисты, а планеры, отделившиеся от них, стали один за другим приземляться на открытые лужайки в непосредственной близости от города. Приземлившиеся парашютисты и доставленные планерами эсэсовцы начали с остервенением прочесывать город. Во время бомбардировки многометровая толща горы над домиком И. Тито в пещере была надежной защитой от любых бомб. Но после

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 15. S. 193; T. 17. S. 283.

² См.: Корпеев Н. В. Военная миссия в Югославии // Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960. С. 202.

ежедневки десанта в пещера могла превратиться в опасную западню. Тем более что из боевых частей в Дрваре находились лишь охранный батальон Верховного штаба и вооруженные только личным оружием слушатели офицерской школы¹.

Несмотря на принятые ими меры, обезвредить неожиданный парашютный десант не удалось. Особенно тревожная ситуация создалась, когда фашистские десантники приступили к штурму пещеры, а подступы к ней стали обстреливать из минометов, пулеметов и горных орудий. Вспоминая об этих событиях, И. Тито рассказывал следующее: «Немцы искали меня. В те дни портной в Дрваре шил мне маршалскую форму. Парашютисты ничего другого, кроме этого костюма, разорванного осколками бомб, не нашли. Люди вели себя невероятно храбро. Все жители Дрвара знали, где я нахожусь. А у каждого парашютиста была моя фотография. Они подходили то к одному, то к другому жителю города, показывали фотографию, спрашивали: «Тито, где Тито?» Но никто ничего не сказал им... А мы сверху за всем этим наблюдали. Из пещеры нельзя было выйти, кроме как через русло протекавшего в ней ручья. Один наш товарищ, ординарец, прекрасный юноша, хотел было выйти наружу, но сразу же был сражен пулей в голову... Я взял автомат, хотел было стрелять, но мне не дали. Вижу, как вблизи парашютисты, захватив мой джип, угоняют его»².

Около 10 часов стало ясно, что находиться дальше в пещере было нельзя, и И. Тито принял решение покинуть ее. Из парашютных строп был сплетен прочный капат, разобран под в дальней комнате, и по этому капату И. Тито и все, кто был с ним в пещере, спустились вниз под прикрытием водопада, падавшего под полом приютившегося в пещере домика³. «Я первым спускался с помощью каната,— вспоминал впоследствии И. Тито.— А моя собака Тигр обходила стороной и, глядя на меня, как я спускаюсь, все время лаяла... Не прекращая лая, Тигр подбежал ко мне. Тогда я схватил его за морду, чтобы заставить перестать лаять. Несколько раз моя рука тянулась к пистолету, чтобы пристрелить собаку, так как она привлекала внимание немцев, но я все же не смог этого сделать. В кон-

¹ См.: Зеленин В. В. Операция «Ход конем» // Советское славоповедение. 1974. № 3. С. 91—92.

² Broz Tito J. Autobiografska kazivanja. T. 1. S. 378—379.

³ См.: Зеленин В. В. Операция «Ход конем» // Советское славоповедение. 1974. № 3. С. 91.

де концов немцы обнаружили, что здесь кто-то есть, и начали обстреливать пещеру»¹.

Однако И. Тито и спутники, не мешкая, устремились вдоль русла высохшего ручья в горы, все больше удаляясь от Дрвара, где в ожесточенную схватку с головорезами-десаптиниками уже вступили подоспевшие части 1-й Далматинской бригады.

Не обнаружив И. Тито в пещере, фашисты организовали преследование. Тем временем И. Тито добрался к вечеру того же дня до села Потоци, где к нему присоединились Э. Кардель, А. Рапкович, а также члены советской военной миссии во главе с Н. В. Корнеевым. Сюда же прибыли и члены миссии западных союзников. Гитлеровцы же, преследуя И. Тито, все сильнее сжимали кольцо окружения. Стремясь вырваться из него, он со своими соратниками, совершив 30 мая под покровом ночи сложный марш-бросок, перебрался к подножию горы Велики Шатор. Очевидец и участник этих событий И. В. Корнеев рассказал в 1972 г. следующее: «В течение 10 дней за нами гонолись эсэсовские карательные части. Днем по пятам заседали на нас, за ночь мы вновь далеко уходили. Фашисты бомбили и обстреливали пути нашего отхода. Бомбили даже лес в районе с. Потоци, где Тито предварительно пометил КП; гитлеровцы сыпали бомбы по отходящей колонне и в других местах. Верховный штаб НОАЮ не имел управления войсками: связь нарушилась. Ее не было уже три дня ни с войсками НОАЮ, ни с базой Бари, ни с Москвой. Создалось угрожающее положение. Встал вопрос: что делать?»² В этих условиях Н. В. Корнеев обратился к членам Политбюро ЦК КПЮ с просьбой уговорить И. Тито: необходимо, хотя бы временно, выбраться из этого пекла, иначе все руководство Верховного штаба может попасть в лапы гитлеровцев. Соратники И. Тито передали ему это предложение, но он наотрез отказался покинуть театр боевых действий НОАЮ, ссылаясь на то, что не хочет оставлять свои войска на произвол судьбы, без управления. «Во время привала на склоне горы Велики Шатор,— вспоминает адъютант начальника советской военной миссии, переводчик В. В. Зеленин,— маршал Тито пригласил начальника советской военной миссии генерала Н. В. Корнеева, мнение которого он высоко ценил, чтобы

¹ Broz Tito J. Autobiografska kazivanja. T. 1. S. 378—379.

² См.: Михайлов П. 100 ночей в горах Югославии. М., 1980. С. 52—53.

обсудить с ним ряд неотложных вопросов. Н. В. Корнеев предложил помощь в переброске маршала Тито и других руководителей новой Югославии в любое, наиболее удобное место. Было решено, что Верховный штаб и другие руководящие органы перебазированы на остров Вис, который еще с сентября 1943 г. удерживала 26-я Далматинская дивизия НОАЮ. Для этого было решено использовать самолет, находившийся в распоряжении советской военной миссии и базировавшийся на союзническом аэродроме близ города Бари»¹. Сам И. Тито следующим образом рассказал об этом эпизоде: «Мы двинулись в сторону Купреса... По пути советский генерал Корнеев упорно настаивал, чтобы я оставил оперативные части и перебравлся в другое место, где можно было бы беспрепятственно работать... Сначала я об этом и слышать не хотел. Но англичанин Стрит был на его стороне. И я подумал — у нас есть остров Вис, там мы будем на нашей территории. Они предлагали лететь в Италию. Я заявил, что в Италию не полечу. Мне сказали, что добраться иначе нельзя, надо сначала лететь в Италию, а оттуда на Вис. Тогда я согласился. В те дни я впервые покинул оперативные части. Советские пилоты, очень храбрые люди, прилетели ночью на Купресское поле, и я улетел этим самолетом»².

По вызову Н. В. Корнеева вечером 3 июня с аэродрома в Бари в направлении расположенного в 80 км юго-восточнее Дрвара Купресского поля вылетел транспортный самолет С-47 с красными звездами на крыльях. «Погода стояла ненастная, — вспоминал впоследствии пилот этого самолета А. С. Шорников, — над морем и в прибрежных горах Югославии шел дождь, сверкали молнии... Непрерывно маневрируя, мы миновали все опасности и отыскали вершину горы в районе Купресского поля. От нее начался поиск световых посадочных знаков и сигналов. Время шло, мы делали разворот за разворотом, а сигналов все не было видно. Определили примерную скорость и направление смещения облачности и начали ожидать большого «окна», чтобы через него хорошо просмотреть местность. Более 30 минут летали мы по замкнутому кругу, пока в разрывах облаков не обнаружили условные сигналы. С большим трудом посадили тяжелый самолет на незна-

---

¹ Зеленин В. В. Операция «Ход конем» // Советское славяноведение. 1974. № 3. С. 94.

² Broz Tito J. Autobiografska kazivanja. T. 1. S. 381—382.

комую, сильно изрезанную ручьями и усыпанную мелкими валунами площадку»¹.

Через полчаса на импровизированной посадочной площадке появились И. Тито, члены Политбюро ЦК КПЮ и Верховного штаба НОАЮ, представители союзных военных миссий. А. С. Шорников доложил о готовности самолета к полету. Было решено взять на его борт 20 человек. Среди них находились И. Тито, Э. Кардель, А. Рапкович, И. Милутинович, Н. В. Корнеев, исполняющий обязанности начальника англо-американской военной миссии Вивиа Стрит, а также члены Верховного штаба НОАЮ. Вылетев с Куресского поля в 22 часа, А. С. Шорников уверенно доставил своих пассажиров после полуночи 4 июня в Бари. Этот случай послужил поводом для обращения Наркомата иностранных дел к правительству Великобритании с просьбой разрешить организовать небольшую советскую авиабазу в Бари в составе 12 транспортных самолетов и эскадрильи из 12 истребителей. Отметив, что «только благодаря паличию одного советского самолета в Бари, который сделал за одну ночь два полета к штабу партизанского движения, удалось спасти маршала Тито и его группу, а также часть работников английской и советской военных миссий», первый заместитель наркома иностранных дел СССР в письме, адресованном послу Великобритании в СССР, 5 июня 1944 г. писал: «Эти транспортные самолеты необходимы для обслуживания советской военной миссии при штабе маршала Тито и для усиленной помощи югославским партизанам, так как СССР считает себя заинтересованным в усилении партизанского движения в Югославии, отвлекающего на себя более 10 немецких дивизий»².

В Бари И. Тито пробыл три дня. Здесь он встретился 5 июня с Ф. Маклингом, в беседе с которым глава военной миссии НОАЮ при средиземноморском командовании англо-американских войск В. Велебит еще 2 июня выразил надежду на то, что И. Шубашич посетит И. Тито на Висе, когда тот обоснуется там. И. Тито подтвердил это, сказав Ф. Маклину, что «не имеет ничего против И. Шубашича» и что «ему будет приятно обсудить с ним вопросы, представляющие интерес, если он прибудет на Вис». Вме-

¹ Шорников А. С. Наши полеты в Югославии // Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960. С. 214—219.

² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. М., 1983. Т. 2. С. 409, 449.

сте с тем он сообщил, что пробудет на Висе только до тех пор, пока обстановка не позволит ему вновь вернуться в страну¹. 7 июня У. Черчилль и И. Шубашич направили свои личные послания И. Тито, в которых выражалось пожелание о его встрече с И. Шубашичем. Тем временем вновь состоялась встреча Ф. Маклина с И. Тито, которому было передано приглашение командующего англо-американскими войсками на средиземноморском театре военных действий Г. Вильсона посетить его в Казерте (Италия) для бесед по военным вопросам².

В ночь с 6 на 7 июня И. Тито отбыл на английском миноносце «Блекмур» на остров Вис. Обосновавшись в расположенной на восточных склонах горы Хум в километре от ее подножия — пещере Орловица³, И. Тито сообщил 11 июня В. Терзичу в Москву, что он «в обстановке полной секретности» перебрался на Вис, где останется до тех пор, пока «не будут подготовлены базы на другой освобожденной территории»⁴.

В связи с тем что драварская радиостанция советской миссии 25 мая испортилась, она не смогла выйти в положенное время на связь. Это вызвало серьезную обеспокоенность в Москве. «В советском Генеральном штабе те дни, — писал в мемуарах С. М. Штеменко, — тоже были беспокойными. Антонов доложил Верховному Главнокомандующему, что из Югославии нет никаких вестей. Ставка поставила Генштабу задачу выяснить обстановку и при необходимости оказать помощь товарищам. 2 июня 1944 г. состояние певедения наконец прекратилось: мы получили радиограмму Н. В. Корнеева»⁵. В тот же день, как только стало известно о провале гитлеровской диверсии, «Правда» смогла опубликовать соответствующую информацию под заголовком «Неудачная попытка гитлеровцев захватить штаб маршала Тито», в которой говорилось о воздушном десанте «в районе главного штаба маршала Тито. Благодаря своевременно принятым мерам немецкие парашютисты в количестве нескольких сот солдат и офицеров были уничтожены или взяты в плен. Гитлеровцы не сумели причинить штабу никакого вреда». 4 июня «Правда» со ссылкой на сообщение Верховного штаба НОА и ПОЮ сообщила подробности фашистского десанта на Дрвар,

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela.* Т. 20. С. 338.

² *Ibidem.*

³ *Ibid.* С. 338—339.

⁴ *Ibid.* С. 149, 339.

⁵ *Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны.* Т. 2. С. 200.

явившегося последним крупным (седьмым по счету с начала пародно-освободительной борьбы в Югославии) генеральным паступлением оккупантов и их приспешников, которое также окончилось неудачей. О том, какое значение придавал Сталин операции по спасению И. Тито, свидетельствует то, что 20 июня указом Президиума Верховного Совета СССР проявившие себя при этом летчики А. С. Шорников, Б. Т. Калинин и П. Н. Якимов были удостоены звания Героя Советского Союза. За свой подвиг им было присвоено также звание Народного Героя Югославии.

По свидетельству находившегося тогда в Москве М. Джиласа, Сталин проявил в те дни личную заботу о судьбе И. Тито. Пригласив к себе 5 июня на дачу М. Джиласа, он провел с ним за ужином, в котором принял также участие Молотов, обстоятельную беседу, затянувшуюся далеко за полночь. «Вечером 5 июня 1944 г., накануне высадки союзников в Нормандии,— вспоминал М. Джилас,— меня привезли в Кремль к Молотову. Было 9 часов вечера. Молотов, как бы между прочим, сказал, что будем ужинать со Сталиным, и мы поехали к нему на дачу... Удивительно небольшая, дача Сталина находилась недалеко от Москвы в еловом лесу. Как только мы вошли в небольшой вестибюль, навстречу нам появился Сталин в простом, застегнутом до подбородка кителе, в котором он выглядел еще меньшим и казался менее официальным»¹. По словам М. Джиласа, не успели они разместиться возле небольшого письменного стола, как Сталин «сразу же стал расспрашивать о событиях, касавшихся югославского Верховного штаба»². «Если по Молотову,— писал М. Джилас,— нельзя было определить, насколько важным он считает этот вопрос, то Сталин был целиком поглощен им. Он задавал вопросы мне и себе, сам, не дожидаясь ответа, отвечал на них. У Сталина был вспыльчивый переменчивый характер, состояние сдержанности у него легко сменялось возбуждением»³. Интересуясь с явным волнением дальнейшей судьбой И. Тито и других членов Верховного штаба ИОА и ИОЮ, Сталин воскликнул: «Они же умрут с голоду!»⁴ По словам М. Джиласа, «Сталин настаивал на том, что Тито следует пойти надежное место для Верховного штаба, чтобы чувствовать себя в постоянной безопас-

¹ *Djilas M. Wartime.* P. 387—388.

² *Djilas M. Conversations with Stalin.* P. 69.

³ *Djilas M. Wartime.* P. 388.

⁴ *Djilas M. Conversations with Stalin.* P. 71.

ности»¹. М. Джилас, по его свидетельству, «целиком поддерживал мнение Сталина о том, что с учетом роста объема и сложности политических задач Тито и руководство должны иметь постоянную и надежную базу»². «Не вызывает сомнения, — писал он в воспоминаниях, — что Сталин передал это свое мнение и советской миссии, ибо именно в это время по его настоянию Тито согласился эвакуироваться в Италию, а оттуда на остров Вис, где он оставался до тех пор, пока Красная Армия не подошла к границе Югославии. Конечно, Сталин ничего не сказал о такой эвакуации, но подобная идея созревала в его голове»³.

По инициативе Сталина в беседе был затронут и вопрос о возможностях расширения доставки советской военной помощи НОА и ПОЮ воздушным путем. В этой связи он высказался за немедленное создание в Бари советской воздушной базы транспортных самолетов для активизации поставок через нее оружия и продовольствия войскам НОА и ПОЮ. Интересуясь ходом народно-освободительной борьбы, Сталин подчеркивал ее огромное значение. При этом он говорил М. Джиласу: «Взоры всего мира устремлены на вас»⁴.

Перейдя к вопросу взаимоотношений руководства НОД с западными союзниками, прежде всего с Великобританией, Сталин, по свидетельству М. Джиласа, советовал, с одной стороны, «не пугать англичан» в том смысле, что «следует избегать всего того, что могло бы вызвать тревогу и дать основания подумать, что в Югославии происходит революция или же предпринимается попытка установить в пей коммунистический контроль». В этой связи он говорил: «К чему вам красные звездочки на пилотках? Не важна форма, важен результат, а вы — красные звездочки! Ей-богу, звездочки не нужны!»⁵ «Но я, — писал М. Джилас, — был непреклонен, утверждая, что мы не можем отказаться от звездочек, ибо длительное время сражались под знаком этого символа. Сталин отстаивал свое мнение, но не сердился, а вел себя так, как относятся обычно к капризным детям»⁶.

Затем, поднявшись со стула, Сталин принялся ходить взад-вперед в то время как Молотов и М. Джилас стояли.

¹ *Djilas M. Conversations with Stalin.* P. 72.

² *Djilas M. Wartime.* P. 388.

³ *Djilas M. Conversations with Stalin.* P. 69, 71, 72.

⁴ *Ibid.* P. 69.

⁵ *Ibid.* P. 73.

⁶ *Djilas M. Wartime.* P. 388.

«Возможно, вы думаете, что раз мы союзники англичан, то забыли,— сказал Сталин,— что онп из себя представляют и кем является Черчилль?»¹ Настоятельно рекомендую соблюдать должную осторожность, он несколько раз подчеркнул в беседе с М. Джиласом, что «следует помнить об Интеллидженс сервис и двуличии англичан»²; не скрывая опасений за жизнь И. Тито, Сталин передал ему через М. Джиласа свой совет «остерегаться покушений и им подобных провокаций, организуемых за границей», добавив: «Именно англичане, именно они убили генерала Сикорского, ловко уничтожив самолет — ни тебе доказательств, ни свидетелей! И они не остановятся перед тем, чтобы поступить аналогичным образом и с Тито! Что им стоит припести в жертву два-три человека ради того, чтобы убрать Тито? У них нет жалости к своим людям! Что касается Сикорского, то я не от себя это говорю, об этом мне сказал Бенеш»³.

Об этих рекомендациях Сталина М. Джилас сообщил И. Тито в радиотелеграмме, посланной в его адрес 5 июня 1944 г.: «Обратите на это внимание при возвращении в страну и держите в строжайшей тайне время отлета. Не забывайте — порой случается, что самолеты выходят из строя в воздухе. Остерегайтесь в максимальной мере иностранных «друзей»⁴. По признанию М. Джиласа, по возвращении на Вис он рассказал И. Тито об этих предостережениях и в личной беседе, что, как он полагает, «сыграло определенную роль в его решении совершить конспиративный ночной полет с острова Вис на освобожденную Советским Союзом территорию Румынии 21 сентября 1944 г.»⁵.

Сталин проявил также осведомленность в отношении британской инициативы об организации встречи И. Тито с И. Шубашичем, в связи с чем сказал М. Джиласу: «Не отказывайтесь от переговоров с Шубашичем — ни в коем случае не делайте этого. Не подвергайте его с ходу нападкам. Давайте посмотрим, чего он хочет. Разговаривайте с ним. Вы не можете рассчитывать, что вас сразу признают. Должен быть найден переход к этому. С Шубашичем вам следует разговаривать и посмотреть, пельзя ли каким-то обра-

¹ *Djilas M. Wartime. P. 388.*

² *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 73.*

³ *Djilas M. Wartime. P. 389.*

⁴ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 73; Dediđer V. Josip Broz Tito. Prilozi za biografiju. S. 392—393.*

⁵ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 74.*

зом достичь компромисса»¹. Как показало М. Джиласу, эти рассуждения Сталина звучали «некатегорично, по были настойчивыми». По его словам, 5 июня он передал радиотелеграммой И. Тито и другим членам ЦК КПЮ это пожелание Сталина. Как считает М. Джилас, «И. Тито уже придерживался сходной позиции, так что рекомендации Сталина лишь утвердили его во мнении относительно его соглашения с Шубашичем»².

М. Джилас, как и просил И. Тито, поинтересовался у Сталина, нет ли замечаний в отношении политики и деятельности КПЮ. По словам М. Джиласа, этот вопрос застал Сталина врасплох. «Нет. У меня нет замечаний, — ответил Сталин. — Вы сами лучше знаете, что следует делать»³.

Пригласив М. Джиласа пройти в столовую, Сталин по пути остановился перед картой мира, на которой территория Советского Союза была окрашена в красный цвет. Обводя ее указательным пальцем, Сталин, имея в виду США и Великобританию, воскликнул: «Они никогда не смиряются с тем, чтобы такое огромное пространство было окрашено в красный цвет, никогда, никогда!» Обратив внимание на кружок, выведенный синим карандашом западнее Сталиграда, М. Джилас сказал: «Без индустриализации Советский Союз не смог бы выжить и выстоять в такой войне». На что Сталин ответил: «Именно по этому вопросу мы поссорились с Троцким и Бухариным»⁴.

«В столовой, — вспоминал М. Джилас, — находились 2 или 3 высокопоставленных деятеля, они стояли в ожидании начала ужина, но никого из членов Политбюро, кроме Молотова, не было. Каждый обслуживал себя на выставленных в ряд вдоль одной стороны длинного стола подогретых серебряных блюд. Приглашенные располагались по своему усмотрению на противоположной стороне стола. Только у Сталина было постоянное место, правда, не во главе стола. Стол ломился от обилия яств... Мы ели и вели беседу, которая продолжалась пять или шесть часов, до утра... Сталин интересовался славянской проблематикой. Есть ли у албанцев славянские корни? Похож ли сербский язык на русский? Чем провинился царизм перед южными славянами? Рассказывались анекдоты... Касаясь ропуска

¹ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 74; Djilas M. Wartime. P. 389.*

² *Djilas M. Wartime. P. 389.*

³ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 83; Djilas M. Wartime. P. 389.*

⁴ *Djilas M. Wartime. P. 389.*

Коминтерна, Сталин сказал: «Они, западники, настолько хитрые, что ничего не говорят об этом...» По словам М. Джиласа, Сталину приносили время от времени телеграммы, одна из которых была от Черчилля и касалась предстоящей высадки союзников во Франции, которую Сталин прокомментировал следующим образом: «Да, будет высадка, если не будет тумана. До сих пор им все время что-нибудь да мешало. Я подозреваю, что завтра произойдет еще что-нибудь. Может быть, они натолкнутся на нескольких немцев! Что, если они обнаружат нескольких немцев? Возможно, тогда не будет высадки, а одни обещания, как обычно»¹.

Прощаясь с М. Джиласом, Сталин передал И. Тито золотую саблю в качестве дара Президиума Верховного Совета СССР².

После беседы со Сталиным М. Джилас 11 июня 1944 г. вернулся через Тегеран, Каир, Бари на Вис. Сын И. Тито — Жарко Броз, согласие на возвращение которого из Советского Союза И. Тито дал 21 мая в телеграмме, адресованной в Москву М. Джиласу и В. Терзичу³, был также доставлен на Вис советским самолетом.

12 июня в пещере Орловица И. Тито провел заседание Политбюро ЦК КПЮ, на котором был заслушан обстоятельный отчет М. Джиласа о беседах со Сталиным. В своих мемуарах М. Джилас так рассказал об этом событии: «Уже спустились сумерки, когда я сошел с небольшого судна на берег острова Вис. Наша база в Бари сообщила о моем отъезде, и поэтому на берегу меня поджидал джиц. Все руководители собрались вместе на выступе перед пещерой, которую занимал Тито. Моя голова буквально разрывалась от впечатлений о Сталине и России. Я был чрезвычайно взволнован, ибо мой рассказ ожидался с нетерпением товарищами, с которыми я был близок в течение многих лет по нашему общему делу, нашей работе, нашей преданности друг другу. Все они стояли наверху, глядя, как я поднимаюсь по склону, но никто не решился выйти мне навстречу, понимая, что первым должен поздороваться со мной Тито... После этого каждый обнял меня по очереди... Члены ЦК собрались у Тито, и я скорее рассказывал им, чем отчитывался. Начал с сообщения о том, что Коминтерна действительно больше нет, что Димитров являлся всего лишь заведующим Отделом ЦК ВКП(б) по

¹ *Djilas M. Wartime.* P. 390.

² *Djilas M. Conversations with Stalin.* P. 83.

³ *Broz Tito J. Sabrana djela.* T. 20. S. 121.

связи с зарубежными компартиями и что там теперь следует самим решать вопросы по своему усмотрению, разумеется, опираясь на Советский Союз и проявляя преданность ему. Но их больше всего интересовало, как выглядит Сталин, что он говорил, что думает о нас. Было уже поздно, и я чувствовал себя уставшим, когда ужип и беседа у Тито закончилась, но я продолжал удовлетворять любопытство Рапковича и других товарищей. В течение следующих двух дней я только то и делал, что рассказывал... все о Советском Союзе, Сталине и Красной Армии»¹.

Отчет М. Джиласа о пребывании в Москве и беседах со Сталиным укрепил уверенность И. Тито в твердой поддержке СССР, что было очень важно перед лицом нарастающего на него давления со стороны У. Черчилля, считавшего, что с переездом И. Тито на Вис появилась «богом ниспосланная возможность» использовать «ослабленное положение» главнокомандующего НОА и ПОЮ, чтобы принудить к уступкам и навязать встречу с королем Петром II. Как представлялось британскому премьеру, проведение переговоров И. Тито с И. Шубашичем на острове Вис, «находящемся под защитой британских морских и воздушных сил»², позволит Великобритании оказать выгодное воздействие на сами переговоры и их исход. Как отмечал Ф. Маклин, после расширения количества и состава военных миссий Англия имела своих офицеров связи по всей территории Югославии³. По мнению английского историка Дж. Эрмана, к лету 1944 г. «влияние англичан в Югославии достигло высшей точки, и они многого ожидали от партизан». По его словам, «казалось, не возникало серьезных опасений, что Тито, находившийся под защитой англичан, с которыми у него складывались все более близкие отношения, доставит своими самостоятельными действиями неприятности западным союзникам»⁴.

Британский премьер-министр считал, что надо срочно использовать новую ситуацию для того, чтобы реализовать тот план, который он следующим образом сформулировал еще в конце 1943 г.: «Единственная надежда короля на возвращение в Югославию заключалась бы в достижении при нашем посредничестве какой-то временной договорен-

¹ *Djilas M. Wartime.* P. 392—393.

² *Churchill W. S. The Second World War. Vol. V.* P. 200.

³ *Maclean F. The Heretic.* P. 245; *Maclean F. The Eastern Approaches.* P. 303—304, 340, 470, 472, 521.

⁴ *Эрман Дж.* Большая стратегия (август 1943 — сентябрь 1944). С. 290, 291.

пости с Тито — без всяких проволочек и прежде чем партизаны расширят свою власть в стране»¹. Исходя из того, что «Тито недолго будет находиться в наших дружественных руках на Висе» и что «имеется опасность тайного переселения И. Тито «без оплаты квартплаты»², У. Черчилль решил форсировать события. В направленном в адрес И. Тито 10 июня письме он, ставя его перед фактом, уведомил, что на Вис вместе с И. Шубашичем направляется и король Петр II, которых сопровождает посол Великобритании при югославском эмигрантском правительстве Стивенсон. «Сначала бан Хорватии (И. Шубашич.— Ю. Г.) и господин Стивенсон,— писал У. Черчилль,— придут к Вам и обсудят всю ситуацию, а также вопрос, связанный с подготовкой Вашей встречи с королем»³. В ожидании исхода встречи И. Шубашича с И. Тито король остался на Мальте.

14 июня прибывший на Вис Стивенсон вручил И. Тито вышеупомянутое послание У. Черчилля, которое стало предметом детального обсуждения на расширенном заседании НКОЮ, выработавшем дальнейшую тактику бесед с И. Шубашичем с учетом советов Сталина. Так было решено ни в коем случае не отступать от решений АВНОЮ, воздержаться от встречи с королем, а переговоры вести только с И. Шубашичем без присутствия Стивенсона. В ответ на настойчивые уговоры Стивенсона дать все же согласие на встречу с королем И. Тито заявил ему 15 июня, что «лично он не имеет ничего против короля, но югославские народы не могут так легко забыть то, что Д. Михайлович и его наемники сделали от его имени»⁴. В тот же день И. Тито сообщил Ф. Маклину, что не может принять приглашение командующего союзническими войсками в Средиземноморье Г. Вильсона посетить его в Казерте (на что он первоначально дал согласие). Не желая возможной встречи там с королем, И. Тито мотивировал свой отказ тем, что, как Председатель НКОЮ, может совершать такие поездки только по приглашению правительств.

Переговоры И. Тито с И. Шубашичем проходили 15 и 16 июня. Глава советской военной миссии Н. В. Корнеев вспоминал впоследствии: «Маршал Тито пригласил меня на беседу, в которой участвовал Шубашич. Разговор сначала шел между ними «в четыре глаза», как выразился он,

¹ Churchill W. S. The Second World War. Vol. V. P. 455.

² Tito — Churchill — Strogo tajno. Beograd — Zagreb, 1981. S. 181.

³ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 20. S. 247—248.

⁴ Ibid. S. 341—342.

а затем «в шесть глаз». На этой беседе не присутствовали ни Маклиц, ни Стивенсон»¹ (сопровождаяшему Шубашича Стивенсону пришлось ожидать своего подопечного в 10 метрах от пещеры Тито)². Н. В. Корнеев получил из Москвы указание вручить И. Шубашичу ответ Молотова на его предложение о возобновлении практически свернутых СССР отношений с югославским эмигрантским правительством. Предварительно ознакомив с этим письмом 15 июня И. Тито, Н. В. Корнеев передал его в тот же день И. Шубашичу. В упомянутом письме Советское правительство заявило о своей готовности поддержать югославское правительство, которое было бы создано с целью объединения всех борющихся в Югославии против фашистской Германии и предателей народа сил «на основе соглашения с маршалом Тито, добившимся уже значительных успехов в объединении народов Югославии и имеющим действительно реальные силы в стране»³.

16 июня 1944 г. И. Тито и И. Шубашич подписали соглашение «о сотрудничестве и борьбе против оккупантов и в деле восстановления страны», не затрагивавшее решений АВНОЮ и других завоеваний народно-освободительной борьбы⁴. Делегация НКЮЮ проявила гибкость, согласившись не выдвигать до конца войны вопрос об окончательном государственном устройстве Югославии, имея в виду, что он должен быть решен свободным волеизъявлением народа после освобождения страны. Как подчеркивалось в упомянутом соглашении, «не следует поднимать и обострять вопрос о короле и монархии, ибо это является сейчас препятствием для сотрудничества НКЮЮ и правительства И. Шубашича»⁵.

Несмотря на согласие НКЮЮ содействовать облегчению как можно более быстрого создания «государственного представительства»⁶, авглийское правительство осталось недовольно соглашением, ибо его попытки добиться согласия на возвращение короля Петра II в страну потерпели неудачу. В связи с этим была существенно уменьшена и без того незначительная помощь НОАЮ, ограничены

---

¹ Корнеев Н. В. Военная миссия СССР в Югославии // Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. С. 205.

² *Djilas M. Wartime*. P. 395.

³ Цит. по: *Международная жизнь*. 1958. № 8. С. 80.

⁴ *Broz Tito J. Sabrana djela*. T. 20. S. 160.

⁵ *Ibid.* S. 250.

⁶ *Ibidem*.

базисе действия англо-американской авиации в воздушном пространстве Югославии и др.

Информируя У. Черчилля о результатах своих встреч и бесед с И. Шубашичем, И. Тито подчеркивал 17 июня, что НКЮЮ со своей стороны «сделал максимум возможного, чтобы такое соглашение было подписано». Касаясь вопроса о короле, он пояснил, что этот вопрос «очень деликатный и к нему надо подойти весьма осторожно», необходимо время для его окончательного решения¹. В разосланной в связи с подписанием висского соглашения во все оперативные штабы ориентировке И. Тито, сделав акцент на том, что оно заключено «по желанию всех союзников», предлагал: «Сделайте все для правильного понимания соглашения, которое, песомненно, укрепит наше международное положение и принесет пользу нашей народно-освободительной борьбе»². «Мы должны были пойти на это соглашение в соответствии с настойчивыми требованиями западных союзников, — говорил впоследствии И. Тито. — Они хотели своей силой вновь завязать нам короля... Король был бы своего рода троянским конем, с помощью которого вновь постепенно начался бы возврат к старому... Мы решились на это соглашение ввиду того, что сознавали свою силу... Нам нечего было бояться, и мы пошли на это соглашение, которое не могло нам ничем навредить, а принести только пользу — если мы будем правильно действовать. Так оно позже и случилось»³.

Свою позицию, состоявшую в том, чтобы отложить решение вопроса об окончательном государственном устройстве Югославии на будущее, руководство НКЮЮ и НОАЮ тесно увязывало с перспективами скорого выхода Красной Армии к югославской границе, о желательности которого И. Тито написал в письме Сталину 5 июля 1944 г.⁴, и объединения усилий двух дружественных армий. При этом помощь Красной Армии рассматривалась в качестве важного фактора не только в борьбе за изгнание оккупантов, но и в противодействии проискам Запада против революционных завоеваний народов Югославии.

В своем стремлении упредить появление Красной Армии на Балканах У. Черчилль поручил в середине июня

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 20. С. 158—159.

² *Ibid.* С. 160.

³ Пети конгрес Комунистичке партије Југославије, 21—28 јула 1948. Извештаји и реферати. Београд, 1948. С. 139.

⁴ См.: Документы интернациональной солидарности // Вопросы истории КПСС. 1984. № 9. С. 14—17.

1944 г. английскому Комитету по планированию изучить вопрос о возможности проведения через два месяца высадки десанта в Истрии вместо высадки десанта на западе или юге Франции, с тем чтобы развернуть наступление с побережья Истрии в глубь Югославии. При этом У. Черчилль приложил большие усилия, чтобы попытаться убедить Ф. Рузвельта дать согласие, не ставя при этом в известность Сталина, на осуществление, вместо предусмотренной решениями Тегеранской конференции операции «Энвил» в Южной Франции, вторжения в северную часть Югославии и далее через Люблянский проход в Венгрию¹. Однако Ф. Рузвельт, сославшись на то, что затяжка войны в результате даже небольшой неудачи в ходе операции «Оверлорд», вызванной тем, что довольно крупные силы были бы переброшены на Балканы, могла бы серьезно поколебать его положение в стране, отметил, что не может без консультации со Сталиным согласиться на какой-либо другой курс действий, который предусматривал бы отказ от этой операции².

Продолжая продвигать в ходе переписки с Ф. Рузвельтом идею о высадке англо-американских войск на Балканах, У. Черчиллю удалось заручиться в июне 1944 г. его поддержкой своего предложения о разделе Балкан на сферы влияния³, после чего он попытался договориться об этом со Сталиным⁴.

§ 6. ТИТО — ЧЕРЧИЛЛЬ — СТАЛИН

Как неоднократно отмечал И. Тито, «было нелегко реализовать успехи освободительной борьбы народов Югославии... поскольку западные союзники думали по этим вопросам иначе, чем наши народы. Они хотели любым путем спасти старый строй в Югославии»⁵. Однако все эти маневры благодаря гибкой тактике КПЮ были обезврежены, и буржуазно-монархическим силам не удалось воспользоваться плодами борьбы народов Югославии за свое национальное освобождение. «Когда некоторые западные союзники подвергали нас давлению,— подчеркивал

¹ См: Эрман Дж. Большая стратегия (август 1943 — сентябрь 1944). С. 291; Churchill W. S. The Second World War. Vol. VI. P. 65.

² Churchill W. S. The Second World War. Vol. VI. P. 63—64.

³ Ibid. P. 75—77, 202.

⁴ Переписка... Т. I. С. 280—283.

⁵ V конгрес КПЈ. С. 132.

И. Тито, — нам помогал Советский Союз, оказывая полную поддержку»¹.

В начале июля 1944 г. это, по выражению В. Велебита, «бесцеремонное, агрессивное давление» правительства Великобритании на руководство НОД и лично И. Тито настолько усилилось, что он решает прямо обратиться к Сталину с просьбой о встрече с ним и о военной помощи со стороны Красной Армии.

Пользуясь тем, что глава советской военной миссии Н. В. Корнесв собирался в начале июля вылететь по вызову в Москву для консультаций, И. Тито переслал с ним письма, адресованные Сталину и Молотову. В письме от 5 июля 1944 г. И. Тито, упомянув, что «есть много крупных вопросов, по которым я бы очень хотел лично побеседовать с Вами», писал Сталину: «Если Вы считаете это своевременным и необходимым, я готов прибыть в начале августа. Но я хотел бы, чтобы Вы считали это не моей нескромностью, а единственно глубоким стремлением выяснить до мирных переговоров некоторые вопросы и определить по ним позицию, так как полагаю, что это в интересах Балканских стран и Советского Союза»². Отметив, что в лице Советского Союза «наши народы и наша армия... имеют своего самого большого и самого искреннего друга», он сообщил, что «нам настоятельно необходимо значительно больше вооружения и продовольствия, чем нам до сих пор посылали союзники». И далее: «С учетом политики англичан в отношении Сербии, где они всеми возможными способами пытаются усилить позиции приверженцев короля, то есть четников, и ослабить наши позиции, мы не можем рассчитывать на сколько-нибудь эффективную помощь со стороны союзников. Именно в этом нам будет нужна самая большая ваша помощь, чтобы мы могли возможно скорее решить вопрос Сербии, который для нас очень важен, так как от этого зависит окончательный успех в деле создания демократической федеративной Югославии».

По вопросу возможной высадки англо-американских войск на территории Югославии И. Тито повторил в более мягкой форме свою позицию, которую он сообщил в Москву еще 12 октября 1943 г.: «Мы не допустим такой высадки без нашего согласия и готовы противодействовать

¹ V конгресс КПЖ. С. 139.

² Документы интернациональной солидарности // Вопросы истории КПСС. 1984. № 9. С. 14—17; Broz Tito J. Sabrana djela. T. 21. S. 54.

этому силой»¹. На этот раз, назвав такую высадку «неприятной», он высказался за то, чтобы в случае, если все же будет признана ее необходимость, она была осуществлена возможно меньшими силами, причем в основном в районе Истрии в Хорватского приморья. При этом он заявил, что не даст согласия ни на какую военную или гражданскую власть западных союзников на югославской территории и не согласится, чтобы «какая-либо наша часть находилась бы под их командованием». Далее И. Тито поставил Сталина в известность, что в соответствии с неоднократными приглашениями собирается вскоре поехать в Италию для встречи с командующими войсками союзников на Средиземноморье Вильсопом. В связи с попытками вмешательства западных союзников, что вынуждает руководство НОД проявлять осмотрительность, чтобы, с одной стороны, не обострить отношения с ними, а с другой, «сохранить свою политическую и военную самостоятельность», И. Тито сообщил Сталину свое мнение, что в такой ситуации «для нас была бы, разумеется, весьма драгоценна Ваша поддержка». «По моему мнению,— писал он далее,— самая сильная поддержка во всех отношениях состояла бы в том, чтобы Красная Армия продвинулась через Карпаты и Румынию в направлении юга. Такой план сорвал бы многие планы на Балканах, вынашиваемые теми, кто хочет с помощью раздора укрепить свои позиции»².

Одновременно в написанном в тот же день, 5 июля, письме на имя Молотова И. Тито поблагодарил Советское правительство за «дипломатическую поддержку и материальную помощь» со стороны Советского Союза, выразив надежду и уверенность в том, что эта помощь будет оказываться и в дальнейшем, ибо она «в эти судьбоносные дни необходима больше, чем когда бы то ни было»³. С целью нейтрализации «попыток англичан восстановить власть короля в Югославии, по крайней мере в Сербии», И. Тито сообщил Молотову о своем намерении как можно больше оттягивать создание объединенного правительства с тем, чтобы выиграть время для укрепления позиций НОД в Сербии, что связывалось им в том числе с «приближением Красной Армии к Балканам»⁴.

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. T. 17. S. XII.

² *Ibid.* T. 21. S. 53—54.

³ *Ibid.* S. 55.

⁴ *Ibid.* S. 56.

В этот период И. Тито приступил к разработке мер, направленных на перенесение центра тяжести боевых действий НОА и ПОЮ в восточную часть Югославии, в Сербию. В то же время И. Тито намеревался на предстоящей 12 июля встрече с командующим союзническими войсками в Средиземноморье Г. Вильсоном в Казерте (Италия) договориться, о чем он уведомил Сталина, о принципах взаимодействия частей НОА и ПОЮ с англо-американскими войсками в случае их высадки на территории Югославии. По словам Н. В. Корнеева, «при решении вопроса о целесообразности этих переговоров Тито спросил мнение советской военной миссии. Я сказал, что Ваше дело решать этот вопрос, но фельдмаршал Вильсон является лишь командующим войсками на одном из военных театров, а Вы — фактически глава нового югославского государства. Поэтому вряд ли стоит ехать на встречу с Вильсоном»¹. Узнав 9 июля из беседы с Ф. Макклином о том, что официальный Лондон хочет в явочном порядке, без его предварительного согласия, привлечь к предстоящим переговорам в качестве равноправного участника И. Шубашича, И. Тито в последний момент решил воздержаться от поездки в Италию.

В ожидании ответа от Сталина на свое письмо, которое было передано ему Г. М. Димитровым 28 июля, И. Тито изъявлял готовность прибыть в Москву 10 августа. Тем временем он продолжал переброску войск в восточную часть страны, в Сербию, рекомендуя держать это в абсолютной тайне от западных союзников².

Тем временем в конце июля 1944 г. Ф. Макклип сообщил И. Тито о возможности его встречи с У. Черчиллем в Италии в первой половине августа после переговоров с Г. Вильсоном по военным вопросам. «Я хотел встретиться с Тито,— писал У. Черчилль в своих мемуарах,— который легко мог бы прибыть в Италию с острова Вис, где мы все еще защищали его»³.

По приглашению британского генерала Г. Вильсона И. Тито вылетел в Казерту с острова Вис 6 августа 1944 г. Его сопровождали С. Жуйович, А. Йовапович, а также Ф. Маклин. Функции переводчицы выполняла партизанка Ольга Хумо — дочь министра эмигрантского правительст-

¹ Корнеев Н. В. Военная миссия СССР в Югославии // Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. С. 204—205.

² Broz Tito J. Sabrana djela. T. 21. S. 225.

³ Churchill W. S. The Second World War. Vol. VI. P. 88.

на Нипчича¹. В тот же день состоялись его переговоры с Г. Вильсоном, на которых речь шла об увеличении помощи НОА и ПОЮ со стороны западных союзников, а также об усилении взаимодействия между вооруженными силами НОД и англо-американскими войсками. В итоге был согласован «План координированных операций НОА и ПОЮ и средиземноморских союзнических ВВС»². И. Тито и сопровождавшие его лица посетили также штаб генерала Г. Александра, с которым были обсуждены вопросы, связанные с планировавшимся наступлением находившихся под его командованием войск через Истрию, Словенское приморье и Люблянский проход в направлении Вены³. Как свидетельствует М. Джилас, «Тито согласился с высадкой союзных войск в Истрии при условии, что они будут сотрудничать только с нашей армией и уважать наше правительство. Хотя речь шла о небольшой части югославской территории, но Тито был не рад этому соглашению. Однако он не мог ничего противопоставить военному аргументу: открытием фронта в Истрии и в районе Триеста союзники поставят под угрозу немецкий тыл в Италии и подойдут ближе к Австрии»⁴. 7—8 августа И. Тито находился в Риме, где ознакомился с его достопримечательностями, после чего вновь вернулся в Казерту для продолжения переговоров с Г. Вильсоном. 12—13 августа в Неаполе состоялись переговоры И. Тито с У. Черчиллем, в которых участвовал И. Шубашич. В своих мемуарах британский премьер следующим образом описал свою первую встречу с И. Тито: «Во второй половине дня (11 августа.— Ю. Г.) я прибыл в Неаполь, где мне отвели роскошную, но несколько обветшавшую виллу Ривальта с прекрасным видом на Везувий и залив. Здесь генерал Вильсон сообщил мне, что все подготовлено для встречи завтра утром с Тито и Шубашичем... Они уже прибыли в Неаполь и должны обедать с нами вечером следующего дня.

Утром 12 августа маршал Тито приехал на виллу. На нем был великодушный расшитый золотом голубой мундир с очень тугим воротником, который совершенно не подходил для изнурительной жары. Мундир дали ему русские и, как мне потом сообщили, золотой галун был доставлен из Соединенных Штатов. Я присоединился к нему на тер-

¹ *Djilas M. Wartime. P. 375.*

² *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 22. S. 305—306, 345, 347.*

³ *Ibid. S. 346.*

⁴ *Djilas M. Wartime. P. 400.*

расе пиллы, сопровождаемый бригадиром Маклипом и переводчиком.

Я предложил маршалу сначала ознакомиться с оперативным кабинетом генерала Вильсона, и мы вошли туда. Маршал, которого сопровождали два телохранителя свирепого вида — каждый из них с автоматом, — захотел взять их с собой на случай предательства с нашей стороны. С некоторым трудом его от этого отговорили, предложив ему взамен взять их с собой для охраны во время обеда»¹.

Когда они вошли в большую комнату, стены которой были завешаны картами фронтов, У. Черчилль, показав на одной из них полуостров Истрия, заявил о возможности вступления на этот полуостров союзнических войск с восточного побережья Италии, в связи с чем И. Тито высказался за участие в такой операции югославских войск.

Перейдя в большую гостиную, У. Черчилль поинтересовался отношениями НКЮЮ с королевским югославским правительством, на что И. Тито ответил, что этот вопрос не обсуждался в Неаполе. Когда речь зашла о Д. Михайловиче, И. Тито сказал, что главарь четников продолжит сражаться против партизан, ввиду чего примирение невозможно. Подчеркнув приверженность Великобритании сильной, единой и независимой Югославии и отметив заинтересованность в этом И. Шубашича, У. Черчилль начал говорить о своих обязательствах перед королем Петром, на что И. Тито ответил, что он их понимает, но ничего поделать не может, пока не закончится война, когда будут проведены свободные выборы². Затем У. Черчилль спросил: «Разве неверно, что значительная часть сербского крестьянства не была бы довольна введенным коммунистической системы?» На что И. Тито разъяснил: «У нас нет намерения навязать такую систему. Я об этом заявлял неоднократно официально»³. У. Черчилль сказал, что он помнит об этом, но хотел услышать от него лично, спросив при этом, мог бы он это подтвердить публично.

И. Тито уклонился от такого заявления, мотивировав тем, что могло бы создаться впечатление, будто оно сделано им под давлением. Однако он выразил готовность дать такое заявление, если будет найдена подходящая форма. Отметив, что у него вызывают сильное беспокой-

¹ Churchill W. S. The Second World War. Vol. VI. P. 89—90.

² Broz Tito J. Sabrana djela. T. 22. S. 47.

³ Ibid. S. 45.

ство вопросы, которые «постоянно поднимаются о коммунизме в Югославии», И. Тито сказал У. Черчиллю: «Я вполне категорично заявил, что у нас нет намерения вводить его. Для этого имеется много причин. Все европейские страны должны иметь демократические режимы после войны, и Югославия не должна быть исключением»¹. Он напомнил, что в Югославии сейчас имеется русская миссия и ее члены не только ничего не говорят о введении советской системы в Югославии, но и высказались против этого. В этой связи У. Черчилль заметил: «Русские добились больших достижений, но они использовали очень жесткие методы. Думаю, что эта фаза сейчас прошла... Однажды, — продолжал У. Черчилль, — я спросил Сталина, что было труднее: провести аграрную реформу в России или вести эту войну. Он ответил, что тогда было труднее. Надо было убеждать миллионы крестьян, а их нельзя убедить аргументами. Крестьянин пойдет домой, спросит свою жену, посоветуется с соседями, узнает, что они думают... В России достигнут значительный прогресс в сельском хозяйстве, но это сопровождалось большими человеческими страданиями, которых, видимо, можно было избежать, если бы перемены были более медленными»².

Уточняя позицию И. Тито по поводу создания «федеративного славянского государства, простирающегося от Адриатического до Черного моря», У. Черчилль поинтересовался, как он отнесется к этому вопросу. И. Тито ответил, что он является сторонником югославской федерации³.

В ходе пребывания И. Тито в Неаполе Г. Вильсон вручил ему меморандум о планах западных союзников в Истрии. После ознакомления с ним И. Тито сослался на то, что НОА и ПОЮ уже контролируют многие из этих районов, и сказал, что ни при каких условиях не может согласиться с введением там итальянской администрации⁴, что военная и гражданская власть должна осуществляться там НОА и ПОЮ и АВНОЮ.

Вслед за этим 12 августа 1944 г. У. Черчилль направил И. Тито меморандум, содержащий следующие требования: «создания единого югославского правительства, в котором были бы представлены все югославы, борющиеся

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 22. S. 46.

² Ibid. S. 45.

³ Ibid. S. 47, 394.

⁴ Ibid. S. 325—326.

ся против врага, и примирение между сербским народом и народно-освободительным движением»; обнародование декларации, в которой содержалось бы не только обязательство не навязывать Югославии коммунизм, но и «не использовать военную силу движения для оказания влияния на свободное волеизъявление народа относительно будущего режима страны»; согласие на встречу с королем Петром, предпочтительно на югославской территории. В этом случае У. Черчилль пообещал И. Тито увеличить военные поставки НОА и ПОЮ¹.

В ответ И. Тито заявил, что в принципе он не имеет ничего против предложения о встрече с королем, но, по его мнению, еще не пришло время для этого. Особо решительно он возражал против попыток У. Черчилля представить дело таким образом, «будто бы существует разрыв между народно-освободительным движением и сербским народом»². У. Черчиллю было заявлено, что «НОД является сербским по происхождению и в значительной мере по составу», что «сербы представляют костяк НОД»³.

Встреча И. Тито с У. Черчиллем завершилась договоренностью о том, что И. Тито и И. Шубашич отправятся вместе на Вис, где через несколько дней одновременно выступят с декларациями. Что касается встречи И. Тито с королем Петром II, то она «будет иметься в виду и состоится в подходящее время»⁴.

И. Тито и И. Шубашич покинули Неаполь 14 августа и через Бари прибыли на Вис. Согласовав свои декларации, они обнародовали их: И. Тито — 17 августа на Висе, И. Шубашич — 20 августа в Лондоне⁵. В декларации И. Тито разъяснялось, что «НОД Югославии является по своей сути общенародным, национальным и демократическим», имеющим единственную цель — «борьбу против оккупантов и их прислужников и создание демократической федеративной Югославии, а не установление коммунизма, что нам подбрасывают враги»⁶.

О результатах бесед с И. Тито и И. Шубашичем У. Черчилль информировал Ф. Рузвельта, а также Сталина. «Я сказал обоим югославским лидерам, — писал он, — что

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. S. 323.

² Ibid. T. 22. S. 334.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. S. 335.

⁵ Ibid. S. 86—88, 350, 396.

⁶ Ibid. S. 86.

мы думали лишь о том, чтобы они объединили свои ресурсы с тем, чтобы слить югославский народ в единое целое в борьбе против немцев. Наша цель состоит в том, чтобы содействовать созданию устойчивой и независимой Югославии, и формирование объединенного югославского правительства является шагом в направлении к этой цели... Они договорились между собой об одновременном опубликовании через несколько дней декларации, которая, как я надеюсь, уменьшит внутреннюю борьбу и приведет к укреплению югославских военных усилий»¹. В своем ответе Сталин ограничился благодарностью за сообщение о встрече с маршалом Тито и премьер-министром Шубашичем².

По мнению М. Джиласа, встреча с У. Черчиллем «придала уверенности Тито, упрочила его авторитет»³. У. Черчилль произвел сильное впечатление на И. Тито, который, как пишет М. Джилас в мемуарах, «не скрывал своих чувств уважения и энтузиазма к нему, хотя и видел выражение ироничного скептицизма на наших лицах». «Это не так просто, как вы думаете, — говорил И. Тито. — Да, Черчилль — империалист и антикоммунист! Но вы не поверите, его глаза были полны слез, когда он увидел меня. Он почти рыдал, говоря: «Вы первый человек из пораженной Европы, которого я встретил!» Черчилль даже сказал мне, что хотел прибыть в Югославию, выбросившись на парашюте, но что он слишком стар для этого!»⁴

По возвращении на Вис после бесед с У. Черчиллем И. Тито отдал приказ активизировать подготовку к прорыву основных сил НОАЮ в Сербию на соединенные с приближавшимися к территории Югославии частями Красной Армии. 19 августа 1944 г. Верховный штаб НОАЮ выдвинул задачу «разбить оккупантско-недичевско-четническую власть» в Сербии, для чего в конце августа туда прорвались Оперативная группа дивизий, 1-й пролетарский и 12-й корпуса НОАЮ⁵. Эта задача приобретала неотложный характер в тот период в связи с общей военно-стратегической обстановкой, складывавшейся на Балканах: 6 сентября 1944 г. войска Красной Армии вышли на югославо-румынскую границу. В не меньшей мере ее актуальность обуславливалась необходимостью не допустить реа-

¹ Переписка... Т. 1. С. 295.

² Там же. С. 296.

³ *Djilas M. Wartime*. P. 401.

⁴ *Ibidem*.

⁵ *Broz Tito J. Sabrana djela*. T. 22. S. 114.

лизации замыслов Великобритании и США, добивавшихся сохранения хотя бы части Югославии под контролем четников для использования их в качестве опорной базы для возвращения короля и восстановления монархии. Особые надежды в этом смысле связывались пми с Сербией, которую западные союзники не считали «партизанской»¹ и относились к ней как к «четнической вотчине»². Они исходили из того, что как в политическом, так и в военном отношении Сербия имеет жизненно важное значение для народно-освободительного движения и что, пока оно не упрочит здесь свои позиции, «его шансы на установление своего полного контроля над всей страной будут серьезно подорваны»³.

Поэтому США и Великобритания делали все возможное для спасения находившегося на грани распада четнического движения. Как отмечалось на суде над Михайловичем в июне — июле 1946 г., он извлек особенно большую пользу из приезда в его штаб американских офицеров «в момент, когда его сотрудничество с оккупантами и их приспешниками было более чем очевидным»⁴. Военная миссия США во главе с полковником Макдауэллом прибыла в ночь с 27 на 28 августа 1944 г. в село Праница возле г. Чачак, где тогда находился штаб Д. Михайловича⁵. На первой же встрече с Михайловичем (как впоследствии показал он сам на суде) американский представитель следующим образом изложил позицию США в отношении четнического движения: «Вы должны выстоять против титовского коммунизма... Ваше дело — удержать Сербию и Белград, чтобы туда не вступили коммунисты Тито, и это все, что сейчас от вас требуется»⁶.

В связи с нарушением обещания западных союзников о прекращении каких-либо связей с Д. Михайловичем И. Тито заявил 5 сентября через Г. Вильсона протест правительствам Великобритании и США, в котором подчеркнул, что считает это важным политическим вопросом, влияющим на внутренние югославские условия и вредящим общему делу⁷. Через советскую военную миссию об

¹ Борба. 1976. 22 децембар.

² *Maclean F.* The Eastern Approaches. P. 437.

³ *Maclean F.* The Heretic. P. 227.

⁴ The Trial of Dragoljub — Draža Mihajlović. Stenographic Record and Documents from the Trial of Dragoljub — Draža Mihajlović. Beograd, 1946. P. 254—258.

⁵ *Broz Tito J.* Sabrana djela. T. 23. S. 265.

⁶ The Trial of Dragoljub — Draža Mihajlović... T. 254—258.

⁷ *Broz Tito J.* Sabrana djela. T. 23. S. 47.

ном факте было поставлено в известность и Советское правительство, которое не замедлило предпринять уже 11 сентября демарш перед администрацией США¹.

Тем временем Макдауэлл, остававшийся в Югославии до января 1945 г., развил бурную деятельность, установив связь с немецким командованием, а также марионеточным правительством Недича². В ходе этих контактов речь шла о возможности заключения сепаратного мира на Балканах³. При этом Макдауэлл настаивал на предпочтительности капитуляции немецких войск перед западными союзниками, высказывался за то, чтобы они сдавались четникам Д. Михайловича⁴. Поощряемый Макдауэллом Д. Михайлович в надежде обеспечить условия для возвращения королевского правительства в Югославию строил планы захвата оставляемых немцами городов в Сербии⁵. Михайлович явно надеялся на то, что Красная Армия не вступит на территорию Югославии, что «союзники используют свое влияние, чтобы не допустить захвата русскими Белграда», в результате чего «по крайней мере часть страны отойдет к некоммунистической сфере»⁶. 26 сентября Михайлович направил призыв к западным державам оказать ему помощь с целью предотвращения «большевистской угрозы в Сербии»⁷.

Со своей стороны И. Тито в первых числах сентября 1944 г. через советскую военную миссию в Югославии попросил передать Государственному Комитету Оборона СССР (ГКО) просьбу о вступлении Красной Армии на югославскую территорию, мотивируя ее тем, что НОАЮ не имеет тяжелого оружия и танков, чтобы разбить находившиеся там войска или воспрепятствовать их отходу из Греции на север. При этом в телеграмме советской военной миссии, направленной в Москву, подчеркивалось: «Маршал полагает, что совместные действия Красной Армии и НОАЮ, помимо большого военного эффекта, значительно укрепят национально-освободительное движение».

---

¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. Документы и материалы. В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 206.

² *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 23. С. 181.

³ *The Trial of Dragoljub — Draža Mihajlović...* P. 254—258.

⁴ *Ibidem*.

⁵ *Ibid.* P. 399.

⁶ *Milazzo M. J. The Chetnik Movement and the Yugoslav Resistance*. Baltimore; London, 1975. P. 172, 174.

⁷ *Ibid.* P. 176.

ние»¹. По получении этой телеграммы Сталин «поручил Генеральному штабу подготовить материалы по югославским делам»².

Тем временем И. Тито придерживался линии на всемерную затяжку создания единого правительства с целью дальнейшего укрепления позиций НОД в стране вообще и в Сербии в частности, о чем он поставил в известность Молотова еще 5 июля 1944 г. Поддерживаемый СССР, он игнорировал настойчивые обращения к нему И. Шубашича (9, 18 и 28 сентября) и У. Черчилля (12 сентября и 3 октября), не скрывавшего разочарования по поводу отсутствия прогресса в деле реализации висских договоренностей³. Уклоняясь от практических шагов по формированию объединенного правительства, И. Тито подчеркивал, что в условиях, когда наступают решающие бои за освобождение Югославии, все внимание должно быть сосредоточено на военных усилиях⁴. Через военную миссию в СССР во главе с В. Терзичем и находившегося в СССР с 23 августа 1944 г. в Москве в качестве политического представителя ЦК КПЮ М. Пьяде И. Тито знал, что Советское правительство отложило в июле визит И. Шубашича в СССР (о чем он настойчиво просил) и в августе вообще отказалось принимать его.

В комплексе мер по оказанию поддержки НКОЮ важным политическим жестом явилось награждение 5 сентября Верховным Советом СССР большой группы видных руководителей НОАЮ во главе с И. Тито советскими орденами⁵: так, главнокомандующий НОАЮ маршал И. Тито был награжден орденом Суворова I степени «за выдающиеся успехи в деле управления войсками и в проведении боевых операций против общего врага Советского Союза и Югославии — гитлеровской Германии». Э. Кардель, как первый заместитель Председателя НКОЮ, был награжден «за выдающуюся боевую деятельность и проявленные при этом храбрость и мужество в борьбе против общего врага Советского Союза и Югославии — гитлеровской Германии» орденом Лепина. Другие ближайшие соратники И. Тито — А. Рапкович, М. Джилас, С. Жуйович, А. Йова-

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. М., 1962. Т. 4. С. 420.

² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. С. 195.

³ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 23. S. 66, 249, 269.

⁴ Ibid. S. 66.

⁵ Ibid. S. 65, 86, 268, 272—273.

пошич и С. Вукманович были с той же формулировкой награждены орденом Кутузова I степени. От имени пагражденных И. Тито поблагодарил Президиум Верховного Совета СССР за высокое признание «великим братским Союзетским Союзом борьбы, которую ведут наши народы против немецкого фашизма»¹.

5 сентября он направил в адрес Советского правительства шифротелеграмму, в которой предложил создать в Румынии вблизи югославской границы базу для снабжения НОА и ПОЮ, а также авиабазу для поддержки ее боевых действий с воздуха. «Прошу дать соответствующие указания,— писал И. Тито,— Генеральному штабу Красной Армии. Обстановка требует от нас, чтобы все эти вопросы были быстро разрешены. Я уверен, что я, как и ранее, получу поддержку Советского правительства»². На следующий день И. Тито отдал приказ «срочно установить связь с Красной Армией в районе Дуная и об исполнении доложить немедленно»³.

Опираясь на поддержку Советского Союза, в этот период он впервые заявил о том, что новая Югославия своей борьбой с фашизмом завоевала право участвовать наравне со своими союзниками в решении вопросов послевоенного устройства в Европе, ее судьбы. 12 сентября И. Тито высказался за воссоединение Истрия, Словенского приморья и Каринтии в рамках единого югославского государства, решительно заявив: «Мы чужого не хотим, но и своего не отдадим»⁴. Днем раньше, 8 сентября, И. Тито выступил от имени Верховного штаба НОА и ПОЮ с воззванием, в котором говорилось, в частности, следующее: «Наступил тот великий долгожданный день, к которому стремились десятки тысяч героев, прошедших в течение трех с половиной лет через тяжелейшие испытания: 6 сентября на границу Югославии вышла наша великая союзница — Красная Армия. Преодолев тысячи километров от Сталинграда и Кавказа, уничтожая на своем славном пути сотни тысяч мерзких фашистских захватчиков, пришла к нам наша героическая союзница, чтобы помочь нам нанести последний удар по заклятому врагу нашего народа и очистить нашу залитую кровью родину от ненавистных немецких орд»⁵.

¹ Broz Tito J. T. 23. S. 86; Правда. 1944. 6 сентября.

² Правда. 1989. 20 октября.

³ Там же.

⁴ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 23. S. 112—113.

⁵ Ibid. S. 80.

Е связи с вырсовывавшимися в ближайшей перспективе совместными боевыми действиями НОА и ПОЮ и Красной Армии вопрос о поездке И. Тито в Москву в соответствии с его просьбой становился все более актуальным. Находившемуся в Москве главе советской военной миссии при Верховном штабе НОА и ПОЮ П. В. Корнееву было поручено договориться с Главным маршалом авиации А. Головановым, на каком самолете и каким путем И. Тито лучше попасть в Москву. Сам И. Тито, плохо переносивший полеты, высказался против того, чтобы лететь через Африку, кружным путем. Поэтому был определен такой маршрут его перелета с острова Вис: через Адриатическое море, Югославию и линию фронта¹. Подготовка полета, время вылета держались в глубокой тайне. Даже ближайшие помощники И. Тито, которым предстояло лететь вместе с ним, не знали, куда они летят. 18 сентября 1944 г. два советских транспортных воздушных корабля Си-47, вылетев с авиабазы в Бари, в сумерках приземлились на острове Вис. Их обратный рейс был назначен на три часа ночи 19 сентября. Советским летчикам П. Михайлову и В. Павлову сказали, что им поручается совершить в обстановке строгой секретности полет большой важности, сопряженный с известным риском, поскольку предстояло пересечь линию фронта. На полученной ими маршрутной карте конечный пункт приземления был жирно выделен красным карандашом: румынский город Крайова². Но кто именно полетит, им не сообщалось. Незадолго до вылета в один из самолетов поднялся одетый в светло-серый плащ И. Тито. Не успел он занять место по левому борту корабля, как дверь самолета вповь отворилась и в кабину впихнули собаку. Это была любимая овчарка И. Тито по кличке Тигр. Предчувствуя разлуку с хозяином, она разволновалась. Чтобы утихомирить ее, пришлось накинуть ей на голову мешок. Очувтившись в салоне самолета, Тигр, повизгивая, тут же забился под сиденье И. Тито. Он погладил овчарку, и она успокоилась³. Чтобы не привлекать внимания к этой тайной операции, вылет самолетов был произведен в абсолютной темноте, без стартовых сигналов. Как и было заранее намечено, при подлете к Бари к самолетам, на борту одного из которых находился И. Тито, присоединилось еще 10 самолетов, поднявшихся в воздух

¹ Михайлов П. Сто почей в горах Югославии. С. 118.

² Там же. С. 113—114; *Dedijer V. Josip Broz Tito*. S. 383.

³ Михайлов П. Сто почей в горах Югославии. С. 113—114.

с пародрома этой базы, после чего они взяли курс на восток.

Полет прошел без каких-либо неожиданностей, по плану. Спустя несколько часов они приземлились в Крайове. На летном поле И. Тито встретил Н. В. Корнеев. Обосновавшись в этом городе, расположенном недалеко от югославской границы, он сообщил А. Ранковичу на Вис, что благополучно добрался «до места», порекомендовав «потихоньку готовиться к переезду»¹. Из Крайовы И. Тито 21 сентября, согласно предварительной договоренности, вылетел в сопровождении Н. В. Корнеева в Москву, где пробыл до 28 сентября². Это был первый его приезд в Союзный Союз после пятилетнего перерыва. Но как много изменилось за это время! Теперь он посещал Москву в новом качестве — Генерального секретаря ЦК КПЮ, Председателя НКЮЮ, маршала новой Югославии.

С рассветом 19 сентября сотрудники англо-американской военной миссии, оставшиеся на острове Вис, обнаружив Верховного главнокомандующего Народно-освободительной армии Югославии И. Тито, забили тревогу. Не было и советских самолетов. Это повергло их в еще большее смятение. Стали искать, спрашивать... Югославские товарищи ответили, что И. Тито находится, вероятно, в войсках. По свидетельству В. Велебита, «тайнственный отлет Тито на советском самолете без предварительного уведомления военных представителей союзников на Висе произвел впечатление разорвавшейся бомбы в союзническом средиземноморском командовании и в британском правительстве в Лондоне»³. По возвращении из Москвы в Крайову И. Тито поручил 10 октября 1944 г. С. Жуйовичу и П. Дачевичу передать от его имени главе английской миссии Ф. Маклину, а также главе американской миссии Хантингтону, что его «отлет с Виса был продиктован военными и государственными соображениями». При этом он разъяснил: «Мы — независимое государство, и я, как Председатель НКЮЮ и Верховный главнокомандующий, ни перед кем за пределами нашей страны не отвечаю за свои поступки и деятельность в интересах наших народов»⁴.

В своих мемуарах С. М. Штеменко вспоминал: «В двадцатых числах сентября товарищ Тито прилетел на пере-

¹ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 23. S. 194.

² Ibid. S. 206.

³ Velebit V. Sećanja. Zagreb, 1983. S. 304—305.

⁴ Broz Tito J. Sabrana djela. T. 24. S. 50.

говору в Москву. Вместе с ним прибыл и начальник нашей военной миссии генерал Н. В. Корнеев... По прибытии югославских товарищей А. И. Антонов сообщил мне, что около полуночи поедет к Сталину на «ближнюю» дачу в Кунцево.

Как рассказал Алексей Иннокентьевич позже, беседа за ужином была сердечной, но сугубо деловой. Маршал Тито имел полномочия от Национального комитета освобождения Югославии просить СССР ввести советские силы на территорию Восточной Югославии и определить основы их взаимодействия с НОАЮ. Югославские товарищи надеялись, что в ходе предстоящих действий можно будет освободить Белград. Сталин, взглянув в сторону А. И. Антонова, заметил, что Генштаб, очевидно, не будет возражать. Принципиальная договоренность о совместных операциях была, таким образом, достигнута уже тогда, а при последующих переговорах ее сформулировали в законченном виде. Верховному главнокомандующему Народно-освободительной армии Югославии рассказали о наших ближайших намерениях.

Товарищу Тито сообщили, что помощь Югославии будет оказана войсками 3-го Украинского фронта и Дунайской речной флотилии. Этого было достаточно, чтобы разгромить противника в районе Белграда. В других же местах страны НОАЮ надеялась добить гитлеровских оккупантов собственными силами. Сталин воспользовался моментом и сказал, что левому крылу 2-го Украинского фронта в ближайшие дни предстоит наступать в Венгрии через территорию Югославии. Было бы хорошо, чтобы Национальный комитет дал согласие на временное вступление туда советских войск. Того требовали интересы борьбы против общего врага. И. Тито от имени Национального комитета и Верховного штаба НОАЮ дал такое согласие»¹.

В итоге было достигнуто полное совпадение взглядов относительно взаимодействия советских войск и НОАЮ. Районом, где намечалось развернуть совместное наступление, являлась Сербия, где должны были действовать, кроме Красной Армии и НОАЮ, также войска народно-демократической Болгарии, переданные решением правительства Отечественного фронта в оперативное подчинение 3-му Украинскому фронту под командованием мар-

---

¹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. С. 196.

шала Ф. И. Толбухина. Сталин условился с И. Тито, что Советское Верховное Главнокомандование наметит общие контуры совместных операций трех армий в Югославии, исходя из обстановки на фронтах, а югославские товарищи разработают ту часть общего плана, которая их непосредственно касалась.

В Москве И. Тито встретился также с Г. Димитровым, который подробно рассказал об Отечественном фронте, новых целях народной Болгарии и ее армии. Встреча оказала большое влияние на единство действий Красной Армии, НОАЮ и болгарской армии.

Таким образом, главным вопросом в переговорах между югославскими товарищами и Советским правительством в Москве осенью 1944 г. была организация совместных операций Красной Армии и Народно-освободительной армии Югославии. Вступление советских войск в пределы Югославии коренным образом меняло стратегическую обстановку в стране, давало возможность войскам НОАЮ создать и обеспечить за собой выгодное положение для последующего полного разгрома оккупантов.

Вместе с тем Советское правительство в максимальной мере удовлетворило все просьбы НКОЮ, касавшиеся значительного усиления помощи СССР в снабжении НОАЮ, в ее реорганизации, подготовке военных кадров, направлении специалистов, с помощью которых, по словам И. Тито, была организована «мощная артиллерия, отличная авиация и танковые части»¹.

Впоследствии И. Тито рассказал о своих встречах со Сталиным в сентябре 1944 г.² следующее: «Тогда я первый раз в своей жизни встретился со Сталиным и беседовал с ним. До этого я видел его издали, как, например, на VII конгрессе Коминтерна. На этот раз у меня было несколько встреч с ним, две-три — в его кабинете в Кремле, дважды он приглашал меня к себе домой на ужин. Одним из первых вопросов, который мы обсудили, был вопрос совместных операций наших двух армий. Об этом мы беседовали в его кабинете в Кремле. Я попросил у него одну танковую дивизию, которая помогла бы нашим частям при освобождении Белграда... Сталин, согласившись с моей просьбой, сказал: «Вальтер (так меня звали и в Мо-

---

¹ *Броз Тито Ј. Изградња нове Југославије. Београд, 1948. Т. II. Књ. 2. С. 109.*

² Эти высказывания И. Тито относятся к периоду советско-югославского конфликта.

скве), я дам Вам не танковую дивизию, а танковый корпус!»

Далее мы договорились о том, какая часть Югославии будет освобождена совместными усилиями, определили районы действий их войск и наших, и сколько времени их войска будут находиться у нас. Мы условились, что они предоставляют нам в виде помощи при освобождении Белграда один танковый корпус, а затем их войска покинут Югославию, после того как будет освобожден Белград и тем самым будет укреплен их левый фланг при наступлении на Будапешт. После этого обмена мнениями мы вместе написали сообщение для печати, в котором вышеупомянутая договоренность была уточнена...

Вообще же эта первая встреча была весьма прохладной. Основная причина этого, я думаю, заключалась в моих телеграммах периода войны, особенно в той, которая начиналась словами: «Если нам не можете помочь, то хотя бы не мешайте!» Это подтвердил и Димитров, с которым я встречался сразу после первой беседы со Сталиным. Димитров мне сказал: «Вальтер, Вальтер, Хозяин был страшно зол на Вас из-за этой телеграммы... От злости топал ногами по полу». Тем самым Димитров хотел дать понять, что он по сути дела защищал меня перед Сталиным.

В ходе этой первой встречи со Сталиным царил напряженный атмосфера. Почти по всем обсуждавшимся вопросам возникала в той или иной форме полемика. Тогда я заметил, что Сталин не терпит возражений. В разговорах с окружающими его людьми он вел себя грубо, раздраженно. Из членов Политбюро ЦК ВКП(б) Сталин время от времени спрашивал мнение только Молотова, и то не дослушивал его ответы до конца, продолжая развивать свою мысль.

Я не привык к такого рода беседам, ввиду чего возникали просто неловкие сцены. Например, Сталин говорит мне: «Вальтер, имейте в виду: буржуазия очень сильна в Сербии!» А я ему спокойно отвечаю: «Товарищ Сталин, я не согласен с Вашим мнением. Буржуазия в Сербии очень слаба». Сталин замолкает и хмурится, а остальные за столом — Молотов, Жданов, Маленков, Берия с ужасом наблюдают за этим. Сталин начал затем расспрашивать об отдельных буржуазных политических деятелях Югославии, интересуясь, где они, что делают, а я ему отвечаю: «Этот подлец, предатель, сотрудничал с немцами». Сталин спрашивает о ком-то еще. Я ему отвечаю то же самое. На

это Сталин вспыхнул: «Вальтер, да у Вас все подлецы!» А я ему в ответ: «Верно, товарищ Сталин, каждый, кто предаёт свою страну, является подлецом». Сталин опять мрачнеет, а Маленков, Жданов и другие смотрят на меня исподлобья.

Так что разговор продолжался в довольно тяжелой атмосфере. Сталин начал убеждать меня в том, что надо вернуть короля Петра на престол. Мне кровь ударила в голову, как он может советовать нам такое! Взяв себя в руки, я ответил ему, что это невозможно, что у нас народ взбунтовался бы, что в Югославии король является олицетворением предательства, что он сбежал, оставив народ в наиболее трудное время, что династия Карагеоргиевичей ненавистна народу из-за коррупции и террора.

Помолчав, Сталин сказал: «Не следует возвращать его навсегда. На время, а потом, в подходящий момент, нанесете ему удар ножом в спину».

Как раз в это время в кабинет вернулся Молотов, выходящий ненадолго куда-то. В руках у него была информация какого-то западного агентства, сообщавшего, что англичане высадились в Югославию.

Я тут же вскочил: «Это невозможно!» Сталин сердито бросил: «Как невозможно! Это правда!» Я вновь повторяю Сталину, что это невозможно, видимо, агентство что-то напутало. Мы просили генерала Александера прислать нам дивизион тяжелой артиллерии, три батареи в качестве помощи нашей Четвертой армии в ее операциях в районе Мостара и Сараево. По всей вероятности, эта артиллерия поступила в Югославию, что агентство неверно истолковало как вторжение англичан в Югославию.

Сталин, погрузившись в молчание, задает мне затем прямой вопрос: «Скажите, Вальтер, что бы Вы делали, если бы англичане действительно высадились в Югославию?» Я ему ответил, что мы бы дали им самый решительный отпор. Сталин молчал. Очевидно, ему этот ответ не понравился. Может быть, он думал в тот момент о соглашениях относительно раздела сфер влияния в Югославии?

Сталин пригласил меня к себе на дачу, на ужин. Желчина в белом переднике поставила на стол в закрытой посуде различные яства, и каждый сам себя обслуживал. Здесь до глубокой ночи произносились различные тосты. Я не привык к напиткам, и для меня это было мучением. Улучив момент, я вышел на улицу, так как мне стало

глохо. Я вслух ругал себя за то, что пил, как вдруг слышу слади себя голос Берии: «Ничего, ничего, бывает»¹.

По итогам согласованных Сталиным и И. Тито в Москве решений правительство СССР еще 26 сентября 1944 г. сообщило о предстоящем вступлении советских войск в Югославию письмами Молотова правительству Великобритании через посла Великобритании в СССР А. Керра, а также правительству США через американского посла в СССР А. Гарримана. В письмах по тактическим соображениям акцент делался на то, что просьба о вступлении советских войск в Югославию исходила от советского командования, а цель такого вступления сознательно зауживалась и подчпнялась лишь интересам развития наступательной операции в Венгрии². Тем самым имелось в виду не допустить высадки войск западных союзников, прежде всего Великобритании, на Адриатическом побережье Югославии без разрешения НКОЮ, что могло бы усилить позиции югославской контрреволюции.

В таком же ключе было составлено и опубликованное 29 сентября официальное сообщение ТАСС о переговорах Сталина и И. Тито, в котором разъяснялось, что несколько дней назад советское командование обратилось к НКОЮ и Верховному штабу НОА и ПОЮ с просьбой дать согласие на временное вступление советских войск на югославскую территорию при условии, что в районах расположения частей Красной Армии, которые по выполнению своих оперативных задач подлежат выводу из Югославии, будет действовать гражданская администрация НКОЮ³.

В специальном комментарии к этому документу И. Тито подчеркивал, что «вступление советских войск на территорию Югославии происходит при последовательном уважении принципов равноправия народов, что свидетельствует об уважении Советского Союза к народу Югославии, который «никогда не ожидал, что ему кто-то подарит свободу, а сам героически сражался за свое освобождение, способствовав тем самым и победам своих великих союзников»⁴.

Разъясняя причины, в силу которых было признано желесообразным особо оттенить мысль о том, что на боевые операции в Югославии согласие дал НКОЮ, И. Тито

¹ *Dedijer V. Josip Broz Tito...* S. 383—386.

² См.: Правда. 1989. 20 октября.

³ *Broz Tito J. Sabrana djela.* Т. 23. S. 204—205.

⁴ *Ibidem.*

писал в личных пометках в связи с итогами своих переговоров со Сталиным: «Заявление показывало западным союзникам, как должны поступить и они, если хотят использовать территорию Югославии для боевых операций против немцев»¹.

После выхода Красной Армии к границам Югославии СССР получил возможность значительно увеличить материальную помощь Югославии. Уже в сентябре резко возрос ее объем. Теперь советским транспортным самолетам не приходилось преодолевать огромный и опасный путь. Вооружение, боеприпасы и другие средства направлялись НОАЮ по территории Румынии и Болгарии.

В сентябре 1944 г. ГКО несколько раз рассматривал вопросы, связанные с усилением помощи НОАЮ, принимая соответствующие постановления. Первым же из них, датированным 5 сентября, 5-й гвардейской авиадивизии, доставлявшей в Югославию самолетами оружие, боеприпасы и другое снаряжение, предписывалось передислоцироваться на аэродромы Румынии в район Крайова — Слатина для сокращения полетного пути. К концу сентября перевалочные базы грузов, предназначенных для транспортировки в районы расположения частей НОАЮ, начали функционировать в непосредственной близости от границ Югославии — в Крайове (Румыния) и Софии (Болгария).

Постановление ГКО от 7 сентября 1944 г. касалось вопросов улучшения практической работы по снабжению Народно-освободительной армии Югославии, лучшей организации подготовки в СССР кадров офицерского и сержантского состава, а также военных специалистов и переподготовки их в Югославию, в частности обучения в СССР 500 танкистов из личного состава НОАЮ. Данное постановление призвано было ускорить создание на территории СССР танковых, авиационных и артиллерийских частей Народно-освободительной армии Югославии.

Еще в конце 1943 г. по ходатайству большой группы солдат и офицеров, пассивно мобилизованных немцами на советско-германский фронт и перешедших на сторону Красной Армии, а также захваченных в плен, в Советском Союзе, с согласия и при поддержке И. Тито и И. Рибара, началось формирование добровольческой части для вооруженной борьбы против гитлеровской Германии. Первый вооруженный отряд югославских воинов, сражавшихся на советской земле плечом к плечу с Красной Ар-

¹ *Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi...* S. 156.

мией, — отдельный югославский пехотный батальон — был развернут в мае 1944 г. в 1-ю югославскую пехотную бригаду в составе более полутора тысяч человек, а в октябре 1944 г. включен в 14-й корпус НОАЮ.

С середины 1944 г. в СССР началась подготовка кадров для бомбардировочной авиации НОАЮ (соответствующее обучение прошли 70 югославских летчиков и 26 механиков). В течение августа — октября 1944 г. в СССР была сформирована танковая бригада, имевшая на вооружении 65 танков Т-34 и состоявшая из 895 югославских танкистов, обученных в СССР (эта бригада в марте 1945 г. волилась в состав НОАЮ). Подготовленные в СССР осенью 1944 г. авиационные истребительные и штурмовые полки также были переданы в распоряжение командования НОАЮ. Для укомплектования вышеназванных подразделений НОАЮ из Бари советскими самолетами было доставлено в СССР 500 человек офицерского и рядового состава танкистов, а также 500 человек летно-технического состава НОАЮ. В СССР были подготовлены и в сентябре 1944 г. отправлены в Югославию 80 радистов-югославов, снабженных радиостанциями для организации и обеспечения радиосвязи между Верховным штабом НОАЮ и ее соединениями¹.

Вернувшись из Москвы в Крайову, И. Тито несколько дней пробыл в этом городе, в штабе Ф. И. Толбухина, где работал над планом Белградской операции. Здесь 6 октября П. В. Корнеев вручил И. Тито орден Суворова I степени. Вскоре И. Тито переехал вместе с Верховным штабом НОА и ПОЮ на югославскую территорию в г. Вршац, откуда осуществлял руководство боевыми действиями частей НОАЮ по освобождению Белграда. С перемещением Верховного штаба НОАЮ в Крайову упростились связи между Красной и Народно-освободительной армиями. В те дни значительно возрос объем работы советской военной миссии. Людей явно не хватало. По просьбе югославских товарищей советские офицеры-представители были направлены в главные штабы Сербии, Хорватии, Словении и Черногории. С ними выехали радисты и технические работники.

В ночь на 29 сентября 1944 г. соединения 3-го Украинского фронта пересекли болгаро-югославскую границу. В распространенной Политическим управлением этого

---

¹ См.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. М., 1972. С. 285—286.

фронта памятке разъяснялось: «Товарищ боец, сержант, офицер! Ты вступил на территорию родной по духу и крови нам Югославии... Воин Красной Армии! Высоко и почетно имя твое в Югославии... Ты окружен любовью и уважением всего югославского народа как воин-победитель, воин-освободитель... Всегда и везде помни, что ты пришел в Югославию не для того, чтобы навязывать Югославии свои законы и порядки, а для того, чтобы настичь и уничтожить бегущих под твоими ударами немецких разбойников»¹.

После того как части Красной Армии переправились через Дунай, Михайлович через четнические штабы в Восточной Сербии попытался вступить в переговоры с командующим советскими войсками, но его предложение было решительно отвергнуто².

С целью уточнения конкретных вопросов совместных боевых действий воинов Красной Армии и НОАЮ в ходе предстоящей Белградской операции состоялась встреча Верховного главнокомандующего НОАЮ маршала И. Тито и командующего 3-м Украинским фронтом маршала Ф. И. Толбухина, получившего соответствующее указание Ставки. В течение ночи на 2 октября товарищи из Верховного штаба НОАЮ работали над планом операции. Утром Генеральный штаб в Москве получил донесение, в котором излагалось решение И. Тито. Оно предусматривало прежде всего сковать противника южнее и юго-западнее Белграда, не дать врагу перебросить отсюда силы против советских войск, для чего выделялись два корпуса НОАЮ — 12-й и 1-й. После того как противнику будет нанесено поражение, основная часть югославских войск должна была направиться непосредственно против группировки противника в Белграде, а другая повернуть на восток, чтобы содействовать войскам Красной Армии, наступавшим из района Неготина.

Командование 3-го Украинского фронта в боевом допесении от 5 октября 1944 г. доложило в Ставку ВГК о согласовании с И. Тито плана Белградской операции. Югославское командование выделило для совместных действий с советскими войсками четыре корпуса, сведенных в две армейские группы. Переданные решением правительства Отечественного фронта Болгарии под оперативное командование 3-го Украинского фронта 1, 2 и 4-я болгарские

¹ Белградская операция. М., 1964. С. 206.

² *Bilandžić D.* Historija SFRJ. Zagreb, 1979. S. 76.

армии в составе 13 дивизий и бригад должны были действовать на юге Сербии и в Восточной Македонии.

В связи с просьбой И. Тито об оказании содействия югославским войскам в предстоящих боях с воздуха ГКО своим постановлением от 22 сентября 1944 г. решил передать в распоряжение командования НОАЮ 10-ю гвардейскую штурмовую авиадивизию 2-го Украинского фронта и 236-ю истребительную авиадивизию 3-го Украинского фронта, а также один район авиационного базирования. В том же постановлении ГКО намечались мероприятия по выделению и переброске для НОАЮ вооружения, артиллерийских приборов, боеприпасов, имущества связи и горючего. Тогда же было решено предоставить НОАЮ вооружение и снаряжение для 12 пехотных и 2 военно-воздушных дивизий. Эти поставки были оформлены соглашением от 15 ноября 1944 г., которое подписали И. Тито и Ф. И. Толбухин¹. Ввиду поступления большого количества советской техники и оружия, по просьбе югославского командования, в соединения НОАЮ были направлены в качестве инструкторов 142 советских артиллериста и 48 связистов. Идя навстречу пожеланиям югославских товарищей, советские офицеры-представители были командированы в главные штабы частей и соединений НОАЮ.

Фактически Белградская операция началась 28 сентября 1944 г. действиями наших войск, вступивших на югославскую территорию и развернувших наступление.

Учитывая пожелания югославских друзей, советское командование приняло меры к тому, чтобы части НОАЮ, поддержанные нашими танками и артиллерией, первыми вошли в столицу. В результате многодневных кровопролитных боев 20 октября столица Югославии была освобождена. Об этом доложили командованию командир 4-го гвардейского механизированного корпуса гвардии генерал-лейтенант танковых войск В. И. Жданов и командир 1-го пролетарского корпуса Народно-освободительной армии Югославии генерал-лейтенант Пеко Дапчевич. Тогда же состоялся общегородской митинг. Вечером того же дня в Москве прогремел артиллерийский салют доблестным войнам 3-го Украинского фронта и войскам Народно-освободительной армии Югославии.

Советское правительство наградило орденами и медалями Советского Союза многих советских и югославских

---

¹ См.: Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1974. С. 227—228.

бойцов и офицеров, особо проявивших себя в боях за Белград, учредило медаль «За освобождение Белграда», которой были награждены все участники Белградской операции. 19 соединениям и частям 3-го Украинского фронта и дивизиону бронекатеров Дунайской военной флотилии было присвоено наименование Белградских. За мужество и храбрость, проявленные в боях при освобождении Белграда, Президиум АВНОЮ наградила югославскими орденами и медалями более 2 тыс. советских солдат и офицеров. 13 советским воинам было присвоено звание Народного Героя Югославии.

Во время боев за Белград Военный совет 3-го Украинского фронта обратился 15 октября в Генеральный штаб с предложением перерезать пути отхода немецких войск на север. Мнение командования фронта разделял Верховный штаб НОАЮ, полагая, что после взятия г. Чачак и Кралево противнику останется лишь единственный путь отхода из Албании и Греции — через Черпогорию и Сапджак на Сараево. «Дабы лишить противника этой возможности,— писал И. Тито,— считаю необходимым основные силы Белградской группы ввершить Вам войск направить через Лазаревац, Валево, Зворник, Власеница и овладеть Сараево... Для совместных действий с частями 3-го и 5-го корпусов НОАЮ по быстрейшему овладению Сараево предлагаю направить части 4-го гвардейского механизированного корпуса»¹.

Советское командование пошло навстречу этим пожеланиям и выделило в целях оказания содействия НОАЮ и отражении возможных ударов фашистских войск, отходивших из Греции, 68-й стрелковый корпус, который совместно с югославскими войсками прикрыл южные подступы к Белграду, заняв в конце ноября г. Кралево². После Белградской операции войска Красной Армии во взаимодействии с частями НОАЮ выбили врага из Воеводины, в ожесточенных боях форсировали Дунай на участке Батина — Апатин, продолжив далее стремительное наступление и направлении Будапешта и Вепы. С ноября 1944 по май 1945 г. войскам НОАЮ оказывала помощь переданная в распоряжение командования НОАЮ советская авиационная группа Героя Советского Союза А. Н. Витрука, удостоенного звания Народного Героя Югославии. Эта авиагруп-

¹ Цит. по: Штеменко С. М. Генеральный штаб во время войны. Кн. 2. С. 220—221.

² См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. IV. С. 433.

па в составе 350 штурмовиков, истребителей и других самолетов одновременно была и центром подготовки кадров для югославской авиации. Она совершила свыше 8 тысяч боевых и более 17 тысяч учебных вылетов, подготовила за 6 месяцев 276 югославских летчиков и 3408 технических специалистов. Командование группы помогло сформировать управления авиационного корпуса, 2 авиационные эскадрильи, построить 24 аэродрома и восстановить 14 разрушенных аэродромов. После войны все самолеты группы, транспорт, средства связи и техника обслуживания аэродромов были переданы ВВС Югославии.

По просьбе правительства Югославии в декабре 1944 г. советскими медработниками была создана в Югославии госпитальная база на 5 тыс. коек. Кроме того, НОАЮ было передано оборудование для семи эвакуационных госпиталей и четырех полевых госпиталей. В госпитальную базу на кораблях Дунайской военной флотилии эвакуировано 3 тыс. раненых бойцов НОАЮ. Несмотря на то что наша страна сама остро нуждалась в продовольствии, Советское правительство нашло возможность оказать в декабре 1944 г. безвозмездную помощь трудящимся Югославии хлебопродуктами¹. В связи с этим И. Тито в беседе с корреспондентом агентства Рейтер Харрисоном сказал: «Благодаря Советскому правительству и усилиям офицеров Красной Армии удалось с большим риском привезти в Югославию 50 тыс. т зерна, 17 тыс. т этого зерна завезено в Белград. Это количество обеспечит жителей города более чем на 5—6 месяцев из расчета по 400 г муки на человека в день. Принимаются меры для снабжения Белграда топливом. И опять Красная Армия пришла на помощь, предоставив транспорт для снабжения топливом населения и армии»². Советский Союз оказал также содействие в восстановлении железнодорожных и водных коммуникаций в Югославии. В начале 1945 г. Советское правительство приняло решение помочь восстановить мост через Дунай у Белграда. Моряки Дунайской флотилии очистили Дунай от многочисленных мпц, поставленных гитлеровцами.

Белградская операция была наиболее впечатляющим проявлением боевого сотрудничества народов Советского Союза и Югославии в период второй мировой войны. В одном из выступлений того времени И. Тито подчеркивал: «...с

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 25. С. 20.

² Цит. по: Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение Югославии. М., 1960. С. 142.

помощью, оказанной нашей стране... братской Красной Армией, которой мы обязаны вечной благодарностью, были быстро освобождены Сербия и Воеводина, а Белград слова мог стать центром нашей государственной и политической жизни»¹. В благодарственной телеграмме И. Тито, направленной 20 октября командующему 3-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухину, говорилось: «Прошу передать вверенным Вам войскам, действующим в направлении Белграда, следующее: «Выражаю благодарность бойцам, офицерам и генералам частей Красной Армии, которые совместно с частями НОАЮ освободили нашу столицу Белград. Ваши героизм и упорство, проявленные в ожесточенных боях по освобождению Белграда, народы Югославии всегда будут помнить как незабываемый героизм войск Красной Армии. Ваша кровь и кровь бойцов НОАЮ, пролитая в совместной борьбе против общего врага, навсегда укрепит братство народов Югославии с народами Советского Союза. Да здравствует непобедимая Красная Армия. Да здравствует великий полководец, Верховный Главнокомандующий, Маршал Советского Союза товарищ Сталин!»² В телеграмме на имя Сталина И. Тито писал в те дни: «В связи с освобождением столицы Югославии Белграда позвольте мне от имени Народно-освободительной армии и народов Югославии выразить свою благодарность Вам как Верховному Главнокомандующему великой освободительной армии, которая совместно с Народно-освободительной армией с изумительным героизмом освободила Белград. Освобождение Белграда для наших народов имеет историческое значение особенно потому, что этот измученный город является той ареной, где совместно проливали кровь сыны великого Советского Союза и народов Югославии. Этим еще раз скреплено кровное братство наших народов с народами Советского Союза»³.

С освобождением Белграда и Сербии позиции народно-освободительного движения еще больше окрепли. Был нанесен сокрушительный удар по четническому движению во главе с Михайловичем⁴, а вместе с этим и по интригам Запада и югославской реакции против народной Югосла-

¹ Сборник документов... Т. I. Кн. 1. С. 316.

² *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 24. С. 108.

³ *Ibid.* С. 108.

⁴ Правительство Великобритании предлагало Д. Михайловичу политическое убежище, но он был в марте 1946 г. арестован, предан суду и расстрелян во приговору Военного трибунала 26 июля 1946 г.

впн. Белград стал центром пребывания высших органов власти пародной Югославии — НКЮЮ и АВНОЮ, а НОАЮ обрела прочный тыл. Спустя четыре дня после изгнания фашистских захватчиков в Белград прибыл И. Тито¹. Ход событий не оставлял никаких сомнений в том, что вскоре под контролем НКЮЮ окажется вся территория Югославии.

Создававшаяся в стране новая обстановка, обусловленная тем, что в Белграде прочно обосновались верховные органы власти новой Югославии, окончательно убедила англичан в том, что осуществление в соответствии с достигнутой на англо-американской конференции в Квебеке (11—16 сентября 1944 г.) договоренности «сокращенного» балканского варианта второго фронта, предусматривавшего прежде всего создание военных плацдармов на севере Балкан, в Истрии, «не в состоянии оспорить власть пародно-освободительного движения в Югославии». Непосредственное вооруженное вмешательство западных держав в югославские дела было затруднено теперь и с точки зрения междупародно-правового прецедента, созданного советско-югославским соглашением о вступлении советских войск на территорию Югославии на основании договоренности с НКЮЮ и с его согласия. Огромный политический смысл паряду с несомненным военным значением упомянутого соглашения заключался в том, что еще раз перед всем миром было наглядно продемонстрировано, что Советское правительство рассматривает НКЮЮ в качестве подлинного правительства Югославии, как орган, осуществляющий в стране государственную власть, и оказывает ему всестороннюю поддержку, не желая ни с кем другим решать вопросы, затрагивающие интересы югославских пародов. «Теперь, — подчеркивал в своих мемуарах один из видных партийных деятелей Югославии, Р. Чолакович, — ни одна союзническая армия, если она хочет остаться союзнической, не может высадиться на нашу землю без предварительного разрешения НКЮЮ»².

В результате англо-советских переговоров в Москве в октябре 1944 г. Великобритания приняла обязательства, сводившиеся фактически к тому, что в т. н. югославском вопросе она не будет предпринимать никаких действий без согласия Советского Союза. То, что Советскому Союзу удалось добиться от Великобритании и США признания

¹ Даничевич П. За Београд. Београд, 1984. С. 230.

² Чолакович Р. Записки об освободительной войне. М., 1965. С. 762.

ли ним роли своего рода гаранта интересов новой Югославии, как бы обладающего правом вето в отношении неприемлемых для нее акций со стороны Запада, объективно имело огромное значение для югославских народов.

5 мая 1944 г. британское правительство предложило СССР заключить, говоря словами У. Черчилля, «рабочее соглашение» относительно «инициативы» и «ответственности» каждой из сторон в Балканских страпах¹. Хотя британский премьер и прикрывал свои далеко идущие замыслы заявлениями о том, что такое соглашение диктуется чисто военной необходимостью разграничения зон ответственности в операциях советских и британских войск по борьбе с гитлеровскими войсками на Балканах, Советское правительство конечно же хорошо представляло себе его истинную сущность.

Преследуемый кошмаром «большевизации Балкан» У. Черчилль, выражая 4 мая 1944 г. А. Идену свою озабоченность «коммунистическими интригами в Италии, Югославии и Греции», настаивал на разработке мер, направленных на предотвращение «распространения советского влияния», каким ему представлялась перспектива установления народно-демократической власти в странах Юго-Восточной Европы². В связи с этим он и предложил провести «откровенный обмен с русскими» относительно положения и будущего развития Юго-Восточной и Южной Европы, включая Югославию, с целью противодействия «коммунизации» Балканского полуострова³.

Получив упомянутое британское предложение, Советское правительство высказалось против сепаратных ходов, за то, чтобы вопросы координации действий между союзниками на Балканах решались совместно всеми тремя ведущими державами антигитлеровской коалиции. В связи с этим официальный Лондон вынужден был 31 мая информировать США о своем предложении. При этом У. Черчилль подчеркивал, что предлагаемое разграничение «зон ответственности» на Балканах касается только непосредственных задач предстоящего освобождения Балканских стран и ограничивается трехмесячным сроком⁴. Когда же в ходе переписки между У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом по этому вопросу выявились колебания США,

¹ См.: Переписка... Т. 1. С. 280—281, 283.

² *Churchill W. S. The Second World War. Vol. VI. P. 133—134, 475, 623.*

³ *Ibid. Vol. V. P. 623; Vol. VI. P. 63—64.*

⁴ *Ibid. Vol. VI. P. 64—69.*

Советское правительство непосредственно запросило мнение Белого дома, высказав при этом свое сомнение в возможности изменить что-либо в уже существующем положении¹. Однако в июле президент США согласился признать для этого района временную схему разделения сфер союзников по антигитлеровской коалиции, ограничив ее временными рамками в три месяца². Об этом Ф. Рузвельт уведомил британского премьер-министра 13 июня 1944 года в своем ответе на его послание от 11 июня 1944 г.³ «В соответствии с соглашением, достигнутым летом между мной и президентом,— признает У. Черчилль в своих мемуарах,— в течение трех месяцев действовала договоренность относительно раздела ответственности за различные страны, захваченные продвигающимися вперед армиями»⁴. Об этой англо-американской договоренности У. Черчилль поставил в известность Сталина 11 июля 1944 г., попросив его сообщить, не согласится ли правительство СССР «с тем, чтобы этот план был испробован в течение трех месяцев»⁵. Последовавший 15 июля ответ Сталина, сводившийся к выражению заинтересованности Советского правительства получить более определенное мнение президента США, У. Черчилль назвал «ни к чему не обязывающим»⁶. «Таким образом,— резюмировал британский премьер,— мы не смогли достичь какого-либо окончательного соглашения относительно разделения ответственности на Балканском полуострове»⁷.

Однако того, чего У. Черчиллю не удалось добиться летом 1944 г., он попытался еще раз достичь в октябре, когда был крайне обеспокоен осенним наступлением Красной Армии, особенно тем, что по мере ее приближения к Балканам «коммунизм поднимал голову за победоносным русским фронтом»⁸. В письме Комитету начальников штабов от 8 сентября 1944 г. У. Черчилль предупредил, что на-

¹ См.: Гибанский Л. Я. Дипломатическая история Висского соглашения. Тито — Шубашич // Освободительные движения на Балканах. Балканские исследования. Вып. 3. М., 1978. С. 216.

² См.: Эрман Дж. Большая стратегия (август 1943 — сентябрь 1944). С. 373—374; Эрман Дж. Большая стратегия (октябрь 1944 — август 1945). С. 110.

³ Churchill W. S. The Second World War. Vol. VI. P. 75—77.

⁴ Ibid. P. 202.

⁵ Переписка... Т. 1. С. 275; Churchill W. S. The Second World War. Vol. VI. P. 79.

⁶ Переписка... Т. 1. С. 277—278; Churchill W. S. The Second World War. Vol. VI. P. 80—81.

⁷ Churchill W. S. The Second World War. Vol. VI. P. 80.

⁸ Ibid. P. 280.

ступление Красной Армии и ее приход в Белград и Будапешт «могут иметь самые ужасные политические последствия для Центральной и Южной Европы»¹. Встревоженный такого рода перспективой, У. Черчилль стал форсировать проведение новой конференции руководителей трех великих держав, намереваясь обсудить на ней проблемы Юго-Восточной и Восточной Европы и попытаться сохранить там хотя бы частичное английское влияние.

Выражая готовность к такой встрече, президент США Ф. Рузвельт предлагал, чтобы она состоялась после президентских выборов в США (ноябрь), в конце января — начале февраля в Италии, на Сицилии. При этом он рассчитывал, что к тому времени Сталин, видимо, сможет прибыть из Москвы на Далматинское побережье Югославии поездом и добраться до конечного пункта своего путешествия через Адриатическое море на американском военном корабле². Однако У. Черчилль не был расположен ждать. Решив 27 сентября направиться в Москву для бесед со Сталиным один, он сообщил об этом двумя днями позже Ф. Рузвельту. Предложение У. Черчилля было без особого восторга воспринято официальным Вашингтоном, который считал необходимым через своего посла в СССР А. Гарримана поставить в известность Советское правительство о том, что премьер-министр Англии не уполномочен говорить от имени США³. Так, в послании Ф. Рузвельта Сталину от 5 октября подчеркивалось: «Я твердо убежден, что мы вдвоем и только вдвоем можем найти решение по еще не согласованным вопросам. В этом смысле я, вполне понимая стремление г-на Черчилля встретиться, предпочитаю рассматривать Ваши предстоящие беседы с премьер-министром как *предварительные* (курсив мой.— Ю. Г.) к встрече нас троих...» При этом Ф. Рузвельт предложил, чтобы А. Гарриман присутствовал на предстоящих встречах в качестве его наблюдателя⁴. В том же духе были выдержаны и инструкции, данные Ф. Рузвельтом А. Гарриману, в которых подчеркивалась важность того, чтобы США имели полную свободу действий после завершения этой встречи⁵.

¹ Эрман Дж. Большая стратегия (август 1943 — сентябрь 1944). С. 404.

² Harriman A. W., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946. N. Y., 1975. P. 352, 369.

³ Ibid. P. 354—355.

⁴ См.: Переписка... Т. 2. С. 171.

⁵ Harriman A. W., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. P. 355.

Отвечая Ф. Рузвельту 8 октября, т. е. за день до приезда У. Черчилля в Москву, Сталин сообщил президенту США, что решение английского премьер-министра немедленно отправиться в СССР было неожиданностью для Советского правительства, которое полагало, что это делается с согласия США: «Ваше послание от 5 октября несколько озадачило меня. Я полагал, что г-н Черчилль едет в Москву по уговору с Вами в Квебеке (курсив мой.—Ю. Г.). Оказалось, однако, что это мое предположение как будто бы не соответствует действительности. Мне неизвестно, с какими вопросами едут в Москву г-н Черчилль и г-н Иден. Мне об этом ничего не сообщали до сих пор ни тот, ни другой. Г-н Черчилль выразил желание в своем послании на мое имя приехать в Москву, если не будет возражений с моей стороны. Я, конечно, ответил согласием. Так обстоит дело с вопросом о поездке Черчилля в Москву. В дальнейшем я буду информировать Вас по мере выяснения дела после встречи с г-ном Черчиллем»¹.

У. Черчилль прибыл в Москву во второй половине дня 9 октября 1944 г. Перед визитом к Сталину в тот же вечер он выразил Гарриману свое разочарование тем, что Ф. Рузвельт отказался дать согласие на американское участие в переговорах, и пообещал держать его полностью в курсе и обеспечивать его приглашение на важные встречи². Такова краткая предыстория англо-советских переговоров, проходивших в Москве с 9 по 18 октября 1944 г., во время которых состоялся обмен взглядами по таким вопросам, как отношение к будущему Германии, польский вопрос, политика в отношении балканских государств, вопросы дальнейшей военной политики³.

Первая встреча Сталина с У. Черчиллем состоялась 9 октября в 22 часа. Уже в самом ее начале У. Черчилль, затронув по своей инициативе балканский вопрос, вновь выдвинул предложение о «разделе сфер влияния» на Балканах. «Создалась деловая атмосфера,— пишет У. Черчилль в своих мемуарах,— и я заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли Вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90% в Румынии, на то, что-

¹ Переписка... Т. 2. С. 172.

² *Harriman A. W., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin*. P. 356.

³ Переписка... Т. 2. С. 174.

бы мы занимали преобладающее положение на 90% в Греции и пополам — в Югославии?» Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал:

Румыния

Россия — 90%

Другие — 10%

Греция

Великобритания (в согласии с США) — 90%

Россия — 10%

Югославия — 50 — 50%

Венгрия — 50 — 50%

Болгария

Россия — 75%

Другие — 25%

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую галку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем пужно было для того, чтобы это написать.

Затем наступило длительное молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку». «Нет, оставьте ее себе», — сказал Сталин»¹.

Переводивший эту беседу Сталина с У. Черчиллем В. М. Бережков следующим образом воспроизвел данный эпизод: «Черчилль в моем присутствии передал записку Сталину, не говоря ни слова. Сталин принял ее, взял карандаш, поставил в верхнем углу галку и молча вернул листок У. Черчиллю. После этой политической пантомимы Черчилль предложил Сталину уничтожить бумагу, дабы, как он сказал, в будущем у историков не было оснований судить нас за то, как цинично мы распоряжались судьбами миллионов людей. Сталин ответил: «Не знаю, почему я должен ее уничтожать. Это, собственно, ваша бумага, вы с ней пришли и можете оставить ее у себя».

Возможно, предложением об уничтожении бумаги Черчилль хотел привлечь своего визави для участия в конспиративном акте — совместной ликвидации компрометирующего документа, что можно было бы потом трактовать как

¹ Churchill W. S. The Second World War. Vol. VI. P. 220.

достигнутый сговор. Но Сталин на это не пошел. И все-таки, я думаю, определенное воздействие на политическую ситуацию в послевоенной Европе встреча двух партнеров по антигитлеровской коалиции оказала»¹.

Для того чтобы реально представить себе, в какой обстановке было сделано упомянутое предложение Сталину У. Черчиллем, следует вспомнить, что к моменту его приезда в Москву Красная Армия уже находилась в Румынии и Болгарии, а также в Восточной Венгрии и Югославии. «На Балканах,— писал У. Черчилль из Москвы 12 октября советнику и специальному помощнику президента США Г. Гопкинсу,— дела ужасно запутаны. Тито, живший под нашей защитой в течение 3—4 месяцев на Висе, внезапно «скрылся», не указав адреса, но оставив караул у своей пещеры, чтобы создать впечатление, будто он все еще находится там. Он направился в Москву на переговоры, и вчера Молотов признался в этом Идену. Русские приписывают такое некрасивое поведение Тито его подозрительности, являющейся результатом его крестьянского воспитания, они сказали, что не сообщили нам об этом, идя навстречу его стремлению к секретности»². Информируя Форин оффис об этой беседе с Молотовым, А. Иден писал, что он выразил сильное недовольство «по поводу поведения маршала Тито», заявив, что «многие в Англии считают, что Советский Союз проводит свою собственную политику на Балканах, ничуть не считаясь с английской позицией»³. Видимо, желая отвести этот упрек, Молотов допустил бестактность в отношении И. Тито, заявив, что (если верить свидетельству А. Идена) «Тито является крестьянином, не разбирающимся в политике и обладающим присущей ему склонностью к секретности, не решаясь посвящать кого-либо в свои планы»⁴. Рассказывая о своей беседе с И. Тито, состоявшейся в освобожденном Белграде 27 октября 1944 г., Ф. Маклин писал в своих мемуарах: «Я был полон решимости не оставлять Тито в неведении относительно того раздражения, которое вызвал его скрытый отъезд с о. Вис... Я сказал Тито, что Черчилль был весьма оскорблен тем, как он уехал... что наибольший

---

¹ От Европы послевоенной — к Европе мирной // Проблемы мира и социализма. 1990. № 5. С. 46.

² Churchill W. S. The Second World War. Vol. VI. P. 230.

³ Roberts W. R. Tito, Mihajlović and the Allies, 1941—1945. P. 263—264.

⁴ Ibidem.

ущерб нанесло то, как он незаметно отбыл, не поставив нас в известность о своем отъезде»¹.

По свидетельству самого Ф. Маклина, И. Тито ответил на это: «Недавно Черчилль отправился в Квебек для встречи с президентом Рузвельтом, но я об этом узнал только после его возвращения оттуда. Однако это меня ничуть не обидело»².

Достигнутая в октябре 1944 г. договоренность о согласованной политике, о координации — в той мере, насколько это было возможно, — политики СССР и Великобритании в Югославии, нашла отражение в совместном англо-советском коммюнике, опубликованном 21 октября 1944 г. «Оба правительства, — подчеркивалось в нем, — согласились проводить *совместную политику* (курсив мой. — Ю. Г.) в Югославии с целью концентрации всей энергии против отступающих немцев и с целью разрешения югославских внутренних трудностей путем объединения Королевского Югославского Правительства и Национального Освободительного движения». При этом особо оговаривалось, что «право югославского народа самому решить вопрос о своем будущем государственном устройстве после войны, конечно, признается неотъемлемым»³.

По мнению английского исследователя С. Клиссольда, «предложенная У. Черчиллем сделка относительно «fifty — fifty» весьма активно и, возможно, умышленно неверно истолковывается». На его взгляд, «приблизительное равновесие между Востоком и Западом в Югославии, добиться которого хотел У. Черчилль своим предложением (к которому Сталин никогда не относился серьезно), должно было послужить *основой совместных действий и согласованной политики* (курсив мой. — Ю. Г.) между двумя наиболее тесно вовлеченными странами с цельюощрения создания объединенной Югославии»⁴.

Здесь уместно привести разъяснение, сделанное самим У. Черчиллем по этому вопросу в беседе с М. Джилласом, о котором он поведал в своих мемуарах в 1977 г. В 1951 г. между ними произошел следующий обмен репликами:

«М. Джиллас. Вы и сейчас считаете Югославию полезной?»

У. Черчилль. Я всегда так считал.

¹ Maclean F. The Eastern Approaches. P. 518.

² Ibid. P. 518—519.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 272.

⁴ Conflict Studies. 1975. N. 57. P. 9.

М. Джилас. Но Вы достигли соглашения «fifty — fifty» со Сталиным.

У. Черчилль. Да, но оно касалось не территории, а влияния»¹.

Информируя 19 октября 1944 г. Ф. Рузвельта об итогах переговоров с У. Черчиллем, Сталин акцент сделал на то, что англо-советские переговоры, в т. ч. по вопросу политики в отношении Балканских стран, велись «в целях взаимного выяснения взглядов» в сугубо предварительном плане, с тем чтобы на предстоящей встрече «большой тройки» «принять определенные решения по всем неотложным вопросам, представляющим для нас общий интерес»². В ориентировке НКВД послу СССР в Великобритании от 21 октября 1944 г. разъяснялось: «По поводу Югославии договорились о том, что оба правительства будут проводить здесь совместную политику. У англичан имелись опасения насчет усиливающегося советского влияния в Югославии. Мы стремились рассеять эти опасения, объясняя, что не считаем правильной политику советизации Югославии, но вместе с тем подчеркивали важность правильной оценки народно-освободительной борьбы югославских национальных сил во главе с маршалом Тито и важность объединения всех демократических национальных сил Югославии»³.

Как свидетельствует в своих мемуарах А. Гарриман, У. Черчилль «отрывочно», «с чувством вины» и «задержкой в несколько дней» решился посвятить его «в свое странное предложение Сталину»⁴. «Я не понимаю сейчас и не думаю, что понимал тогда, — писал он далее, — чего именно хотел добиться У. Черчилль своими процентами. Мне известно, что он хотел иметь свободу действий в Греции при поддержке США, он также хотел участвовать в создании нового югославского правительства (курсив мой. — Ю. Г.), объединяющего эмигрантское правительство, находившееся в Лондоне, с Тито и его сторонниками. Черчилль, безусловно, знал, что президент Рузвельт

¹ *Djilas M. Wartime*. P. 432.

² Переписка... Т. 2. С. 174.

³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 209.

⁴ А. Гарриман на первой беседе У. Черчилля и И. В. Сталина не присутствовал, в связи с чем в своих мемуарах он отметил, что «У. Черчилль при описании этой встречи ошибочно упоминает его в числе ее участников» (*Harriman A. W., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin*. P. 356).

инстаивал на том, чтобы он не был связан чем бы то ни было и чтобы принятие любых решений было отложено до того, как они встретятся втроем. Интересно, что, когда они встретились в Ялте, вопрос о процентах вообще не поднимался»¹. Как подтверждает А. Гарриман, Сталин твердо стоял на той точке зрения, что «все важные вопросы должны решаться «большой тройкой». По его свидетельству, когда на обеде 10 октября он напомнил об этом мнении президента Ф. Рузвельта, Сталин ответил, что он рад слышать это, и, протянув за спиной У. Черчилля руку, пожал руку А. Гарриману².

В последующей переписке У. Черчилля со Сталиным британский премьер неоднократно ссылался на договоренность о проведении «совместной политики», в частности в Югославии. Так, в связи с таким напоминанием У. Черчилля 3 декабря 1944 г. Сталин ответил 14 декабря 1944 г. следующее: «Я подтверждаю Ваше заявление, что Советское и Британское Правительства договорились в Москве о проведении, поскольку это возможно, *совместной политики* (курсив мой.— Ю. Г.) в отношении Югославии»³. Сетования же У. Черчилля в его послании Сталину от 28 апреля 1945 г. о том, что «ход событий в Югославии таков, что я не чувствую соотношения интересов наших стран, как 50% к 50%», что «маршал Тито стал полнейшим диктатором», заявившим, что «он предан в первую очередь Советскому Союзу», Сталин фактически проигнорировал, сделав акцент на то, что «югославский пример... показывает путь наиболее целесообразного и практического решения вопроса об образовании нового Объединенного Правительства, когда в качестве базы берется правительственный орган, осуществляющий в стране государственную власть»⁴.

Оценивая договоренность Сталина и У. Черчилля о проведении совместной политики в Югославии, Э. Кардель писал в мемуарах, изданных в 1981 г.: «Я лично убежден, что эта поддержка Сталиным Черчилля представляла собой больше маневр, который согласовывался с дальнейшим развитием революции в Югославии, но который в тот период, в ходе дальнейших переговоров по вопросу соглашения между лондонским королевским правительством и на-

¹ *Harriman A. W., Abel E. Special Envoy to Shurchill and Stalin.* P. 358.

² *Ibid.* P. 357.

³ Переписка... Т. 1. С. 330.

⁴ Там же. С. 393, 400—401.

шим революционным правительством, не паносил нам непосредственного ущерба»¹. Касаясь данного вопроса, М. Джплас подчеркивал в своих воспоминаниях: «Никто из членов нашего руководства не усматривал тогда ничего неуместного или даже неприятного в этом. Мы понимали эту договоренность как пейтрализующую британское вмешательство, т. е. как отдающую Югославию во власть внутренних сил; мы же были уже не только доминирующей, но почти единственной силой в стране. В отношении формулы «fifty — fifty» мы исходили из того, что Советский Союз, считаясь с реальной практикой капиталистических великих держав, просто заимствовал их методы во имя высоких конечных социалистических целей»².

Глава 4 Иосиф против Иосипа

§ 1. СТАЛИН: «ТИТО ВОВСЕ НЕ ДИКТАТОР»

С началом Белградской операции И. Тито 15 октября 1944 г. пересек из Крайовы на югославскую территорию в г. Вршац, а затем перебрался в Панчево. Первоначально его прибытие в столицу намечалось на 23 октября, однако по совету С. Жуйовича, сообщившего, что в городе пока нет электричества и не налажено водоснабжение, проезд был отложен на 25 октября. На это решение повлияло и то, что 23 октября подорвался на фашистской мине и затонул в Дунае вместе с пассажирами катер, на котором следовал в Белград член Политбюро ЦК КПЮ И. Милутинович. Было признано целесообразным, чтобы И. Тито прибыл из Панчево в Белград на советском катере. Генерал-лейтенант Шадрин, отвечавший за безопасность И. Тито в Крайове и Вршаце, 25 октября доложил Ф. И. Толбухину, что операция по переезду Верховного главнокомандующего НОАЮ, Председателя ИКЮЮ в Белград прошла успешно. И. Тито поселился в двухэтажной вилле, расположенной по улице Румынской, № 15 (после 1948 г. переименована в Ужицкую), — наиболее крупном и комфорта-

большом здании живописного пригорода Белграда под названием Дединье. До войны оно принадлежало сербскому богачу Ацевичу, в период войны в нем проживал немецкий губернатор по экономическим вопросам Нойхаузен, а сразу после освобождения Белграда некоторое время здесь размещался штаб 1-го пролетарского корпуса НОАЮ генерал-лейтенанта Пеко Дапчевича.

Спустя несколько дней после возвращения в Белград И. Тито, осмотрев в лесистой части Дединье королевские дворцы, отдал распоряжение отреставрировать их. Дворец короля Александра, известный как Старый дворец, был построен в т. н. сербско-византийском, или балканском, стиле. Дворец же принца Павла, названный Белым дворцом, был выстроен в неоклассической традиции. Он был более светлым, выглядел современнее. Этим, видимо, объясняется то, что после ремонта И. Тито въехал именно в Белый дворец, в то время как Старый дворец стал использоваться в качестве резиденции для иностранных гостей, а также для проведения наиболее важных заседаний ЦК КПЮ. По свидетельству М. Джиласа, «в те первые несколько послевоенных лет Тито проводил большую часть рабочего дня в Белом дворце, а жил на вилле по улице Румылской»¹.

В течение первой недели пребывания И. Тито в освобожденном Белграде были завершены начатые им в Вршаце переговоры с прибывшим туда 21 октября И. Шубашичем. Соглашение между ними, представлявшее собой конкретизацию Висского соглашения от 16 июня 1944 г., было подписано 1 ноября 1944 г. Разъясняя его смысл, И. Тито подчеркивал 15 ноября 1944 г.: «Чтобы избежать королевского правительства, мы достигли договоренности о назначении королем 3-х предложенных нами регентов, которые будут выполнять функции до тех пор, пока народ на выборах в Учредительное собрание не скажет своего слова о форме правления. Посты главы правительства, а также руководителей большинства министерств будут в наших руках. Поскольку союзники — Англия, Советский Союз и Америка — настаивали на едином правительстве, то мы создаем его при условии, что оно будет признано всеми союзниками. К его формированию мы приступим, когда получим гарантии от союзников о его признании»². Это соглашение, хотя и носило компромиссный характер, отвечало национальным ин-

¹ *Djilas M. Tito. The Story from Inside.* N. Y.; L., 1980. P. 93—94.

² *Broz Tito J. Sabrana djela.* T. 24. S. 223.

тересам народной Югославии. Главный его итог состоял в том, что в обмен на частичный допуск к власти югославская буржуазия пошла на признание всех революционных изменений, происшедших в Югославии в годы войны. Тем самым революционно-демократические силы, сохраняя главные рычаги власти в своих руках, смогли добиться признания новой Югославии западными союзниками.

Текст соглашения между И. Тито и И. Шубашичем был доведен до сведения правительств Советского Союза и Великобритании. По свидетельству Ф. Маклина, У. Черчилль, принимая проект соглашения, «не проявил особого энтузиазма к нему или, вернее, к Тито, который вызвал его неудовольствие тем, что бесцеремонно «скрылся» с о. Вис в сентябре»¹. «Вернувшись в Белград,— пишет он далее,— глава английской миссии постарался сообщить Тито о том раздражении, которое вызвало в Лондоне его поведение, а также о том ущербе, который был нанесен этим англо-югославским отношениям»².

Со стороны Великобритании было выражено недовольство, в частности, тем, что в соглашении не говорилось о расширении АВНОЮ за счет представителей буржуазных партий³. Считая НКОЮ «временным и неустоявшимся правительством», США 23 декабря 1944 г. выразили британскому правительству свои опасения по поводу того, что компромиссное соглашение Тито — Шубашич в том виде, в каком оно было заключено, не даст каких-либо преимуществ югославской буржуазии⁴. Поэтому Великобритания и США встали на путь затяжек и проволочек с проведением в жизнь этого соглашения, ловко используя в этих целях короля Петра, отказавшегося утвердить упомянутое соглашение⁵.

Британское правительство, очевидно, рассчитывало также, что ему удастся добиться большей уступчивости со стороны НКОЮ в результате высадки английских войск в Греции. В дополнение к операции вступления на юго-

¹ *Maclean F.* The Heretic. P. 252.

² *Ibidem.*

³ *Plenča D.* Međunarodni odnosi... S. 340.

⁴ Congressional Record. Proceedings and Debates of the Congress. Washington, 1957. 6 January.

⁵ Небезынтересно привести в этой связи мнение Ф. Рузвельта о короле Югославии Петре II, которое он высказал в беседе со своим сыном: «Что же можно о нем думать? Ведь это просто мальчик: все, что он говорит, придумано за него другими» (*Рузвельт Э.* Его глазами. М., 1947. С. 156, 159—160).

славскую территорию через Истрию, на что имелось согласие США, У. Черчилль в конце октября — ноябре 1944 г. стал вновь добиваться высадки англо-американских войск на Адриатическом побережье Югославии, используя такие порты, как Сплит, Дубровник и Задар. Возможность наступления в районах, прилегающих к Адриатическому морю, обсуждалась 8 октября в Неаполе на совещании командования союзными силами на средиземноморском театре с участием У. Черчилля¹. Но особенно активно У. Черчилль стал форсировать проведение этой десантной операции в конце октября. Он прибыл 21 октября в Неаполь, где поручил разработать конкретный план такой операции. Не скрывая своего разочарования «медлительными и неуклюжими методами» командования на Средиземном море, У. Черчилль 30 октября заметил по поводу составленного им плана: «Абсурдность всех планов, разрабатываемых командованием средиземноморского театра, заключается, в частности, в утверждении, что если они начнут высадку в феврале, то у них еще якобы будет время добиться каких-то успехов»². При этом У. Черчилль продолжал настаивать на важности подготовки на Адриатике «операции большего масштаба»³ и осуществлении ее гораздо раньше февраля, явно имея в виду использовать эту демонстрацию силы для подкрепления политической поддержки со стороны официального Лондона югославской реакции. Однако к середине ноября обстановка на Балканах изменилась к худшему, поскольку немецким войскам частично удалось восстановить свой контроль в западных районах Югославии. В условиях, когда «до решающей победы Красной Армии под Будапештом... нельзя было ожидать общего отступления немцев с юга Балкан к австрийской границе», англичане сочли, что «пробиться вдоль побережья Далмации к Флуме (сейчас Риска.— Ю. Г.) и Триесту будет весьма трудно»⁴. Тем не менее они все же предприняли попытку начать наступательные действия на югославской территории, используя для этого высаженный 28 октября в Дубровнике для обслуживания небольшого числа полевых орудий, переданных англичанами НОАЮ, десантно-диверсионный отряд под командованием бригадира Генри Флой-

¹ См.: *Эрман Дж.* Большая стратегия (октябрь 1944 — август 1945). С. 59.

² Там же. С. 63.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 64.

ди¹. Однако это вызвало резкие возражения руководства НКОЮ и командования НОАЮ, в результате чего 25 ноября отряду, который в это время действовал уже в глухие территории Югославии, было приказано немедленно отойти в район Дубровника². При этом с югославской стороны было заявлено, что, в отличие от Советского Союза, с которым у НКОЮ имеется соглашение о временном вступлении советских войск на территорию Югославии, с Великобританией и США никакого подобного соглашения не заключалось. По свидетельству английского историка Дж. Эрмана, «после длительного периода неопределенности, во время которого местные власти часто выражали англичанам свое недовольство и открытую неприязнь, в середине января 1945 г. этот отряд был отозван из Югославии»³.

Этот инцидент послужил поводом для прямого обращения У. Черчилля к И. Тито с демаршем в связи с отказом представителей НОАЮ от сотрудничества с английскими вооруженными силами⁴. Подтверждая, что «Советское и Британское Правительства договорились в Москве о проведении, поскольку это возможно, совместной политики в отношении Югославии», Сталин ответил У. Черчиллю 14 декабря следующее: «Прежде чем высказать свое мнение по затронутым Вами вопросам в пос-

---

¹ В соответствии с разрешением И. Тито от 21 октября 1944 г. англичане получили право высадить в Дубровнике 3 батареи, 12 орудий, а также 500 солдат. Однако фактически в его районе высадились 43-й десантно-диверсионный отряд, дивизион полевой артиллерии, морская батарея и инженерные части. В связи с этим И. Тито, отмечая, что в Дубровнике находится больше английских войск, чем было разрешено, что они берут под защиту усташей и четников, парализуя деятельность органов народной власти, запросил 19 ноября 1944 г. штаб ВМС НОАЮ: «Немедленно сообщите, сколько имеется англичан в Дубровнике и в соответствии с чьим разрешением». 21 ноября штаб ВМС доложил И. Тито, что в Дубровнике расквартировано в 4 раза больше английских солдат, которые «ведут себя очень плохо, напиваются, избивают военнослужащих НОАЮ, разбивают витрины, защищают врагов народа». 23 ноября И. Тито приказал штабу 8-го корпуса НОАЮ прочно взять власть в свои руки (см. *Broz Tito J. Sabrana djela*: Т. 24. S. 23, 24, 251—252). Как отмечал в своих мемуарах уполномоченный НКОЮ по иностранным делам И. Смодлака, англичане держали возле Дубровника «5 тыс. своих артиллеристов (без дела), и то время как им маршал (Тито) разрешил высадить только 3 тыс. человек» (цит. по: *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 71).

² См.: Эрман Дж. Большая стратегия (октябрь 1944 — август 1945). С. 65.

³ Там же. С. 64—65.

⁴ Перевиска... Т. 1. С. 454.

лаши на имя маршала Тито, я хотел бы получить мнение самого маршала Тито по этим вопросам... Надеюсь, что Вы сможете договориться с маршалом Тито и что Вы поддержите достигнутое между ними и г-ном Шубашичем соглашение»¹.

Свою положительную оценку этого соглашения Советское правительство дало еще на состоявшихся 24—25 ноября 1944 г. переговорах Сталина с Э. Карделем и И. Шубашичем, прибывших в Москву, чтобы проинформировать о достигнутом 1 ноября 1944 г. соглашении между НКОЮ и эмигрантским правительством. Сообщая У. Черчиллю о результатах этих переговоров, Сталин писал 24 ноября 1944 г. следующее: «В беседе выяснилось, что соглашение, которого достигли маршал Тито и Шубашич об организации объединенного югославского правительства, может принести пользу Югославии и не следует откладывать проведение в жизнь этого соглашения... Теперь, когда Белград освобожден от немцев, а югославы — и сербы, и хорваты, и словенцы и другие — готовы объединиться и работать вместе, поддержка этих объединенных усилий народов Югославии со стороны наших правительств будет новым ударом по гитлеровцам и немало поможет общему делу союзников»².

Первоначально, по свидетельству Э. Карделя, речь шла о том, чтобы с И. Шубашичем в Москву приехал И. Тито для совместного доклада Сталину об итогах своих переговоров. Однако И. Тито, сославшись на свою большую занятость, воздержался от такой поездки, направив в Москву своего заместителя по НКОЮ Э. Карделя в сопровождении главы военной миссии в Великобритании В. Велебита³. Можно полагать, что такое решение И. Тито было вызвано тем, что незадолго до этого, в конце октября 1944 г., между ним и Сталиным произошла неожиданная размолвка в связи с высказанным с югославской стороны недовольством «отдельными инцидентами и неправильными поступками некоторых офицеров и солдат Красной Армии в Югославии»⁴. Касаясь этого вопроса, М. Джилас в своих воспоминаниях рассказал, что И. Тито, пригласив Н. В. Корнеева на беседу, на которой при-

¹ Переписка... Т. 1. С. 330.

² Там же. С. 317.

³ *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 65, 69.

⁴ *Krzavac S., Markovic D. Informbiro: Sta je to? Jugoslavija je rekla «ne».* Beograd, 1976. S. 48—49, 98.

существовали он, А. Рапкович, Э. Кардель, К. Попович и Н. Дапчевич, «в исключительно мягкой и вежливой форме»¹ обратил внимание главы советской военной миссии на такого рода факты. В ответ на это Н. В. Корнеев, оспарив правдоподобность сказанного И. Тито, заявил, что «отдельные изолированные факты преувеличены реакционерами». Тогда, по признанию М. Джиласа, в разговор вмешался он, заявив, что «наши враги используют это против нас, сравнивая поступки красноармейцев с поведением английских офицеров, которые не замешаны в таких эксцессах»². На замечание М. Джиласа Н. В. Корнеев отпарировал следующей репликой: «Я решительно протестую против оскорбительного сравнения Красной Армии с армиями капиталистических стран»³. Стремясь избежать возможных недоразумений, И. Тито решил 29 октября 1944 г. обратиться напрямую к Сталину с личным письмом по этому вопросу. Изложив его существо, И. Тито пояснил, что «многочисленные неблагоприятные поступки отдельных солдат и офицеров Красной Армии с горечью воспринимаются нашей армией и нашим народом, поскольку они обожают Красную Армию, идеализируют ее... Я боюсь, что различного рода недруги могут использовать это в своих целях, т. е. против Советского Союза и нашего народно-освободительного движения»⁴. При этом он поставил Сталина в известность о том, что объяснил все Н. В. Корнееву, попросив его проинформировать Москву с тем, чтобы были приняты меры, направленные на «устранение даже малейших причин, способных нанести ущерб отношениям с нашим народом»⁵. Подчеркнув, что «урегулирование этих вопросов важно с политической точки зрения, поскольку мы считаем, что штабы Красной Армии не должны вмешиваться во внутренние, политические вопросы Югославии», И. Тито закончил письмо следующими словами: «Я и мои товарищи считаем своей первейшей обязанностью сделать все, чтобы никакая сила не смогла омрачить те любовь и доверие, которые питают наши народы к Советскому Союзу»⁶. Сталин не заставил долго ждать с ответом. 31 октября 1944 г. в ответной телеграмме на имя И. Тито он писал: «Я понимаю трудности вашего положе-

¹ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 88.*

² *Djilas M. Wartime. P. 421.*

³ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 88.*

⁴ Цит. по: *Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi... S. 168.*

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Ibidem.*

ния после освобождения Белграда. Вы должны знать, что Советское правительство, несмотря на колоссальные жертвы и потери, делает все возможное и невозможное, чтобы помочь вам. Но меня поражает тот факт, что отдельные инциденты и проступки отдельных офицеров и солдат Красной Армии у вас обобщаются и распространяются на всю Красную Армию. Так не может оскорбляться армия, которая помогает вам изгонять немцев и которая обливается кровью в боях с немецкими захватчиками. Не трудно понять, что в семье не без уроды, но было бы странно оскорблять всю семью из-за одного уроды. Если бы красноармейцы узнали, как товарищ Джилас и те, кто не дал ему отпора, считают, что английские офицеры в моральном отношении выше советских офицеров, они бы ахнули от такого незаслуженного оскорбления»¹.

Можно полагать, что этот обмен письмами между пимя, а также решение И. Тито воздержаться от поездки в Москву, наложили отпечаток на характер состоявшейся 22 ноября 1944 г. беседы Сталина с И. Шубашичем и Э. Карделем. Это, кстати, признает в своих мемуарах и Э. Кардель. Пытаясь объяснить «агрессивность», проявленную Сталиным в отношении НОД в ходе этой беседы, он высказал предположение о том, что в значительной мере она была «и следствием того факта, что Тито не приехал вместе с И. Шубашичем на переговоры с пим»². По его словам, в беседе Сталин не преминул упрекнуть югославских «высших руководителей» в «клевете на Красную Армию». Считая, что в вопросе о судьбе короля и эмигрантского правительства можно было действовать более гибко, Сталин, по утверждению Э. Карделя, назвал позицию югославского руководства «сектаптской», сославшись в качестве иллюстрации правильного решения вопроса о монархии на прецедент с «румынским королем Михаем»³. Коснувшись договоренности с У. Черчиллем о совместной политике в Югославии, Сталин заявил, что «следует считаться и с единством антигитлеровской коалиции», добавив при этом: «Вы не одни и поэтому не можете поступать, как будто бы вы одни». Понимая упомянутую советско-английскую договоренность не как «какое-то разделение влияния на внутреннюю обстановку в Югославии, а как разделение влияния на урегулирование международ-

¹ Цит. по: Krzavac S., Markovic D. Informbiro: Sta je to?.. S. 98—99.

² Kardelj E. Borba za priznanje... S. 69.

³ Ibidem.

ного положения Балканских стран», Э. Кардель, по его словам, отметил, что «Югославия готова идти на определенную жертвы в интересах единства антигитлеровской коалиции, в чем она в одинаковой степени, как и другие члены этой коалиции, заинтересована, но весь вопрос, в каких пределах. Мы не можем делать уступки, которые наш народ не понял бы и не поддержал»¹. На это Сталин, махнув рукой, ответил: «Конечно, надо слушать народ, но надо уметь и убеждать его. Если бы вы постарались убедить его, то ваш народ понял бы, чего вы хотите, и поддержал бы вас»².

У Э. Карделя сложилось впечатление, что Сталин построил весь разговор таким образом, чтобы его высказывания «как можно больше понравились И. Шубашичу, имея в виду, что он передаст их У. Черчиллю»³. Видимо, с этим были связаны и его несправедливые упреки в адрес НОАЮ, прищипавшие ее военные усилия в борьбе с фашизмом, хотя, как было показано выше, он высоко ценил этот вклад. Так, когда Э. Кардель в ответ на соответствующий вопрос сказал, что в рядах НОАЮ состоит 300 тыс. человек, Сталин заявил: «Каких 300 тысяч? Знаю я эти ваши партизанские цифры. И у нас были такие случаи в Белоруссии и на Украине: когда мы спрашивали командиров наших партизанских отрядов, какова их численность, они докладывали, что располагают 3 тыс. человек, по стоило нам послать туда для руководства ими офицеров, то оказывалось, что их было максимум несколько сот, а то и меньше человек. Кроме того, ваши партизаны слабо сражаются. Не нюхали пороху. Посмотрите на болгар, вот это настоящая армия!»⁴

В то же время в отсутствие И. Шубашича Сталин, по свидетельству Э. Карделя, «интересовался И. Тито, проявляя заботу о нем», «с озабоченностью спрашивал, действительно ли Тито разрешил высадку ограниченного контингента западных войск в Дубровнике», советовал разрешить королю вернуться в страну, а потом утратить его. «Что вы так переживаете по этому вопросу? — говорил он Э. Карделю. — Да этого короля позднее вы сможете утратить, когда захотите»⁵.

По возвращении в Белград Э. Кардель проинформиро-

¹ *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 67—68.

² *Ibid.* S. 68.

³ *Ibid.* S. 66.

⁴ *Ibid.* S. 67.

⁵ *Ibid.* S. 70.

вал И. Тито, других югославских руководителей об этой беседе со Сталиным. Хотя она и вызвала у них определенную обеспокоенность, однако общий вывод сводился к тому, что речь идет «все же только о маневрировании». «Мы были уверены, что Сталин различными маневрами, с помощью которых он боролся с западными державами, хочет оказать нам помощь... Тем более что наши отношения, в том числе экономические, развивались относительно нормально...»¹ Внешне ни с той, ни с другой стороны какие-либо признаки недовольства тогда не проявлялись. В телеграмме по случаю 65-летия Сталина И. Тито считал уместным подчеркнуть 21 декабря 1944 г.: «Наши народы понимают, как много они обязаны Вам за вашу заботу и помощь при освобождении нашей пострадавшей страны от фашистских захватчиков»².

В конце 1944 г.— начале 1945 г. между НКОЮ и Советским правительством выявились также определенные несовпадения точек зрения и в связи с предложенным о создании федерации на Балканах (ее характере и сроках создания), высказанной, как следует из югославских источников, Сталиным в его беседе с И. Тито в конце сентября 1944 г. С начала декабря 1944 г. эта идея — традиционная для революционного движения на Балканах, в свое время поддерживавшаяся Коминтерном и рассматривавшаяся им как средство разрешения национальных противоречий между Балканскими странами, стала предметом активного обсуждения между югославскими и болгарскими руководителями³. В соответствии с югославо-болгарской договоренностью об «осуществлении в как можно более короткие сроки федерации южнославянских народов», достигнутой после заключения 5 октября 1944 г. в Крайове соглашения между НКОЮ и правительством Отечественного фронта Болгарии «о военном сотрудничестве в борьбе против общего врага, немецких оккупантов», стороны в течение ноября 1944 г. обменялись проектами соглашений о создании югославо-болгарской федерации⁴. Первоначально имелось в виду заключить соответствующее соглашение еще до конца 1944 г. В новогодней те-

¹ *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 72—73.

² *Broz Tito J. Sabrana djela.* T. 25. S. 134.

³ См.: СССР — Югославия: год 1948-й. Правда. 1990. 6 марта; Подробно сюжет о балканской федерации рассматривается Л. Я. Гибианским в статье «У начала конфликта: балканский узел» // *Рабочий класс и современный мир.* 1990. № 2. С. 171—185.

⁴ *AVNOJ i revolucija...* S. 827, 828—830; *Broz Tito J. Sabrana djela.* T. 25. S. X; T. 24. S. 18.

программе на имя главы правительства Болгарии К. Георгиева И. Тито писал: «Мы хотим, чтобы 1945 г. стал так же годом создания нерушимых братских связей между болгарским народом и нашими народами»¹.

Однако в ходе визита Э. Карделя в Софию с 22 по 24 декабря 1944 г. выявились различные представления сторон о характере такой федерации. В середине января 1945 г. эти вопросы стали предметом югославо-болгаро-советских консультаций в Москве (Сталин — Г. Димитров — М. Пьяде). Как выяснилось, к тому времени основные разногласия между Югославией и Болгарией преодолеть не удалось. По словам возглавлявшего югославскую делегацию на переговорах в Москве М. Пьяде, она отстаивала ту точку зрения, что «Болгария может быть лишь одной из семи федеральных единиц» в то время как болгарская делегация продолжала высказываться за «дуалистическую федерацию»². Поскольку правительство Великобритании (она являлась наряду с СССР и США членом Союзной контрольной комиссии в Болгарии), узнав о ведущихся между Югославией и Болгарией переговорах, наложило фактическое «вето» на какие-либо соглашения с Болгарией до заключения мирного договора с ней. Итак, 26 января 1945 г., ссылаясь на сохраняющийся до подписания мирного договора статус Болгарии как страны, воевавшей до сентября 1944 г. на стороне стран «оси», британское правительство сообщило, что оно «не одобрит создания федерации или конфедерации только между Болгарией и Югославией»³. На состоявшихся в Москве югославо-болгаро-советских переговорах было условлено подготовить вместо договора о федерации проект соглашения о югославо-болгарском политическом, военном и экономическом сотрудничестве. Выступая 12 мая 1945 г., И. Тито говорил относительно перспектив создания югославо-болгарской федерации: «С болгарамы мы стремимся укрепить, а у них тоже такое же желание, отношения братства и единства. Нас с болгарамы объединяют более глубокие стремления, которые мы хотели бы осуществить,

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 25. С. 160.

² AVNOJ i revolucija... С. 830; *Kardelj E. Borba za priznanje...* С. 103; *Dedijer V. Novi prilozi...* Т. 3. С.324—325.

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Сб. документов. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1984. С. 152—153. 223, 235, 262; см. об этом также: СССР — Югославия: 1948 г. // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 28—29.

но нам не позволяют англичане и американцы. Ну, хорошо, сейчас мы не будем. Но никто не может помешать нам в этом... Мы будем делать так, чтобы и болгарский народ был счастлив так же, как и мы, когда однажды объединимся в государстве южных славян»¹.

Несмотря на критическое отношение Сталина к тактической линии руководства НКОЮ по вопросу о ликвидации монархии, тем не менее в практических своих действиях он активно поддерживал И. Тито, давая У. Черчиллю недвусмысленно понять, что в случае торпедирования соглашения Тито — Шубашич как следствие обструкции со стороны короля Петра II Советский Союз признает новое правительство, которое может быть сформировано И. Тито в Белграде, либо же признает в качестве такового НКОЮ². Такая возможность обсуждалась Сталиным в переписке с И. Тито. 13 января 1945 г. он сообщил свое мнение И. Тито, что «если соглашение с Шубашичем не будет проведено в жизнь, следует подождать с провозглашением НКОЮ в качестве временного правительства до февраля», а 19 января он согласился с мнением И. Тито о необходимости переезда правительства Шубашича в Белград³. В своих телеграммах от 13 и 16 января на имя У. Черчилля Сталин твердо настаивал на том, чтобы введение в действие упомянутого соглашения ни под каким предлогом не откладывалось, чтобы при этом не допускались никакие оттяжки⁴. Реально считаясь с возможностью такого рода односторонних действий Советского Союза в пользу НКОЮ, У. Черчилль не случайно пытался в послании на имя Сталина от 23 января заручиться его согласием в отношении того, чтобы до сформирования объединенного правительства «никакое правительство, образованное одним лишь королем Петром или *одним лишь маршалом Тито, не было признано*» (курсив мой. — Ю. Г.). В ответ Сталин вновь высказался за введение в действие соглашения Тито — Шубашич «без дальнейших оттяжек», подчеркнув, что «три великие державы должны признать это объединенное правительство... что не следует делать каких-либо оговорок в связи с осуществлением этого плана»⁵. Тот факт, что Советский Союз постоянно оказывал сдерживающее влияние на западные державы, по

¹ Dokumenti o spoljnoj politici SFRJ. 1945. Beograd, 1984. S. 47.

² Smodlaka J. Partizanski dnevnik. Beograd, 1972. S. 221.

³ Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi... S. 177.

⁴ См.: Переписка... Т. 1. С. 344, 345.

⁵ Там же. Т. 1. С. 349.

рва признавал Ф. Маклин, считая, к примеру, что «русские могут внезапно лишить паши паруса ветра тем, что признают Тито независимым от американцев и нас»¹.

Серьезной поддержкой руководства НКОЮ явились итоги пребывания в СССР делегации во главе с А. Хебрангом, занимавшим тогда пост министра промышленности, и состав которой входили пачальник Генерального штаба Югославской армии А. Йованович, а также министр культуры Сербии Митра Митрович (первая жена М. Джиласа, — Ю. Г.). Прибыв в Москву 14 января, члены делегации сразу же приступили к переговорам с представителями соответствующих советских ведомств по вопросу расширения материальной помощи СССР новой Югославии. Спустя три дня руководитель делегации А. Хебранг смог уже сообщить И. Тито: переговоры проходят «благоприятно», в принципе решен вопрос о поставках оружия и оказании помощи в повышении боеспособности НОАЮ, ведутся также торговые переговоры². Делегацию принял Сталин. В своих мемуарах М. Джилас утверждал, что в ходе пребывания этой делегации в СССР в адрес отдельных югославских руководителей с советской стороны высказывались критические замечания, которые были направлены главным образом против Тито. Его упрекали в том, что он «был больше озабочен восстановлением королевских дворцов, чем военными операциями, слабо разбирается в военных и экономических вопросах»; отмечалось также, что в Югославии «слишком преувеличивается его личность». Ссылаясь на рассказ М. Митрович, М. Джилас утверждал, что Сталин со слезами на глазах сокрушался по поводу его (М. Джиласа) «выпада» против Красной Армии — «армии, которая прошла тысячи километров, не щадила своей крови ради вашего освобождения — и эта самая армия была подвергнута критике не кем иным, как Джиласом, Джиласом, которого я так хорошо принял!»³

Однако эти разногласия в позициях Советского Союза и новой Югославии по упомянутым вопросам не сказались на объеме советской помощи НОАЮ. Начатая с февраля 1945 г. массовая передача ей советского и захваченного Красной Армией трофейного оружия позволила полностью вооружить и оснастить 20 ее пехотных дивизий,

¹ *Maclean F. The Eastern Approaches. P. 468.*

² *Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi... S. 178.*

³ *Djilas M. Wartime. P. 428—429.*

несколько полков связи, инженерные и автомобильные части. На этот счет было особое постановление Государственного Комитета Обороны от 10 февраля 1945 г.¹ Выступая на Третьей сессии АВНОЮ 8 августа 1945 г., И. Тито отмечал: «С освобождением Белграда у нас появилась возможность провести всю необходимую подготовку к военным операциям более крупного масштаба, ибо наша армия, благодаря помощи Советского Союза, стала теперь в техническом отношении гораздо сильнее, мы смогли провести также мобилизацию новых воинов»².

Поддержка Советским Союзом новой Югославии на Ялтинской конференции руководителей трех союзных держав (4—11 февраля 1945 г.) способствовала ускорению реализации белградского соглашения Тито — Шубашич. На этой конференции советская делегация во главе со Сталиным отстаивала точку зрения о необходимости воплощения его в жизнь уже в ходе работы этой конференции. Между тем У. Черчилль привез в Ялту согласованные им с И. Шубашичем две, по его выражению, «весьма ценные поправки»³ к этому соглашению, которые касались расширения АВНОЮ за счет включения в него членов последней довоенной югославской Скупщины и последующего утверждения всех законодательных актов, принятых АВНОЮ, учредительным собранием⁴.

Сталин же твердо придерживался мнения о необходимости немедленного введения в действие «соглашение Тито — Шубашич, а потом обсудить все дополнительные вопросы». Советская сторона, отметил он, также может сделать свои поправки, потом британская делегация предложит еще что-нибудь, в результате чего решение вопроса только затягивается, а положение в Югославии остается неопределенным. В связи с выпадом У. Черчилля в адрес И. Тито, которого он назвал диктатором, Сталин, взяв его под защиту, заявил, что «Тито вовсе не диктатор» и что «до отъезда из Крыма три державы должны рекомендовать немедленно ввести в действие соглашение Тито — Шубашич и создать на основании этого соглашения единое югославское правительство, независимо от тех

---

¹ См.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. С. 226.

² Броз Тито И. Избранные статьи и речи. С. 149.

³ Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). М., 1979. С. 176.

⁴ См. там же. С. 172.

фантазий, которые имеются в голове у Петра»¹. В то же время он высказался за то, чтобы *предложить И. Тито рассмотреть внесенные Великобританией поправки впоследствии* (курсив мой.— Ю. Г.). В такой очередности эти рекомендации и были зафиксированы в совместной телеграмме И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля, направленной И. Тито и И. Шубашичу², а также в решениях Ялтинской конференции³. Откликаясь на эти решения, газета «Борба» писала 15 февраля 1945 г., что в них югославские народы «видят конец своих страданий и победу своего справедливого дела в борьбе за национальную свободу и демократию», что «этими решениями положение Югославии, то есть положение народно-освободительного движения, которое представляет Югославию как новое государство, укреплено на международной арене».

На конференции делегация Великобритании подтвердила свою отрицательную позицию по вопросу болгаро-югославской федерации.

7 марта 1945 г. в соответствии с рекомендациями Ялтинской конференции И. Тито сформировал Временное народное правительство Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ), которое было официально признано в течение марта Советским Союзом, Великобританией и США. На абсолютное большинство постов (22 из 28) были назначены представители НКОЮ: И. Тито стал Председателем Совета Министров и министром обороны, И. Шубашич — министром иностранных дел, заместителями Председателя Совета Министров были назначены от НКОЮ Э. Кардель, а от эмигрантского правительства — лидер довоенной Демократической партии М. Грол. Правительство ДФЮ выступило с декларацией, в которой излагалась программа его деятельности.

Советский Союз первым — 12 марта 1945 г. — назначил своего посла при новом правительстве, подчеркнув при этом, что будет и впредь оказывать всю возможную помощь и поддержку братским народам Югославии. Но днем раньше в закрытом письме, адресованном И. Тито, Э. Карделю и А. Хебрангу с советской стороны было выражено неудовлетворение декларацией правительства

¹ Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). С. 165, 176, 177.

² См. там же. С. 214, 219.

³ См. там же. С. 226—227, 244, 251—252, 270, 280.

ДФЮ, названной к тому же «бледпой». В подтверждение этого указывалось, в частности, на отсутствие четкой позиции по вопросу сближения со славянскими странами, на «замалчивание» Советского Союза, отсутствие должной оценки его роли. Отмечая, что «молчание по этому вопросу не может пойти на пользу демократической Югославии», Советское правительство (читай Сталин) утверждало, что «недостатки декларации нового югославского правительства являются выражением давления Шубашича и Грота, которые уже с первых шагов нового югославского правительства влияют в нежелательном направлении на демократическую Югославию»¹. Высказывалось также удивление по поводу включения в состав нового правительства Югославии М. Грота. Это может вызвать недоумение в народно-освободительном движении Югославии, тем более что «из состава правительства исключен С. Симич (бывший югославский посол королевского правительства в Москве, подавший 10 марта 1944 г. в отставку и перешедший на сторону НОД.— Ю. Г.), в положительном отношении которого к НОД не может быть сомнений». И далее: «Поскольку ранее у нас не было возможности ознакомиться с этими изменениями в югославском правительстве, мы считаем необходимым сообщить сейчас, что считаем их ошибочными, способными вызвать политические трудности. По нашему мнению, эти изменения не были необходимыми»².

И. Тито в своем ответе объяснил, что включение М. Грота в состав правительства ДФЮ диктовалось ситуацией, которая сложилась в Югославии на тот момент: во-первых, так «легче будет разбить блок сербской реакции», во-вторых, без М. Грота «союзники не признали бы новое правительство». Однако Сталин в своем письме от 15 марта 1945 г., опять-таки демонстративно адресованном на имя И. Тито, Э. Карделя и А. Хебрапа, назвав аргументацию И. Тито неправильной, твердо стоял на своем: «Считаем необходимым заявить, что не можем согласиться с оценкой, данной Тито по поводу включения в правительство Грота и отстранения Симича». При этом указывалось на то, что в лице М. Грота, не осудившего Д. Михайловича и не отмежевавшегося от великосербской антидемократической линии, сербская реакция, имея своего наблюдателя в правительстве, будет действовать более уверенно,

¹ *Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi... S. 182.*

² *Ibid. S. 152.*

ставила палки в колеса новому югославскому правительству, и «закрывать глаза на это не следует»¹.

Получив такое письмо, И. Тито в тот же день, 15 марта, созвал заседание Политбюро ЦК КПЮ, на котором были обсуждены критические замечания, высказанные советской стороной в адрес декларации. В ответном письме подчеркивалось, что правильность этой критики подтверждается тем, что после сформирования правительства реакция в Сербии подпяла голову. В качестве самой большой ошибки было названо неупоминание в декларации великой освободительной миссии СССР, его большой политической и материальной помощи Югославии. Эта ошибка объяснялась оппортунизмом, опасениями разрыва отношений с Великобританией и США. Отсутствие темы сближения Югославии со славянскими странами также мотивировалось переоценкой английского и американского давления. Было также признано ошибочным недостаточное информирование правительства СССР о действиях и намерениях правительства ДФЮ. В письме содержалось обещание, что Политбюро ЦК КПЮ впредь, во избежание ошибок, будет советоваться с Советским правительством по всем конкретным вопросам, а также заверение в том, что «для Югославии существует лишь один путь: идти только с Советским Союзом и под его руководством»². Политбюро ЦК КПЮ предложило направить в Москву «двух товарищей» для конкретного обсуждения затронутых вопросов. В ответ на это письмо Сталин сообщил 18 марта, что возникшие вопросы могут быть предметом обмена мнениями по прибытии в Белград советского посла И. Садчикова, который вручил верительные грамоты королевскому регенту С. Будисавлевичу 24 марта 1945 г. Как считает югославский историк Н. Попович, с приходом И. Садчикова идея о поездке в Москву «двух товарищей из Политбюро» окончательно отпала, поскольку советский посол «вероятно, привез И. Тито приглашение посетить Москву»³.

Как неуважение к Советскому Союзу был также истолкован Сталиным факт, связанный с тем, что на официальном обеде, данном И. Тито в честь послов СССР, США и Великобритании, на почетное место был посажен не посол СССР, а, в соответствии с общепринятыми нормами дипломатического этикета (по старшинству, определяе-

¹ *Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi...* S. 183.

² *Ibid.* S. 184.

³ *Ibid.* S. 184—185.

мому временем пребывания в стране), посол Великобритании¹.

Югославская делегация во главе с И. Тито, в состав которой входили министр иностранных дел И. Шубашич, министр по делам Черногории генерал-лейтенант М. Джилас, министр торговли и снабжения Н. Петрович, министр горной промышленности Б. Андреев и начальник югославской военной миссии в СССР Р. Приморац, прибыла в Москву 5 апреля 1945 г., т. е. почти за месяц до победы. Это был первый визит И. Тито в СССР в официальном качестве. Как премьер-министр и министр народной обороны ДФЮ, он был принят в Москве с такими же почестями, какие были оказаны ранее Ш. де Голлю и Э. Бенешу во время их посещений СССР. По свидетельству М. Джиласа, включенного в делегацию «из-за желания ликвидировать посредством прямого контакта полемику вокруг вопроса об «оскорблении» Красной Армии». И. Тито, изматанному полетом, стоило больших трудов, чтобы выдержать ритуал церемонии встречи и произнести свою приветственную речь², в которой он сказал: «Я испытываю большую радость, что могу сегодня здесь, в столице великого Советского Союза, передать горячее приветствие и глубокую благодарность Советскому Союзу за ту огромную моральную и материальную помощь, которую он предоставил и предоставляет народам Югославии в их тяжелой борьбе против германского оккупанта и его квислингов»³. Уже на следующий день состоялась его беседа со Сталиным, в тот же день Молотов беседовал с И. Шубашичем. 11 апреля 1945 г. И. Тито и Молотов подписали в присутствии Сталина советско-югославский Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве⁴, а 13 апреля А. И. Микоян и Н. Петрович поставили свои подписи под соглашением о взаимных поставках товаров между СССР и ДФЮ. Сталин устроил в честь И. Тито официальный обед в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца, на котором И. Тито сидел между Сталиным и М. И. Каллиным. Напротив них находились Молотов и И. Шубашич. За обедом царил сердечная об-

¹ *Djilas M. Wartime*. P. 432; *Dedijer V. Noni prilozci...* S. 152.

² *Djilas M. Conversations with Stalin*. P. 98.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы (1 января — 3 сентября 1945 г.). М., 1947. Т. III. С. 166; *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 27. С. 44—45.

⁴ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 27. С. 44—45.

главновка, которая стала по-настоящему дружеской, когда Сталин, произнося тост, сказал, что впредь он не будет обращаться к И. Тито как к «господину» (как тогда именовались в официальных сообщениях для печати все члены делегации ДФЮ), а будет называть его «товарищем»¹. В ответном тосте И. Тито, говоривший по-русски, пазвал договор о дружбе «осуществлением давнишних чаяний народов Югославии жить в тесной дружбе с великим советским народом, который под руководством гениального вождя Сталина принес в этой самой трудной в истории битве сверхчеловеческие жертвы во имя победы над общим врагом свободолюбивых народов за свободу и независимость малых народов, и прежде всего за свободу и независимость Югославии»².

На следующий после подписания договора день И. Шубашич и С. Симич отбыли из Москвы в связи с предстоящей в Сан-Франциско конференцией ООН. Что касается И. Тито, то он пробыл в СССР до 20 апреля: в Москве премьер-министр ДФЮ ознакомился с достопримечательностями советской столицы, осмотрел Кремль, метрополитен, был на концерте ансамбля Красной Армии, в театре Красной Армии, посетил МГУ, авиационный и автомобильный заводы, а также выставку трофейного оружия, побывал во Всеславянском комитете, встречался с Г. Димитровым и женой У. Черчилля — Клементиной Черчилль, которая находилась в СССР в качестве гостя Сталина.

Выступая на приеме во Всеславянском комитете 13 апреля 1945 г., И. Тито отметил большую роль комитета в «духовном объединении всех славян». Он заявил, что практическое осуществление этой идеи зависит теперь от тех руководителей, которые пришли к власти в этих странах, что имеются все условия для объединения южных славян. «Я вам обещаю от имени югославских народов, — отметил он, — что сделаю все, чтобы между ними была не только дружба — она уже есть, — а чтобы постепенно были созданы условия для сплоченного сотрудничества, чтобы не было никаких различий»³.

За время пребывания И. Тито в Москве Сталин дважды приглашал его к себе на дачу на ужин, о чем И. Шубашич, для которого в это время устраивались другие мероприятия, даже не знал. С советской стороны в ужинах принимали участие Молотов, Маленков, Берия, Булганин,

¹ *Djilas M. Wartime. P. 434.*

² *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 27. S. 46—47.*

³ *Ibid. S. 50.*

Аптонов. На первом таком ужине И. Тито сидел справа от Сталина, а М. Джилас напротив, справа от Молотова, лицом к лицу со Сталиным. В ходе этого ужина была уложена размолвка, вызванная критическими высказываниями М. Джиласа в октябре — ноябре 1944 г. в адрес Красной Армии: Сталин и М. Джилас объяснились по этому поводу, после чего все присутствовавшие поддержали тост Сталина в честь Красной Армии, а М. Джилас принес ему свои извинения¹.

Представляет интерес данная М. Джиласом характеристика взаимоотношений И. Тито и Сталина во время визита в Москве в апреле 1945 г. «Во взаимоотношениях Сталина и Тито,— писал он в 1962 г.,— можно было заметить что-то особое, невысказанное — как будто бы они испытывали недовольство друг другом, но каждый из них сдерживался, исходя из своих соображений. Сталин старался ни в коем случае не обидеть И. Тито лично, но в то же время он не упускал случая как бы невзначай «поддеть» его в связи с положением в Югославии. Со своей стороны, И. Тито относился к Сталину с уважением, как и положено к старшему, но чувство обиды, особенно когда Сталин делал замечания по поводу положения дел в Югославии, давало о себе знать»². И далее: «Сталин явно намеренно подтрунивал над И. Тито, причем делал это в снисходительно-шутливой форме»³. Так, по свидетельству М. Джиласа, Сталин, называя югославскую армию партизанской, противопоставлял ей армию Болгарии, как более боеспособную. Предложив тост в честь югославской армии, он добавил: «Но которая будет драться еще лучше!» В ответ на это И. Тито, с трудом сдерживаясь, заверил его в том, что она очень быстро избавится от своих слабостей⁴.

Когда речь зашла о возможности в новых условиях строительства социализма различными путями, что было названо И. Тито «новым феноменом»⁵, Сталин заметил: «Сегодня социализм возможен даже при британской монархии. Теперь революции необязательны всюду». В ответ же на реплику М. Джиласа о том, что «в Югославии действует, по существу, правление советского образца»,

---

¹ *Djilas M. Conversations with Stalin*. P. 110—112; *Djilas M. War-time*. P. 435; *The Soviet-Yugoslav Controversy, 1948—1958*. A. Documentary Record. N. Y., 1959. P. 30.

² *Djilas M. Conversations with Stalin*. P. 112, 113.

³ *Ibid.* P. 113.

⁴ *Ibid.* P. 112.

⁵ *Ibid.* P. 113—114.

поисколку все ключевые позиции находятся в руках компартии и отсутствуют серьезные оппозиционные партии, Сталин, не согласившись с этим, заметил: «Нет, ваше правление не советское, а что-то среднее между Францией де Голля и Советским Союзом»¹.

По свидетельству М. Джиласа, в ходе разговора затрагивались и другие вопросы. «Сталин не терпел монолога, в том числе свои, хотя большей частью говорил он, — отмечает М. Джилас. — Только Тито и Молотов участвовали в беседе. Иногда я подключался к пей, и больше никто». «Эта война не похожа на войны прошлого, — говорил Сталин, — тот, кто оккупирует территорию, тот и навязывает свою социальную систему». Затронув тему «панславизма», Сталин утверждал: «Если славяне будут проявлять единство и солидарность, никто в будущем не сможет даже шевельнуть пальцем». В ответ на чью-то реплику относительно того, что немцам потребуется более 50 лет для восстановления своей страны, Сталин сказал: «Нет, они восстанутся, и очень быстро. Дайте им 12—15 лет, и они опять будут на ногах. Вот почему так важно единство славян»².

В ходе пребывания в Москве югославская делегация присутствовала также на обеде у Г. Димитрова на его подмосковной даче. Как утверждает М. Джилас, И. Тито и Г. Димитров обменивались воспоминаниями о Коминтерне, обсуждали перспективы объединения Болгарии и Югославии³.

Итоги пребывания в Москве И. Тито подвел в интервью газете «Красная звезда», в котором заявил: «Огромное впечатление на меня произвели исключительная теплота и чистосердечность, которыми повсюду встречали меня советские люди. Выражение любви к Югославии мы видели буквально на каждом шагу, и это для нас большая награда, большая радость... Я беседовал с маршалом Сталиным. Простой и спокойный человек, великий полководец и государственный деятель, он с большим вниманием отнесся к нуждам нашей страны. Договор между Югославией и Советским Союзом, заключенный в Москве 11 апреля, скрепил узы дружбы, которыми прочно связаны наши народы. Мне сообщили, что все население Югославии с ликованием встретило весть об этом договоре. В сраже-

¹ *Djilas M. Conversations with Stalin*. P. 113—114; *Djilas M. Wartime*. P. 436—437.

² *Djilas M. Wartime*. P. 437—438.

³ *Ibidem*.

ниях с общим врагом — немецко-фашистскими захватчиками — выросла и закалилась дружба наших народов. Я не сомневаюсь, что и в послевоенные годы она будет нерушима и тверда, являясь одним из оплотов мира в Европе»¹.

На обратном пути И. Тито сделал остановку в Киеве, где беседовал с Председателем СНК УССР Н. С. Хрущевым и заместителем Председателя СНК, министром иностранных дел УССР Д. З. Мануильским. Покидая пределы Советского Союза, И. Тито в телеграмме на имя Сталина счел необходимым «еще раз подчеркнуть, как много мы обязаны Вам, непобедимой Красной Армии и советскому народу за всю ту помощь, которую получает от Вас наш народ»².

По возвращении на родину на белградском аэродроме И. Тито ждал сюрприз: среди встречавших находился его четырехлетний сын Мишо Броз, которого он до этого ни разу не видел. Еще 1 февраля 1945 г. он попросил И. Крайчича³ вывезти маленького Мишо из Загреба в более безо-

¹ Красная звезда. 1945. 15 апреля; *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 27. С. 140—142.

² Красная звезда, 1945. 21 апреля.

³ Крайчич Иван — партийные псевдонимы Стево и Директор (1906—1986), по национальности хорват, член КПЮ с 1933 г. С 1934 г. — член горкома КПЮ Загреба, с 1935 г. — член Хорватского краевого комитета КПЮ. С 1936 по 1939 г. принимал участие в гражданской войне в Испании. С 1940 г. — член ЦК КПЮ. В соответствии с югославскими источниками, заменил, с согласия И. Тито, в феврале 1942 г. на посту «руководителя центра советской военной разведки» в Загребе И. Сребреняка после его ареста и гибели (Иван Сребреняк, пользовавшийся конспиративными псевдонимами Антонов, Доктор, Иванчич, по профессии сапожник из г. Славонски Брод, в начале 30-х годов эмигрировал в СССР, учился в КУНМЗ им. Мархлевского. В 1936 г. возглавил советский разведцентр в Париже. С 1939 г. находился в Белграде, поддерживал связь с ЦК КПЮ. После 6 апреля 1941 г. переехал в Загреб. В феврале 1942 г. арестован уставами и спустя некоторое время расстрелян). (См. Сборник документов и податка о народно-освободительном бою югославского народа, 1941—1942. Београд, 1954. Т. 2. Кн. 2. С. 42.)

Как утверждает В. Деднер, «И. Крайчич считал себя советским представителем, на что претендовал также руководитель центра радиосвязи с Коминтерном Й. Копинич, ввиду чего между ними чувствовалась соперничество, которое сохранилось и в послевоенное время». В 1943—1944 гг. И. Крайчич — оргсекретарь ЦК КП Хорватии, в последующие годы — министр внутренних дел Хорватии, до 1967 г. был Председателем Сабора Хорватии. Народный герой Югославии. Являлся одним из наиболее приближенных к И. Тито югославских руководителей. Считается, что главная причина сближения И. Тито с И. Крайчичем заключалась в том,

напое и надежде место. В результате его доставили сначала на освобожденную территорию в Топуско, а затем, когда И. Тито находился в Москве, привезли в Белград. Только после окончания войны второй сын И. Тито был зарегистрирован в метрической книге под именем Александар, но осталось и имя Мишо, которым его называли в течение четырех лет подпольной жизни в Загребе.

§ 2. СТАЛИН: «СРАВНЕНИЕ МАРШАЛА ТИТО С ГИТЛЕРОМ И МУССОЛИНИ НЕСПРАВЕДЛИВО И ОСКОРБИТЕЛЬНО ДЛЯ ЮГОСЛАВИИ»

Подписанный И. Тито в Москве 11 апреля 1945 г. советско-югославский Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве пришелся явно не по душе правящим кругам Великобритании и США, которые 14 апреля официально выразили свое недовольство, применив в отношении ДФЮ экономические санкции¹: в частности, они обусловили политическими требованиями не только оказание экономической помощи разоренной войной стране, но и положительное решение целого ряда других вопросов, имевших большое значение для Югославии. В связи с этим безрезультатно закончились переговоры по вопросу американских поставок Югославии по ленд-лизу, произошло резкое сокращение поставок ДФЮ предметов первой необходимости по линии ЮНРРА.

В результате разгрома крупных сил врага на территории Югославии, освобождения обширных районов страны

что он, часто бывая в период войны по роду своей работы в Загребе, проявлял заботу о семье И. Тито, прежде всего о его малолетнем сыне Мишо. По словам В. Дедиера, для И. Краячича двери дома И. Тито всегда были открыты. Когда он приезжал в Белград, то, как правило, останавливался в доме № 16 по ул. Ужицкой, напротив резиденции И. Тито, и они вдвоем ежедневно обседали. Он единственный из всех югославских руководителей, кто не только не должен был заблаговременно условливаться с И. Тито о времени визита к нему (что требовалось даже от таких близких соратников, как Э. Кардель, А. Ранкович и М. Джилас), но, когда он навещал остров Бриони, его всегда уже ожидала на шире пролетка, тут же доставлявшая к И. Тито. По мнению В. Дедиера, «отношения между Тито и Краячичем особенно окрепли, когда последний ввел в его дом Йованку Будисавлевич, которая, будучи медсестрой, ухаживала за И. Тито после операции по поводу аппендицита в начале 1947 г.» (*Dedijer V. Novi prilozii... T. 2. S. 496—505; T. 3. S. 99*).

¹ Foreign Relations of the United States, 1945. Washington, 1967—1968. Vol. V. P. 1215—1224 далее: FRUS, 1945; *Plenča D. Međnarodni odnosi... S. 397*.

п стремительных завершающих операций советских войск, в т. ч. на вепском направлении, появились благоприятные условия для проведения окрепшей и возмужавшей НОАЮ боевых действий по окончательному изгнанию гитлеровцев с югославских земель. К 15 мая 1945 г. вся территория Югославии была очищена от фашистских захватчиков. Однако западные державы в ультимативной форме потребовали, чтобы части югославской армии покинули ряд освобожденных ею районов, в т. ч. в Юлийской Крайпе, а также оставили Каринтию. Югославия оказалась, по существу, на грани военного конфликта. В этой связи Э. Кардель подчеркивал: «Мы отдавали себе отчет в том, что нам грозят не только из-за Триеста, а что эти угрозы таят в себе и опасность вооруженной интервенции против революции в Югославии»¹.

Еще 27 апреля У. Черчилль писал Г. Трумэну, что «было бы большим делом появиться там (в Триесте.— Ю. Г.) прежде, чем его захватят повстанцы Тито»². 6 мая в письме фельдмаршалу Александру премьер-министр Великобритании выразил свою радость по поводу того, что Александер вступил в Триест, Горицу и Монфальконе «во-время», так как «Тито, поддерживаемый Россией, будет решительно продвигаться вперед». При этом У. Черчилль подчеркивал, что «и речи быть не может о заключении какого-либо соглашения с ним о включении Истрии или любой части довоенной Италии в состав его «новой Югославии»³. В ходе возникшего так называемого триестского кризиса У. Черчилль и Г. Трумэн угрожали «демонстрацией силы в Триесте и вокруг него»⁴, сконцентрировав на западных границах Югославии большое количество войск и боевой техники. В одном из посланий Александру У. Черчилль сообщал 12 мая, что он может рассчитывать на все 18 дивизий, имевшихся в его распоряжении⁵. А 21 мая Г. Трумэн заявил, что надо отвергнуть ответ И. Тито и немедленно усилить войска, чтобы в Югославии не было сомнений относительно намерений США и Англии⁶.

Советский Союз, никогда не признававший законности расчленения Югославии нацистской Германией и ее сател-

¹ *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 55.

² *Churchill W. S. The Second World War. Vol. VI. P. 481.*

³ *Ibid. P. 554.*

⁴ *Ibid. P. 558—559.*

⁵ *Ibid. P. 556.*

⁶ *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 55.

лентами, еще 3 июля 1941 г. высказался за возрождение югославского государства. При этом Советское правительство последовательно выступало за включение в состав Югославии территорий, большинство населения которых составляют словенцы¹. Во время возникшего триестского кризиса, когда напряженность в отношениях Югославии с США и Великобританией возросла до такой степени, что, по словам Э. Карделя, создалась «настоящая военная атмосфера»², Советский Союз решительно встал на сторону Югославии. Еще раньше, 11 мая 1945 г., в ответ на просьбу югославского правительства о поддержке в вопросе о Триесте правительство СССР сообщило, что всеми силами будет содействовать тому, чтобы обоснованные требования Югославии были удовлетворены мирным путем³. В самый разгар англо-американских приготовлений Сталин, осудив заносчивый тон и оскорбительный лексикон, который применялся западными представителями в отношении Югославии и ее руководителей, в частности И. Тито, активно поддержал справедливые требования Югославии об объединении в рамках своего государства всех югославских земель. В результате США и Великобритания вынуждены были ограничиться мерами дипломатического давления на ДФЮ, а также угрозами лишения ее экономической и финансовой помощи. Так, 22 мая Сталин направил Г. Трумэну и У. Черчиллю послания, в которых Советское правительство категорически настаивало на том, чтобы «в отношении территории Истрии — Триеста не должно быть допущено каких-либо действий, которые не будут полностью учитывать законные претензии Югославии и вклад, внесенный югославскими вооруженными силами в общее дело союзников в борьбе против гитлеровской Германии»⁴. Напомнив, что югославское население составляет большинство на этой территории, а также тот факт, что именно союзные югославские войска изгнали немецких захватчиков с территории Истрии — Триеста, оказав тем самым важную услугу общему делу союзников, Сталин писал У. Черчиллю и Г. Трумэну: «Уже в силу этого обстоятельства было бы несправедливым и явилось бы незаслу-

¹ См.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. М., 1983. Т. 1. С. 63; Майский И. М. Люди, события, факты. М., 1973. С. 206—207.

² Kardelj E. Borba za priznanje... S. 55.

³ См.: Джонлагич А., Атанацкович Ж., Пленча Д. Югославия во второй мировой войне. Белград, 1987. С. 219.

⁴ Переписка... Т. 1. С. 413—414.

жепной отбодой для югославской армии и югославского народа отказывать Югославии в праве на оккупацию территории, отвоеванной от врага, после того, как югославский парод принес столько жертв в борьбе за национальные права Югославии и за общее дело Объединенных Наций»¹. Как отметил в своей книге «История Советского Союза» итальянский исследователь Дж. Боффа, «в целях превращения страп Восточной Европы в своих друзей Советский Союз боролся за удовлетворение их претензий, направленных против великих держав», идя па это «даже тогда, когда обоснованность этих требований была сомнительной, как это было с требованием югославов об аннексии Триеста, и несмотря па то, что их реализация неизбежно порождала враждебность в других странах (в данном случае в Италии)»².

Наряду с отстаиванием югославских интересов при решении триестской проблемы правительство СССР твердо поддержало позицию Югославии и по вопросам послевоенного урегулирования с Австрией, что было высоко оценено югославским руководством. Выступая 12 мая 1945 г., И. Тито сказал: «Мы потребовали от СССР, Англии и Америки разрешить нам оккупировать Каринтию, как это делают союзники — Англия и Америка. Советский Союз поддерживает наше требование, но англичане и американцы даже не ответили нам». Отзываясь па соответствующую просьбу югославского правительства от 2 апреля 1945 г., правительство СССР согласилось 20 апреля уступить часть австрийской территории, которую занимали советские войска, югославской армии в качестве оккупационной зоны Югославии³. Однако перед лицом давления Запада правительство Югославии, проявляя добрую волю, отдало 19 мая приказ своим войскам в Австрии «отступить на довоенную пограничную линию»⁴. Что же касается пребывания частей югославской армии в Истрии, Триесте и Словенском приморье, то в ответе правительствам Великобритании и США оно подчеркнуло, что «Югославская армия, как одна из союзных армий, имеет равное с остальпыми союзными армиями право оставаться на территории, которую она освободила в ходе ожесточенных боев против общего врага»⁵.

¹ Переписка... Т. 1. С. 413—414.

² *Boffa D. Dell' Storia Dell' Unione Sovietica, 1941—1964. Milano, 1979. S. 29.*

³ *Dokumenti o spoljnoj politici SFRJ, 1945. S. 23—24, 46, 49.*

⁴ *Ibid. S. 59.*

⁵ *Ibid. S. 58.*

В этот период в советско-югославских отношениях возникли определенные недоразумения в связи с речью И. Тито, произнесенной им в Любляне 27 мая 1945 г.¹, в которой он заявил, в частности, следующее: «Нам хотят навязать мнение, что мы использовали эту войну в каких-то завоевательных целях. Нам хотят навязать мнение, что мы ставим наших союзников перед свершившимся фактом... Я решительно отвергаю... от имени всех народов Югославии, что мы намерены что-либо захватить силой... Но мы решительно требуем справедливого завершения (войны.— *Ю. Г.*), мы требуем, чтобы каждый у себя был хозяином; мы не будем платить по чужим счетам, мы не будем разменной монетой, мы не хотим, чтобы нас вмешивали в политику сфер интересов... Мы не будем больше ни от кого зависимыми, чтобы там ни писали и ни говорили... Пынешняя Югославия не будет предметом сделок и торгов»².

Эта речь И. Тито вызвала неблагоприятную реакцию со стороны Сталина. Расценив ее как «недружественный выпад против Советского Союза», он поручил советскому послу в Белграде обратить внимание югославского руководства на недопустимость отождествления политики СССР с политикой западных стран: «Скажите товарищу Тито, что если он еще раз сделает подобный выпад против Советского Союза, то мы вынуждены будем ответить ему критикой в печати и дезавуировать его»³.

В своей телеграмме об исполнении данного поручения в беседе с Э. Карделем посол СССР в Югославии И. В. Садчиков сообщил Сталину следующее: «Сегодня, 5 июля, передал Э. Карделю то, что Вы мне поручили (Тито еще не вернулся). Эта информация произвела на него тяжелое впечатление. Подумав, он сказал, что считает правильной такую оценку речи Тито. Он согласен также с тем, что Советский Союз не может далее терпеть подобные заявления. В пынешний для Югославии трудный период открытия критика заявления Тито имела бы для них тяжелые последствия, поэтому они постараются, чтобы подобных заявлений впредь не было. Но Советский Союз будет прав, если выступит с открытой критикой в случае повторения этого. Такая критика будет для них полезной. Кардель просил выразить Вам благодарность за эту своевременную критику. Она, по словам Э. Карделя, поможет им улуч-

¹ Dokumenti o spoljnoj politici SFRJ, 1945. S. 67—70.

² Ibid. S. 68—69.

³ Ibid. S. 70; *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 55—56.

шить свою работу. Критика политических ошибок, закравшихся в Декларацию правительства ДФЮ от марта 1945 г., припесла большую пользу. Кардель уверен, что эта критика только поможет улучшить политическое руководство.

Пытаясь (весьма осторожно) проанализировать причины ошибок, Кардель сказал, что Тито, разумеется, имеет большие заслуги в деле ликвидации прежней фракционности в компартии и организации пародно-освободительной борьбы, но он порой склонен рассматривать Югославию как нечто самодовлеющее, вне общей связи с развитием пролетарской революции и социализма.

Во-вторых, в партии создалось такое положение, что ЦК, как организационный и политический центр, фактически не существует. Мы собираемся, сказал Кардель, эпизодически и принимаем решения от случая к случаю. По существу, каждый из нас предоставлен сам себе. Стиль работы плохой, в нем не хватает коллегиальности. Мы бы хотели, продолжал Кардель, чтобы Советский Союз смотрел на нас как на представителей другого государства, способных самостоятельно решать вопросы, а на Коммунистическую партию Югославии как на часть Всесоюзной коммунистической партии, то есть чтобы наши отношения вытекали из перспективы того, что Югославия в будущем станет составной частью СССР. Поэтому они хотели бы, чтобы мы их критиковали прямо и открыто, давали советы, направляя внутреннюю и внешнюю политику Югославии туда, куда следует. Я ответил Карделю, — писал И. В. Садчиков, — что следует исходить из реальности, а именно из того, что Югославия является самостоятельным государством, а югославская компартия — самостоятельной партией. Вы должны и можете, сказал я, самостоятельно ставить и решать вопросы, а мы вам никогда не откажем в совете, если вы к нам обратитесь за ним. В отношении Югославии мы имеем определенные договорные, а еще больше — моральные обязательства, и мы вам никогда не отказывали в советах и возможной помощи в тех случаях, когда вы обращались к нам с такими просьбами. Всегда, когда я передавал в Москву просьбы маршала, я получал быстрые ответы. Но такие советы можно высказать и они могут принести пользу только тогда, если обращения за ними будут сделаны своевременно, до того как то или иное решение принято или же то или иное заявление сделано»¹.

¹ Kržavač S., Marković D. Informbiro: Sta je to?... S. 96—97.

Однако этот эпизод, не предававшийся тогда огласке, не казался отрицательно на советско-югославском сотрудничестве. Выступая 31 мая 1945 г. на церемонии вручения в Мариборе ордена Народного Героя Югославии Маршалу Советского Союза Ф. И. Толбухину, И. Тито, поблагодарив славные войска под его командованием за помощь югославской армии в освобождении страны, заверил в «огромной любви, которую народы Югославии питают к Красной Армии и великому стратегу и вождю Сталину»¹.

Последовательно защищая позицию Югославии в триестском вопросе, Сталин вновь вернулся к нему в своих посланиях Г. Трумэну (8 июня 1945 г.) и У. Черчиллю (21 июня 1945 г.). Обращая внимание У. Черчилля на то, что представители союзного командования на Средиземном море «не хотят считаться даже с минимальными пожеланиями югославо, которым принадлежит заслуга освобождения от немецких захватчиков этой территории, где к тому же преобладает югославское население», Сталин подчеркивал, что «такое положение нельзя считать удовлетворительным с точки зрения союзников».

«Не желая обострять отношений,— продолжал он,— я до сего времени не упоминал в переписке о поведении фельдмаршала Александра, но теперь приходится подчеркнуть, что нельзя согласиться с тем, чтобы в этих переговорах применялся тот заносчивый тон, которым иногда пользуется фельдмаршал Александр в отношении югославо. Никак нельзя согласиться с тем, что фельдмаршал Александр в официальном публичном обращении допустил сравнение маршала Тито с Гитлером и Муссолини. Такое сравнение несправедливо и оскорбительно для Югославии». Осудив также ультимативный тон заявления, с которым англо-американские представители обратились к югославскому правительству 2 июня, Сталин выразил надежду, что в отношении Истрии—Триеста справедливые югославские интересы будут удовлетворены².

«Тем временем,— свидетельствует Ф. Маклин,— отношения между Югославией и западными союзниками очень быстро ухудшались. Одна из военных целей Тито состояла в присоединении Триеста. Союзники настаивали, чтобы этот вопрос был решен на мирной конференции. В начале мая лицом к лицу встретились мощные британские и югославские силы. После нескольких сердитых выступлений,

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 28. С. 85.

² См.: Переписка... Т. 1. С. 426.

оказавшись перед выбором или отступить или пойти на риск усиления враждебности, Тито согласился на переговоры, и 9 июня было подписано временное соглашение. Военные столкновения удалось предотвратить, но югославы были переполнены гневом»¹.

В соответствии с «соглашением о Юлийской Крайле между Югославией, с одной стороны, и США, Англией — с другой стороны»² от 9 июня было найдено временное решение триестского вопроса. Выступая на следующий день на заседании Президиума АВНОЮ в связи с ратификацией югославо-советского договора о дружбе, И. Тито подчеркивал: «Верный своим принципам уважения независимости и прав малых народов и оказания им в дальнейшем своей поддержки в этом, Советский Союз не имеет никаких других интересов в Югославии, кроме того, чтобы жить с нашей страной в наилучших отношениях и оказывать ей различную помощь в ее развитии и восстановлении»³. Поздравляя 29 июня Сталина с присвоением ему звания генералиссимуса, И. Тито заверил, что «народы Югославии никогда не забудут проявленной Вами отеческой заботы и оказанной благотворной помощи в наиболее трудное время борьбы за свободу своего отечества»⁴. 2 июля 1945 г. И. Тито сообщил в Москву о решении ЦК КПЮ направить в качестве своего представителя члена ЦК КП Словении Б. Зихерла.

У. Черчилль пытался в официальной переписке со Сталиным представить преобладание представителей революционных сил на руководящих постах в ДФЮ как невыполнение соглашения Тито — Шубашич, как начало «однопартийного режима»⁵. В Потсдаме же он прямо заявил, что положение в Югославии не оправдывает тех надежд, которые возлагались Западом на декларацию Крымской конференции, и выразил разочарование развитием событий в этой стране⁶. Стремясь доказать, что декларация Крымской конференции не выполняется, У. Черчилль утверждал, что «администрация Тито установила строго контролируемый партией режим, поддерживаемый политической полицией, печать также контролируется, как в

¹ *Maclean F.* Josip Broz Tito. S. 88.

² *Broz Tito J.* Sabrana djela. T. 28. S. 150—151.

³ *Ibid.* S. 92.

⁴ *Ibid.* S. 122.

⁵ Переписка... Т. 1. С. 393.

⁶ См.: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945). М., 1980. С. 87.

и некоторых фашистских странах»¹. Отвергая обвинения У. Черчилля в адрес правительства ДФЮ насчет невыполнения рекомендаций Крымской конференции, Сталин заявил, что советская сторона не располагает сведениями об их «нарушении» и, по его мнению, они «выполняются маршалом Тито полностью и целиком»². В качестве неперемennого условия обсуждения югославского вопроса Сталин настаивал на обязательном приглашении в Потсдам представителей Югославии. Когда же А. Иден пытался возражать, ссылаясь на Ялтинскую конференцию, где соглашения в отношении Югославии были достигнуты в отсутствие югославских представителей, Сталин заявил: «Теперь это союзная страна, в которой установлено законное правительство. Нельзя сейчас решать вопроса без участия югославских представителей. Тогда было два правительства, и они никак не могли помириться между собой. Мы в это дело вмешались. А теперь там одно законное правительство. Пригласим представителей Югославии, послушаем их, а потом примем решение... Нельзя судить целое государство, не заслушав его представителей»³. Однако Г. Труман, хотя он и солидаризировался, в принципе, с мнением У. Черчилля по существу поднятого им вопроса, тем не менее не был склонен приглашать представителей ДФЮ — И. Тито и И. Шубашича — в Потсдам. В условиях выявившихся разногласий Сталин высказался за снятие с обсуждения конференции предложения У. Черчилля⁴.

На Берлинской конференции Советское правительство оказало также поддержку требованиям югославского правительства в связи с нарушением Великобританией и США соглашения с Югославией от 9 июня 1945 г. об установлении временной военной администрации в районе Триеста⁵.

В попытке добиться хотя бы частичного пересмотра результатов пародно-освободительной борьбы и социалистической революции в Югославии югославская эмиграция в тесном взаимодействии с буржуазией внутри страны под покровительством правящих кругов Великобритании и США активно разрабатывала в течение августа — сентября 1945 г. планы переворота в Югославии при прямой под-

¹ Берлинская (Потсдамская) конференция. С. 87.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 87—88.

⁴ См. там же. С. 89.

⁵ См. там же. С. 426—427.

держке извне¹. Так, в конце августа король Петр II в беседе с английским министром иностранных дел Э. Бевином высказался за направление в Югославию специальной «союзнической миссии» и «адекватной вооруженной силы»², чтобы ликвидировать влияние КПЮ, а 13 сентября он поднял этот же вопрос и в беседе с новым госсекретарем США Д. Бирнсом³. Однако Советский Союз вновь противопоставил этим маневрам свою твердую позицию защиты народной Югославии, дав им отпор на проходившей в сентябре — октябре в Лондоне сессии Совета министров иностранных дел (СМИД), на которой советская и югославская делегации выступили единым фронтом.

Именно в этот период, 9 сентября 1945 г., И. Тито в числе первых иностранцев был награжден орденом «Победа», что еще раз продемонстрировало наряду с высокой оценкой Советским Союзом большого вклада Югославии в разгром фашизма и его поддержку сложившихся в этой стране внутривластных реальностей⁴.

По прибытии в Лондон 17 сентября 1945 г. на сессию СМИД глава югославской делегации Э. Кардель сразу же нанес визит Молотову. Между ними была достигнута договоренность о самом тесном сотрудничестве делегаций двух стран. Поскольку на лондонской сессии СМИД речь шла о проекте договора с Италией, который самым непосредственным образом затрагивал интересы Югославии, было решено, что Молотов будет ежедневно информировать Э. Карделя по всем обсуждавшимся вопросам. Обычно такой обмен информацией проходил за совместными обедами, в ходе которых «договаривались о компромиссах и уступках в тех случаях, когда не было больше возможности настаивать на ранее внесенных предложениях»⁵.

При обсуждении т. н. триестского вопроса Советское правительство настаивало на том, чтобы вся Юлийская

---

¹ См.: *Губианский Л. Я.* Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной борьбы за окончательное утверждение новой Югославии // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 378.

² King Peter II of Yugoslavia. A King's Heritage. N. Y., 1954. P. 284.

³ FRUS. 1945. Vol. V. P. 1255—1256.

⁴ См.: Правда. 1945. 10 сентября.

⁵ *Kardelj E.* Borba za priznanje... S. 88.

Крайна, включая ее центр — город Триест, была передана Югославии. Ссылаясь на значительную роль, которую сыграла Югославия в разгроме фашизма, и большой ущерб, нанесенный ею во второй мировой войне, Советский Союз отстаивал ее преимущественное по сравнению с другими союзными государствами право в отношении размера получения ею репараций с Италии. «Я считаю,— писал Э. Кардель в мемуарах,— что народы Югославии должны быть признательны Советскому Союзу и другим социалистическим странам за эту интенсивную помощь»¹. Однако, по его словам, «это вовсе не означает, что мы с советской делегацией всегда занимали одинаковые позиции, т. е. что она всегда соглашалась с нашими позициями и отстаивала их». Признавая неизбежность и вынужденный характер взаимных компромиссов великих держав в рамках «всего комплекса мирных договоров не только с Италией, но и с Германией и другими странами», Э. Кардель тем не менее считал, что Молотов слишком быстро соглашался на некоторые варианты решения тех или иных вопросов, не получая ничего взамен. Так, когда добиться передачи Югославии Триеста не удалось и Э. Кардель дал согласие на то, чтобы советская делегация поддержала предложение о создании Свободной Территории Триест (СТТ) при том условии, что Горица отойдет к Югославии, Молотов якобы сказал ему: «Что Вы настаиваете на этом небольшом городке, который не имеет никакого значения ни для вас, ни для Италии. Главным вопросом является Триест, и здесь мы добились максимума возможного»². Э. Кардель не скрывал своего недовольства, считая, что, если бы Молотов проявил большую настойчивость, можно было добиться более благоприятного результата.

В представлении Э. Карделя Молотов был также недостаточно настойчивым при отстаивании согласованного требования о предоставлении Словении при определении границы между СТТ и Югославией выхода к морю к югу от СТТ. Когда Э. Кардель выразил свое недоумение по поводу того, что словенский народ «вновь оказывается отрезанным от своего моря», Молотов ответил ему раздраженно: «Неужели Вы думаете, что каждый уезд должен иметь свой выход к морю?»³ «Были и другие подобные споры, правда не слишком острые, да и не такие уж существен-

¹ *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 88.

² *Ibid.* S. 89.

³ *Ibid.* S. 90.

ные, поэтому должен повторить,— подчеркнул Э. Кардель,— что сотрудничество было нормальным и что советская делегация очень старалась нам помочь»¹. «Тогда же, когда делегация СССР быстро соглашалась на компромиссы и шла на уступки, то, очевидно, это было связано,— подчеркивал Э. Кардель,— со всем комплексом договоров не только с Италией, но и с Германией и другими странами, ибо речь шла о взаимных компромиссах и взаимных договоренностях великих держав»².

Твердая защита Советским Союзом интересов народной Югославии на лондонской сессии СМВД сыграла свою роль в том, что США и Великобритания отказались от своего намерения поставить на ее обсуждение т. н. югославский вопрос. Продолжая, однако, настаивать на подписании нового соглашения между И. Тито и И. Шубашичем, которое «восстановило бы основу для их сотрудничества в объединенном временном правительстве», они безуспешно пытались заручиться поддержкой этой идеи Советского Союза. В этих условиях оппозиционными силами была предпринята попытка дестабилизировать обстановку в Югославии путем демонстративных отставок в объединенном правительстве и Временной народной Скупщине.

Однако отставки не принесли желаемого им результата. Выборы в Учредительную Скупщину закончились полной победой возглавлявшихся КПЮ революционных сил. Провозглашение Федеративной Народной Республики Югославии 29 ноября 1945 г. и окончательная ликвидация монархии нанесли сокрушительный удар по планам внутренней и внешней реакции. Будучи вынужденными считаться с реальной действительностью, а именно с прочностью новой Югославии, поддерживаемой СССР, правительства Великобритании и США заявили 22 декабря 1945 г. о своем признании ФНРЮ.

Тем не менее это не означало, что определенные круги Запада оставили мысль о реставрации в Югославии довоенного строя. Лишнее тому свидетельство — задержка с возвратом югославского золотого запаса, вывезенного в США, отказ вернуть угнанный гитлеровцами и находившийся в западных оккупационных зонах Германии югославский речной флот, а также морские суда, оказавшиеся в руках Великобритании, поддержка нашедшей на Западе приют усташско-четнической эмиграции.

¹ *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 88.

² *Ibid.* S. 90.

В результате победоносного исхода народно-освободительной борьбы и социалистической революции в Югославии утвердилась народная власть. Вступившая в силу 31 января 1946 г. Конституция ФНРЮ закрепила происшедшие в стране общественно-экономические и политические изменения.

В первые послевоенные годы в Югославии широко использовался опыт Советского Союза по преобразованию общества на социалистических началах, а югославские руководители неизменно подчеркивали свою идеологическую близость к СССР, ВКП(б). «Концепция КПЮ о строительстве и развитии Югославии как социалистической страны,— говорил И. Тито,— вначале находилась под влиянием советской теории и практики, что вполне объяснимо в тогдашних условиях. Это не было навязано нам извне, так как мы сделали свободный выбор. Было бы исторически неточным, если бы мы не подчеркнули, что тогда для югославских коммунистов общественное устройство СССР было образцом социализма и что мы, свободно выбирая наш путь развития, в то время брали пример с Советского Союза, что вполне понятно, так как это был единственный опыт строительства социалистической системы»¹. М. Джилас также отмечал, что «в 1944 г. ни я, ни кто-либо в руководстве не были антисталинистами. Наоборот, если бы кто-нибудь был против Сталина, его бы исключили из партии. Время от времени возникали различия во взглядах с советским руководством, но они не имели такого характера, который означал бы конфликт, ссору»².

В первые послевоенные годы в Советском Союзе непременно подчеркивалось, что благодаря тому, что социалистические преобразования проводились еще в период народно-освободительной борьбы, Югославия дальше других стран народной демократии продвинулась по пути социалистического строительства. Поэтому Югославию, как правило, называли первой в ряду социалистических государств³.

Придерживаясь довольно распространенной тогдашней — быть как можно более похожим на СССР, тогдаш-

¹ IX Kongres SKJ. Dokumenti. Beograd, 1969. S. 66.

² Kalezic V. Djilas miljenik i odpadnik komunizma. Beograd, 1988. S. 144.

³ См.: Большевик. 1946. № 6. С. 105.

пее руководство КПЮ во главе с И. Тито предпочитало акцентировать внимание на том, что сближало Югославию с Советским Союзом, с его опытом социалистического строительства, подчеркивало свое единодушие с советской внешней политикой. В Югославии того периода не упускали случай отметить, что югославские комитеты похожи на Советы, что принятая в 1946 г. Конституция ФНРЮ составлена по аналогии с Конституцией СССР 1936 г., что 1-й пятилетний план был копией первой советской пятилетки.

В конце мая 1946 г. И. Тито вторично панес официальный визит в СССР, в ходе которого состоялись его беседы со Сталиным. Это была их третья и последняя встреча. Сам И. Тито считал, что она была самой сердечной.

Прибыв в Москву 27 мая в сопровождении А. Ранковича, Б. Кидрича, К. Поповича и Б. Нешковича, И. Тито был в тот же вечер принят вместе со своими соратниками Сталиным. О характере этой встречи и существе обсуждавшихся вопросов можно судить на основании следующей записи, составленной К. Поповичем: «Войдя в Кремль, мы пересекли ряд коридоров и приемных комнат. Первое впечатление от Кремля — всюду безупречная чистота, довольно простая обстановка, все коридоры и комнаты покрыты коврами, так что шаги вообще не слышны. Кажется, что ты находишься в каком-нибудь тихом санатории, вокруг стояла тишина, как будто бы все было погружено в вату. Наконец нас ввели в комнату с длинным столом для совещаний, человек на десять. Мы увидели стоящего Сталина, справа от него был Молотов, а слева Лаврентьев (посол СССР в ФНРЮ.— *Ю. Г.*). Я всматривался в Сталина. Он был человеком низкого роста, значительно меньшего, чем это кажется на фотографиях и портретах. У него были необычно узкие опущенные, как бы деформированные плечи, так что руки он держал на некотором расстоянии от туловища. Когда мы вошли, он улыбнулся, обнажив пожелтевшие редкие зубы. Мне бросилось в глаза, что у Сталина были достаточно жидкие и тонкие волосы. Он направился к Тито довольно легкой мягкой походкой. Поздоровавшись, товарищ Тито представил ему югославских товарищей. Сталин пожал руку всем по очереди. Обратив внимание на рост и телосложение некоторых наших товарищей, особенно В. Поповича (посла ФНРЮ в СССР.— *Ю. Г.*), А. Ранковича и других, Сталин повернулся к Молотову и сказал:

— Вячеслав Михайлович, посмотри, какие красивые, сильные люди, сильный народ!

Молотов кивнул головой.

После этого Сталин сел во главе стола, его примеру последовали остальные. Он сразу пододвинул к себе поближе блокнот и принялся чортить в нем. Поинтересовавшись у Тито, как он перенес дорогу, Сталин спросил о Шубашиче и Гроле, что делают после выхода из правительства, несколько раз пошутил на их счет, назвав «товарищами». При этом он не переставал черкать в своем блокноте, то и дело перечеркивая ранее нарисованное. После этого Сталин спросил о здоровье Карделя и Джиласа. Товарищ Тито ответил:

— Хорошо. Все не могли приехать, и так здесь половина правительства.

Затем Сталин коснулся вопроса о Триесте, сказав при этом усмехаясь:

— Ну что, англичане и американцы не хотят отдать нам Триест?

И опять резко перешел к другой теме. Интересовался, каким будет урожай в Югославии, успели ли мы завершить посевную. После этого начал серьезный политический разговор. Товарищ Тито рассказывал о перспективах экономического развития Югославии, а Сталин, постоянно кивая головой, говорил:

— Поможем...

Разговор перешел далее к вопросам смешанных обществ в Югославии. Сталин спросил:

— Наши представители нам сообщили, что ваши товарищи, занимающиеся экономическими вопросами, считают, что вы не согласны с созданием смешанных обществ? — Сталин замолчал на какое-то мгновение, как бы ожидая ответ Тито, но тут же продолжил: — Мы не имеем ничего против этого, если вы не хотите. И поляки, например, не хотели создавать такие общества с тем, чтобы и американцы, со своей стороны, не потребовали от них предоставить им право создавать такие общества.

И. Тито.

— Нет, это не мое мнение и не мнение других югославских руководителей. Мы считаем, что общества можно создавать, конечно, такие общества, которые будут помогать индустриализации нашей страны.

Сталин.

— Да, да... Согласен, что эти общества должны создаваться так, как вы хотите. Верно, Вячеслав Михайлович?

Мологов.

— Ясно, ясно, падо создавать смешанные общества в тех отраслях, в которых это принесло бы максимальную пользу и для вас и для нас!

После этого Сталин заинтересовался, где у нас находятся запасы нефти, бокситов, меди, свинца. «У вас хороший боксит...» — говорил он, непрерывно расчерчивая свой блокнот.

И. Тито объяснил ему, где паходятся залежи цветных металлов в Югославии, затем подробно рассказал о рудниках в Боре, Тренче...

Далее в беседе были затронуты военные проблемы, а затем внешнеполитические вопросы. Сталина особенно интересовала Албания, он подробно расспрашивал об отношениях в ЦК албанской партии, об отдельных фракциях, вникая в мельчайшие детали.

Так, например, он спросил Тито:

— А знаете ли Вы Энвера Ходжу? Что это за человек? Он коммунист? Есть ли там у них свои внутренние проблемы? Какой Вы информацией располагаете на этот счет?

И. Тито.

— Я не встречался с Энвером Ходжей. Но это — молодой человек, во время войны он стал популярным... И вообще в руководстве албанской партии молодые люди. Насколько нам известно, среди них нет каких-то особых проблем.

А. Ранкович.

— У них там нет крупных проблем, за исключением того, что товарищи из албанского Политбюро не считают Энвера Ходжу твердым партийцем и поэтому всегда стараются послать вместе с ним Кочи Дзодзо, как самого старого члена партии в Политбюро. На апрельском пленуме они обсуждали вопрос о линии, особенно в отношении Югославии и Советского Союза, и выявили определенные ошибки и исключили из Политбюро Сейфулу Малешова как посетителя этих ошибок. С тех пор руководство стало более компактным.

И. Тито.

— Мы эти вопросы можем решить с ними.

Сталин.

— Хорошо.

Далее в ходе разговора по внешнеполитическим вопросам речь зашла о Болгарии и Венгрии.

Было уже за полночь. Сталин поинтересовался у Тито:

— А какой у вас плап на вечер?

И. Тито.

— У пас нет плапа.

И. В. Сталин, улыбаясь.

— Правительство, а государственного плана не имеет...

В. Попович.

— Мы наши плапы приспособили к встрече с Вами.

— Тогда надо перекусить, — сказал Сталин, приглашая всех присутствовавших.

Все встали из-за стола, а Молотов говорит:

— Если приглашаете, с огромным удовольствием.

Сталин вызвал своего секретаря — мужчину в форме полковника Красной Армии, невысокого упитанного человека, абсолютно лысого, типичного на вид русского, и велел ему вызвать автомашины. Затем, повернувшись к своим гостям, продолжал шутить. Был очень любезным и остроумным. Не прошло и двух минут, как он вновь вызвал полковника. Спросил, подали ли машины. Тот заметно сник. Сталина вдруг как подменило. От приятного и остроумного хозяина не осталось и следа. Это был уже другой человек. Содрогаясь в гневе, он кричал, выражение его лица резко изменилось, махнув рукой, он осыпал бранными словами своего секретаря, который дрожал и бледнел, казалось, что его вот-вот хватит сердечный удар.

Так мы уехали на дачу Сталина на ужин. Рассевшись по автомашинам, пересекли почную Москву и выбрались на т. н. «правительственное шоссе»... Оно протянулось на несколько километров, и нигде по пути нам не встретился ни один автомобиль, пока мы не прибыли на дачу Сталина.

Ужин начался в столовой, в центре которой стоял длинный стол. Сталин сел посредине, справа от него — Тито, напротив Сталина — Молотов, остальные разместились где кто хотел. На ужине присутствовал Жданов — человек с довольно оживленными жестами и красным припухшим лицом. На нем были видны следы болезни. Здесь же паходился и Берия со своим пронизывающим взглядом. А также Булганин — тихий, глуховатый мужчина.

Столовая была чистой и тихой, производила впечатление изолированной от внешнего мира больницы. Полноватая, средних лет женщина в белом фартуке внесла закрытые крышками серебряные сосуды с едой и поставила их на стол. Каждый сам себя обслуживал: сняв крышку,

мы обнаруживали главным образом блюда грузинской кухни. Через час вновь вошла та же женщина в белом фартуке и, не говоря ни слова, забрала опустевшие серебряные сосуды и принесла новые.

Ужин начался с тостов. Первый тост предложил Сталин. В руке у него была рюмочка перцовки, крепкой водки с перцем...

Так за ужином и тостами проходил час за часом. Бросилось в глаза и мне, иностранцу, что Сталин говорит по-русски с грузинским акцентом. Букву «р» он выговаривал не мягко, как русские, а очень твердо.

Разговор далее зашел об отдельных руководителях коммунистических партий — Торезе, Дюкло, Пике, Готвальде, Ибаррури, Поллите, Тольятти, Диасе.

Когда прошло довольно много времени, Сталин встал со своего стула, пошел в угол, где находился патефон, и начал заводить пластинку за пластинкой. Он сам выбирал пластинки. В большинстве своем это были записи русских народных песен.

Вдруг Сталин стал напевать и приплясывать под музыку. Молотов и другие его соратники стали выкрикивать: — Товарищ Иосиф Виссарионович, какой Вы крепкий...

Настроение Сталина вдруг переменилось:

— Нет, нет, я долго не проживу... Физиологические законы не отменишь...

Молотов вскочил со своего места, за ним последовали все остальные.

— Нет, нет, товарищ Иосиф Виссарионович, Вы нам нужны, Вы будете еще жить долго...

Но Сталин покачал головой.

— Физиологические законы необратимы...

Бросив при этом взгляд на Тито, он сказал:

— Тито должен беречься, чтобы с ним ничего не случилось... Так как я долго не проживу, а он останется для Европы... Черчилль мне рассказывал о Тито, говорил, что Тито — хороший человек, а я ответил Черчиллю: «Мне это неизвестно, но, если Вы говорите, значит, так оно и есть. Постараюсь и я узнать Тито».

Сказав это, Сталин перевел свой взгляд на Молотова:

— А останется Вячеслав Михайлович...

После этого Сталин поднял свою рюмку с перцовкой и предложил Тито выпить на брудершафт. Они чокнулись и обнялись.

Затем Сталин выпрямился и сказал:

— Сила у меня еще есть! — и, подхватив Тито под мышки, три раза приподнял его под звуки какой-то русской народной песни, доносившейся из патефона.

Затем Сталин пригласил других югославы выпить с ним на брудершафт. Позвал он и меня:

— Иди сюда, серб!

Я подошел, держа рюмку в руке. Он мягко ударил меня по этой руке и сказал:

— Когда ньют на брудершафт, рюмку держат в правой руке.

Так что мы все выпили на брудершафт. Сталин с каждым по очереди обменялся несколькими репликами. Кидричу он сказал о словенской интеллигенции, прибегнув к игре слов «подлая» и «подлинная» интеллигенция. С Ранковичем он пошутил, посоветовав ему остерегаться Берии, и Берию спросил: «Ну, кто из вас двоих друг друга завербует?»

А после этого снова пошли тосты. Затем Сталин посоветовал нам, югославам, разводить эвкалипты, обещал прислать нам саженцы, объясняя, что это лучшее дерево для строительства судов. Он сам много-много лет назад вычитал в одной книге, как хорошо это дерево растет в Южной Америке, в связи с чем им было отдано распоряжение закупить семена и засеять в Крыму, где это дерево отлично принялось и очень хорошо растет... Беседа дальше перешла на исторические темы. Сталин подробно рассказывал о чеченцах, затем о великом переселении народов в четвертом и пятом веках, об аварцах, о появлении славян в Европе, о лангобардах.

В пять часов утра этот ужин закончился»¹.

За время пребывания в Москве И. Тито еще несколько раз встречался со Сталиным, в т. ч. на официальном обеде, устроенном им в Кремле, а также на его даче на ужине с участием болгарской делегации во главе с Г. Димитровым, прибывшей в Москву на похороны скончавшегося в начале июня 1946 г. М. И. Калинина. По свидетельству присутствовавшего на этом ужине А. Ранковича, «главным предметом обсуждения был вопрос о создании Коминформы»². Вместе с тем, как стало известно из опубликованных в 1975 г. мемуаров секретаря Г. Димитрова Н. Ганчовского, 7 июня 1946 г. между Сталиным, И. Тито и Г. Димитровым была достигнута договоренность о осуществ-

¹ *Dedijer V. Josip Broz Tito...* S. 415—421.

² *Ibid.* S. 421.

влять самой тесное сотрудничество между Болгарией и Югославией, по союзный договор заключить после того, как будет подписан мирный договор с Болгарией¹.

Как отмечается в биографии И. Тито, написанной В. Дедиером, в высшем югославском руководстве по окончании войны довольно активно обсуждалась идея о необходимости создать в международном рабочем движении консультативный орган для обмена мнениями, для обмена тем богатым опытом, который был рожден всем ходом развития последних лет².

Мысль о желательности создания нового международного органа компартий И. Тито высказал Сталину еще во время своего визита в Москву в апреле 1945 г. Тогда Сталин отнесся к ней положительно и в ходе бесед в Москве в мае — июне 1946 г. заинтересовался у И. Тито, «продолжает ли он по-прежнему придерживаться мнения о необходимости создать новый Интернационал, но информационного характера»³. Получив утвердительный ответ И. Тито, Сталин предложил ему взять инициативу его создания на себя.

На вышеупомянутом советско-югославо-болгарском ужине Сталин заявил, что возобновление деятельности III Интернационала в какой-либо форме заведомо исключается, и высказался за создание другого органа, имеющего информационный характер, который собирался бы время от времени, обменивался опытом, принимал некоторые решения. «Конечно же, — говорил Сталин, — решения этого органа не были бы обязательны для той партии, которая с ними не согласна». Поскольку в беседе с И. Тито он не получил окончательного ответа на вопрос, выступит ли югославская сторона инициатором создания такого органа, Сталин спросил на этом ужине Г. Димитрова:

— Что Вы думаете, кто мог бы быть инициатором: Вы, Вальтер или французы?

Г. Димитров отдал предпочтение И. Тито, который, однако, ответил на это: «Лучше всего пусть будут французы»⁴.

В принятом по итогам этого визита И. Тито в СССР официальном советско-югославском коммюнике подчеркивалось, что состоявшиеся беседы И. Тито со Сталиным про-

¹ Рабочий класс и современный мир. 1989. № 3. С. 107.

² *Dedijer V. Josip Broz Tito...* S. 436; *Dedijer V. Novi prilozi...* T. 3. S. 265—266.

³ *Dedijer V. Josip Broz Tito...* S. 437.

⁴ *Ibidem.*

шли «в атмосфере сердечности и полного взаимопонимания... было достигнуто полное согласие по всем вопросам, касающимся экономического сотрудничества, торговли, материального снабжения Югославской армии и тесного культурного и политического сотрудничества. Правительство СССР согласилось снабжать Югославскую армию вооружением, боеприпасами и т. д. на условиях долгосрочного кредита, а также содействовать восстановлению собственной военной промышленности в Югославии. Торговые переговоры закончились успешно — заключением соглашения о взаимных поставках товаров. Советское правительство пошло самым широким образом навстречу потребностям югославской экономики как в отношении сырья, так и в отношении технических и других материалов»¹.

В югославской историко-мемуарной литературе довольно распространено мнение о том, что в первые послевоенные годы Сталин, присматриваясь к И. Тито, внимательно изучая его, делал все возможное, чтобы перессорить югославских руководителей, внести раскол в их ряды, играя на различиях во мнениях между ними по конкретным вопросам внутренней и внешней политики. Так, считается, что в этих целях Сталин хотел использовать Председателя Экономического совета и Плановой комиссии Югославии А. Хебранга, с которым он встречался в январе 1945 г. во время его визита в СССР во главе югославской экономической делегации². Как вспоминал тоже находившийся тогда в Москве М. Пьяде, Сталин все время выделял А. Хебранга, расточая похвалу в его адрес³. Как отмечается в «Сборнике документов Верховного штаба НОАЮ», «в целях внесения раздора в руководство КПЮ руководители Советского Союза после возвращения А. Хебранга в Югославию в феврале 1945 г. ... сразу стали обходить наше государственное и партийное руководство и обращаться непосредственно к А. Хебрангу»⁴. По словам Э. Карделя, в связи с поступившим письмом от ЦК ВКП(б) в адрес «Тито, Хебранга и др.» (вместо прежнего: «Тито, Карделю и др.») «было ясно, кто должен сменить Тито. Это вместе с тем было и предупреждением Политбюро ЦК КПЮ, кто явится будущей фигурой югославской Коммунистической партии»⁵.

¹ Правда. 1946. 12 июня.

² *Djilas M.* Josip Broz Tito. P. 97.

³ *Dedijer V.* Novi prilozii... T. 3. S. 325.

⁴ *Zbornik dokumenata Vrhovnog Štaba NOVJ.* Beograd, 1954. S. 84.

⁵ *Kardej E.* Borba za priznanje... S. 128.

Состоявшемуся в мае — июне 1946 г. визиту И. Тито в Советский Союз предшествовали события, приведшие к исключению А. Хебранга из Политбюро ЦК КПО. 17 апреля 1946 г. А. Хебранг написал Э. Карделю письмо, в котором, по словам последнего, «объяснил свою позицию и резко раскритиковал политику нашей партии во всех областях, естественно, в духе того, что потом вмещал нам Сталин в своих письмах в наш адрес»¹. В письме А. Хебранга, которое Э. Кардель назвал «тезисами будущего главы КПО»², говорилось следующее: «Дорогой Эд! Я несколько раз звонил тебе, но каждый раз мне отвечали, что ты вышел. Поскольку речь идет о важном деле, а я не знаю, когда мы сможем переговорить, пишу тебе это письмо».

Во второй половине дня был у меня Лаврентьев (посол СССР в ФНРЮ.— Ю. Г.). Пришел поближе познакомиться. После небольшого вступления он перешел к существу вопроса.

Во-первых, ему известно о моем письме от 19 февраля 1946 г., в котором предлагается налаживание тесного сотрудничества между нами и СССР и о создании совместных обществ...

В конце беседы он сказал: «Вчера вечером я разговаривал на приеме в ЮНРА по этому вопросу с Бевцем (Э. Карделем.— Ю. Г.). Он мне объяснял, почему переговоры для решения этих вопросов откладываются и ограничиваются только вопросом товарообмена на 1946 год. Но из этой беседы я не смог уяснить суть вопроса».

Считаю, что этот вопрос следовало бы разъяснить, чтобы у них не оставалось ни малейшего сомнения. Наиболее подходящим для этой цели было бы включение в предстоящие переговоры вопросов нашего тесного интегрирования с ними в экономическом отношении и создания совместных обществ.

...Ты высказал мысль о том, что в этом случае я должен быть во главе делегации. Когда ты послал предложение, касающееся членов делегации, ты позвонил мне и сказал, что политический ее состав мог бы быть посильнее. После этого ты разговаривал со Стариком (И. Тито.— Ю. Г.), почему потом и перезвонил мне, сообщив, что переговоры ограничиваются вопросами товарооборота на 1946 год и что Никола (Петрович.— Ю. Г.) едет в качестве главы делегации.

¹ *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 100.

² *Ibidem*.

Я не считал, что такое решение было правильным. Но и предчувствовал, что за ним скрывается. Такое решение принято с тем, чтобы я не поехал в Москву. Мои сомнения подтвердились. Вчера я узнал, что Старик в беседе с Кочей (Коча Попович.— Ю. Г.) сказал, что Андрия не может ехать в Москву, поскольку он проводит ошибочную экономическую политику. Он проводит политику государственного капитализма. В Москву поедет Никола. Коча рассказал об этом на одном из совещаний в Генеральном штабе.

Я не хочу вникать в то, почему Старик говорит такие вещи обо мне не членам ЦК. Ясно одно. Он питает большее доверие к Николе, чем ко мне. Сейчас вдруг, неожиданно-пегаданно, этот грешник, которого раньше так справедливо ругали, оказался специалистом по экономике, а я никудышным человеком. Разумеется, дело не в этом. Я догадываюсь, почему не могу ехать в Москву. К моему «несчастью», после моего пребывания в Москве (в январе 1945 г.— Ю. Г.) некоторые телеграммы адресовались в том числе и на мое имя...

Независимо от всего этого необходимо будет обсудить то, что Старик сказал Коче. Из этого очевидно следует, что он не питает доверия ко мне. А при таких условиях у меня нет никакого смысла и дальше занимать нынешний пост. Это единственно логичный вывод.

Если сочтешь необходимым, прошу тебя найти немного времени завтра для разговора по этим вопросам.

С товарищеским приветом Андрия»¹

Письмо А. Хебранга было рассмотрено на заседании Политбюро ЦК КПЮ 19 апреля 1946 г. Его участники, в т. ч. И. Тито, Э. Кардель, М. Джилас, М. Пьяде, С. Жуйович, И. Гошняк, С. Вукманович и К. Попиводе, расценили это как попытку внести разлад в руководство КПЮ, в связи с чем А. Хебранг был осужден всеми, за исключением С. Жуйовича, который, как было признано, «повел себя фракционно». Политбюро ЦК КПЮ создало комиссию в составе А. Ранковича, И. Гошняка и Б. Нешковича с целью расследовать поступок А. Хебранга, а также поведение С. Жуйовича. По завершении работы комиссия доложила 24 апреля 1946 г. заседанию ЦК КПЮ в составе И. Тито, Э. Карделя, М. Маринко, С. Вукмановича, И. Гошняка и К. Попиводе следующее: в своем письме

¹ Marković D., Kržavač S. Zašto su smenjivani. Beograd, 1985. S. 25.

А. Хебранг «в недопустимой форме обвинил товарища Тито в том, что он лично его не терпит»; несамостоятельное поведение А. Хебранга подтверждает, что в его письме «речь идет не о каком-то личном конфликте с товарищем Тито, а о попытке перевести политические различия между товарищем Тито, являющимся носителем политики ЦК, и товарищем Хебрангом на личную почву». В этой же докладной записке комиссия расценила поведение С. Жуйовича на заседании Политбюро ЦК КПЮ 19 апреля 1946 г. «не только как примиренческое, но и по существу означавшее поддержку товарищу Хебрангу». Было решено исключить А. Хебранга из Политбюро ЦК КПЮ и вынести ему строгий выговор за фракционную деятельность, направленную в том числе лично против И. Тито, а также за уступчивость СССР в экономических вопросах, за неверие в экономические силы ФНРЮ, а также недооценку югославских нужд и интересов. Тогда же он был освобожден от должности министра промышленности Югославии и смещен с поста Председателя Экономического совета ФНРЮ¹.

Здесь будет уместным сделать небольшое отступление с тем, чтобы более подробно сказать, кто такой А. Хебранг, какое место занимал он в югославском революционном движении, каковы были его взаимоотношения с И. Тито. Они знали друг друга еще с периода совместной работы в Загребском горкоме КПЮ в конце 20-х годов. На VIII Загребской партконференции в 1928 г., на которой Коминтерн уполномочил А. Хебранга присутствовать в качестве его представителя, И. Тито при его самой актив-

---

¹ *Marković D., Krzavac S. Zasto su smenjivani. S. 26; Dedijer V. Novi prilozi... T. 3. S. 370, 377, 380, 383; В мае 1948 г. А. Хебранг был выведен из состава ЦК КПЮ, исключен из партии, снят с поста Председателя Плановой комиссии ФНРЮ и подвергнут аресту. Судебное расследование в связи с выдвинутыми против него обвинениями в «предательском поведении в усташском плену» не было завершено, поскольку вскоре, как гласит официальная версия, А. Хебранг, «воспользовавшись недосмотром надзирателей, повесился в камере-одиночке». В 1982 г. дочь А. Хебранга Дуля Хебранг опубликовала в ряде журналов, в частности в белградском еженедельнике «НИН», материалы, в которых утверждала, что «конструкция о предательстве А. Хебранга» является «фальсификацией», что «судебного процесса над А. Хебрангом не было, ввиду чего и судебный приговор не выносился» («НИН». 1982. № 29. С. 31—32). Как писал югославский исследователь В. Калезич в вышедшей в Белграде в 1988 г. книге о М. Джиласе, насколько ему удалось установить, «документа о предательстве А. Хебранга никто не видел».*

ной поддержке был избран секретарем горкома. Касаясь этого периода, И. Тито в предисловии к полному собранию своих сочинений отметил в 1977 г. следующее: «Я с Андрией Хебрангом одно время тесно сотрудничал. Вместе со мной он представлял то меньшинство Загребского горкома партии, которое решительно выступило против обеих фракций. Но Хебранг позднее, находясь длительное время на каторге, начал сдавать позиции, что особенно произошло в усташской тюрьме. Имея в виду это его падение, его и попытались использовать известные советские органы в борьбе против нашей партии в период, когда Сталин подверг нас нападкам»¹.

В 1929 г. А. Хебранг был арестован и в течение 12 с половиной лет находился в тюрьме. Как видного деятеля югославского коммунистического движения, А. Хебранга по выходе из тюремного заключения в середине февраля 1941 г. в Коминтерне рассматривали как личность, равную по своему масштабу И. Тито². Войдя в начале июля 1941 г. в состав Оперативного руководства КП Хорватии, он внес свой вклад в дело развертывания НОД в Хорватии. 25 февраля 1942 г. он был арестован в Загребе агентами усташской полиции. При аресте пытался покончить жизнь самоубийством. Находясь в усташских тюремных застенках, как отмечалось в Отчете представителя ЦК КПЮ В. Поповича, направленного в ЦК КПЮ 16 июня 1942 г., «Фати (А. Хебранг) держится образцово». И далее: «Ему предложили торг. Он отверг его, заявив, что является коммунистом. Слеп на правый глаз. Мы получили письмо от него, в котором он пишет: «Ожидаю пыток. Но я не думаю о своей личной судьбе, которая обречена, а только о том, чтобы нести знамя нашей партии незапятнанным до последнего вздоха»³.

23 сентября 1942 г. в числе 32 участников народно-освободительного движения был обменян на двух захваченных в плен усташских полицейских⁴. В середине апреля 1943 г. А. Хебранг был избран секретарем ЦК КП Хорватии вместо расстрелянного 24 мая 1942 г. в Сплите итальянскими фашистами Раде Кончара. Оргсекретарем ЦК КПХ стал И. Краячич. По словам видного деятеля КП Хорватии Я. Блажевича, «Андрия Хебранг был в то время для всех, и для нас в том числе, крупным авторитетом,

¹ *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 1. С. 24.

² *Dedijer V. Novi prilozi...* Т. 3. С. 341, 352.

³ *Zbornik dokumenata i podataka...* Т. 2. Кнж. 4. С. 379—380.

⁴ *Dedijer V. Novi prilozi...* Т. 2. С. 480.

как известный коммунист-кавказянин, прошедший в застенках 12 лет, где научился многому. Он умел говорить убедительно, кратко и по существу. Помню, например, как на Второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Хорватии все были воодушевлены его докладом. Это всеобщее воодушевление выразил Йосип Джерджа, который сказал: «Чувствуешь ли ты, Яков, что Андрия формулирует свои мысли и говорит, как Сталин?» Это был большой комплимент, ибо тогда Сталин для всех нас ассоциировался с великим человеком, коммунистом и государственным деятелем»¹.

В конце сентября 1944 г. И. Тито поручил Э. Карделю ознакомиться с положением в ЦК КПХ. После посещения Хорватии Э. Кардель доложил в ЦК КПЮ следующее: «Речь прежде всего идет о том, что в Хорватии дела не поправятся до тех пор, пока секретарем ЦК КП Хорватии является Андрия Хебранг, т. е. до тех пор, пока он там вообще будет находиться»².

25 сентября Э. Кардель сообщил И. Тито в Крайову свое мнение о необходимости смещения А. Хебранга за «сепаратистские взгляды, национальную петерпимость и авторитарное поведение» и назначения на его место В. Бакарича³. В результате А. Хебранг, оставаясь членом Политбюро ЦК КПЮ, был переведен в Белград и назначен Председателем Экономического совета, Плановой комиссии ФНРЮ, а также министром промышленности Югославии. Находясь на этих постах, он разошелся с руководством КПЮ во главе с И. Тито в вопросе концепции экономического развития Югославии, считая намечаемые планы индустриализации «гигантоманией», «утопией», выступал за использование советской системы планирования, за более тесную интеграцию народного хозяйства ФНРЮ и СССР, в т. ч. посредством создания смешанных югославо-советских обществ⁴. После визита А. Хебранга в Москву в начале 1945 г. во главе делегации и его встречи в январе 1945 г. со Сталиным ему было предъявлено обвинение в том, что он «саботирует меры государственного руководства в отношении развития народного хозяйства, а также в тайной передаче советским представителям любых данных, которые у него просили»⁵. Ветеран югослав-

¹ *Marković D., Kržavač S. Zasto su smenjivani.* S. 30.

² V конгрес КПХ. С. 126—127.

³ *Broz Tito J. Sabrana djela.* T. 23. S. 180, 289.

⁴ *Dedijer V. Novi prilozii...* T. 3. S. 208.

⁵ *Zbornik dokumenata i podataka Vrhovnog Štaba NOVJ.* S. 84.

ского революционного движения, участник Великой Октябрьской социалистической революции П. Григорич, вспоминая о том, когда он и А. Хебранг были членами правительства, при обсуждении вопросов на его заседаниях «А. Хебранг часто первым брал слово после Тито», а когда вернулся из Москвы, «уговаривал его выступить в поддержку политики Сталина»¹.

Делясь своими впечатлениями от встреч и бесед со Сталиным, Э. Кардель в своих мемуарах признавался, что на него производила большое впечатление прекрасная информированность и осведомленность Сталина о положении в Югославии и настроениях югославского руководства. Исходя из этого, он утверждал: «Я подумал, что, очевидно, в Югославии на очень ответственном месте есть человек, который информирует Советское правительство о деятельности югославского правительства, соответственно Политбюро ЦК КПЮ, что впоследствии и подтвердилось»². Разделяя мнение Э. Карделя о том, что А. Хебранг передавал Советскому Союзу «письменную информацию», М. Джилас разъяснял: «Передача информации советской партии в то время сама по себе не считалась смертельным грехом... Но в случае с Хебрангом это даже тогда приобрело характер подрыва ЦК КПЮ... Можно без малейшего сомнения утверждать, что Хебранг передавал информацию советскому Центральному Комитету, чтобы заручиться его поддержкой и настроить против югославского ЦК с целью вызвать выгодные ему изменения в нем... Подлинная причина, однако, кроется в следующем: Хебранг верил, что Югославия не должна развивать свою экономику и иметь независимые от СССР планы экономического развития, в то время как ЦК КПЮ считал, что надо поддерживать тесное сотрудничество с СССР, но не в ущерб нашей собственной независимости»³.

Сталин не мог не знать о происшедших за месяц до прибытия И. Тито с визитом в СССР событиях в Политбюро ЦК КПЮ, в результате которых из его рядов был удален один из наиболее твердых сторонников тесного сближения с СССР. Тем не менее он, насколько известно, не только не затронул этой темы в разговорах с И. Тито, и наоборот, проявил повышенное внимание к нему, недвусмысленно проча его в лидеры мирового масштаба.

¹ Oslobođenje. 1984. 26 mart.

² Kardelj E. Borba za priznanje... S. 100.

³ Djilas M. Conversations with Stalin. P. 94; Djilas M. Wartime. P. 428—429.

Особенно демонстративным был жест Сталина в отношении И. Тито на состоявшихся в период визита похоромах М. И. Калинина 5 июня 1946 г. В то время как главы иностранных делегаций стояли слева у подножия Мавзолея В. И. Ленина, Сталин пригласил И. Тито на центральную трибуну. «Эта честь была оказана только Тито, — отмечается в его биографии, — все остальные зарубежные гости продолжали стоять на своем прежнем месте»¹.

И в последующие месяцы Сталин уделял И. Тито подчеркнутое внимание. Еще летом 1946 г., как вспоминал М. Джилас, упрекая польскую делегацию за терпимое отношение в Польше к противникам пародной власти, Сталин хвалил И. Тито: «Тито — надежная опора... он всех их прогнал!»² Тепло отзывался об И. Тито Сталин и в беседе с Э. Карделем в феврале 1947 г. Тем же отвечал ему И. Тито, проявляя полное доверие к Сталину. В противном случае разве согласился бы И. Тито в феврале 1947 г. на операцию по поводу аппендицита советскими хирургами, направленными специально для этих целей в Югославию по распоряжению Сталина³.

В связи с этим приобретает особое значение вопрос о взаимоотношениях между такими политическими деятелями, как Сталин и И. Тито, черты характера которых во многом способствовали возникновению конфликта, а затем и разрыву в 1948 г. советско-югославских отношений. В югославской историографии сложился известный стереотип, в соответствии с которым между Сталиным и Тито с самого начала установились отношения взаимной неприязни, недоверия и подозрительности. По мнению югославской стороны, Сталин отрицательно относился к той самостоятельности, которую проявлял И. Тито и до войны после прихода в 1937 г. к руководству КПЮ, и в период войны. В подтверждение обычно приводится переписка И. Тито с ИККИ, с Г. Димитровым, рекомендации которого отождествляются с мнением Сталина. Если суммировать их, то они сводились фактически к основному желанию, чтобы руководство КПЮ при выработке стратегии и тактики народно-освободительного движения рассматри-

¹ *Dedijer V. Novi prilozi...* Т. 1. S. 422; Т. 3. S. 201.

² *Djilas M. Josip Broz Tito.* P. 39.

³ *Dedijer V. Novi prilozi...* Т. 3. S. 201, 205. В этой книге В. Деджер приводит следующее свидетельство начальника охраны И. Тито М. Жежеля: «В 1947 г. Тито тяжело заболел вследствие неожиданного приступа аппендицита. Сталин прислал самолетом своих врачей — профессоров Бакулева и Смотрову, которые оперировали И. Тито в его словенской резиденции — в замке Брдо возле Кравья».

ило ее «не только со своей пациональной точки зрения, но и с интернациональной», не забегало вперед, не раскрывало преждевременно ее классового характера, что могло бы не только сузить антифашистскую платформу, но и вызвать пенужные трения в антигитлеровской коалиции, поставив под угрозу реализацию главной на тот момент задачи — сокращения сроков войны, скорейшего разгрома фашизма¹. Этот тезис порой трактуется отдельными югославскими авторами как сознательная попытка Сталина сдержать развитие социалистического характера революции в Югославии, принести ее в жертву своим великодержавным интересам и в качестве примера приводится, в частности, заключение с Черчиллем соглашения о разделе Югославии на сферы влияния.

Да, действительно, Сталин в присущей ему жесткой, категоричной манере критиковал И. Тито, в частности в связи с Декларацией правительства ДФЮ (март 1945 г.), и также за его высказывания в период триестского кризиса, относящиеся к СССР. Сталин с недовольством воспринял решение И. Тито не приезжать в ноябре 1944 г. в Москву и направить вместо себя Э. Карделя; он не скрывал раздражения его позицией по другим вопросам — о поведении советских военнослужащих, положении советских гражданских и военных специалистов в Югославии и т. д.

М. Джилас, несколько раз встречавшийся со Сталиным, и т. ч. дважды перед самым разрывом отношений (в январе и феврале 1948 г.) считает, что «время от времени позникали различия во взглядах с советским руководством, но они не имели такого характера, который означал бы конфликт, ссору»²: «Что касается меня, а также многих других коммунистов, то в действиях Советского Союза я ничего серьезного не видел и ничего не предполагал вплоть до конца 1947 г. — начала 1948 г.»³. По его словам, осложнили отношения между двумя странами и вопросы, связанные с созданием смешанных советско-югославских обществ, и также высказывания советских специалистов по поводу пятилетнего плана ФНРЮ. Например, такого рода: «зачем Югославии тяжелая промышленность, ведь Советский Союз имеет, мол, на Урале все, что ей нужно». Подписан-

¹ Архив ЦК СКЮ, ф. ЦК КП — КИ. 1942/289; 1942/162; 1942/172; 1942/173. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 517.

² *Djilas M. Wartime.* P. 432.

³ *Djilas M. Conversations with Stalin.* P. 112.

ные, в конечном счете, в начале февраля 1947 г. два соглашения о создании югославо-советского дунайского пароходного акционерного общества (ЮСПАД) и югославо-советского общества гражданской авиации (ЮСТА), как отмечается в биографии И. Тито, убедили югославскую сторону, что такие смешанные общества лишь наносят ущерб экономической независимости и суверенитету Югославии¹.

Когда Сталину доложили о том, с какими трудностями проходят советско-югославские переговоры о создании смешанных обществ, он, принимая 19 апреля 1947 г. Э. Карделя, находившегося в Москве в связи с участием в сессии СМВД, посвященной обсуждению проекта государственного договора с Австрией, решил первым затронуть эту болезненную тему. Предложив отказаться от спорной формы сотрудничества, Сталин тем самым упредил Э. Карделя, имевшего поручение И. Тито обратить внимание главы Советского правительства на «вредность тех видов обществ, которые предлагались советскими специалистами в ходе экономических переговоров»².

Сталин принял Э. Карделя в своем кабинете в Кремле. С югославской стороны присутствовали министр иностранных дел С. Симич и посол ФНРЮ в СССР В. Попович, с советской стороны на этой беседе был В. М. Молотов. По оценке Э. Карделя, в течение всей беседы, проходившей в «ярко выраженном дружественном тоне», Сталин «вел себя любезно»³.

В соответствии с записью, сделанной В. Поповичем, эта беседа, состоявшаяся вскоре после операции, сделанной И. Тито советскими хирургами, которых, по его просьбе, направил в Югославию Сталин, протекала следующим образом.

«Сталин.

— Вы давно уже в Москве? Как вам живется здесь?

Э. Кардель.

— Около трех недель. Живу хорошо, каждый вечер хожу в театры.

Сталин.

— Как обстоят дела с Каринтией? (Обращаясь к Молотову.) Ты сегодня выступал?

Молотов.

— Да, я сегодня выступал. Мы поддержали югославские территориальные и репарационные требования к Ав-

¹ *Dedijer V.* Josip Broz Tito. S. 422.

² *Ibid.* S. 430.

³ *Kardelj E.* Borba za priznanje... S. 100, 102.

стрии. Бидо¹ внес предложение передать Югославии австрийские активы в Югославии и установить специальный режим использования вод реки Дравы на основе договора между Австрией и Югославией, заключенного до аншлюса.

Э. Кардель.

— Бидо во время ужина, устроенного генералом Катру² в нашу честь, пообещал Симичу, что поддержит нас по вопросу репараций и электростанций в Лободе и Жвабеке.

Молотов.

— Нет, он не так вопрос поставил. Американцы и англичане решительно против этого. Совет передал заместителям югославские территориальные и экономические требования. Можно ожидать позитивного решения по вопросу австрийских активов в Югославии. Это для Югославии имеет определенное значение, ибо стоимость этих активов составляет около 4 млн долларов.

Э. Кардель (обращаясь к Сталину).

— Хочу прежде всего передать вам сердечные приветы от маршала Тито!

Сталин.

— Как чувствует себя товарищ Тито?

Молотов.

— Как прошла операция?

Э. Кардель.

— Товарищ Тито чувствует себя очень хорошо, операция прошла удачно. Жаль только, что врач Смотров умер.

Сталин.

— Отчего?

Э. Кардель.

— От сердечного приступа.

Сталин.

— Может, много выпил? Хирурги, знаете, любят выпить.

Э. Кардель.

— Нет, он вообще не пил, насколько нам известно.

Сталин (улыбаясь, обращается к В. М. Молотову).

— Ты направил Тито ногу по этому поводу?

Молотов (также улыбаясь).

— До этого не дошло, так как Тито обо всем этом нас заблаговременно проинформировал. Поэтому вопрос считается исчерпанным.

¹ Ж. Бидо — министр иностранных дел Франции.

² Генерал Ж. Катру — посол Франции в СССР.

Сталин.

— Как обстоит у вас дело с индустриализацией? Сколько выплавляете чугуна, стали? Добываете ли нефть? Каковы мощности ваших заводов? Есть ли у вас предприятия по переработке нефти? Как обстоят дела с электростанциями?

Э. Кардель привел конкретные цифры, назвав также соответствующие наметки пятилетнего плана. В отношении добычи нефти он сказал:

— Нефть мы добываем, правда, в небольших количествах, есть старейший нефтеперерабатывающий завод в Риеке.

Сталин, отметив, что для него было приятной неожиданностью то, что в Югославии, хотя и немного, но все же добывается нефть, спросил:

— Запасы нефти у вас находятся в районе границы с Венгрией?

Э. Кардель.

— Нефтяной пояс протянулся из Румынии через Венгрию и Югославию до Албании. В соответствии с геологической картой прежних лет, а также той, которую составили немцы во время войны, в нашей стране много нефти. Что же касается металлургических заводов, то они небольшие и устаревшие...

Я как раз хотел поговорить с вами о смешанных обществах, а также о некоторых недоразумениях, возникших в ходе переговоров. Мы не смогли принять предложения вашей делегации, как по политическим, так и по материальным соображениям. Мы, например, предлагали, чтобы вы построили алюминиевый завод в Мостаре. Но ваша делегация не согласилась с этим.

Сталин.

— Когда была эта делегация у вас и кто ее возглавлял?

Э. Кардель, не будучи в состоянии вспомнить фамилию главы делегации, продолжал:

— Мы заинтересованы в создании смешанного общества по добыче и переработке нефти.

Сталин (подняв руку).

— Не считаете ли вы, что вообще не следует создавать смешанные общества, так как они, судя по всему, не подходят вам.

Не ожидая ответа Э. Карделя, Сталин продолжал:

— А что, если вообще мы не будем создавать смешанные общества, а поможем вам, построим вам алюминиевый завод, металлургический завод, окажем содействие в добыче и переработке нефти. Ясно, что форма сотрудничества

через смешанные общества не очень подходит для союзнической дружественной страны, какой является Югославия. Здесь всегда возникали бы разногласия, расхождения, в известном смысле страдала бы и независимость самой страны и портились бы дружеские отношения. Такие общества подходят для стран-сателлитов.

В. Попович.

— Уже созданы смешанные общества в гражданской авиации и речном пароходстве.

Сталин.

— Да, но это другое дело. Это не производственная сфера, и эти общества могут остаться и функционировать. Мы вам поможем в другой форме.

Молотов.

— Верно, это лучше и проще.

Сталин.

— Имеете ли вы представление, какой мощности вам нужны алюминиевый и металлургический заводы?

Э. Кардель.

— Это сейчас нам сказать трудно, но через несколько дней мы передадим наши предложения в письменной форме, пришлем делегацию для переговоров по этому вопросу. Мы с вашим предложением полностью согласны. И мы придерживаемся того мнения, что такое решение намного лучше и благоприятнее для нас. Большое вам спасибо.

Сталин.

— Мы построим вам эти заводы в кредит, окажем помощь людьми, специалистами, частично рассчитаетесь деньгами или как сможете.

Улыбаясь, он добавил:

— Должны же мы все же хоть что-нибудь получить от нас...

Э. Кардель коротко проинформировал о том, какие меры уже предприняты Югославией с целью приобретения различных машин за границей. Назвал Чехословакию, Венгрию и Швецию. Подчеркнул, что торговля с этими странами сопряжена с риском, ибо, к примеру, шведское правительство под давлением американцев чинит, по имеющимся данным, препятствия в торговле с Югославией.

Сталин.

— Что вы поставляете в эти страны?

Э. Кардель.

— В основном сырье и сельхозпродукты.

Сталин.

— Как идет торговля с чехами, у них есть чем торговать?

В. Попович.

— Они с самого начала стали чинить помехи.

Молотов.

— Они ищут рынки сбыта, пытаются продать подороже.

Сталин.

— А как с итальянцами? Вам следовало бы с ними тесно сотрудничать. Они делают хорошие машины и имеют хороших специалистов. Надо вам с ними договориться и получить кое-что в счет репараций.

Э. Кардель.

— Я думаю, что у нас с ними дела пойдут. Сейчас их торговая делегация находится у нас.

В. Попович.

— Мы надеемся, что сможем использовать в известной мере и заводы Триеста.

Сталин.

— Да, правильно, но вы должны позаботиться о включении в мирный договор с Италией статьи, которая воспретствовала бы разбазариванию имущества на территории, отходящей по договору к вам, например, в Пуле.

Молотов.

— Верно.

Э. Кардель.

— Чтобы положить конец такому разбазариванию, мы вынуждены были выкупить несколько заводов и судоверфей по ремонту судов в Пуле, ибо по соглашению с Италией частные владельцы, не желающие оставаться на этой территории, могут забрать свое имущество с собой...

Мы предусмотрели в наметках пятилетнего плана и создание у нас военной промышленности.

Сталин.

— Да, это для будущей войны очень важно и необходимо. Ваша армия не должна остаться без боеприпасов и оружия. Вам, конечно, нужен металлургический завод, только какой мощности. Без тяжелой промышленности нет независимости, нельзя вести войну. У вас есть домны, и сколько?

Э. Кардель.

— У нас всего три домны.

Сталин.

— У вас гидроэлектростанции или есть и другие?

Э. Кардель.

— Комбинированные, но планом предусмотрено, чтобы было больше гидроэлектростанций.

Сталин.

— У вас много горных рек? Какой у вас уголь?

Э. Кардель.

— У нас есть немного каменного угля, бурый уголь и лигнит — в больших количествах. Антрацита нет.

Сталин.

— А где закупаете кокс?

Э. Кардель.

— В Польше.

В. Попович.

— Немного приобретаем у вас.

Э. Кардель.

— На днях поступила телеграмма от Тито по вопросу создания военно-морского флота. Мы разработали 10-летний план строительства флота. Но нам нужна ваша помощь. В связи с вашим разговором с Тито не могли бы вы направить делегацию для подписания соглашения по этому вопросу?

Сталин.

— У нас плохо обстоят дела с флотом. У нас мало судов. Строим только легкие боевые корабли. Какие судам нужны и сколько? Ваш флот должен состоять в основном из легких кораблей. Мы еще не готовы к строительству крупных судов. Большие линкоры трудно строить. Для их строительства надо мобилизовать практически все народное хозяйство, а это мы еще не в состоянии сделать. Вам надо от итальянцев затребовать кое-какие суда. Они им могут дать. У них был довольно хороший и сильный флот.

Э. Кардель.

— Мы располагаем хорошими, квалифицированными моряками, они имеют давнюю славу, избороздили все моря.

Сталин.

— Вполне возможно.

В. Попович.

— Мы испытываем нехватку в машинистах, обслуживающих дизельные моторы на судах, поэтому недавно мы обратились к вам с просьбой разрешить 15 нашим машинистам прибыть для прохождения практики на ваших судах. Современные суда строятся в основном с дизельными моторами.

Сталин.

— Легкие да, а тяжелые линейные — с турбинными. Это крупное и серьезное дело.

Э. Кардель.

— Можно прислать делегацию?

Сталин (после небольшого раздумья).

— Пришлите двух-трех человек, которые определят, что вам нужно, после чего яснее станет, насколько мы сможем помочь вам в этом деле.

Э. Кардель.

— Мы просим удовлетворить наши просьбы, касающиеся объемов поставок, при заключении торгового протокола на этот год.

В. Попович.

— Мы хотим, чтобы товарообмен возрос в сравнении с прошлым годом на 60%. Здесь сейчас находится наша торговая делегация, которая уже ведет переговоры с представителями Министерства внешней торговли. Мы обратились к вашему Министерству внешней торговли с предложением согласиться со структурой нашего экспорта. Мы знаем, что в предложенном нами товарном списке есть и такие позиции, которые сейчас не являются для вас крайне необходимыми, как вино, водка, различные соки. Но, когда мы вынуждены закупать машины в других странах, то нам приходится поставлять взамен так называемые добротные товары. Особенно мы заинтересованы в нефтепродуктах, которые в других странах мы не можем приобрести, поскольку у нас нет долларов, а также в шерсти, хлопке, некоторых машинах для рудников, а также химикалиях.

Э. Кардель.

— Нефтепродукты для нас очень важны.

Сталин.

— Прежде всего вам, конечно, нужен бензин и что еще?

В. Попович.

— Бензин для самолетов, обычный, различные смазочно-материалы и другие продукты нефтеперерабатывающей промышленности.

Э. Кардель.

— Нам, кроме того, нужна шерсть, так как ее у нас нет в достаточных количествах, а имеющаяся — низкого качества.

Молотов.

— У нас плохо обстоят дела с шерстью, мы ее ввозим.

Сталин.

— Какие породы овец вы выращиваете? Мы форсиру-

ом разведение одной породы овец, которые дают очень хорошую шерсть и много мяса. Таких овец и вам следует выращивать. Что касается нефтепродуктов, то здесь мы сможем помочь вам.

Сколько словенцев проживает в Югославии?

Э. Кардель.

— Миллион двести тысяч.

Сталин.

— А сколько за ее пределами?

Э. Кардель.

— Около половины миллиона.

Молотов.

— Неужели еще полмиллиона словенцев проживает за пределами Югославии? Сколько их останется в Италии и в Триесте? По вашим данным, в Каринтии насчитывается около 180 тысяч словенцев.

Э. Кардель.

— Всего за границей находится около половины миллиона. В Каринтии мы считаем имеется около 120 тысяч словенцев.

Сталин.

— Видимо, словенцы подвергаются ассимиляции.

Э. Кардель.

— Со стороны немцев, но не со стороны итальянцев. Нарю десятилетий назад в Любляне и Мариборе было больше немцев, чем словенцев.

Сталин.

— Города в этом отношении не играют решающей роли. Раньше, к примеру, Рига была полностью немецким городом. После освобождения в течение весьма короткого времени их не стало. Здесь главное — село. Крестьяне в этом смысле мощный фактор. Они очень упорны и всячески пробиваются в город.

Э. Кардель.

— Да, вы об этом писали раньше.

Сталин.

— А сколько у вас сербов?

Э. Кардель.

— Около пяти с половиной миллионов.

Сталин (улыбаясь).

— Вместе с черногорцами?

Э. Кардель (улыбаясь).

— И с ними и без них. Черногорцев насчитывается около 300 тысяч. Наш посол (В. Попович.— Ю. Г.) является черногорцем.

Молотов (улыбаясь).

— Боевой народ.

Э. Кардель.

— В нашей армии большинство генералов — черногорцы.

Сталин.

— Да, черногорцы перецеголяли остальных. А сколько македонцев в Югославии?

Э. Кардель.

— Около полутора миллионов.

Сталин (несколько удивлен).

— Неужели в Югославии проживает полтора миллиона македонцев?

Э. Кардель.

— Да.

Сталин.

— Это значительная цифра. А на каком языке говорят македонцы?

Э. Кардель.

— У македонцев свой язык.

Сталин.

— Есть ли у них художественная литература и тому подобное на своем языке?

Э. Кардель.

— Они имеют и пародные песни и литературу на своем языке. Сейчас выходят газеты, журналы и небольшие произведения на их языке. Их язык находится еще в процессе становления, он где-то на грани между сербским и болгарским.

Сталин.

— Македонцы, кажется, восприняли культуру от греков.

Э. Кардель.

— Есть такие признаки.

Сталин.

— Думаете ли что-нибудь предпринять вместе с болгарями?

Э. Кардель.

— Да, мы думаем после ратификации мирного договора заключить с ними договор, сходный тому, который у нас есть с Албанией.

Сталин.

— Правильно.

Э. Кардель.

— У нас были небольшие споры с болгарскими товарищами в связи с Македонией.

В. Попович.

— Они изъяли из Конституции статью, касающуюся македонцев.

Молотов (улыбаясь).

— Да они в этом отношении действуют весьма осторожно.

Сталин.

— А как идут у вас дела с албанцами? Ходжа что-то жаловался на ваших политических советников в их армии, как будто они ослабляют дисциплину, что ли?

Э. Кардель.

— Для нас это новость. Нам они об этом ничего не говорили.

Сталин.

— Какого происхождения албанцы?

Э. Кардель.

— Они потомки иллирийцев.

Сталин.

— Я вспоминаю, что Тито говорил мне, что они сродни баскам.

Э. Кардель.

— Это верно.

С. Симич.

— Есть признаки, говорящие о том, что албанцы являются самым древним народом на Балканском полуострове. Некоторые их слова свидетельствуют о том, что албанский язык древнее греческого. Слово «Афродита» заимствовано из албанского языка. В греческом языке оно вообще не означает ничего.

Сталин.

— Этот народ довольно отстал в своем развитии.

В. Попович.

— Албанцы очень храбрые и преданные люди.

Сталин.

— У нас такими преданными были чуваша. Русские царя брали их в личную охрану.

Э. Кардель.

— У нас на территории Косово и Метохии и сегодня проживает больше албанцев, чем сербов. Мы думаем, позднее, когда установим еще более тесные отношения с албанцами, уступить им эти территории.

Сталин.

— Очень хорошо, правильно. А как албанцы оказались на этой территории?

Э. Кардель.

— Поселились в этом крае при турках, а часть населения ассимилировали.

Сталин.

— А как же народу, находившемуся на более низкой ступени развития, удалось такое? Чем это объясняется?

Э. Кардель.

— И соседние племена были примитивными, например черногорское племя.

В. Попович.

— Нет, они не ассимилировали черногорцев. В тех краях жили сербы.

Сталин.

— Ишь какой! (Смех.) Какая религия преобладает в Албании?

С. Симич.

— Больше всего мусульман, затем католиков, есть немного и православных.

Э. Кардель.

— У них католическая церковь была в период войны против народно-освободительной борьбы и сейчас выступает против народной власти.

Сталин.

— А как обстоят дела с церковью в Югославии?

Э. Кардель.

— Большинство католических священников вело ожесточенную борьбу против нас, особенно до вынесения судебного приговора Степинацу¹.

Сталин.

— Папа поддерживает их и помогает им.

Э. Кардель.

— После суда над Степинацем многие католические священники оказались скомпрометированными и немного испугались. Народ им верит все меньше. Сейчас происходит дифференциация среди них. Все больше рядовых католических священников начинает отворачиваться от католической реакции и переходит к нам. Хорошим священникам мы выплачиваем зарплату. Когда, например, в Любляне проходила церемония посвящения в сан епископа, назна-

¹ Степинац, Алойзие (1898—1960), кардинал. В период второй мировой войны загребский архиепископ, поддерживал усташское движение. 11 октября 1946 г. был приговорен к 16 годам тюремного заключения. Через 2 года был амнистирован.

ченного папой, но против которого выступали мы, церковь была абсолютно пустой. В Каринтии, например, во время войны огромное большинство словенских католических священников было заключено в концентрационные лагеря в отличие от немецких католических священников, являвшихся фашистами. Словенские католические священники из Каринтии направили резолюцию Совету министров иностранных дел с требованием присоединения Каринтии к Югославии.

Что касается православной церкви, то здесь у нас ситуация намного лучше, особенно с тех пор, как вернулся патриарх. Позиции православной реакции во главе с заместителем патриарха Йосипом все больше ослабевают. Мы немного субсидируем православную церковь.

Сталин.

— Что произошло с бывшими хорватскими крестьянскими лидерами?

Э. Кардель.

— С Мачеком? ¹

Сталин.

— Да, да.

Э. Кардель.

— Он сейчас находится в Париже, проводит совещания, занимается пропагандой против нас.

Сталин.

— Павелича ² вам не выдают? Вы требовали выдачи? Где он находится?

Э. Кардель.

— Мы несколько раз официально требовали его выдачи, много писали об этом в нашей печати. Кажется, он скрывается в Ватикане или в другом месте в Италии.

Сталин.

— А как Грол? ³

---

¹ Мачек, Владимир (1875—1965) — председатель Хорватской крестьянской партии, заместитель премьер-министра Югославии в 1939—1941 гг., эмигрировал весной 1945 г. сначала во Францию, а затем в США.

² Павелич, Анте (1899—1959) — лидер хорватских фашистов, в период второй мировой войны глава марионеточного «Независимого государства Хорватия». После победы народной власти в Югославии сбежал из страны, скрывался в Аргентине и Испании, скончался в Мадриде в 1959 г.

³ Грол, Милан (1876—1952) — председатель Демократической партии с 1940 г., член предвоенного правительства Д. Симовича, в также эмигрантских правительств, занимал в новом правительстве ДФЮ, сформированном 7 марта 1945 г. И. Тито, пост заместителя премьер-министра. В августе 1945 г. подал в отставку.

Э. Кардель.

— Он находится в Белграде, особой активности не проявляет. Время от времени встречается с отдельными типами. Мы располагаем некоторыми материалами против него, особенно после судебного процесса над Трифуновичем¹, которых М. Грол опасается.

Англичане и американцы вели себя у нас весьма дерзко, помогая реакции и диверсионным группам. Как вам известно, мы их разоблачили. После этого состав особенно американского посольства полностью изменился. Сейчас они ведут себя спокойнее. Применяют другую тактику. Пытаются просочиться в наши ряды, ибо реакция потерпела политическое поражение. Сейчас насчитывается всего около тысячи диверсантов по всей стране. В политическом отношении они ничего из себя не представляют. Мы рассчитываем полностью ликвидировать их в течение года.

Сталин.

— Вы объявили амнистию?

Э. Кардель.

— Да. Те, кто сейчас скрываются, являются закоренелыми преступниками, в отношении которых не было амнистии. Вся реакция сейчас возлагает надежды на депутата Драголюбa Йовановича, которого народ требует вывести из Народной скупщины. Вероятно, скоро мы так и поступим.

Сталин.

— Да, еще не перевелись такие. Вы хорошо знаете Энвера Ходжу. Каково ваше мнение о нем? Надежный ли он человек? Останется ли он с нами до конца?

Э. Кардель.

— Мы считаем, что он в основном хороший и надежный человек. В период войны он держался хорошо, и его любит народ. Но ему недостает марксистско-ленинского образования. Там, по нашему мнению, самым лучшим, самым надежным является Кочи Дзодзе, он рабочий, хотя и ему не хватает образования.

Сталин.

— Они вроде не совсем ладили между собой...

Э. Кардель.

— Сейчас это поправилось.

Молотов.

— Я видел Ходжу в Париже. Внешне он очень краси-

---

¹ Трифунович, Милош — заместитель председателя Главного комитета Народной радикальной партии, в 1941 г. эмигрировал, после войны вернулся в страну, в 1946 г. осужден на 8 лет тюремного заключения, где и скончался.

ной мужчина и производит хорошее впечатление. Довольно культурный, но в его воспитании ощущается влияние Запада. Думаю, что то, что говорит Кардель, соответствует действительности.

Сталин.

— Значит, на сегодня мы закончили беседы.

Э. Кардель.

— Большое вам спасибо. Мы много получили от этой беседы.

Сталин.

— Не за что благодарить. Вы еще ничего не получили. А когда думаете возвращаться назад?

Э. Кардель.

— Через несколько дней.

Сталин (обращаясь к Молотову).

— Тогда можно было бы встретиться еще раз.

Молотов.

— Да, это было бы хорошо.

На этом беседа, продолжавшаяся один час двадцать минут, закончилась»¹.

В своих мемуарах Э. Кардель утверждал, что в этой беседе со Сталиным он также затронул вскользь и «вопрос о положении и поведении советских специалистов в Югославии»². Еще в 1945 г. И. Тито официально поставил перед Советским правительством вопрос о привилегированном финансовом положении советских военных специалистов в Югославии. Тогда, заявив советскому послу в ФНРЮ Л. И. Лаврентьеву, что «для Югославии, в силу ряда причин, не представляется возможным выплачивать такие высокие оклады советским военным специалистам», он попросил передать Советскому правительству просьбу «смягчить условия оплаты специалистов»³. Когда вскоре после этого советский посол сообщил И. Тито ответ Советского правительства, что «оклады снижены быть не могут и что правительство ФНРЮ вольно поступить так, как ему угодно»⁴, Тито сразу же заявил, что в таком случае правительство ФНРЮ вынуждено будет сократить численность советских военных специалистов до такого уровня, который, однако, не поставил бы под угрозу боеспособности югославской армии⁵. Исходя из утверждения югославской стороны, что «оклады советских специалистов были в че-

¹ Борба. 1989. 12—13 август.

² *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 102.

³ *Krzavac S., Markovic D. Informbiro: Šta je to?..* S. 61.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Ibidem.*

тыре раза выше оклады командующих армиями и в три раза превышали оклады союзных министров ФНРЮ»¹, югославские военные руководители, в их числе К. Попович, высказались за «сокращение числа советских военных советников на 60%»². Уже тогда Сталин, у которого еще свежи были в памяти нелестные высказывания М. Джиласа в отношении офицеров и воинов Красной Армии, склонен был усматривать в этом вопросе нежелание югославской стороны «усваивать опыт Советской Армии»³. Поэтому, когда Э. Кардель в беседе с ним 19 апреля 1947 г. выразил пожелание, чтобы советские и югославские специалисты больше консультировались друг с другом, чтобы между ними не возникало споров и недоразумений и фактически поставил вопрос о вмешательстве советских советников во внутренние дела Югославии, Сталин, не скрывая своего недовольства, резко сказал: «Специалисты находятся там для того, чтобы их слушали, а не только сидели у вас сложа руки»⁴. На что Э. Кардель ответил: «Мы очень довольны ролью советских специалистов и благодарны Советскому правительству за их направление. Польза от их работы большая. Это бесспорно. Речь только о некоторых недоразумениях в сотрудничестве наших и ваших специалистов»⁵.

После этого визита Э. Карделя в Москву и его беседы со Сталиным начались переговоры, завершившиеся 27 июля 1947 г. подписанием соглашения о помощи СССР в строительстве промышленных предприятий Югославии. СССР согласился предоставить ФНРЮ инвестиционный беспроцентный кредит в размере 135 млн долларов, в счет которого Советский Союз обязался поставить промышленное оборудование и материалы для возведения на югославской территории при техническом содействии советских специалистов предприятий черной и цветной металлургии, нефтяной, химической, лесной и угледобывающей промышленности⁶. Было также подписано соглашение о торговле и платежах сроком на два года с возможностью продления срока его действия, были согласованы списки товаров, подлежащих взаимным поставкам в период с 1 июня 1947 г. по 31 мая 1948 г.

---

¹ Kržavač S., Marković D. Informbiro: Šta je to?.. S. 61.

² Ibid. S. 48.

³ Ibidem

⁴ Kardelj E. Borba za priznanje... S. 102.

⁵ Ibidem.

⁶ См.: Известия. 1947. 29 июля.

Однако именно в этот период вновь возник вопрос о советских гражданских и военных специалистах как следствие принятого летом 1947 г. правительством ФНРЮ решения, запретившего партийным органам и государственным учреждениям ФНРЮ предоставлять им какую-либо информацию экономического характера; контроль за исполнением этого решения был возложен на органы безопасности ФНРЮ¹.

Это решение было расценено Сталиным как проявление недоверия и недружелюбия к советским представителям в ФНРЮ, как попытка установить слежку за ними². В ходе обмена мнениями между советскими и югославскими представителями по этому вопросу с югославской стороны было разъяснено, что ее недовольство вызывает то, что советские специалисты «чрезмерно навязывают свои взгляды», «не учитывают нашу специфику», «игнорируют мнение югославских партнеров», что приводит к ссорам и трениям. При этом было уточнено, что решение о запрете предоставления советским представителям экономической информации особо важного характера касалось только партийных и государственных органов ниже уровня ЦК КПЮ и правительства ФНРЮ, которые по-прежнему открыты для такой информации³.

Несмотря на возникшие шероховатости в двусторонних отношениях вокруг статуса советских специалистов, в общем и целом это не сказалось отрицательно на взаимодействии двух стран на мировой арене, хотя в позициях СССР и ФНРЮ в ходе их совместной борьбы за справедливое мирное урегулирование в Европе и возникали периодические разночтения, порождавшие порой взаимное недовольство и даже подозрительность. Дело в том, что советской стороне казалось, что те или иные действия югославской стороны на международной арене не были должным образом увязаны с общей стратегической линией противоборства с Западом, были преждевременными и не в полной мере учитывали реальное соотношение сил. Югославской стороне представлялось, что при большей настойчивости и твердости можно было добиться более крупных уступок от западных стран, не рискуя внести чрезмерное обострение в международные отношения.

¹ *Kržavač S., Marković D. Informbiro: Šta je to?.. S. 49.*

² *Dedijer V. Novi prilozi... T. 3. S. 214; Kržavač S., Marković D. Informbiro: Šta je to?.. S. 49—50.*

³ *Kardelj E. Borba za priznanje... S. 100; Dedijer V. Novi prilozi... T. 3. S. 128, 214, 321; Kržavač S., Marković D. Informbiro: Šta je to?.. S. 49, 61, 92.*

Наиболее сложным вопросом, потребовавшим упорной и длительной дипломатической борьбы как на предварительной стадии подготовки мирных договоров, так и на Парижской мирной конференции (июль — октябрь 1946 г.), явилось определение югославо-итальянской и югославо-австрийской границ.

В процессе многоплановой борьбы за справедливое разграничение югославо-итальянской границы, когда западные державы отвергли конкретные советско-югославские предложения, единственно возможным исходом длительных дискуссий на Парижской мирной конференции стал следующий компромисс: большая, восточная часть, Юлийской Краины передавалась Югославии, а меньшая, западная, получившая название Свободной Территории Триест, поступала под управление ООН. Однако правительство ФНРЮ выступило с заявлением, в котором говорилось, что, будучи неудовлетворенным некоторыми из решений по триестскому вопросу в выработанном к началу 1947 г. мирном договоре с Италией, оно не подпишет его, если он не будет изменен¹. Сталин признал, что «Югославия имеет основания быть недовольной»², но когда стало ясно, что добиться большего из-за позиции Запада невозможно, он поручил в феврале 1947 г. передать через югославского посла в Москве И. Тито точку зрения Советского правительства на создающуюся ситуацию³. В результате И. Тито заявил, что правительство ФНРЮ «решило, хотя и с тяжким сердцем, подписать договор с Италией»⁴. Э. Кардель, имея в виду то обстоятельство, что подписание договора с Италией являлось составной частью одновременного заключения мирных договоров со всеми бывшими европейскими союзниками Германии, справедливо отмечал, что СССР должен был в своей дипломатической тактике учитывать «весь комплекс мирных договоров», включая и вопрос о германском мирном урегулировании⁵.

После вступления мирного договора с Италией в силу СССР настойчиво добивался практического осуществления его положений, касавшихся Триеста. Так, паша страна

¹ См.: Советские делегации на Парижской конференции. Сб. выступлений и материалов. М., 1947. С. 192—193.

² Внешняя политика Советского Союза. 1946. Документы и материалы. М., 1952. С. 71—72.

³ См.: *Губианский Л. Я.* Советский Союз и новая Югославия, 1941—1947 гг. С. 111.

⁴ Тито Броз Ж. Изградна пове Југославије. Београд, 1947—1948. Књ. II. С. 256.

⁵ *Kardelj E.* Borba za priznanje... S. 90.

твердо настаивала на выводе оттуда англо-американских войск, на прекращении блокирования действий Совета Безопасности ООН по назначению губернатора СТТ, на практической реализации положений о временном режиме этой территории, на определении даты вступления в силу постоянного ее статута, на закрытии англо-американской военной базы в г. Триесте. А когда 20 марта 1948 г. правительства США, Великобритании и Франции выступили с т. н. Тройственной декларацией, в которой странам, подписавшим мирный договор с Италией, предлагалось согласиться с тем, чтобы вся Свободная Территория Триест, включая и ту часть, которая находилась под контролем югославской армии (т. н. зона «Б»), была присоединена к Италии, Советский Союз решительно отверг это предложение (в 1954 г. Югославия заключила с Италией новое соглашение об итало-югославской границе в районе Триеста, по которому северная часть т. н. СТТ с городом Триест отошла к Италии, а южная — к Югославии).

Наряду с отстаиванием югославских интересов при решении триестской проблемы правительство СССР, как и обещал Сталин в беседе с Э. Карделем 19 апреля 1947 г., активно поддержало позицию Югославии по вопросам послевоенного урегулирования с Австрией. Имея в виду югославские экономические и территориальные претензии к Австрии с требованием передать Югославии Словенскую Каринтию и словенские пограничные районы Штирии общей площадью 2600 км² с населением около 190 тыс. человек¹, советская делегация на московской сессии СМВД заявила 21 апреля 1947 г., что она «признает обоснованными предложения югославского правительства о воссоединении Словенской Каринтии со Словенией, входящей в состав Югославии, а также относительно пограничных словенских районов Штирии и о предоставлении бургенландским хорватам специального статуса, обеспечивающего их национальные права, как это было изложено в меморандуме югославской делегации, представленном Советанию заместителей министров иностранных дел в Лондоне 22 января 1947 г.»²

Однако, когда Советскому правительству стало известно об имевших место югославо-английских контактах, оно заявило 5 августа 1947 г. правительству Югославии о сво-

¹ См.: Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. Январь — декабрь 1949 г. М., 1953. С. 126.

² Там же. С. 149.

ем недовольстве по поводу «закулисных переговоров за спиной Советского правительства» с представителями Англии по вопросу о югославских территориальных требованиях к Австрии и выразило недоумение в связи с тем, что оно «не сочло пужным информировать об этом Советское правительство»¹. Хотя из-за отрицательной позиции Запада добиться полного удовлетворения требований не удалось, были, однако, приняты важные решения о гарантии защиты прав словенского и хорватского национальных меньшинств в Австрии, а также о передаче Югославии австрийской собственности, прав и интересов на югославской территории в качестве возмещения за ущерб, причиненный Югославии в период оккупации².

Оценивая эту роль, которую сыграл Советский Союз в деле отстаивания интересов Югославии в ходе мирного урегулирования с бывшими союзниками фашистской Германии на сессиях СМВД, а также Парижской мирной конференции, Э. Кардель, хотя и утверждает в своих мемуарах, что Советский Союз, как великая держава, смотрел на отдельные вопросы, имевшие для Югославии существенное значение, как на «относительно второстепенные в своей глобальной политике», тем не менее признает, что «Молотов очень часто и очень долго настаивал на наших требованиях», достигнув «целого ряда относительно удовлетворительных компромиссных решений». По его словам, на Парижской мирной конференции «мощную поддержку мы получили только от Советского Союза и социалистических стран Европы... Можно без преувеличения сказать, что без такой помощи Советского Союза Югославия не добилась бы того, что было закреплено в мирных договорах»³.

В сентябре 1947 г. благодаря прежде всего советско-югославскому взаимодействию была наконец реализована исходившая от И. Тито идея о налаживании координации действий и организации постоянной взаимосвязи между коммунистическими партиями в новых условиях послевоенного мира. Летом 1947 г. ЦК ВКП(б) направил Первому секретарю Польской рабочей партии В. Гомулко письмо, в котором предложил ППР выступить с инициативой созыва совещания коммунистических партий некоторых европейских стран для обсуждения вопроса об уси-

¹ Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. Январь — декабрь 1949 г. М. 1953. С. 116—117, 130, 150.

² См. там же. С. 116—117.

³ *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 95.

личии связей между компартиями стран Европы. Надо сказать, что предложение о создании нового интернационала информационного характера, получившего название Информационное бюро, встретило довольно единодушное согласие партий его учредителей. М. Джилас подтверждает и своих мемуарах, что Э. Кардель и он восприняли эту идею с энтузиазмом. Правда, в ходе ее обсуждения со стороны В. Гомулки, К. Готвальда, М. Тореза и П. Тольятти выражались опасения, как бы возникновение такого органа не повлекло за собой возврата к изжившим себя коммунистическим формам и методам руководства коммунистическим движением¹. Однако, как утверждает польский историк А. Верблян, дальше всех в своих сомнениях зашел В. Гомулка, намевревавшийся даже отказаться от своего поста².

С 22 по 27 сентября 1947 г. в курортном местечке Шклярска Поремба, расположенном в западной части Польши в окрестностях Вроцлава, в Силезии, состоялось информационное совещание представителей коммунистических и рабочих партий девяти стран. Компартию Югославии на нем представляли Э. Кардель и М. Джилас.

Участники совещания заслушали информационные сообщения о деятельности ЦК партий, представленных на совещании. Э. Кардель сделал информационный доклад на тему «КПЮ в борьбе за независимость народов страны, за народную власть, за экономическое восстановление и социалистическую реконструкцию хозяйства», а М. Джилас выступил с содокладом «Вопросы организационной работы КПЮ». На совещании происходили обмен мнениями по этим докладам и сообщениям и обсуждение доклада о международном положении, сделанного А. А. Ждаповым. В итоге состоявшихся прений по этому докладу участники совещания полностью согласовали свои взгляды на создавшуюся международную обстановку и вытекающие из нее задачи и единодушно приняли декларацию по вопросу о международном положении.

С докладом об обмене опытом и координации деятельности компартий выступил В. Гомулка. Имея в виду отрицательные явления, вызванные отсутствием контакта между представленными на совещании партиями, и принимая во внимание необходимость обмена опытом, было решено создать Информационное бюро, состоящее из представи-

¹ *Kozłowski Cz. Rok 1948. Warszawa, 1988. S. 76.*

² *Werblan A. Władysław Gomułka. Sekretarz Generalny PPR. Warszawa, 1988. S. 504—518.*

телей ЦК партий — участниц совещания. С учетом возражений, высказанных особенно развернуто В. Гомулкой по вопросу компетенции и задач Информбюро¹, его задачи были ограничены, как было подчеркнуто в коммюнике, «организацией обмена опытом между партиями и, в случае необходимости, координацией их деятельности на основах взаимного согласия»². Решено, что Информационное бюро будет издавать печатный орган, им стала газета «За прочный мир, за народную демократию!». По совету Сталина местопребыванием Информационного бюро и редакции его органа был избран г. Белград.

В шифрованном сообщении Сталину А. А. Жданов, давая оценки докладов представителей партий, участвовавших в совещании в Шклярской Порембе, подчеркивал, что наиболее активно и позитивно вели себя югославы, особо выделив по содержанию, направленности и конструктивности доклад Э. Карделя³. Представители КПЮ солидаризировались с прозвучавшей на этом совещании критикой тезиса о различных путях перехода к социализму, что проявилось, в частности, в критических замечаниях Э. Карделя и М. Джиласа в адрес соответственно Итальянской и Французской коммунистических партий в связи с «преклонением перед парламентаризмом, уступчивостью Ватикану и деголлизму»⁴. Осудив ИКП и ФКП за чрезмерное подчеркивание своей «независимости» от Москвы за счет ясной и четкой позиции в поддержку Советского Союза, они даже в более категоричной, чем А. А. Жданов форме критиковали их за отсутствие должной революционности, подчеркивали «ошибочность и опасность» той точки зрения, что какое-либо правительство с участием коммунистов могло бы выражать «некую новую народную демократию», что в действительности следует говорить о «специфической форме советской демократии»⁵. М. Джилас подверг ФКП критике за то, что она «удовлетворилась лишь движением Сопротивления», а не развернула пародно-освободительную борьбу; он также осудил ее за «исключительную ориентацию на парламентские формы борьбы после освобождения», за «слабую, почти платоническую поддержку борьбы колониальных народов за освобождение

¹ *Werblan A. Wladyslaw Gomulka...* S. 504—518.

² За прочный мир, за народную демократию! 10 ноября 1947 г.

³ См.: Октябрь. 1989. № 9. С. 149.

⁴ *Историја СРЈ*. С. 354.

⁵ *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 109; *Dedijer V. Novi prilozi...* T. 3. S. 277—279.

ние и Индокитае и в других французских колониях», за не приверженность «лишь легальным формам борьбы» и т. д.¹

30 сентября 1947 г. ЦК КПЮ заслушал отчет Э. Карделя и М. Джиласа об участии делегации КПЮ в учредительном совещании Информбюро. Доклады, с которыми выступили на нем югославские представители, получили высокую оценку. Констатировав появление «тенденции ревизионизма в некоторых партиях», ЦК КПЮ одобрил критику Э. Карделем и М. Джиласом ФКП и ИКП за «оппортунистическую линию» парламентской борьбы. Отмечалось, что на местопребывание Информбюро претендовали Прага и Белград, но окончательный выбор пал на столицу Югославии после того, как в телефонном разговоре со Ждановым Сталин высказался за Белград².

Позднее Э. Кардель, говоря о причинах критических выступлений представителей КПЮ в адрес ФКП и ИКП, мотивировал тем, что югославское руководство поддавалось уговорам Сталина и не разглядело его «дьявольских махинаций», имевших целью руками югославов свести счеты с новыми веяниями в коммунистическом движении, посеять враждебность между КПЮ и другими компартиями. Говоря о причинах того, почему «Сталин и Жданов втянули его и Джиласа в дискуссию», Э. Кардель писал: «Уверен, что Сталин уже тогда планировал с помощью Коминформа расправиться с независимостью Югославии. Он рассчитывал на охлаждение отношений КПЮ с ИКП и ФКП, на поддержку этих двух партий, что в конечном счете и произошло, ибо всего 4 месяца спустя Сталин начал свою атаку на Югославию»³.

Возможно, доля истины в этом суждении и есть. Однако в те годы представители КПЮ гордились близостью и даже идентичностью идейно-политических установок КПЮ и ВКП(б) по вопросам строительства социализма, тем, что Югославия рассматривалась главным и, как подразумевалось, наиболее верным союзником СССР. Такой подход к Югославии находил отражение и в том, что при перечислении социалистических стран Югославия называлась обычно первой. Это было соблюдено и в документах, зафиксировавших создание Информбюро. Показательно также, что доклад Э. Карделя был опубликован в газете «За прочный мир, за народную демократию!» первым среди

¹ *Dedijer V. Novi prilozi...* Т. 3. S. 277—279.

² *Ibid.* S. 274—276.

³ *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 109.

выступлений других участников совещания. Руководители КПЮ и лично И. Тито были также преисполнены законной гордости внесенным значительным вкладом в разгром фашизма, тем, что в Советском Союзе высоко ценились заслуги Югославии как союзной страны, которая, подобно СССР, в течение всей войны героически сражалась плечом к плечу с ведущими участниками антигитлеровской коалиции. Исходя из этих соображений и других аналогичного плана посылок, итальянский исследователь Д. Боффа склонен считать, что «при более беспристрастном рассмотрении учредительное совещание Коминформа предстает совместным делом, осуществленным в условиях согласованной советско-югославской гегемонии»¹. На его взгляд, «несмотря на соблюдение видимости равенства между представленными партиями, сами советские представители действовали так, будто они прежде всего признавали необходимость участия югославы в осуществлении работы по руководству движением, которую ведут советские коммунисты, хотя это не исключало и того, что все руководящие роли не будут поделены между ними»².

Таким образом, если даже предположить, что с обеих сторон постепенно и накапливался, как следствие возникших порой в двустороннем сотрудничестве шероховатостей, определенный осадок недоверия и обид, способствовавших зарождению потенциального кризиса во взаимоотношениях, то внешне ничто не предвещало близившегося взрыва.

Как представляется, для того чтобы он разразился, требовались такие события, которые послужили бы своего рода его детонатором.

§ 4. ОТЛУЧЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ

а) Сталин — И. Тито — Г. Димитров — Э. Ходжа

Возникновению конфликта между Сталиным и И. Тито в середине 1948 г. предшествовали события, которые были известны только узкому кругу их непосредственных действующих лиц. Он подспудно вызревал, начиная с середины 1947 г., но проявился публично лишь через год. Для уяснения его причин, для установления истины необходим анализ конкретной ситуации, сложившейся тогда на

¹ *Boffa D. Dell'Storia Dell'Unione Sovietica. S. 109—110.*

² *Ibidem.*

только в советско-югославских отношениях, но и на Балканах, в мире в целом.

Особенно напряженная международная обстановка сложилась на Балканах в связи с гражданской войной в Греции. Западные державы прямо обвиняли Югославию во «враждебном вмешательстве» во внутренние дела этой страны, добившись, в частности, несмотря на противодействие Советского Союза, принятия на II сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь — ноябрь 1947 г.) резолюции с осуждением Югославии, Болгарии и Албании за т. н. антигреческую деятельность, а также направления комиссии ООН для обследования положения на северной греческой границе¹.

Неверно было бы абстрагироваться и от той реальной атмосферы, которая преобладала тогда в международном коммунистическом и рабочем движении вообще и в отношениях между только что появившимися социалистическими странами. Как справедливо подметил в свое время Генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии П. Тольятти, в те годы «для коммунистов других стран решающим элементом их поведения была, несомненно, глубокая, традиционная приверженность единству и дисциплине, что почти 30 лет было характерным для нашего движения... Несомненно, Сталин не понял, насколько серьезна и прочна была группа руководителей Югославии, как глубоки были связи этой группы с народными массами в Югославии. Это была очень большая ошибка. Однако эта ошибка не объясняет основные мотивы разрыва. Эти мотивы нужно искать, согласно моему взгляду на вещи, в образе мышления, во внутреннем развитии каждой страны и в международной обстановке, в реальности и перспективах режимов народной демократии, появившихся после войны... Проблема, которая здесь ставится, следовательно, существенна, это проблема образа мышления и организации отношений между социалистическими странами, их необходимой солидарности в международном плане и одновременно столь необходимой независимости и автономии... Безусловно, нельзя забывать, что в 1948 г. против стран народной демократии и против Советского Союза уже была развязана «холодная война». Международные перспективы были неясными. Многие шаги, многие обострения становились неизбежными. Но это еще больше затрудняет объяснение того, почему Сталин именно в то вре-

---

¹ См.: Советский Союз в ООН. М., 1965. Т. 1. С. 272—275.

мя пошел на разрыв с югославским государством и народами, последствия которого пельзя было предвидеть»¹. Рокковую роль, судя по всему, сыграло то, что, как отмечал Н. С. Хрущев в своем докладе «О культе личности и его последствиях» 25 февраля 1956 г. на закрытом заседании XX съезда КПСС, Сталин стал «в послевоенный период более капризным, раздражительным, грубым, особенно развилась его подозрительность. До певероятных размеров увеличилась магия преследования. Многие работники ставовились в его глазах врагами. После войны Сталин еще больше отгородился от коллектива, действовал исключительно единолично, не считаясь ни с кем и ни с чем»².

И. Тито, окруженный ореолом легендарного партизанского руководителя, пользовался большой популярностью и авторитетом и объективно рассматривался в послевоенные годы первым после Сталина лицом среди руководителей стран народной демократии, вставая порой даже, с точки зрения внешней атрибутики, как бы вровень с «вождем народов». «С момента завершения войны И. Тито, блистающий в своей маршальской форме, посетил другие страны Восточной Европы. Везде его встречали с энтузиазмом. Тито, — как считает Ф. Маклин, — использовал свои поездки и ответные визиты для обсуждения проблем, представляющих взаимный интерес, и подписания соглашений, не всегда испрашивая одобрения Москвы. Разговоры, например, велись о Балканской федерации. Подозрительному Сталину не нравилось такое поведение сателлитов»³.

И действительно, в сложной международной обстановке Сталин, считая необходимым проявлять должную осторожность и осмотрительность, болезненно реагировал на малейшие несогласованности в международных делах, не скрывая своего недовольства, когда Советское государство, как казалось Сталину, ставилось перед свершившимися фактами.

Во время уже упоминавшейся беседы с Э. Карделем 19 апреля 1947 г. Сталин одобрительно отнесся к югославскому намерению после ратификации мирного договора с Болгарией подписать с ней договор, подобный тому, который имеется с Албанией⁴. Тем временем Советское правительство официально довело до сведения югослав-

¹ *Marković D., Kržavać S. Zavera Informbiroa. Beograd, 1987. S. 498—499.*

² *Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 152.*

³ *Maclean F. Josip Broz Tito. S. 90.*

⁴ *Kardelj E. Borba za priznanje... S. 102.*

ского и югославского правительств свое пожелание не заключать югославо-болгарский договор, пока не отпадут ограничения, связанные с мирным договором¹. С учетом этого, а также не желая дать повод западным державам сорвать ратификацию этого договора, Г. Димитров и И. Тито предпочли не оглашать текст согласованного ими в ходе проходивших в г. Блед (Югославия) с 30 июля по 1 августа 1947 г. югославо-болгарских переговоров Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Югославией и Болгарией. Однако в официальном протоколе об итогах переговоров, опубликованном 2 августа, факт выработки Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между двумя странами был обнародован². При этом Г. Димитров объявил, что этот договор будет бессрочным. Кроме того, было сообщено о подписании соглашений о развитии торгово-экономического сотрудничества, о режиме предприятий, находящихся в совместной собственности, о культурном сотрудничестве, о подготовке к созданию таможенной унии, об отказе Югославии от уплаты Болгарией репараций в ее пользу в сумме 25 млн долл., определенной Парижской мирной конференцией.

Узнав об этом, Сталин поручил 12 августа 1947 г. послу СССР в ФНРЮ А. И. Лаврентьеву посетить И. Тито и вручить ему следующую телеграмму:

«Товарищу Тито от Сталина.

Советское правительство считает своим долгом довести до сведения братских республик — Югославии и Болгарии о своем отношении к бессрочному пакту между Югославией и Болгарией.

Советское правительство считает, что оба правительства допустили ошибку, заключив пакт, к тому же бессрочный, до вступления в силу мирного договора, несмотря на предупреждение Советского правительства. Советское правительство считает, что своей торопливостью оба правительства облегчили дело реакционных англо-американских элементов, дав им лишний повод усилить военную интервенцию в греческие и турецкие дела против Югославии и Болгарии.

Конечно, Советский Союз связан союзом с Югославией и Болгарией, так как у него имеется с Югославией формальный договор о союзе, что равносильно формальному союзному договору. Однако Советское правительство дол-

¹ *Dedijer V. Novi prilozi...* Т. 3. S. 288—293, 313.

² *Nesovic Sl. Bledski sporazumi Tito — Dimitrov (1947). Zagreb, 1979. S. 262—265; Dokumenti o spoljnoj politici SFRJ. T. II. S. 84.*

жно предупредить, что оно не может взять на себя ответственность за пакты большой важности в области внешней политики, которые заключаются без консультации с Советским правительством»¹.

Ознакомившись 16 августа 1947 г. с этой телеграммой Сталина, И. Тито сказал, что у югославского правительства не было намерения поставить Советское правительство перед свершившимся фактом. Признав, что они с Г. Димитровым поспешили с этим пактом, заявил, что «в этом деле доминировали процедурные соображения. Югославское правительство хотело, чтобы такой договор был подписан в Югославии, а не в Болгарии... Югославия не проявляла особого желания подписывать договор в данный момент». При этом И. Тито изъявил готовность, с учетом того что договор не подписан, опубликовать, если на это будут согласны болгары, опровержение². В информации советского посла в Москву отмечалось также, что И. Тито «выразил некоторое недоумение в связи с тем, что сам факт подписания и тексты соглашений хранятся в секрете и тем не менее Советскому правительству известно об их содержании. Видимо, — сказал он, — текст протокола передал Димитров»³.

Спятая с повестки дня практической политики двух стран с февраля 1945 г. идея югославо-болгарской федерации все же время от времени всплывала в беседах болгарских и югославских представителей. Ее привлекательность для обеих сторон объяснялась тем, что в ее рамках они надеялись решить спорный македонский вопрос. Однако, как подчеркнул Г. Димитров, «вопрос о создании федерации южных славян или балканской федерации сейчас неактуален, и его конкретное рассмотрение в этот момент было бы преждевременным. Этот вопрос ни в коей форме не был предметом обсуждения во время наших переговоров»⁴.

Хотя с учетом критики Сталина подписание югославо-болгарского договора было отложено почти на два с половиной месяца, достигнутые в Бледе договоренности между Болгарией и Югославией были истолкованы на Западе как создание «балканского, или славянского, блока», которому приписывались агрессивные намерения, заго-

¹ АВП МИД СССР.

² См. там же.

³ АВП МИД СССР; Политика. 1947. 4 август; *Nesovic Sl. Bledski sporazumi...* S. 82.

⁴ *Nesovic Sl. Bledski sporazumi...* S. 104.

морщические цели против соседних Балканских стран. Подписанный в феврале 1947 г. мирный договор с Болгарией вступил в силу 15 сентября 1947 г. Изменившееся после этого международное положение Болгарии позволило ей взять на себя обязательства, предусмотренные Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Югославией и Болгарией, официальная церемония подписания которого состоялась в Евксиопограде, возле Варны, 27 ноября 1947 г. во время официального визита И. Тито в Болгарию. При этом было учтено пожелание Сталина, чтобы данный договор имел не бессрочный характер, как первоначально предполагалось, а был заключен на 20 лет (с возможностью продления). «Передайте Тито,— писал В. М. Молотов,— что мы — за двадцатилетний срок действия югославо-болгарского договора по примеру аналогичного договора СССР с Югославией. Добавьте, что, по нашему мнению, это не должно препятствовать проведению мер в деле объединения Югославии и Болгарии так, как руководство этих стран сочтет пужным...»¹

Разъясняя после церемонии подписания югославо-болгарского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи его суть, И. Тито заявил иностранным журналистам: «Договор между Югославией и Болгарией исходит не только из опасности от немецкой агрессии, но и из опасности любой другой агрессии, с какой бы стороны она ни исходила... Поэтому мы не только против немецкого империализма, но и против всех, кто хочет поставить под угрозу нашу независимость... Это — новое в югославо-болгарском договоре. Это будет содержаться во всех будущих договорах, которые мы будем заключать»². И. Тито подтвердил скорое заключение таможенной унии между Югославией и Болгарией³. Со своей стороны, Г. Димитров сказал, что теперь «в отношениях между новой Болгарией и новой Югославией... устранено все, что так или иначе могло быть использовано врагами наших народов»⁴.

В западных странах этот договор был воспринят как серьезная угроза Греции⁵. Под этим же углом зрения воспринималось ими и интенсифицированное разностороннее сотрудничество Югославии с Албанией, между которыми также установились тесные отношения.

¹ АВП МИД СССР.

² *Nesovic Sl. Bledski sporazumi...* S. 161, 164, 165.

³ *Ibidem*.

⁴ *Ibid.* S. 77.

⁵ *Ibid.* S. 165.

Югославия 28 апреля 1945 г. первой признала Временное демократическое правительство Народной Республики Албании и подписала с ним 9 июня 1946 г. Договор о дружбе и взаимопомощи¹. Первое общество дружбы и культурного сотрудничества, созданное в Албании, было обществом албапо-югославское (декабрь 1945 г.). Первым официальным зарубежным визитом главы албанского правительства Э. Ходжи была его поездка в июне — июле 1946 г. в Югославию, где он был награжден югославским орденом Народного Героя. Как следствие активно развивавшегося на основе взаимного доверия албапо-югославского сотрудничества была достигнута договоренность о проведении фактически единой экономической политики двух стран. 6 ноября 1946 г. был заключен Договор о координации народнохозяйственных планов, о таможенном союзе, о парификации валютно-финансовой системы, об унификации цен. В середине 1946 г. было подписано Основное соглашение об организации смешанных югославо-албанских обществ. В соответствии с соглашением от 12 июня 1947 г. Югославия предоставила Албании беспроцентный кредит на сумму 2 млрд динаров. 20 сентября 1947 г. было подписано соглашение об отмене виз².

Югославия активно отстаивала интересы Албании на международной арене, способствуя упрочению ее внешнеполитических позиций.

Во время визита Э. Ходжи в Югославию, состоявшегося с 23 июня по 2 июля 1946 г., И. Тито поинтересовался его мнением по вопросу балканской федерации. На это Э. Ходжа, как он пишет в своих мемуарах, ответил, что в принципе это правильная идея, но над ней надо много работать. По словам М. Джиласа, «оба правительства согласились в принципе в том, что Албания должна объединиться с Югославией, что решило бы вопрос албанского меньшинства в Югославии... Но часть албанского руководства была внутренне, втайне против такого югославского подхода». По его словам, первый, кто «восстал против Югославии, был Нако Спиру», которому противостоял Кочи Дзодзе, в то время как позиция Э. Ходжи, на его взгляд, была неясна³.

В ходе визита партийно-правительственной делегации

---

¹ Dokumenti o spoljnoj politici SFRJ. S. 34.

² Југословенско-албански односи (1939—1948). Београд, 1949. С. 139, 142—145, 152—154, 160, 178, 207.

³ *Djilas M. Conversations with Stalin*. P. 134.

Албании в СССР в июле 1947 г., когда Э. Ходжа завел речь о нарушении югославским самолетом воздушного пространства Албании, Сталин сказал ему 16 июля: «Разве наши товарищи не удовлетворены своими отношениями с Югославией? Это хорошо, что вы имете дружественную Югославию на своих границах»¹.

Однако в реальной жизни югославо-албапские отношения, прежде всего в сфере экономики, развивались в направлении налаживания тесного экономического взаимодействия не совсем гладко. Различия во взглядах по вопросу перспектив развития отношений между Албанией и Югославией обозначились в ходе албано-югославских торгово-экономических переговоров, проходивших в марте — апреле 1947 г. Обсуждавшийся на них проект торгово-экономического соглашения, которым предусматривался фактический отказ Албании от монополии внешней торговли, не был подписан главой албанской делегации министром экономики, председателем Государственной плановой комиссии Албании Нако Спиру, который сослался на необходимость проконсультироваться с правительством. Аналогичные трудности возникли при обсуждении составленного югославскими экспертами проекта пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства Албании, концепция которого также встретила возражения со стороны Нако Спиру. В этой связи, как утверждает в мемуарах Э. Ходжа, 6 ноября 1947 г. представитель ЦК КПЮ при ЦК КПА С. Златич сделал ему по поручению И. Тито следующее заявление: «ЦК КПЮ пришел к выводу, что наши отношения развиваются неудовлетворительно... Вызывает удивление и беспокойство тот факт, что в то время как другие страны Балканского полуострова и Центральной Европы все теснее сплачиваются с Югославией, наши отношения с вами находятся в подобном состоянии». Говоря о будущем Балкан, С. Златич подчеркнул, что «по мнению югославского руководства, создаваемый шаг за шагом экономический союз наших стран, включая Болгарию, по существу, представляет основу будущей балканской федерации, ядром которой является Югославия... Руководство нашей партии пришло к выводу, что во всей этой ситуации поразительно деструктивную роль сыграл ваш товарищ Нако Спиру и некоторые его соратники». Если верить Э. Ходже, С. Златич пазвал министра экономики, председателя Государственной плано-

¹ *Нохна Е.* The Titoites. Historical notes. Tirana, 1982. P. 248.

вой комиссии Албании Нако Спиру «агентом империализма», проводящим антиюгославскую политику»¹.

Наметившиеся в албанском руководстве расхождения по экономическим вопросам были преданы огласке членом Политбюро КПА, секретарем по оргвопросам, заместителем Председателя Совета Министров, министром внутренних дел Кочи Дзодзе в его выступлении 2 декабря 1947 г. в Тиранской партшколе ЦК КПА. Против Нако Спиру были выдвинуты обвинения в создании «фракции в руководстве партии», в шовинистической антиюгославской деятельности, в стремлении насадить хозяйственную автаркию, в установлении связей с классовыми врагами и даже в шпионской деятельности. Было решено вызвать Нако Спиру на заседание Политбюро и потребовать от него объяснений. Узнав об этом, Нако Спиру застрелился у себя в кабинете. Самоубийство Нако Спиру Э. Ходжа следующим образом объяснил в своих мемуарах: «После самоубийства Нако Спиру один из товарищей из советского посольства, по фамилии Гагаринов², информировал нас устно, что Нако Спиру прислал им письмо, в котором говорилось, что «после тяжелых обвинений югославского руководства в мой адрес я вынужден покончить с собой...»³.

По договоренности Сталина с И. Тито положение в Албании и албано-югославских отношениях в связи с самоубийством Нако Спиру стало в середине декабря 1947 г. предметом обсуждения между А. А. Ждановым и послом ФНРЮ в СССР В. Поповичем⁴. Не удовлетворившись их результатами, Сталин направил И. Тито 23 декабря 1947 г. телеграмму следующего содержания: «Товарищу Тито. Согласно Вашему предложению, член Политбюро Жданов имел две беседы с тов. Поповичем по вопросу об Албании. Ввиду того что в ходе бесед вскрылись новые вопросы, мы бы хотели, чтобы Вы направили в Москву ответственного товарища, может быть, Джиласа или другого наиболее осведомленного о положении в Албании. Я готов выполнить все Ваши пожелания, но нужно, чтобы я знал в точности эти пожелания. С товарищеским приветом. И. Сталин»⁵.

В своих мемуарах М. Джилас отмечает, что «Советское правительство было отлично информировано как о подлинных причинах смерти Спиру, так и обо всей деятель-

¹ *Hoxha E. The Titoites...* P. 356—359.

² Поверенный в делах СССР в Албании.

³ *Hoxha E. The Titoites...* P. 388.

⁴ *Dedjter V. Josip Broz Tito. S. 442.*

⁵ АВП МИД СССР.

ности Югославии в Албании. Его посольство в Тиране стало все более многочисленным... Югославское правительство не советовалось с Советским в отношении деталей своей политики. Советские представители все чаще жаловались на конкретные югославские меры в Албании, в то время как между посольством СССР и группой Э. Ходжи устанавливались все более тесные связи. То и дело становились известными недоуменные вопросы того или иного советского представителя: почему югославы создают смешанные общества с албанцами, в то время как они отказались создавать аналогичные общества с СССР? Почему они посылают своих инструкторов в албанскую армию, в то время как в их армии работают советские инструкторы? Как могут югославы направлять специалистов народного хозяйства для работы в Албанию, если они сами приглашают специалистов из-за границы?..» Наряду с этими расхождениями между советским и югославским правительствами «тенденция Москвы к вытеснению позиций Югославии в Албании становилась, — на взгляд М. Джиласа, — все более очевидной, что представлялось югославам чрезвычайно несправедливым с учетом того, что не СССР предложил ей объединиться с Албанией, и тем более что он даже не граничит с ней... Поворот албанских лидеров в сторону Советского Союза все больше усиливался, что находило все большее проявление в пропаганде»¹.

М. Джилас отбыл в Москву по приглашению Сталина 9 января 1948 г. Вместе с ним выехали югославская военная делегация во главе с начальником Генштаба К. Поповичем, а также начальник Политуправления югославской армии С. Вукманович-Темпо. Через пять суток они были в Москве. Не прошло и трех часов после размещения М. Джиласа в гостинице «Москва», как Сталин пригласил его на беседу в Кремль, в которой с советской стороны приняла участие Молотов и Жданов. «Значит, члены ЦК в Албании убивают себя из-за вас! Это очень плохо, очень плохо» — такими словами начал этот разговор Сталин. После чего М. Джилас попытался объяснить ситуацию: «Нако Спиру был против объединения Албании с Югославией. Он изолировал себя в своем собственном ЦК». На что Сталин ответил ему: «У нас нет особых интересов в Албании. Мы согласны, чтобы Югославия объединилась с Албанией — и чем быстрее, тем лучше». В заключение продолжавшейся полчаса беседы

¹ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 136.*

Сталин заявил М. Джиласу: «Между нами нет расхождений. Вы лично напишите Тито телеграмму об этом от имени Советского правительства и передайте ее мне завтра»¹. После этого участники беседы отправились, по приглашению Сталина, на его дачу на ужин.

Кроме Сталина и Молотова на ужине были Жданов, Вознесенский и Берия. Свои впечатления от этого длившегося 6 часов ужина у Сталина М. Джилас суммировал следующим образом: «За сказанными словами ощущалось нечто более важное — нечто, о чем надо было сказать, но сделать это никто не решался. Натянутость бесед и выбор их тематики делали это нечто вполне реальным, вполне осязаемым. Я даже внутренне был убежден в его сути: а именно, речь шла о критическом отношении к И. Тито и югославской компартии»².

И другие факты говорят о том, что к концу 1947 г. — началу 1948 г. у Сталина стало проявляться сдержанное отношение к И. Тито, еще 23 декабря 1947 г. Сталин был довольно любезен и лоялен в приведенном выше письме И. Тито по вопросу об Албании. Но уже вскоре в ходе состоявшейся беседы с М. Ракоши Сталин, поинтересовавшись его мнением об И. Тито и получив от собеседника исполненный восхищения ответ, встретил это проявление энтузиазма холодным молчанием³. Как показалось М. Джиласу, во время его встреч со Сталиным в январе 1948 г., Сталин попытался привлечь его на свою сторону в качестве «возможного кандидата в генсеки вместо Тито»⁴. Но поскольку М. Джилас принялся хвалить И. Тито, его кандидатура тут же отпала (позже, после обмена письмами, Сталин признался, что ему «не нравится своенравное поведение Тито»)⁵.

Уже тогда, в январе 1948 г., М. Джилас почувствовал, что «между Москвой и Белградом что-то происходит, хотя точно мы не знали, что»⁶. Это подтвердил и характер состоявшейся по распоряжению Сталина беседы М. Джиласа с министром Вооруженных Сил СССР Н. А. Булганиным, который лишь пообещал внимательно рассмотреть югославские заявки на поставку в ФНРЮ советской военной техники, для чего была создана совместная комиссия

¹ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 143—146.*

² *Ibid. P. 159.*

³ *Boffa D. Dell'Storia Dell'Unione Sovietica. S. 109—110.*

⁴ Литературная газета. 1990. 30 января.

⁵ *Broz Tito J. Autobiografska kazivanja. T. 2. S. 24—25.*

⁶ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 167.*

специалистов. Ничем конкретным не закончилась 20 января 1948 г. встреча М. Джиласа и министра внешней торговли ФНРЮ Б. Црпобрни с министром внешней торговли СССР А. И. Микояном, который, по утверждению М. Джиласа, «припал нас холодно, показывая всем видом свое нетерпение». В ответ на заявление М. Джиласа о намерении югославской стороны увеличить товарооборот с СССР А. И. Микоян сказал, что Советское правительство согласно приступить к переговорам и подписать протокол о товарообороте на 1948 г., предусматривающий значительное расширение торговли между двумя странами¹. Однако 22 февраля представитель МВТ СССР дезавуировал это заявление, и Б. Црпобрне пришлось вернуться домой с пустыми руками.

Будучи в Ленинграде, М. Джилас имел 10-минутную беседу со Ждановым, в ходе которой тот заинтересовался его мнением о заявлении Председателя Совета Министров Болгарии Г. Димитрова по вопросу создания федерации стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Идея о возможном создании в перспективе, когда условия созреют, федерации или конфедерации Балканских и придунайских стран, с включением в нее Польши, Чехословакии и Греции, была высказана Г. Димитровым 17 января 1948 г. без предварительного уведомления Советского правительства². Между тем на Западе она тут же была расценена как «вредоносное советское изобретение»³. В этих условиях Сталин направил 24 января 1948 г. Г. Димитрову (а в копии — для сведения — И. Тито) телеграмму, в которой разъяснялось, что предложение, касающееся федерации или конфедерации стран народной демократии, является вредным, ибо «наносит ущерб странам новой демократии и облегчает борьбу англо-американцев против этих стран». «Трудно понять, что побудило Вас, — писал Сталин, — делать на пресс-конференции такие неосторожные и непродуманные заявления»⁴. Вслед за этим, стремясь не допустить дальнейшего обострения отношений с Великобританией и США, Сталин решил отмежеваться от данного предложения в печати. В результате 28 января 1948 г. идея об «организации федерации или конфедерации Балканских и придунайских стран, включая сюда Польшу, Чехословакию, Грецию» и о «создании таможенной унии

¹ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 167.*

² См.: Правда. 1948. 21 января.

³ *Le Monde. 1948. 21 janvier.*

⁴ *Dedijer V. Novi prilozici... T. 3. S. 309; АВП МИД СССР.*

между «проблематическая и надуманная»¹.

Дезавуировав заявление Г. Димитрова публично, Сталин через Молотова поручил 4 февраля 1948 г. советским послам в Белграде и Софии довести до сведения И. Тито и Г. Димитрова следующие соображения. «Неудачное интервью тов. Димитрова в Софии,— говорилось в телеграмме, подписанной В. М. Молотовым,— дало повод ко всякого рода разговорам о подготовке восточноевропейского блока с участием СССР.

Ввиду создавшегося положения в Москве пришли к выводу, что пакты взаимопомощи, которые СССР должен заключить с Румынией, Венгрией и Болгарией, должны быть направлены против возможной будущей агрессии и ее возможных союзников, а не против всякого агрессора, как это Москва считала желательным до указанного интервью Димитрова. В теперешней обстановке заключение Советским Союзом пактов о взаимопомощи, направленных против любого агрессора, было бы истолковано в мировой печати как антиамериканский и антиаглийский шаг со стороны СССР, что могло бы облегчить борьбу агрессивных англо-американских элементов против демократических сил США и Англии.

Вместе с тем в договоры о взаимопомощи с Румынией, Венгрией и Болгарией будет включен пункт о консультациях по всем важным международным вопросам, затрагивающим интересы обеих стран, подписавших пакт...»²

Тем временем еще 21 января 1948 г. от посла СССР в ФНРЮ А. И. Лаврентьева в Москву поступила информация о том, что «югославами решен вопрос о передислокации 2-й пролетарской стрелковой дивизии в Албанию в район города Корча (от стыка югославо-греко-албанской границы на юг по албано-греческой границе)». «Все вопросы, относящиеся к этим албано-югославским переговорам,— сообщал советский посол,— решались и решаются без участия советских военных советников при югославской армии...»³

Несколько позже из Тираны пришло подтверждение этой информации от Э. Ходжи. Сообщалось, что предложение И. Тито мотивировалось интересами защиты Албании от нападения со стороны Греции.

---

¹ Правда. 1948. 28 января.

² АВП МИД СССР.

³ Там же.

В своих воспоминаниях Э. Ходжа писал, что в конце января 1948 г. в Тирану прибыл генерал Д. Купрешанин, доставивший адресованное ему «весьма срочное и важное» послание И. Тито, датированное 26 января 1948 г. Вручая его, Д. Купрешанин сказал: «Мы располагаем информацией о том, что в Греции завершается подготовка нападения, первоначальная цель которого ваши юго-восточные границы... В этих условиях наше руководство, проявляя чрезвычайную обеспокоенность и верность своим обязательствам, вытекающим из Договора о дружбе и взаимопомощи, считает необходимым предпринять ряд неотложных мер. Что касается главной из них, то я,— продолжал он,— хотел бы текстуально процитировать то, что товарищ Тито пишет Вам в переданном мной послании»¹: «Ввиду такой неясной ситуации я прошу Вас предоставить нам базу в Корче для размещения одной дивизии и вспомогательных технических служб. Тем самым будут созданы условия для организации лучшей обороны участка границы со стороны моря, и, в случае провокации, наши части смогли бы вмешаться быстрее»².

О содержании такого обращения Э. Ходжа решил поставить в известность Сталина. «Я проинформировал через советское посольство Сталина о просьбе Тито,— писал он в своих мемуарах.— Ответ Сталина не заставил себя долго ждать, он поступил за несколько дней до начала VIII пленума ЦК КПА. Сталин сообщил нам, что он не видит какой-либо опасности возможного нападения на нас греческой армии, и согласился с мнением о том, что направление югославской дивизии не вызывалось необходимостью»³. Вспоминая об этом эпизоде, Сталин говорил 23 марта 1949 г. Э. Ходже во время его очередного визита в СССР: «Мы не знали, что югославы под предлогом «защиты» вашей страны от нападения греческих фашистов стремились дислоцировать в НРА соединения своей армии. Они пытались сделать это в глубокой тайне... Сообщение с вашей стороны в связи с этим было полезным для нас, ибо в противном случае мы бы ничего не знали об этой дивизии, которую они намеревались перебросить на вашу территорию. Они давали понять, будто такой шаг предпринимается с согласия Советского Союза»⁴.

¹ Ходжа Е. The Titoites... P. 440.

² Ibid. P. 441.

³ Ibid. P. 446.

⁴ Ходжа Э. Со Сталиным. Воспоминания. Тирана, 1979. С. 56.

Э. Кардель же в своих мемуарах представил этот эпизод в следующем виде: «Мы пообещали албанцам направить им в виде помощи, если понадобится, одну нашу дивизию. Об этом, действительно, мы не сообщили Советскому Союзу, так как были уверены, что его проинформируют албанцы, ибо это было их дело. Они так и поступили. Однако из Москвы уже тогда незамедлительно вмешались, чтобы мы не делали такого шага, и мы отменили свое решение»¹.

28 января 1948 г. Сталин через Молотова поручил послу СССР в Югославии А. И. Лаврентьеву посетить И. Тито или Э. Карделя и передать следующее: «В Москве получено сообщение, что Югославия намерена в ближайшие дни направить одну свою дивизию в Албанию к южным ее границам. Так как Москва не получала подобного сообщения от Югославии, то Молотов запрашивает, соответствует ли действительности это сообщение. Москва опасается, что в случае вступления югославских войск в Албанию англосаксы расценят этот акт как оккупацию Албании югославскими войсками и нарушение ее суверенитета, при этом возможно, что англосаксы используют этот факт для военного вмешательства в это дело под предлогом «защиты» независимости Албании. Москва просит разъяснений. Молотов»².

29 января 1948 г. И. Тито подтвердил в беседе с А. И. Лаврентьевым существование такого решения, принятого, по его словам, по договоренности с Э. Ходжой, мотивируя это тем, что греческие монархисты под предлогом борьбы с партизанами собирались захватить южную часть Албании, сказал, что «нужно дать понять греческим монархистам и их покровителям, что Югославия будет серьезно защищать Албанию». По словам И. Тито, «если не продемонстрировать это намерение, то монархисты легко могут захватить Южную Албанию, так как, по существу, албано-греческая граница оголена». Далее он заявил, что «не разделяет высказанного Москвой опасения относительно возможных шагов со стороны англосаксов. Не исключено, что поднимется некоторая газетная шумиха, но к этой газетной клевете уже не привыкать». Согласившись приостановить пока отправку югославских войск в Албанию, И. Тито отметил: «Если Советский Союз сочтет целесообразным вообще это не делать, то Югославия последует

¹ *Kardelj E. Borba za priznanje...* S. 110.

² АВП МИД СССР.

той рекомендации. Но в случае, если Греция захватит Южную Албанию, то Югославия вместе с Советским Союзом будет расхлебывать эту кашу»¹.

В ответ из Москвы 1 февраля поступила более грозная телеграмма:

«Товарищу Тито.

Из Вашей беседы с т. Лаврентьевым видно, что Вы считаете нормальным такое положение, когда Югославия, имея договор о взаимопомощи с СССР, считает возможным не только не консультироваться с СССР о посылке своих войск в Албанию, но даже не информировать СССР об этом в последующем порядке. К Вашему сведению сообщая, что Совпра² совершенно случайно узнало о решении югославского правительства относительно посылки ваших войск в Албанию из частных бесед советских представителей с албанскими работниками. СССР считает такой порядок ненормальным. Но если Вы считаете такой порядок нормальным, то я должен заявить по поручению Правительства СССР, что СССР не может согласиться с тем, чтобы его ставили перед свершившимся фактом. И, конечно, понятно, что СССР, как союзник Югославии, не может нести ответственность за последствия такого рода действий, совершаемых югославским правительством без консультаций и даже без ведома Советского правительства. Тов. Лаврентьев сообщил нам, что Вы задержали посылку югославских войск в Албанию, что мы принимаем к сведению. Однако, как видно, между нашими правительствами имеются серьезные разногласия в понимании взаимоотношений между нашими странами, связанными между собою союзническими отношениями. Во избежание недоразумений следовало бы эти разногласия так или иначе исчерпать»³.

1 февраля 1948 г. А. И. Лаврентьев передал эту телеграмму Молотову И. Тито. Об исполнении этого поручения он сообщил в Москву следующее: «Тито, прочитав телеграмму два раза, крайне взволнованный, сказал, что не ожидал, что Советское правительство придает этому делу такое значение. Он признает, что им была допущена ошибка, нужно было предварительно проконсультироваться с Совпра, и такая консультация по внешнеполитическим вопросам впредь проводиться будет. Он понимает, что за такие неправильные внешнеполитические шаги реакция

¹ АВП МИД СССР.

² Советское правительство.

³ АВП МИД СССР.

возложит ответственность на Советский Союз. Югославская дивизия не будет введена в Албанию. Тито заверил, что югославское правительство не имело никаких намерений поставить Совпра перед свершившимся фактом. В этом деле, как сказал Тито, виновно не югославское правительство, а виновен он, Тито, как главнокомандующий. Он предполагал, что это мероприятие, основанное на согласии с албанским правительством, не является таким шагом, который требовал бы консультации с Совпра, тем более что прошлым летом был временно дислоцирован в Албании югославский авиационный полк, и тогда по этому поводу не поступало возражений со стороны Совпра. На это я заметил, — писал А. И. Лаврентьев, — что авиационный полк — не пехотная дивизия и что теперь международная обстановка несколько иная...» Далее А. И. Лаврентьев телеграфировал: «Тито в конце беседы заявил, что он не согласен с тов. Молотовым в том, что «между нашими правительствами имеются серьезные разногласия в понимании взаимоотношений между нашими странами...». Тито, продолжая свою мысль, сказал, что это первый раз, когда Югославия не согласовала свои мероприятия с Советским Союзом. На это я, — сообщал А. И. Лаврентьев, — заметил, что, если касаться вопроса о консультации по внешнеполитическим делам, были и другие случаи, когда югославское правительство действовало без ведома Совпра. Например, в прошлом году югославское правительство подписало договор о сотрудничестве с Болгарией не только без консультации с Совпра, но даже вопреки его рекомендации не подписывать этот договор до вступления в силу мирного договора с Болгарией. Тито на это ничего не ответил»¹.

Сталин считал, что со стороны югославского и болгарского руководства не проявляются должная осмотрительность и осторожность в международных делах. Он решил высказать свое недовольство несогласованными с ним действиями на мировой арене на созванной им 10 февраля 1948 г. трехсторонней советско-болгаро-югославской встрече в Москве. Поэтому он поручил 2 февраля Молотову передать И. Тито через А. И. Лаврентьева следующее: «Мы считаем, что у нас с Вами имеются серьезные разногласия по внешнеполитическим вопросам. Ввиду напряженности международного положения считаем нужным ликвидировать эти разногласия путем устройства обмена мнениями

---

¹ АВП МИД СССР.

ни неофициальном совещании в Москве. Просим прислать в Москву двух-трех ответственных представителей югославского правительства для обмена мнениями.

Приглашены также представители болгарского правительства.

Срок приезда не позже 8—10 февраля.

Сообщите Ваше мнение. Молотов»¹.

По словам Э. Карделя, когда в Белграде получили эту телеграмму, И. Тито решил от поездки в Москву воздержаться. Политбюро ЦК КПЮ решило направить на эту встречу делегацию во главе с Э. Карделем, в состав которой вошли В. Бакарич, а также М. Джилас и В. Попович, которые должны были присоединиться к ней в Москве. «Кардель и Бакарич, — вспоминал М. Джилас, — прибыли в воскресенье 8 февраля 1948 г. Советское правительство пригласило Тито, но он, ссылаясь на плохое самочувствие, — уже это говорило о существовавшем взаимном недоверии — послал вместо себя Э. Карделя»². От БКП в Москву для участия в этой встрече прибыли Г. Димитров, В. Коларов и Т. Костов.

Встреча в кремлевском кабинете Сталина состоялась 10 февраля³. Началась она в 21.15. Сталин сидел во главе стола, а справа от него расположились Молотов, Маленков, Жданов, Сулов и Зорин. Слева от Сталина сидели Димитров, Коларов и Костов, а далее югославы — Кардель, Джилас, Бакарич. Встречу открыл Молотов, который сразу во вступлении заявил, что между Советским Союзом, с одной, и Югославией, Болгарией, с другой стороны, возникли серьезные расхождения и что это «недопустимо и с партийной, и с государственной точек зрения. Сталин сидел нахмурившись и все время что-то чертил в блокноте. Молотов перечислил эти расхождения. Он назвал, во-первых, заключение югославо-болгарского договора о союзе, во-вторых, заявление Димитрова о федерации восточно-европейских стран и Балканских государств, включая Грецию, и в-третьих, Албанию. Он сказал, что Советское правительство советовало югославскому и болгарскому правительствам не заключать договор до тех пор, пока не отпадут ограничения, вытекающие из мирного договора». Однако, как сказал В. М. Молотов, оба правительства заключили такой договор, а Советское правительство «узнало об этом из газет».

¹ АВП МИД СССР.

² *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 171.*

³ *Ibid. P. 173—186.*

Когда Молотов перешел ко второму вопросу, Сталин прервал его и сказал: «А все, что Димитров говорит, что говорит Тито, за границей воспринимается как сказанное с нашего ведома»¹.

Г. Димитров пытался объяснить, что Югославия и Болгария не обпародовали в Бледе текст договора, а только коммюнике, в котором говорилось, что достигнуто соглашение между двумя странами о необходимости заключить такой договор. Затем он добавил, что Болгария, переживающая большие экономические трудности, не может развиваться без сотрудничества с другими странами. Но Сталин был настроен саркастически и гневно, вел беседу в крайне резких и грубых выражениях, постоянно прерывал выступавших своими репликами.

Далее, обращаясь к Г. Димитрову, Сталин заявил: «Вы зарвались, как комсомолец. Вы хотели удивить мир — как будто Вы все еще секретарь Коминтерна. Вы и югославы ничего не сообщаете о своих делах, мы обо всем узнаем па улице. Вы ставите нас перед свершившимися фактами!»

Здесь слово взял Э. Кардель, заявивший, что, «возможно, с болгаро-югославским договором была проявлена спешка», но его проект был своевременно направлен Советскому правительству, со стороны которого не последовало никаких замечаний, кроме предложения (которое было принято) заключить такой договор не «на вечные времена», как предусматривалось в первоначальном варианте, а на 20 лет с правом продления. «Поэтому,— сказал Э. Кардель,— кроме этого замечания я не вижу каких бы то ни было расхождений в политике между Югославией и СССР».

Сталин его зло оборвал: «Ерунда! Расхождения есть, и глубокие! Что Вы скажете насчет Албании? Вы вообще не проконсультировались с нами в отношении ввода своих войск в Албанию».

Э. Кардель возразил, что на это есть согласие правительства Албании, но Сталин вновь прервал его. «Факт остается фактом, что вы с нами не проконсультировались по вопросу направления югославских дивизий в Албанию, Это могло бы привести к серьезным международным осложнениям!»

Э. Кардель разъяснил, что, действительно, таких консультаций между югославским и Советским правительст-

---

¹ Историја СКЈ. С. 356.

ними не было. Но окончательная договоренность о направлении войск не была достигнута, что еще не определена точная дата такой передислокации, что такой шаг не означает какой бы то ни было угрозы миру, что это делается ради защиты независимости Албании от угрозы извне, что еще раньше албанское правительство просило послать в Албанию югославский авиаполк, что и было сделано и не привело ни к каким международным осложнениям.

Э. Кардель вновь подчеркнул, что он не припомнит ни одного другого случая из области внешней политики, когда бы югославское правительство не консультировалось с Советским правительством.

Сталин вновь резко оборвал его: «Неправда! Вы вообще не советуется. Это у вас не ошибки, а принцип, да, принцип!»

Взявший слово Молотов зачитал из югославо-болгарского договора абзац, в котором говорилось, что Югославия и Болгария будут действовать в духе ООН и поддерживать любую инициативу, направленную в защиту мира, против любой агрессии, с какой бы стороны она ни исходила. На что Сталин сказал: «Но ведь это же превентивная война, это самый обычный комсомольский выпад. Это обычная громкая фраза, которая только дает пищу врагу».

В ответ на предложение Г. Димитрова обсудить уже сейчас некоторые вопросы дальнейшего развития экономических отношений, Сталин заявил: «Об этом мы будем говорить с объединенным болгаро-югославским правительством»¹.

Как вспоминал впоследствии Э. Кардель, после беседы со Сталиным еще при выходе из Кремля он в ответ на замечание М. Джиласа о том, что теперь надо будет создавать федерацию, решительно не согласился с ним. По его словам, «такая федерация помогла бы Сталину забросить к нам троянского коня, после чего он отстранил бы Тито, а затем и наш ЦК». Однако, отправив тогда телеграмму в Белград о содержании беседы со Сталиным 10 февраля 1948 г., Э. Кардель, М. Джилас и В. Бакарич закончили словами: «Не следует упускать из виду, что товарищ Сталин питает любовь ко всему ЦК КПЮ, особенно к товарищу Тито»².

---

¹ *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 173—186; Dedijer V. Josip Broz Tito. S. 461—468; Dedijer V. Novi prilozi... T. 3. S. 288—294.*

² *Dedijer V. Novi prilozi... T. 3. S. 123.*

В соответствии с высказанным Сталиным на встрече пожеланием 11 февраля 1948 г. были подписаны соглашения СССР с Болгарией и СССР с Югославией о консультациях по внешнеполитическим вопросам. «В каком большом замешательстве находился тогда Э. Кардель, — вспоминал М. Джилас, — наглядно свидетельствует тот факт, что, когда на следующий день он был приглашен в Кремль для подписания вместе с Молотовым соглашения о консультациях между СССР и Югославией, он, поскольку ему не объяснили порядок официальной церемонии, поставил свою подпись не там, где надо было, в связи с чем это соглашение пришлось подписывать заново»¹. В тот же день Э. Кардель, М. Джилас и В. Бакарнич посетили Г. Димитрова, устроившего завтрак, за которым было условлено, что после доклада своим правительствам они вступят в контакт друг с другом по вопросу создания югославо-болгарской федерации. По свидетельству М. Джиласа, югославская делегация отбыла из Москвы через три-четыре дня. «На заре нас отвезли на Внуковский аэродром и безо всяких почестей впихнули в самолет»².

Этой февральской тройственной советско-болгаро-югославской встрече суждено было стать прелюдией открытого разрыва между Советским Союзом и Югославией, который произошел в июне 1948 г.

б) Решительное «нет» И. Тито Сталину

Неоднократно отвечая на вопрос, какой самый трудный момент ему довелось пережить в своей жизни, И. Тито неизменно называл 1948 г., появление резолюции Информбюро «О положении в Компартии Югославии». «Вполне попятно, — говорил он, — что для коммуниста, возможно, самым трудным моментом в жизни является тот, когда у него рушится то, во что он верил и на чем воспитывался»³.

25 мая 1974 г. в интервью газете «Борба» И. Тито на вопрос: «Какое для вас решение было более трудным — решение о тяжелой борьбе против Гитлера в годы войны или позднее в связи с позицией Сталина?» ответил: «Решение о начале борьбы против Гитлера не было трудным. Мы обязаны были принять его. Принять решение в связи с позицией Сталина было гораздо тяжелее, поскольку мне,

¹ *Kardelj E. Borba za priznanje... S. 119; Dedićer V. Novi pri-lozi... T. 3. S. 299.*

² *Djilas M. Conversations with Stalin. P. 186.*

³ *Marković D., Krzavac S. Zašto su smenjivani. S. 13.*

авк дисциплинированному коммунисту-интернационалисту, было страшно трудно пойти на такой шаг. Однако, так как я понимал, в чем дело в данном случае, чего хочет Сталин — а речь шла о вопросе дальнейшего развития социализма в мире и социалистических отношений, о вопросе, какими должны быть отношения между социалистическими странами, — тогда я принял бесповоротное решение. И это стало переломом. Это было решение начать борьбу за то, чтобы не подчиниться диктату Сталина».

Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что созванное И. Тито в его белградской резиденции 1 марта 1948 г. расширенное заседание Политбюро ЦК КПЮ, на котором был заслушан отчет югославских представителей, вернувшихся из Москвы, сыграло ключевую роль в цепи событий, непосредственно приведших к конфликту 1948 г. Первым выступил И. Тито. Согласно опубликованной в Югославии Протокольной записи этого заседания он, отметив, что «в последнее время отношения между Югославией и СССР зашли в тупик», рассказал, что все началось с вопроса о посылке югославской дивизии в Албанию. «Имелось в виду дать попять грекам, что наш союз с Албанией прочен, — сказал И. Тито. — Что войны не хотим, но к провокациям должны быть готовы. Мы начали готовить одну боевую дивизию. Я рассчитывал до ее отправки проинформировать СССР. Пришел Лаврентьев, чтобы поинтересоваться, собираемся ли мы послать свою дивизию... Поступила телеграмма из Москвы. Я сделал ошибку, что не проинформировал. Телеграмма Молотова была довольно грубой. Внешнеполитических расхождений не было. В телеграмме речь шла о дивизии и об обнаружении договора с болгарями... Я сообщил Лаврентьеву, что дивизию мы не пошлем, но считаем данный вопрос незакрытым и что Советское правительство должно высказать какое-то предложение. Поступила вторая телеграмма Молотова, в которой утверждалось, что между нами имеются крупные расхождения, в связи с чем необходимо прислать делегацию. Джидо (М. Джилас.— Ю. Г.), Кардель и Бакарич выехали в Москву»¹.

Перейдя затем к вопросу югославо-албанских отношений, И. Тито отметил: «Наши отношения с Албанией в прошлом году ухудшились. Главный виновник этого с албанской стороны Нако Спиру покончил жизнь самоубийством. Мы взяли на себя Албанию в качестве бремени в

---

¹ *Dedijer V. Novi prilozici... T. 3. S. 303—304.*

2 миллиарда. Нефть Советы забрали. Мы обратили на это внимание албанцев. Пригласили Э. Ходжу и К. Дзодзе, переговорили с ними обстоятельно. Народное хозяйство Албании прочно привязано к Югославии. Они согласились с нами, все было решено. Миллиард на нужды их армии мы взяли на свой счет. Мы снабжаем и одеваем ее. Мы хотим контролировать свою армию. Считали, что этот спор ликвидирован»¹.

Сделав обзор югославо-советских экономических связей, И. Тито коснулся, в частности, смешанных обществ, назвав подписанные соглашения о создании югославо-советского дунайского пароходного акционерного общества и югославо-советского акционерного общества гражданской авиации позорными и неравноправными. Затем он остановился на результатах переговоров по вопросу поставок советского вооружения для нужд югославской армии, подчеркнув, что «и здесь русские не хотят идти нам навстречу», заявляя, «зачем вам сильная армия, ведь мы здесь». И. Тито информировал далее о телеграмме посла ФНРЮ в СССР В. Поповича и министра внешней торговли ФНРЮ Б. Црнобрни о том, что МВТ СССР (Крутиков) заявил, что Советский Союз не сможет заключить в мае 1948 г. очередной торговый протокол на 1948 г., что такая возможность представится только в декабре. Отметив, что «русские выступают за немедленное создание федерации», И. Тито подчеркнул, что сейчас он против этого. Констатируя, что «русские оказывают экономическое давление на нас», И. Тито призвал «выдержать это давление», пояснив, что «здесь речь идет о независимости нашей страны»².

После И. Тито выступил Э. Кардель, проинформировавший о существовании беседы со Сталиным в Кремле. Он отметил, что «Сталин говорил грубо, как с комсомольцами», «через болгар в основном критиковал нас». По словам Э. Карделя, Сталин, осудив направление дивизии в Албанию как шаг, способный «дать американцам повод для нападок», заявил: «Если Албания будет подвергнута нападению, пусть тогда албанское правительство обращается к вам за помощью». «Сталин сказал,— проинформировал далее он,— что между СССР и нами имеются расхождения»³. Оспорив этот тезис, Э. Кардель утверждал, что «русские не хотят, чтобы в этих странах создавалась опре-

¹ *Dedijer V. Novi prilozii...* Т. 3. S. 303—304.

² *Ibid.* S. 304.

³ *Ibidem.*

деленная формация, позволявшая им развиваться в направлении социализма, что существуют идеологические разногласия по проблеме развития социализма». Но вопросу об Албании он заявил следующее: «Албанию надо прочно удерживать, ибо мы много вложили в нее, и она для нас важна. Надо продолжать нашу прежнюю политику по всем вопросам политического и экономического сотрудничества. Следует потребовать, чтобы советские советники в Албании находились в составе нашей группы... Пусть албанцы выполняют договор с СССР, но и в отношении нас выполняют соответствующий договор. Мы имеем право контролировать то, что делают албанцы, какие соглашения они заключают... Если Албания хочет заключать какие-либо соглашения, то она должна согласовывать их с нами». Свое выступление Э. Кардель закончил словами: «Наша политика в отношении СССР остается и далее неизменной, но мы должны строго заботиться об интересах нашей страны. Мы считаем неправильным, когда у нас некоторых людей вербует на работу советская разведслужба в качестве агентов». При этом он подчеркнул, что у него «сложилось впечатление, что созданием федерации хотят усилить влияние через НКВД»¹.

Затем выступили также находившиеся с Э. Карделем в Москве М. Джилас и С. Вукманович-Темпо. Так, М. Джилас высказал предположение, что «русские не ограничатся экономическим давлением на нашу страну», что давление СССР на Югославию будет нарастать. Он подчеркнул при этом, что весь вопрос заключается в том, «будет ли социализм развиваться свободно или посредством расширения СССР».

С. Вукманович-Темпо сказал, что «русские проводят курс, направленный на то, чтобы поставить нас в зависимость от них», что в СССР не хотят печатать статьи о Югославии, что «имеются расхождения по вопросам военного строительства в странах новой демократии».

В своем выступлении Б. Кидрич сделал акцент на экономическом сотрудничестве: «Правительство СССР отказалось от подписания торгового соглашения на 1948 г. Говорят, что его подписание возможно только в декабре 1948 г. Црнобрня находился в Москве в течение двух месяцев. Объем соглашения достигает 2 миллиардов. Похолодание в наших отношениях с СССР началось с вопроса

---

¹ *Dedijer V. Novi prilozi...* Т. 3. S. 304.

о смешанных обществах. Русские не хотят поставить нам домны».

А. Раикович проинформировал о расстановке сил в болгарском руководстве. По его словам, идет борьба между тремя фракциями, которая сказывается и на позиции по вопросу балканской федерации. Подчеркнув, что «в нынешней ситуации вопрос о федерации с Болгарией еще не созрел», он заявил: «Мы должны иметь сильную армию — это гарантия независимости»¹.

Как подметил итальянский исследователь Дж. Боффа, на этом заседании «партийные руководители дали себе волю и изливали душу, вспоминая те обиды, которые им были нанесены недружелюбным обращением в Москве, и демонстрировали решимость отвергнуть советские угрозы»².

Итоги обмена мнениями подвел И. Тито, заявивший, что «у Югославии нет разногласий с СССР в сфере внешней политики». Подчеркнув, что «причины такого отношения следует искать не во внешнеполитических расхождениях, а на другой стороне», он сказал: «Болгары форсируют федерацию. В экономическом отношении вопрос не созрел. Вопрос касается единства партии. Мы бы себя обременили. В идеологическом плане они отличаются от нас. Это был бы «троянский конь» в нашей партии. Наша сила — в единстве воли и действий... Югославия подтвердила свой путь к социализму. Русские по-иному смотрят на свою роль. На вопрос надо смотреть с идеологической точки зрения. Правы мы или они? Мы правы. Они иначе смотрят на национальный вопрос, чем мы. Было бы ошибкой соблюдать коммунистическую дисциплину, если это в ущерб какой-либо новой концепции... Мы не пешки на шахматной доске. Пока не прояснится, как выкристаллизовывается вся ситуация, федерация неосуществима... Мы должны ориентироваться только на собственные силы»³.

Как утверждает М. Джилас, на этом заседании Политбюро ЦК КПЮ И. Тито, ввиду напряженности, возникшей в отношениях СССР и ФНРЮ, якобы поставил вопрос о возможной своей отставке с поста главы правительства⁴. «Но мне и другим товарищам, — писал М. Джилас, — было очевидно, что Тито просто испытывал нас. Каждый из нас

¹ *Dedijer V. Novi prilozji...* Т. 3. С. 304—307.

² *Boffa D. Dell'Storia Dell'Unione Sovietica.* С. 114.

³ *Dedijer V. Novi prilozji...* Т. 3. С. 305—308; *Kardelj E. Borba za priznanje...* С. 114.

⁴ *Djilas M. Tito.* Р. 125.

был искренне против его отставки, кроме Жуйовича, который уже находился под подозрением и промолчал»¹.

Одобрив деятельность Э. Карделя, М. Джиласа и В. Бакарича в Москве, Политбюро ЦК КПЮ решило опираться и деле экономического строительства и оснащения югославской армии на собственные силы, отстаивая независимую позицию. В отношении рекомендации Сталина безотлагательно создать федерацию между Югославией и Болгарией было признано целесообразным не форсировать ее и исходить из того, что такой шаг только осложнил бы положение Югославии. Поэтому Москва и София были поставлены в известность, что, по мнению Политбюро ЦК КПЮ, в данный момент еще рано учреждать федерацию и что надо и далее обсуждать этот вопрос, создавая условия на будущее².

Один из участников этого заседания — министр финансов, член Политбюро ЦК КПЮ, Генеральный секретарь Народного фронта ФНРЮ С. Жуйович³, будучи несогласным с одобренным на нем курсом, тайно проинформировал посла СССР в ФНРЮ А. И. Лаврентьева о характере состоявшегося на заседании Политбюро ЦК КПЮ обсуждения вопросов, поднятых на советско-югославо-болгар-

¹ *Djilas M. Tito. P. 125.*

² *Kardelj E. Borba za priznanje... S. 120.*

³ Жуйович, Сретен — партийный псевдоним Черный (1899—1976), по национальности серб, член КПЮ с 1922 г. Скрываясь от преследований полиции, эмигрировал в 1923 г. в Советский Союз, где вошел в качестве оргсекретаря в состав т. н. заграничного Политбюро ЦК КПЮ, возглавлявшегося М. Горкичем. Практически единственный из прежнего руководства ЦК КПЮ, кого И. Тито включил в сформированное им в 1938 г. новое Политбюро ЦК КПЮ. В НОД — член Верховного штаба НОА и ПОЮ, один из организаторов восстания в Сербии. После войны вошел в состав Совета Министров Югославии в качестве министра финансов. Имя Генеральным секретарем Народного фронта ФНРЮ. После того как он высказался в 1948 г. в поддержку Резолюции Информбюро, был исключен из партии, отстранен от всех партийных и государственных постов и подвергнут аресту «за выдачу государственной и партийной тайны» советскому послу в Югославии. 11 ноября 1950 г. написал покаянное письмо ЦК КПЮ (опубликовано в «Борбе» 25 ноября), в котором признал свои заблуждения и ошибки, связанные с убежденностью, что «Югославия превратится в советскую социалистическую республику в составе СССР», а «КПЮ сольется с ВКП(б) и станет ее частью». После освобождения из тюремного заключения в 1950 г. был до выхода на пенсию коммерческим директором газеты «Борба» и директором Экономического института. Присутствовал на торжественном заседании по случаю 50-летия КПЮ в апреле 1969 г. в числе видных революционеров — ветеранов партии. Скончался в 1976 г.

ской встрече в Кремле. С его слов А. И. Лаврентьев сообщил в Москву, что на этом строго секретном заседании рассматривались следующие вопросы: 1) О политических и экономических отношениях с Советским Союзом; 2) О пятилетнем плане Югославии в связи с первым вопросом; 3) О федерации с Болгарией; 4) О югославской армии. Далее в тексте телеграммы посла говорилось следующее: «Согласно его (С. Жуйовича.— Ю. Г.) сообщению, И. Тито, выступая по первому вопросу, сказал, что «развитию отношений между Советским Союзом и Югославией зашло в тупик. И все началось с пустяков: с вопроса о посылке югославской дивизии в Албанию... Им (И. Тито.— Ю. Г.) было сказано, что хотя он и заявил советскому послу, что, может быть, была допущена ошибка, что Советский Союз не был ознакомлен с решением о направлении дивизии в Албанию, но сейчас не уверен, нужно ли было вообще осведомлять Советский Союз по этому вопросу. Тито сообщил, что Совпра пригласило представителей югославского правительства в Москву... и они имели беседу с тов. Сталиным. Москва отклонила предложение о направлении югославской дивизии в Албанию. Там указывали, что эта посылка дивизии поднимет большой международный шум. В Москве также заявили, что Югославия имеет слишком большую армию, что югославы слишком много ангажировались в Греции, не учтя некоторой ситуации там. Тито при этом заявил, что он, пожалуй, с этим не согласен. Провокации могут быть ежедневно. Нужно иметь армию, нужно всегда быть готовым. Югославия должна помогать Албании согласно договору... Тито информировал о телеграмме посла Поповича и Црпобрни о том, что Министерство внешней торговли СССР (Крутиков) заявило, что Советский Союз в этом году не сможет заключить торговое соглашение.

Потом выступили Кардель и Джилас с краткими сообщениями о своей поездке в Москву. Причем Кардель заявил, что никаких разногласий между СССР и Югославией по международным вопросам нет... Тито говорил... что есть разногласия в чем-то другом. Оказывается, что Советский Союз хочет экономически захватить Югославию. Он и ранее думал, что Советский Союз хочет захватить руководящую роль в Югославии, хотя об этом ни с кем и не говорил. Дело идет об экономической зависимости Югославии от Советского Союза. Переговоры о создании обществ показали это стремление Советского Союза. На международных конференциях Югославия выступает

одно с Советским Союзом и даже ангажируется больше, чем это нужно было бы Югославии. Между Югославией и Советским Союзом, как было сказано Тито, существуют разногласия в области идеологии. Югославы правильно объясняют коммунистическую идеологию.

Реплики и отдельные замечания присутствовавших на заседании, по сообщению С. Жуйовича, сводились к тому, что в Советском Союзе в этом отношении допускают ошибки, в частности проявляется в СССР великодержавный шовинизм. Восстановление русских традиций — это проявление великодержавного шовинизма. Празднование 800-летия Москвы отражает эту линию. Навязывается только русское во всех областях жизни. Руководство в парторганах союзных республик насаждается только из русских. Партийные работники других национальностей освобождаются от занимаемых должностей. Недавнее постановление ЦК ВКП(б) о музыке — это возврат только к русскому классицизму, это отрицание достижений других народов. Такая политика Советского Союза доказывает (так в оригинале. — Ю. Г.) глубоких изменениях, происходящих в стране. Об этом говорил Кардель, особенно Джилас и другие... Гошняк даже сказал так, что политика СССР — это препятствие к развитию международной революции. Тито ответил на это репликой: «Точно». Джилас сказал, что для Югославии имеются два пути развития. Если ставится вопрос так, что в Югославии строится социализм, то ей требуется помощь и это правильно, если же они (то есть Советский Союз) думают, что строительство социализма означает расширение границы СССР, то это неправильно. Джилас сказал: «Мы сами себя освободили, нас не освобождала Красная Армия». Насколько помнит С. Жуйович, Джиласом было также заявлено, что СССР будет оказывать на Югославию все большее давление, ибо она — самый сильный центр идеологического сопротивления. Джилас в связи с разговорами об эконолической зависимости Югославии от СССР бросил реплику, что «Коминформ — это захват других партий»... Кардель заявил: «Нам навязывается понятие новой демократии, а мы — народная демократия. Это — принципиально новое и это в Советском Союзе не могут понять»... Кидрич в свою очередь ответил Карделю: «Они будут противиться строительству социализма, поскольку в СССР происходит перерождение...» Тито говорил с исключительной злобой о Гагарине (поверенный в делах СССР в Албании. — Ю. Г.). На заседании речь шла также о том, что министерство

госбезопасности СССР вербует югославских людей. В связи с этим подчеркивалась необходимость борьбы с различными аспектами. По первому пункту в качестве резюме Тито заявил, что:

- а) Югославия будет развиваться собственным путем;
- б) Отношение к Советскому Союзу должно оставаться без изменений;

в) В международных вопросах Югославия будет выступать едино и будет помогать Советскому Союзу...

Тито заявил, что Советский Союз желает, чтобы Югославия не имела самостоятельной и отдельной позиции в обороне страны... С. Жуйович считает, что с приходом к власти Кидрича отношение югославского правительства к Советскому Союзу ухудшилось. Кидрич относится к Советскому Союзу исключительно высокомерно, считая, что в Советском Союзе существует малокультурие... От заседания, как сказал С. Жуйович, у него осталось такое ощущение, что Тито боится, что как бы кто-либо не отобрал у него власть и в какой-либо степени не ущемил бы его авторитет. Это чувство появлялось и тогда, когда рассматривался вопрос о югославо-болгарской федерации¹. По информации С. Жуйовича, И. Тито высказался против создания югославо-болгарской федерации, заявив, в частности, что «Югославия ничего не выиграет от этого и условия для такого шага еще не созрели»².

Это сообщение С. Жуйовича наложило на другую нелестную в отношении И. Тито и возглавляемого им руководства информацию, которую направлял до этого в Москву посол СССР в ФНРЮ А. И. Лаврентьев. Так, советское посольство с его приездом все чаще сообщало в Москву о симптомах головокружения от успехов у югославского руководства, развитии и культивировании в партии и стране волюнтаристских тенденций. В политотчете за 1946 год А. И. Лаврентьев писал, что «имеют место случаи, когда проявляются тенденции местного национализма, в частности, выражающиеся: а) в подчеркивании значения югославского партизанского движения в освобождении страны, умаляя тем самым роль Советского Союза в этом освобождении; б) слишком большом подчеркивании особенностей местных условий, в которых якобы не всегда с успехом можно применить опыт Советского Союза и опыт нашей армии». По мнению посла, «это означало, что,

---

¹ АВП МИД СССР.

² Там же.

оченидно, существует грубое непонимание значения того политико-морального влияния Советского Союза, которое он оказывал на весь ход освободительного движения в Югославии».

Постепенно сообщения из Белграда стали приобретать все более острый и обличающий характер. Комментируя речь И. Тито на II конгрессе Народного фронта Югославии 27 сентября 1947 г., посол указывал, что «Тито ни одним словом не обмолвился о помощи Советского Союза, оказанной Югославии в этой борьбе, о его влиянии на весь ход освободительной борьбы, хотя элементарно ясно, что Югославия освобождена была Красной Армией и что Советский Союз как внешнеполитический фактор играл решающую роль в процессе становления Югославии... Все эти недоговаривания, очевидно, вытекают из того, что Тито рассматривает процесс освобождения Югославии, процесс социально-экономического преобразования страны лишь с местных национальных позиций, тем самым впадая в национальную ограниченность». И далее А. И. Лаврентьев писал: «Не сочтете ли Вы возможным, чтобы критические замечания по докладу Тито были высказаны в рабочем порядке представителю югославской компартии в Москве?»

31 декабря 1947 г. посол направил подборку материалов, в которой содержались копии приказов И. Тито по случаю 6-й годовщины югославской армии, а также в связи с постановкой задач перед армией на 1947—1948 гг., его речь в гвардейском соединении, доклад генерал-лейтенанта С. Вукмановича-Темпо на праздновании Дня армии и статья генерал-полковника К. Поповича «Тито — организатор побед народно-освободительной войны». В специальной телеграмме от 8 января 1948 г. А. И. Лаврентьев так комментировал посланные материалы:

«1. Во всех выступлениях преувеличивается значение югославского партизанского движения.

2. При определении значения военного опыта освободительного движения советская военная наука и опыт Советской Армии в Великой Отечественной войне не признаются без оговорок основным законом дальнейшего развития вооруженных сил Югославии...

3. Вукманович хотя и говорит о важности познания советской военной науки и опыта Советской Армии в Великой Отечественной войне, но при этом подчеркивает, что «без основательного знания политических, экономических, географических и исторических условий в нашей

стране, без основательного изучения опыта пашей войны, особенностей и развития пашей армии нельзя понять ни марксизма, ни ленинизма, ни советской военной науки. Любой другой путь привел бы к догмам и механическому перенесению опыта Советской Армии в наши условия». Таким образом, будучи в плену своей «специфичности», Вукманович не понимает существа марксизма-ленинизма, не понимает существа советской военной доктрины...

4. Известно, что именно тов. Сталин призвал развивать партизанскую вооруженную борьбу в условиях оккупации и обосновал необходимость и важность этой борьбы. Возведение Поповичем маршала Тито в ранг крупных военных теоретиков является не чем иным, как простым угождением перед Тито, который, очевидно, принимает это угождение за действительную оценку своих военных качеств...

5. Полагаю, что все это происходит вследствие слабой теоретической и, в частности, военной подготовки руководителей югославской армии, вследствие наличия определенной национальной ограниченности, о проявлении которой я уже в свое время сообщал. Несомненно и то, что проявление «вождизма» со стороны маршала Тито также оказало влияние на рассматриваемые нами документы.

Для плодотворного воздействия на югославских военных не сочтете ли целесообразным дать критику указанных документов в журнале «Военная мысль», который поступает и для военных руководителей Югославии.

Кроме того, не сочтете ли возможным по военной линии высказать критические замечания Джиласу, который во время своей поездки в Москву, по поручению Тито, поставит на рассмотрение Совпра ряд военных вопросов»¹.

Позицию посла разделял военный атташе при посольстве СССР в Югославии генерал-майор Сидорович. 10 января 1948 г. он направил генералу армии Антонову подборку тех же материалов. При этом генерал докладывал, что опыт Советской Армии не признается без оговорок основным законом дальнейшего развития вооруженных сил Югославии, отмечал, что «нет прямого указания, какой идеологии придерживаются сейчас и будут придерживаться впредь в Югославии...». Наряду с этим он подчеркивал, что в Югославии «должна быть безоговорочно принята советская сталинская военная доктрина и опыт Советской Армии, которые являются единственно пра-

---

¹ АВП МИД СССР.

нительным и научной теорией и опытом для всех демократических армий». Военный атташе предлагал, в частности, «указать на эти ошибки в порядке обмена опытом по линии Информбюро некоторых компартий». «Разбор этих ошибок» он предложил также сделать и в беседе с югославской военной делегацией (М. Джилас, К. Попович, С. Вукманович и др.), направлявшейся в Москву во второй декаде января 1948 г. Этот доклад военного атташе и подборка материалов были доложены министром Вооруженных Сил СССР Н. А. Булганиным Сталину¹.

Вышеупомянутая информация С. Жуйовича, передаваемая в Москву А. И. Лаврентьевым, была очень высоко оценена Сталиным. 7 марта 1948 г. Молотов поручил А. И. Лаврентьеву сообщить С. Жуйовичу, что «переданная им информация о положении дел в ЦК югославской компартии получена и ЦК нашей партии благодарит т. Жуйовича за это, считая, что он делает этим хорошее дело как для Советского Союза, так и для народа Югославии, разоблачая мнимых друзей Советского Союза из югославского ЦК»². Вместе с тем Молотов дал указание А. И. Лаврентьеву выехать в Москву, чтобы «мы могли получить от Вас более полную информацию в связи с известными Вам обстоятельствами»³.

9 марта 1948 г. А. И. Лаврентьев сообщил дополнительные сведения об обстановке в КПКЮ и стране. Передавая сообщения С. Жуйовича и Р. Чолаковича (тогда премьер-министр республики Босния и Герцеговина) о том, «как вывести из такого положения страну, в какое ее поставили югославские руководители», советский посол подчеркивал, что, как они полагают, «внутренними силами в партийных пределах без вмешательства ВКП(б) этот вопрос не может быть положительно решен, ибо Тито не допустит открытой оппозиции. Если бы вопрос об отношении с СССР был поставлен на открытое обсуждение в партии, то, по мнению С. Жуйовича, подавляющая часть партии высказалась бы против Тито. Но С. Жуйович считает, что верхушка партийного и госаппарата, находящаяся в исключительно хороших материальных условиях и пользующаяся в силу отсутствия контроля другими средствами за пределами своих достатков, будет поддерживать Тито... Низовые партийные ячейки в организационном и

¹ АВП МИД СССР.

² Там же.

³ Там же.

идеологическом отношении слабы. В руках Тито также армия. С. Жуйович выказал также и такое соображение. Если бы была возможность поставить вопрос о присоединении Югославии к СССР, то Тито не смог бы отклонить такое предложение, не разоблачив себя. Но это не позволит сделать международная обстановка. Может быть, по соображениям С. Жуйовича, следует использовать такую возможность: пригласить делегацию Югославии в Москву для открытого разговора. Если они будут откаться, то С. Жуйович согласен выступить с разоблачением. У него, как сказал С. Жуйович, бродят даже такие мысли: «Уж не договорились ли между собой Тито и англо-американцы, к чему, может быть, приложил руку В. Велебит. С. Жуйович подчеркнул, что это только мысли...»¹

В тот же день, 9 марта, А. И. Лаврептьев, сославшись на разговор Срзентича (помощник Председателя Экономического совета ФНРЮ Б. Кидрича.— Ю. Г.) с торгпредом Лебедевым, сообщил в Москву о решении югославского правительства, запрещавшем «госорганам и учреждениям предоставлять кому бы то ни было какие-либо материалы», и что «органам госбезопасности поручено осуществлять за этим делом контроль». «Считаю необходимым напомнить,— писал советский посол,— что это решение было принято югославским правительством летом прошлого года. Тогда я говорил с Карделем, который и дал указание Кидричу предоставлять нам необходимые данные. На основе этой договоренности Лебедев получал от Экономсовета некоторые сведения по экономическим вопросам. Совершенно ясно, что заявление Срзентича отражает изменения в отношениях руководителей к Совет-

---

¹ АВП МИД СССР; Велебит, Владимир родился в 1907 г. в г. Задар, окончил юридический факультет Загребского университета в 1931 г., защитил докторскую диссертацию в 1933 г., член КПЮ с весны 1940 г. Участник НОД с 1941 г. В 1941—1943 гг. находился на нелегальной партийной работе в Загребе, участвовал в мартовских (1943 г.) переговорах с немецким командованием по обмену военнопленными, в результате которых была, в частности, освобождена жена И. Тито Герта Хас. Впоследствии — начальник военно-судебного отдела Верховного штаба НОА и ПОЮ. В 1943—1945 гг. — член военных миссий Верховного штаба в Египте и Италии, глава военной миссии в Лондоне. После войны был первым заместителем министра иностранных дел ФНРЮ, послом Югославии в Италии и Великобритании, заместителем Госсекретаря по иностранным делам ФНРЮ, заместителем министра внешней торговли Югославии, исполнительным секретарем Европейской экономической комиссии ООН, представителем Югославии в Международной организации труда.

гкому Союзу»¹, — делал далеко идущий вывод А. И. Лаврентьев.

11 марта 1948 г. А. И. Лаврентьев был припят И. Тито, который, согласно донесению советского посла в Москву, заявил, что «югославскому правительству непонятно, почему СССР отказывается заключить с Югославией торговое соглашение, в то время как с другими странами Советский Союз заключает подобные соглашения. Известно, что Югославия была верным союзником Советского Союза во время войны и в Югославии демократия укреплена больше, чем в других странах Восточной Европы. Отсутствие торгового соглашения между Югославией и Советским Союзом нельзя будет объяснить югославскому народу так, как заявили в Министерстве внешней торговли, а этого от народа не скроешь. Кроме того, прекращение торговли между Югославией и СССР сильно ударит по выполнению Югославией и СССР пятилетнего плана... Тем более непонятно такое решение и потому, что о нем было сообщено югославской делегации после двухмесячного ее пребывания в Москве... Такое решение Москвы... несовместимо с дружественными отношениями между обеими странами и что... такое отношение к Югославии нас обижает. Может быть... в Советском Союзе недовольны чем-либо Югославией, но даже в одной семье бывают неполадки между двумя братьями». Тито просил сообщить об этом Советскому правительству, «если об этом спросят». На мою реплику «если только спросят» Тито поправился и сказал, что он, как Председатель Совета Министров, в присутствии своего заместителя ставит этот вопрос официально»². В этой же беседе И. Тито затронул вопрос «о тосте Гагарина»³, «о крайне невыгодном курсе рубля к динару (6 динар за 1-рубль, а недавно было 4,2 динара за 1 рубль)», «о строительстве военно-морского флота в Югославии, который не нашел положительного решения в СССР, так как, по мнению советских военных предста-

¹ АВП МИД СССР.

² Там же.

³ 28 февраля 1948 г. Э. Кардель выразил А. И. Лаврентьеву недоумение по поводу того, что на приселе по случаю 30-й годовщины Советской Армии в Тирае поверенный в делах СССР в Албании Гагаринов заявил, что он, Гагаринов, «провозглашает тост за тов. Тито, если он работает на укрепление сил и единства демократического блока». На что югославский посланник тут же ответил, по словам Э. Карделя, что «за здоровье Тито можно пить, но без всяких оговорок» (*Dedijer V. Josip Broz Tito*. S. 468—470).

вителей, программа военно-морского строительства слишком велика»¹.

В связи с поставленными И. Тито в этой беседе вопросами В. М. Молотов поручил А. И. Лаврентьеву 13 марта передать ему следующее:

«1. Тост Гагарина в Албании — недоразумение или клевета.

2. Сообщение о том, что представитель СССР Крутиков отказался заключать торговое соглашение с Югославией на 1948 г., не соответствует действительности... Очевидно... придется заключить новое соглашение на 1948—1949 гг. И здесь, видимо, мы имеем дело с недоразумением или с клеветой.

3. Вопрос о курсе рубля в отношении дипара решен на базе соотношения рубля и доллара. Советский Союз не может пойти на исключение.

4. По вопросу о строительстве военно-морского флота и военной промышленности Югославии придется организовать еще несколько встреч югославских представителей с представителями СССР. Мы никогда не отказывались оказать в этом деле Югославии посильную помощь»².

Тем временем через советское посольство в Белграде от С. Жуйовича продолжала поступать весьма нелестная информация, касавшаяся высших партийных и государственных руководителей Югославии во главе с И. Тито. Имевший ряд встреч с С. Жуйовичем поверенный в делах Армянинов докладывал в те дни в одной из телеграмм, что, давая характеристику Тито, Карделю, Рапковичу и Джиласу, С. Жуйович говорил о них как о «политических перерожденцах», что «Тито и другие выпашивают мысль своего теоретического обоснования построения социализма новым путем и что Югославия является примером такого развития. Поэтому проявляется стремление оторваться от Советского Союза, а также появляется настроение охаивания положения в СССР»³.

В этих условиях Сталин пошел на неожиданный шаг, велел отозвать из Югославии всех советских специалистов. В связи с этим он поручил 18 марта 1948 г. передать через советское посольство И. Тито или Э. Карделю следующее: «Получено сообщение, что помощник Кидрича Срзентич заявил советскому торгпреду Лебедеву, что, согласно решению югославского правительства, воспрещено переда-

¹ АВП МИД СССР.

² Там же.

³ Там же.

нить советским органам информацию по экономическим вопросам. Нас поразило это сообщение, так как имеется договоренность о беспрепятственном получении органами Советского правительства такого рода информации. Это тем более поразило нас, что югославские правительственные органы проводят эту меру односторонне, без какого-либо предупреждения или объяснения причин. Советское правительство рассматривает подобные действия югославского правительства как акт недоверия к советским работникам в Югославии и как проявление недружелюбия в отношении СССР.

Понятно, что при таком недоверии к советским работникам в Югославии последние не могут считать себя гарантированными от аналогичных актов недружелюбия со стороны югославских органов.

Ввиду этого Советское правительство дало распоряжение министерствам черной металлургии, цветной металлургии, химической промышленности, электростанций, связи и здравоохранения немедленно отозвать всех своих специалистов и работников»¹. Докладывая о выполнении этого поручения, поверенный в делах Армянинов сообщил 19 марта, что «Тито, волнуясь, сказал, что он не понимает, почему так много возникло недоразумений, и затрудняется сейчас что-либо ответить. Ему необходимо посоветоваться с товарищами»².

Параллельно 18 марта 1948 г. глава советской военной миссии в Белграде генерал Барсков информировал начальника Генштаба югославской армии, что маршал Н. А. Булгакин по решению Советского правительства отдал приказ срочно отозвать из Югославии советских военных советников, мотивируя это тем, что они «окружены недружелюбием»³.

20 марта 1948 г. И. Тито написал письмо Молотову, в котором разъяснил введенный югославским правительством порядок передачи советским представителям материалов экономического характера. «За все время пребывания в Югославии,— подчеркивал он,— отношение к советским специалистам было не только хорошее, а братское и гостеприимное, какое вообще принято в отношении советских людей в новой Югославии... Точным является, что помощник министра Кидрича Срзептич заявил вашему торгпреду Лебедеву, что в соответствии с решением правительст-

¹ АВП МИД СССР.

² Там же.

³ *Dedijer V. Novi prilozi...* Т. 3. S. 378—379, 384—385.

ва ФНРЮ опи не имеют права давать никому важных сведений по экономике и что советские люди должны обратиться для получения таких сведений выше, т. е. в ЦК КПЮ и к правительству. Одновременно Срзентич сказал Лебедеву, чтобы он обратился для получения иптересующих его сведепий к миинистру Кидричу. Уже давпо было сказано вашим людям, что официальные представители Советского правительства могут получить все важные необходимые сведения непосредственно от руководителей нашей страны. Всякий раз, когда посол СССР товарищ Лаврентьев лично у меня просил необходимую ипформацию, я ее без колебаний предоставлял, и так поступали другие наши руководители. Нас очень бы удивило, если бы Советское правительство не согласилось с нашей позицией...»¹

Ознакомившись с этим письмом И. Тито, переданным ему 24 марта югославским послом В. Поповичем, В. М. Молотов запросил в тот же день А. И. Лаврентьева, пасколько правильно сообщение, что «Срзентич будто бы сказал, что советские люди должны обращаться за получением пужных сведений выше, т. е. в ЦК КПЮ и к правительству, так как в ипформации совпосла об этом не говорилось»². Подтвердив достоверность своей ипформации, А. И. Лаврентьев пояснил, что «Лебедев стал получать необходимую ипформацию, правда, с большой задержкой и не по всем иптересующим пас данным, после официальной договоренности с Карделем, па основании указаний тов. Вышинского»³.

23 марта А. И. Лаврентьев сообщил о том, как идет отъезд советских специалистов из Югославии. По его ипформации, военные советники прекратили свою работу в югославской армии с 19 марта и н соответствии с плапом 25 марта Югославию покинет последняя группа из 19 офицеров⁴. 26 марта А. И. Лаврентьев передал в Москву просьбу Э. Карделя оставить в Югославии гражданских специалистов, запятых на проектно-изыскательских работах, па строительстве промышленных объектов, которую он мотивировал тем, что их отъезд отрицательно скажется на сроках выполнения обязательств Советского Союза по возведению объектов. «Карделем было указапо,— общал посол,— что по общему вопросу о решении Совпра

¹ АВП МИД СССР.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. там же.

об отзыве гражданских специалистов Тито в своем письме уже обратился к тов. Молотову. Я ответил, что просьбу Карделя передам в Москву, но что посольство не может приостановить выезд в СССР гражданских специалистов, поскольку имеется решение Совпра. Это решение известно югославскому правительству»¹. Последняя группа гражданских специалистов вылетела в СССР 27 марта 1948 г., и в тот же день Молотон телеграфировал совпослу: «29 марта рейсовым самолетом в Белград вылетает мой помощник Лавров с письмом, которое Вам надлежит немедленно передать по назначению»². Речь шла о первом письме Сталина — Молотова от 27 марта 1948 г. в адрес ЦК КПЮ, придавшем развитию событий в советско-югославских отношениях драматический оборот.

И. Тито находился тогда на вилле «Вайс» в Загребе. Сюда 27 марта для передачи упомянутого письма Сталина — Молотова прибыли посол Лаврентьев и советник-посланник Армянинов. В. Дедиер в своей книге «Материалы к биографии И. Броз Тито» описал этот эпизод следующим образом: «Когда они вошли в комнату, Тито сидел за небольшим столом. В руках Лаврентьев держал ответ Сталина. После рукопожатий Лаврентьев передал письмо Тито. Советские представители продолжали стоять, т. к. Тито не предложил им сесть. Одной рукой Тито оперся о край стола, другой перелистывая письмо, быстро читал»³. Оно имело гриф «Секретно», нанесенный от руки фиолетовыми чернилами на первой странице справа, и заканчивалось подписью: «По поручению ЦК ВКП(б) Молотов, И. Сталин. 27 марта 1948 г., Москва». Впоследствии И. Тито говорил: «Когда я быстро пробежал первые строчки, меня как громом поразило, а Лаврентьев и Армянинов пристально смотрели мне в глаза, следя за моей реакцией. Я ничем не выдал своего возбуждения, сдержался как только мог. Лаврентьев подошел ко мне поближе, не спуская с меня глаз. Не удержавшись, он, не дожидаясь, пока я дочитаю до конца письмо объемом 8 страниц, спросил:

— Когда получим ответ?

Я ему коротко ответил:

— Мы обсудим.

На этом встреча закончилась.

---

¹ АВП МИД СССР.

² Там же.

³ *Dedier V. Novi prilozi... T. 1. S. 474.*

Она продолжалась не больше трех-четырёх минут»¹.

Одновременно А. И. Лаврентьев ознакомили с этим письмом С. Жуйовича, который, как сообщил посол, «выразил глубокое удовлетворение тем, что все вопросы поставлены принципиально и марксистски обоснованно. По его мнению, если этот вопрос поставить перед партией, то не сомневаемся в благополучном его исходе. Но он не уверен, целесообразно ли сейчас так делать. С другой стороны, по мнению С. Жуйовича, внутренними силами в ЦК этот вопрос разрешить невозможно. Все попытки к выправлению положения будут задушены. Поэтому потребуется дальнейшее вмешательство ВКП(б)»².

Письмо Сталина — Молотова было написано в безапелляционном тоне, грубо и оскорбительно. Обвинив югославское руководство в том, что оно способствовало созданию атмосферы недоверия и враждебности вокруг советских специалистов, не дало отпор попыткам дискредитировать Советскую Армию, Сталин и Молотов изложили следующие, как говорилось в письме, «факты, вызывающие недоверие Советского правительства и ВКП(б) и ведущие к ухудшению отношений между СССР и Югославией». Одним из главных факторов назывались «тайные, закулисные» антисоветские высказывания «среди руководящих товарищей в Югославии» в стиле Троцкого о «перерождении ВКП(б)», о «великодержавном шовинизме» в политике КПСС. «Нам известно, что в руководящих кругах Югославии распространяются антисоветские заявления, например, подобные таким: «ВКП(б) перерождается», «в СССР господствует великодержавный шовинизм», «СССР стремится поработить Югославию экономически», «Коминформ — это средство порабощения других партий со стороны ВКП(б)» и т. д. Эти антисоветские заявления прикрываются обычно левыми фразами о том, что «социализм в СССР не является уже революционным» и «только Югославия представляет собой подлинного наследника революционного социализма»... Разумеется, смешно слышать подобную болтовню о ВКП(б) от сомнительных марксистов типа Джиласа, Вукмановича, Кидрича, Ранковича и других». В письме папоминалось в этой связи, что к подобным методам прибегал Троцкий, вслед за чем подчеркивалось: «Мы думаем, что политическая карьера Троцкого весьма поучительна». Далее в письме обраща-

¹ Marković D., Kržavac S. Zasto su smenjivani. S. 72.

² АВП МИД СССР.

лось вниманию на то, что «КПЮ до сих пор не легализован и паходится на полулегальном положении... в жизни КПЮ не чувствуется внутрипартийной демократии. ЦК в большинстве своем не избран, а кооптирован. В партии отсутствует критика и самокритика или ее почти нет. Характерно, что секретарем партии по кадровым вопросам является министр государственной безопасности, иначе говоря, партийные кадры находятся под наблюдением министра государственной безопасности... в югославской компартии не чувствуется духа политики классовой борьбы. Полным ходом идет рост капиталистических элементов в деревне, а также в городе, а руководство партии не предпринимает мер к ограничению капиталистических элементов. Коммунистическая партия Югославии усыпляет себя гнилой оппортунистической теорией мирного вращаия капиталистических элементов в социализм, заимствованной у Бернштейна, Фольмара, Бухарина». При этом Сталин поучал: «По теории марксизма-ленинизма партия является основной руководящей силой в стране, которая имеет свою отдельную программу и не растворяется среди беспартийных масс. В Югославии, напротив, основной руководящей силой считается Народный фронт, при этом заметно проявляется стремление растворить партию в Народном фронте». «Нам непонятно,— подчеркивалось в конце этого письма,— почему английский шпион Велебит продолжает оставаться в системе мининдел Югославии в качестве первого заместителя министра. Югославские товарищи знают, что Велебит является английским шпионом. Они знают и то, что представители Советского правительства также считают Велебита шпионом. И все же, яесмотря на это, Велебит остается первым заместителем мининдел Югославии. Возможно, что югославское правительство думает использовать Велебита именно как шпиона Англии. Как известно, буржуазные правительства считают вполне допустимым иметь в своем составе шпионов великих империалистических держав, милость которых они хотят себе обеспечить, и согласны, таким образом, поставить себя под контроль этих держав. Мы считаем такую практику абсолютно недопустимой для марксистов. Как бы то ни было, Советское правительство не может поставить свою переписку с югославским правительством под контроль английского шпиона. Понятно, что, поскольку Велебит все еще остается в составе руководства ипострапными делами Югославии, Советское правительство считает себя поставленным в затруднительное

положение и лицепо возможности вести открывенную переписку с югославским правительством через систему милицейского Югославии.

Таковы факты, вызывающие недовольство Советского правительства и ЦК ВКП(б) и ведущие к ухудшению в отношениях между СССР и Югославией.

Эти факты, как уже сказано выше, не связаны с вопросом об отзыве военных и гражданских специалистов, тем не менее они играют немалую роль в деле ухудшения отношений между нашими странами»¹.

Ознакомившись с этим письмом, И. Тито позвонил в Белград членам Секретариата ЦК КПЮ и попросил срочно прибыть в Загреб. Спустя некоторое время вновь сел за стол и за два часа написал ответное письмо Сталину. На толстой бумаге большого формата крупным почерком написал 33 страницы. Когда из Белграда прибыли Кардель, Ранкович, Джилас и Кидрич, И. Тито дал им прочитать. Тут же, на вилле, было решено вынести вопрос на обсуждение пленума, назначенного на 12 апреля 1948 г.²

Пленум ЦК КПЮ, обсудивший упомянутое письмо Сталина — Молотова, а также проект ответа, подготовленный И. Тито, работал в течение двух дней — 12 и 13 апреля 1948 г. в библиотеке Старого дворца. Для внешнего мира советско-югославские отношения по-прежнему выглядели безоблачными. На тот факт, что в ответ на направленную накануне И. Тито теплую телеграмму Сталину по случаю 3-й годовщины Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией, в которой этот «исторический акт» был назван им «нерушимым связующим звеном и мощной гарантией мирного развития в интересах счастливого будущего», глава Советского правительства ограничился сдержанным выражением пожелания «успехов и процветания братским народам Югославии», никто из политических наблюдателей не обратил тогда серьезного внимания³.

Пленум ЦК КПЮ открылся в 10.00 утра в обстановке строгой секретности. Понимая серьезность сложившейся ситуации, И. Тито, по его словам, пришел на это заседание, полностью осознавая его «судьбоносное значение». «Жизнь,— пояснил он,— научила меня, что в такие кри-

¹ The Soviet-Yugoslav Dispute. Text of the Published Correspondence. L.; N. Y., 1948. P. 12—17; Krzavac S., Markovic D. Informbiro: Šta je to?.. S. 144.

² Dedijer V. Novi prilozii... T. 1. S. 475—477.

³ Krzavac S., Markovic D. Informbiro: Šta je to?.. S. 33.

тические моменты опаснее всего остаться без мнения, прогнать колебания. Всегда в таких ситуациях следует действовать смело и решительно»¹.

В соответствии с югославской протокольной записью работа этого пленума проходила следующим образом. Первым выступил И. Тито и говорил целый час. Начал он свое выступление словами: «Все вы могли заметить, что в последнее время в отношениях между нами и СССР возникла напряженность. В этом, несомненно, была вина и с нашей стороны, но не только мы виновны, и с критикой, содержащейся в письме, согласиться не можем. Конфликт (нельзя сказать, что то был конфликт) возник по албанскому вопросу. Речь идет о случае с посылкой дивизии в Корчу, в связи с чем Молотов заявил протест. Мы ответили, что не пошлем эту дивизию, по что не видим иного средства обеспечения независимости Албании и нашей страны. В качестве второго факта для утверждения о паличии расхождений по внешнеполитическим вопросам русские сослались на Бледское соглашение»².

Рассказав о том, как развивались события далее, И. Тито огласил письмо Сталина и Молотова и зачитал текст ответа. В заключение он сказал: «Это письмо — результат страшной клеветы, неправильного информирования. Прошу, чтобы обсуждение проходило спокойно, в хладнокровной обстановке. Должны высказаться все члены ЦК. Если запросят, мы представим ЦК ВКП(б) протокольную записку»³.

Затем слово взял Э. Кардель. Наиболее существенные его высказывания сводились к следующему. «Наша партия... — заявил он, — добилась собственными руками того, что у нас сегодня есть. Никто не отрицает, что это достигнуто с помощью СССР. И мы прямо об этом уже заявляли. Югославия почти всю страну сама освободила, в то время как Чехословакию и другие страны освободила Красная Армия... Мы имеем право требовать от Советского правительства проявлять доверие к партии, добившейся таких результатов...»⁴ Отметив далее, что КПЮ внесла свой вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма, а также в борьбу против империализма, оказывая творческую поддержку СССР, в связи с чем с его стороны высказывалось признание ФНРЮ и КПЮ, Э. Кардель сказал: «Мы

¹ Markovic D., Krzavac S. Zasto su smenjivani. S. 18.

² Dedijer V. Novi prilozi... T. 3. S. 373.

³ Ibid. S. 370, 374.

⁴ Ibid. S. 374.

идем быстрее любой другой партии Восточной Европы... У нас есть ошибки и слабости. Но таких ошибок и слабостей, которые приводятся в письме ЦК ВКП(б), нет. Считаю ответ, зачитанный Тито, правильным... Мы были бы неискренними, были бы подлецами, если бы признали то, что не соответствует истине. Этого никто не ожидал. Наши друзья в СССР не видят, что они идут на поводу у антипартийных элементов, которые хотят навредить нашей партии и СССР. Было бы лучше, если бы мы сели за стол с нашими друзьями и обсудили все эти вопросы. Но на это письмо надо ответить»¹.

Выступившие следом Д. Пуцар, М. Джилас, С. Вукмапович-Темпо, Б. Йованович, С. Крайчич, Б. Кидрич, Ф. Лескошек, Л. Колпшевский, В. Томшич, М. Маринко, В. Крстулович, И. Гошняк подчеркивали, что письмо Сталина и Молотова явилось полной неожиданностью, своего рода «ударом обуха по голове», что речь идет о дезинформации, о лжи и клевете. Посол в СССР В. Попович, возражая в своем выступлении против того, что Югославия действует «вразрез с СССР в сфере международной политики», заявил: «Ни одна акция не была предпринята без согласия Советского правительства. Мы проводили правильную политику в отношении СССР... Ранее у нас были троцкистские теории... Имелись трудности с появлением материалов о нашей стране в советской печати... Поворот наступил после выступления Карделя на варшавском совещании (в Шклярской Порембе.— Ю. Г.). Этот доклад был хорошо воспринят»². Все выступившие согласились с предложенным И. Тито ответом. При этом некоторые (к примеру, Д. Пуцар) высказались за направление в Москву делегации КПЮ и приезд в Белград делегации ВКП(б), что помогло бы устранить возникшие недоразумения.

Единственным, кто не согласился с такой постановкой вопроса, был С. Жуйович, который сказал: «Я против того, чтобы направлять письмо ЦК ВКП(б)... Такая позиция и такие выступления в отношении СССР и ВКП(б) вызвали у меня неприятные ощущения. Мы все воспитывались на учении ВКП(б). Я не выступил против на предыдущем пленуме, так как тогда я был в состоянии замешательства; я не выступил намеренно, так как не смог как следует сформулировать свою позицию. Речь не идет о моем личном отношении к ЦК. Здесь речь идет о судьбе

¹ *Dedijer V. Novi prilozici...* Т. 3. С. 374.

² *Ibid.* S. 378.

нашей партии. Речь идет о том, куда идти дальше, если занять такую позицию против Советского Союза. Я глубоко обдумал все эти вопросы. Я думал о том, какую роль сыграли в этом отдельные личности. Я бы сообщил это свое мнение ЦК и без этого пленума. Надо задуматься, ибо речь идет о судьбе нашей партии и нашей страны... Я убежден, что любое, даже малейшее замечание со стороны ВКП(б) должно быть для нас сигналом для пересмотра нашей позиции... Оказывается, ВКП(б) не согласна с нашей деятельностью... Как мы сможем убедить членов нашей партии в том, что мы на правильном пути, если так не считают Сталин и ВКП(б)? В оценке правильности взглядов мы должны равняться на ВКП(б)... Я взываю к вашей коммунистической совести подумать, прежде чем принимать такое решение»¹.

Здесь И. Тито перебил С. Жуйовича, спросив его: «Ты что же, Черный (С. Жуйович.— Ю. Г.), считаешь, что мы идем по капиталистическому пути, что наша партия растворилась в Народном фронте, что в нашем правительстве есть шпионы?»² На это С. Жуйович прореагировал следующим образом: «Я считал, что у нас будут устанавливаться все более тесные связи с Советским Союзом. На прошлом пленуме ЦК были высказаны обвинения в том, что в ВКП(б) произошло идеологическое перерождение, раздавались заявления насчет великорусского шовинизма. Мы должны разобраться в этих вопросах... Речь идет о нашей независимости. Я не боюсь зависимости от Советского Союза. Я считаю, что наша цель состоит в том, чтобы наша страна вошла в состав СССР».

На вопрос И. Тито: «Когда?» — С. Жуйович ответил: «Я не знаю точно. Опасность нашей независимости со стороны СССР не грозит. Что может произойти в международных отношениях из-за нашей позиции? Где наше место? В каком лагере? Между СССР и империалистическим лагерем? Наши экономические возможности и теоретические установки о строительстве социализма повиснут в воздухе, если мы не пойдем по линии координации нашей экономики с советской»³.

Отвечая С. Жуйовичу, И. Тито заявил: «Ты, Черный, присваиваешь себе право больше меня любить Советский Союз!»⁴ Имея в виду содержавшееся в письме Сталина —

¹ *Dedijer V. Novi prilozii...* Т. 3. S. 376—377.

² *Ibid.* S. 377.

³ *Ibid.* S. 372.

⁴ *Ibid.* S. 377—378.

Молотова обвинение в троцкизме, М. Джилас, улучив момент, спросил С. Жуйовича: «Ну скажи, Черный, разве я троцкист?» На что тот ответил: «Знаешь, Джидо, об этом можно спорить, но в тебе есть много троцкистского». После этого, по свидетельству очевидцев, эмоциональный М. Джилас вполне серьезно заявил: «Если Сталин утверждает, что я троцкист, мне ничего не остается, кроме как покончить с собой».

Отметив, что, хотя в письме названы четыре фамилии, «клевета адресована в мой адрес как руководителя», И. Тито сказал: «Все, чего мы добились в этой войне, является вкладом в развитие мирового социализма... Присоединение — не путь и не стимул, таковым является развитие каждой страны в отдельности. Мы в этом расходимся... Было бы ошибкой согласиться с письмом. Советский Союз должен знать, что это заблуждение. Согласиться с письмом — значит быть подлецом, признать то, чего нет. Думаю, что мы имеем право разговаривать с Советским Союзом на равной ноге... У нас есть явления головокружения и зазнайства. Мы строим социализм, охваченные невиданным энтузиазмом»¹. Подчеркнув еще раз свое несогласие с С. Жуйовичем, он предложил: «Пленум должен принять решение по вопросу о случае с Черным. Дальнейшее сотрудничество с ним было бы невозможным... Никто не имеет права меньше любить свою страну, чем СССР»².

Выступившие члены ЦК КПЮ (М. Пьяде, В. Попович, Я. Блажевич, В. Явич и др.), квалифицировав заявление С. Жуйовича как попытку расколоть ЦК и партию, подчеркнули важность сохранения единства партии под руководством товарища Тито, борьбы против фракций.

А. Ранкович, М. Джилас и Э. Кардель высказались в том смысле, что такое выступление С. Жуйовича не вызывает удивления, что оно не является случайностью, ибо, как напомнил Э. Кардель, еще на пленуме ЦК КПЮ в апреле 1946 г. «Черный вместе с Хебрапгом был подвергнут критике за неверие в наши экономические силы»³. С. Вукманович-Темпо напомнил, что «Черный защищал Хебранга и после того, как он был выведен из состава Политбюро», а М. Джилас назвал С. Жуйовича и А. Хебрапга «посетителями советской линии», подчеркнув, что

¹ *Dedijer V. Novi prilozhi...* Т. 3. S. 381.

² *Ibid.* S. 382—383.

³ *Dedijer V. Novi prilozhi...* Т. 3. S. 380; *Marković D., Kržavać S. Zašto su smenjivani.* S. 81.

«тот, кто передает информацию наверх (в Москву.— Ю. Г.), тот враг», что «работа на разведслужбу СССР несовместима с пребыванием в партии»¹. В этой связи С. Жуйович сказал: «Все время после последнего пленума лично я нахожусь в тяжелом состоянии... В партии я никогда не проявлял недовольства. Я не карьерист. Мне не важны были посты... Это письмо я воспринимаю с тяжелым сердцем... С прошлого пленума я все это глубоко переживаю. И сейчас говорю, так как уверен, что нам всем надо задуматься»².

На этом был объявлен перерыв. 13 апреля пленум ЦК КПЮ продолжил свою работу. Его участники были ознакомлены с поступившим письмом А. Хебранга в поддержку Сталина³. Комментируя его, И. Тито сказал: «Будучи в Москве, Хебранг у ответственных товарищей создал неблагоприятное впечатление о нашем ЦК, ложно информировав о том, что у нас в партии нет демократии, что ЦК не функционирует, не проводит пленумов и т. д. Хебранг ввиду этого является первым виновником того недоверия, которое стал проявлять ЦК ВКП(б) к нам. Поэтому официально от правительства СССР и от ЦК ВКП(б) лично на его имя и поступали некоторые телеграммы. Хебранг рассердился, когда я не поставил его во главе делегации, которая вторично должна была посетить Москву, а были для этого и другие причины (прежде всего, его позиция по вопросам развития Югославии). А именно, он как Председатель Экономического совета не выполнял решений, не соглашался с линией партии по вопросам экономики. Жуйович с ним в основном соглашался. Хебранг остался в ЦК (он был выведен из состава Политбюро), но не принимает участия в работе пленумов, поскольку против него ведется расследование в связи с его поведением в усташском лагере, а также по некоторым другим вопросам. Жуйович и Хебранг сошлись на беспринципной основе»⁴.

Перейдя затем к обсуждению поведения С. Жуйовича, И. Тито отметил, что складывается впечатление, что именно С. Жуйович информировал о заседании ЦК КПЮ, и спросил его: «Зачем ты был у Лаврентьева?»⁵ В. Крсту-

¹ *Dedijer V. Novi prilozii...* Т. 3. С. 379, 383.

² *Ibid.* С. 372, 380.

³ *Ibid.* С. 369.

⁴ *Dedijer V. Novi prilozii...* Т. 3. С. 383; *Marković D., Kržavać S. Zašto su smenjivani.* С. 81.

⁵ *Dedijer V. Novi prilozii...* Т. 3. С. 378,

ловяч вспомнил, что на прошлом пленуме С. Жуйович делал подробные записи, в связи с чем высказал мнение, что «письмо ВКП(б) написано не на основе разведданных». В. Янич прямо заявил, что «советское посольство получает информацию через Черного прямо или косвенно»¹. А. Ранкович, осудив вмешательство А. И. Лаврентьева в «дела партии», заявил, что СССР с первых дней создает разведывательную сеть в Югославии². В ответ С. Жуйович, не отрицая своих контактов с советским послом, заявил, что не согласен с утверждениями о том, что «информирование Лаврентьева вредит партии»³.

Э. Кардель напомнил, что, «когда Тито поставил вопрос о возможной отставке», только С. Жуйович промолчал⁴. В этом контексте И. Тито пояснил: «Подчеркиваю еще раз, что все это направлено против меня. Я подумал на предыдущем пленуме, что я не в состоянии работать по-другому, чем работал, что я бесхарактерный, и мог бы подать в отставку...»⁵

По предложению М. Пьяде пленум выразил полное доверие И. Тито, который в заключительной речи сказал: «Наша позиция глубоко интернациональна, а не национальна... Нам будет трудно смыть пятно. Речь не идет о моей отставке, об отставках Марко (А. Ранковича.— Ю. Г.) и Джидо (М. Джиласа.— Ю. Г.). Мы не должны уходить в отставку, а должны бороться»⁶. Подчеркнув, что «наш долг беречь единство», он предложил создать комиссию для расследования «всех, кто мутит отношения с СССР»⁷.

Пленум осудил С. Жуйовича как «амбициозного клеветника», попытавшегося нарушить «кровью добытое единство». Расследовать «антипартийную, антигосударственную деятельность» С. Жуйовича и А. Хебрагга, проявившуюся в «дезинформации советских представителей, ведущей к ухудшению отношений с СССР, в попытках подрыва единства партии и ее руководства», было поручено специально созданной комиссии⁸.

¹ *Dedijer V. Novi prilozi...* T. 3. S. 384.

² *Ibid.* S. 379.

³ *Ibid.* S. 385.

⁴ *Ibid.* S. 384.

⁵ *Ibid.* S. 385.

⁶ *Ibid.* S. 386.

⁷ *Ibid.* S. 385.

⁸ *Dedijer V. Novi prilozi...* T. 3. S. 385; *Krzavac S., Markovic D. Informbiro: Šta je to?..* S. 59, 60—61, 82.

По предложению И. Тито проект ответа письма ЦК КПЮ был скорректирован с учетом выступления С. Жуйовича. 13 апреля после внесения необходимых изменений и дополнений пленум утвердил окончательный текст ответа, который подписали И. Тито и Э. Кардель.

13 апреля А. И. Лаврентьев сообщил в Москву следующую переданную ему С. Жуйовичем информацию: «Вчера было заседание ЦК. Ответ на письмо подготовлен. Джилас заявил на заседании, что именно он, С. Жуйович, обо всем сообщил Совпра и что С. Жуйовича нужно рассматривать как шпиона Советского Союза, в частности, указывая на то, что С. Жуйович был в посольстве 6 апреля. С. Жуйович по этому поводу заявил на заседании, что он действительно был в посольстве, но по официальному вопросу и что с советским послом он находится в официальных отношениях... С. Жуйович предполагает, что он будет исключен из членов ЦК»¹.

Вслед за этой телеграммой в Москву поступила более пространная информация С. Жуйовича о том, как проходил апрельский пленум ЦК КПЮ: «Тито указал, что разногласие с Советским Союзом выразилось только в вопросах об Албании и о соглашении с Болгарией в Блде. Тито упомянул случай с Гагариновым, но заметил, что этот вопрос не имеет значения.

Тито останавливался на том, что Советский Союз пытался панять в Югославии своих людей для сбора информации, помимо компартии. Он привел случай вербовки советским разведчиком Степаповым шифровальщика Тито. Указал на случай, когда якобы при попытке завербовать русскими одного югославского офицера последний застрелился... Тито зачитал письмо ЦК ВКП(б). По поводу Велебита Тито сказал, что не имеется серьезных данных, позволяющих обвинить Велебита в связях с английской разведкой... Тито сказал, что письмо ЦК ВКП(б) основывается на ложных сведениях и оскорбительно для КПЮ. Никакой слежки за советскими работниками нет, ибо он в свое время по этому вопросу предупреждал соответствующих руководителей. Был принят текст ответного письма. Все согласились, кроме С. Жуйовича, который заявил, что он против предложенного ответа, и... выступил против позиции, занятой ЦК КПЮ по отношению к Советскому Союзу и ЦК ВКП(б). С. Жуйович напомнил, что на заседании ЦК КПЮ 1 марта уже имели место неправильные

¹ АВП МИД СССР.

высказывания в отношении Советского Союза, когда говорилось, что в Советском Союзе имеется идеологическое перерождение... Далее был поставлен вопрос о Жуйовиче... Джилас спросил, где Жуйович был 6 апреля, и, не дожидаясь ответа, сказал, что «Жуйович был у Лаврентьева. Недостойно союзному министру ездить к послу». Джилас также заявил, что Жуйович думает, что «за его спиной находится 200 миллионов». Была создана комиссия по расследованию дела Жуйовича и Хебранга в составе Нешковича, Гошняка и Томшич... 13 апреля принято предложение пригласить представителей ЦК ВКП(б) для обсуждения поднятых вопросов. В связи с этим было заявлено, что Тито, в силу своей занятости, не может поехать в Москву. Принято решение осенью этого года созвать партийный съезд. Из оргмероприятий намечено лишь освободить от работы Велебита. Но в ответе указывается, что достаточных компрометирующих материалов в отношении Велебита не имеется. На заседании было единогласно принято предложение комиссии об исключении С. Жуйовича из членов ЦК»¹.

19 апреля посол ФНРЮ в СССР В. Попович передал Молотову ответ ЦК КПЮ на письмо ЦК ВКП(б), а также сообщение о решении пленума ЦК КПЮ. При этом югославский посол заявил, что ЦК КПЮ провел расследование по тем вопросам, которые были поставлены в письме ЦК ВКП(б). По его словам, пленум ЦК КПЮ единогласно, за исключением одного человека, пришел к выводу о том, что таких заявлений, которые упоминаются в письме ЦК ВКП(б), никто в Югославии никогда не делал. Он заявил, что письмо ЦК ВКП(б) основано якобы на тенденциозных и «неточных» сведениях, которые получены, как отмечалось в телеграмме Молотова А. И. Лаврентьеву от 19 апреля, от клеветников и врагов КПЮ и советско-югославских дружественных отношений. «В связи с этим,— говорил В. Попович,— письмо ЦК ВКП(б) является не дружеской критикой, а осуждением КПЮ и ее руководителей, и ЦК КПЮ такую критику принять не может». На это Молотов ответил югославскому послу следующее: «Мы ознакомимся в ЦК с этими письмами и свое мнение выскажем, когда сочтем это нужным. Я заметил Поповичу, что то, что он сегодня сказал, находится в противоречии с тем, что он говорил мне в прошлой беседе,

---

¹ АВП МИД СССР.

когда он заявлял, что такие настроения в ЦК КПЮ, на которые указано в нашем письме, имеются»¹.

В переданном В. Поповичем письме от 13 апреля 1948 г. за подписью И. Тито и Э. Карделя прежде всего подчеркивалось, что С. Жуйович и А. Хебраг являются виновниками передачи советским представителям в Югославии неточных и клеветнических сведений, которые преследовали свои определенные цели, стремясь внести раскол в руководство партии и помешать развитию социализма в стране. Исходящую от них информацию плепум рассматривает как проявление антипартийной и антигосударственной деятельности, направленной на ухудшение отношений между двумя странами².

Высказав далее удивление тоном и содержанием письма Сталина и Молотова, оскорбительными характеристиками, данными в нем ряду представителей КПЮ, И. Тито и Э. Кардель, по поручению ЦК КПЮ, квалифицировали выдвинутые советской стороной обвинения как «неточные и тенденциозные». «Мы считаем, что причина для такого содержания письма, обвинений и позиций по отдельным вопросам — в недостаточном знании нашей ситуации. То, что каждый из нас любит Советский Союз, страну социализма, не может ни в коем случае означать, что мы можем меньше любить свою собственную страну, которая тоже строит социализм, в данном случае — Фёдеративную Народную Республику Югославию, за которую погибли сотни тысяч ее передовых людей. Мы очень хорошо знаем, что так это понимают и в Советском Союзе... Нас особенно удивило, что все это не было затронуто, когда в Москве были Кардель, Джилас, Бакарнич в качестве делегатов нашей партии и правительства. Как видно из Вашего письма, подобной информацией Ваше правительство располагало до приезда нашей делегации в Москву. Нам кажется, что тогда перед нашей делегацией можно было бы поставить вопросы, связанные с военными и гражданскими специалистами...»

В письме напоминалось, что, вопреки протестам югославской стороны, продолжается практика «вербовки наших офицеров, различных руководителей, недружественно настроенных лиц», которая «подрывает внутреннее единство, ослабляет доверие к руководству, деморализует людей, компрометирует руководящих деятелей и превраща-

¹ АВП МИД СССР.

² См.: Вестник МИД СССР. 1990. № 6. С. 56.

ется в источник сбора ложной информации». Далее в нем утверждалось, что такую деятельность нельзя назвать лояльной и дружественной по отношению к Югославии, идущей по пути строительства социализма, «являющейся самой верной союзницей СССР». «Из Вашего письма от 27 марта, — писали далее И. Тито и Э. Кардель, — следует, что у нас ведется антисоветская критика, критика ВКП(б). Утверждается, что с такой критикой выступают руководители КШО, что эта критика ведется за спинами масс, членов партии. Названы имена Джиласа, Вукмановича, Кидрича, Ранковича. Таким образом, приведены имена нескольких самых известных и популярных руководителей новой Югославии, проверенных во многих тяжелых ситуациях... Нам очень трудно понять, как можно выдвигать столь тяжкие обвинения и не приводить их источники. Еще более странным выглядит сравнение заявлений наших руководителей с прежними высказываниями Троцкого. В письме цитируются некоторые якобы имевшие место заявления, как, например: «ВКП(б) перерождается», «СССР стремится экономически поработить Югославию», «в СССР господствует великодержавный шовинизм».

Мы считаем, что на основе непроверенных данных неправильно делать выводы и выдвигать обвинения против людей, имеющих очень большие заслуги в деле популяризации достижений СССР в Югославии и неоценимые заслуги в Освободительной войне. Можно ли поверить, что люди, которые отбыли по 6, 8, 10 и более лет на каторге — кстатц, и за свою работу по популяризации достижений СССР, — могут быть такими, какими они показаны в письме от 27 марта? Нет, нельзя. Это те самые люди, которые в 1941 году организовали восстание против фашистских захватчиков, глубоко веря в Советский Союз. Это те самые люди, которые во главе восставших народов Югославии, с винтовками в руках, в тяжелейших условиях сражались на стороне Советского Союза, будучи единственными искренними союзниками, в самые мрачные дни веря в победу СССР, и именно потому, что верили и сегодня верят в советскую систему, в социализм. Такие люди не могут действовать с целью «подрыва советской системы», поскольку это означало бы предать свои убеждения, свое прошлое. Называть таких людей двурушниками страшно и оскорбительно.

...У многих советских людей сложилось ошибочное мнение, будто симпатии-широких народных масс Югославии к СССР возникли сами собой, на основе каких-то

традиций, которые берут начало еще со времен царской России. Это не так. Любовь к СССР не возникла сама по себе, ее настойчиво несли в массы партии и народа нынешние руководители новой Югославии, включая в первую очередь и тех, кого в письме так тяжело обвиняют.

...На основании чего в письме утверждается, что в нашей партии нет демократии? Может быть, на основании информации Лаврентьева? Откуда у него такая информация? Мы считаем, что посол не вправе ни от кого требовать сообщений о работе нашей партии — это не его дело. Такую информацию может получить ЦК ВКП(б) от ЦК КПЮ... Мы не можем поверить в то, что ЦК ВКП(б) мог бы оспорить заслуги и результаты, достигнутые нашей партией сегодня. Мы помним, что такое признание неоднократно выражали не только многие руководители СССР, но и сам товарищ Сталин. Одновременно мы стоим на позиции, что в общественном преобразовании Югославии есть много специфических черт, которые можно с пользой применить в революционном развитии в других странах, и это уже применяется. Это не значит, что мы бросаем теперь на роль ВКП(б), на общественную систему в СССР. Напротив, мы изучаем и принимаем в качестве примера советскую систему, но речь идет лишь о том, что в нашей стране мы строим социализм в несколько иных формах. На данном этапе в специфических условиях, существующих в нашей стране, с учетом международного положения, создавшегося после Освободительной войны, мы стремимся применять наиболее подходящие формы работы по строительству социализма. Мы делаем это не для того, чтобы доказать, что наш путь лучше того, каким идет Советский Союз, не выдумываем что-то новое, а делаем то, что подсказывает жизнь.

...СССР и Югославия жизненно заинтересованы в установлении тесных связей. Но для этого необходимо абсолютное взаимное доверие, без которого не могут существовать прочные отношения между нашими двумя странами. Советские люди, в первую очередь руководители, должны верить в то, что новая Югославия с ее нынешним руководством непоколебимо идет к социализму! Необходимо верить, что СССР в лице нынешней Югославии при нынешнем ее руководстве имеет самого верного друга и союзника, готового в случае трудных испытаний разделить с народами СССР добро и зло».

В заключение письма ЦК КПЮ в целях ликвидации конфликта предлагал ЦК ВКП(б) направить в Югославию

своих представителей для ознакомления на месте с подлинным положением дел¹.

Направив в Москву довольно решительный ответ, югославское руководство, явно с учетом критики Сталина, приняло в конце апреля 1948 г. дополнительный закон о национализации, устанавливавший государственную собственность на большую часть мелкого производства и сферы услуг. 25 мая 1948 г. им было признано целесообразным созвать очередной V съезд КПО — первый за последние двадцать лет, — как бы отводя тем самым упрек Сталина в нерегулярности созывов съездов КПО, пленумов ЦК КПО, отсутствию внутрипартийной демократии. Под влиянием обвинений Сталина югославские руководители развернут в 1949 г. кампанию коллективизации, которая сопровождалась, по примеру Советского Союза, перегибами и администрированием.

Тем временем Сталин, не дожидаясь ответа ЦК КПО, послал письмо ЦК ВКП(б) от 27 марта Центральным Комитетам других коммунистических партий — членам Информбюро. В течение апреля — мая все они направили в ЦК КПО резолюции, в которых выражалось согласие с позицией ЦК ВКП(б). Это вызвало протест со стороны югославского руководства и внесло дальнейшие осложнения в двусторонние отношения. Фактический разрыв 24 апреля Советским Союзом советско-югославского протокола о консультациях от 11 февраля 1948 г. стал очередным шагом в эскалации напряженности. Это произошло в связи с реакцией Югославии на заявление США, Англии и Франции от 20 марта 1948 г., выступивших за пересмотр мирного договора с Италией в пользу передачи Италии Свободной Территории Триест. 22 марта Югославия направила трем западным державам ноту протеста, предложив начать непосредственные югославо-итальянские переговоры для решения вопроса о Триесте на взаимоприемлемой и дружественной основе. 21 марта МИД ФНРО информировал о предстоящем шаге советское посольство в Белграде, но вручил ноту западным представителям на следующий день, не дожидаясь ответа с изложением мнения правительства СССР (которое 13 апреля 1948 г. отреагировало на западные предложения несколько иначе). 23 апреля 1948 г. Молотов поручил советскому послу информировать югославское правительство о следу-

---

¹ The Soviet-Yugoslav Dispute... P. 18—30; Kržavac S., Marković D. Informbiro: Šta je to?.. S. 60—72.

ющем: «Югославское правительство нарушило недавно заключенное соглашение о взаимной консультации по важным международным вопросам с того времени, как оно обратилось к американцам и англичанам с изложением своей позиции по вопросу о Триесте, не консультируясь с СССР. Ввиду этого Советское правительство не считает себя связанным указанным соглашением о консультациях и не сможет сообщить югославскому правительству своей точки зрения по вопросу о югославо-австрийской границе, а изложит свою позицию по этому вопросу на совещании представителей четырех правительств в Лондоне.

Сообщите также югославскому правительству, что посол Попович не информировал Советское правительство о том, что американский посол в Белграде несколько недель назад сделал югославскому правительству заявление, что США не поддержат мероприятия греческого правительства по изменению албано-греческой границы с применением силы»¹.

Югославская сторона признала ошибочность своих действий и принесла извинения, но ее обращения к СССР в апреле — мае 1948 г. с просьбой не разрывать протокола остались безрезультатными.

В условиях ухудшения отношений Югославии с СССР и другими странами народной демократии, в т. ч. Албанией, И. Тито направил Э. Ходже 22 апреля 1948 г. письмо, в котором говорилось, в частности, следующее: «Ясно, что мы не можем согласиться с тем, чтобы в ущерб собственному народу приносить немалые жертвы в пользу Албании, не чувствуя при этом улучшения и упрочения наших отношений... Мы считаем, что с самого начала смотрели в большей степени идеалистически, нежели реально на наши отношения, и это сегодня пришло в столкновение с действительностью. Иными словами, наши отношения не базируются на правильной основе, и мы должны, если хотим подлинного сближения, снова пересмотреть все наше сотрудничество и поставить его на такой фундамент, который отвечал бы данному этапу и международным условиям»².

23 апреля 1948 г. советский посланник в Тиране получил следующее указание, подписанное Молотовым:

«Посетите Эивера Ходжу и сообщите ему следующее.

---

¹ Вестник МИД СССР. 1990. № 6. С. 60—61.

² Борба. 1989. 12—13 август.

Первое. Советское правительство советует правительству Албании не бояться отъезда югославских военных советников из Албании и выражает готовность помочь Албании своими советниками.

Второе. Относительно посылки советского вооружения в Албанию на основе заключенного советско-албанского соглашения Советское правительство хотело бы выяснить, желает ли Албания получить это вооружение в данное время, имея в виду, что Советское правительство согласно послать это вооружение.

Третье. В связи с Вашим № 203 сообщите Энверу, что он может довести до сведения членов Политбюро албанской компартии письмо Молотова — Сталина об югославских делах.

Четвертое. Сообщите Энверу, что он получит на днях отзвевы венгерской, болгарской и польской компартий на письмо Молотова — Сталина, в которых критикуется позиция ЦК югославской компартии¹.

Стремясь во что бы то ни стало наказать югославское руководство «за непослушание», Сталин вносил в переписку все большее обострение, направив ЦК КПЮ 4 мая 1948 г. второе письмо. На этот раз объемом 25 страниц. Его тон был еще более категоричным и непримиримым. Все аргументы, выдвинутые в ответе ЦК КПЮ, отвергались. Обвинив югославское руководство «в непомерной амбициозности», «детских уловках голословного отрицания фактов и документов», он обрушился с оскорбительными характеристиками на И. Тито и некоторых его ближайших соратников, пытался принизить вклад Югославии в разгром фашизма, решительно отвергнув тезис относительно вербовки югославских граждан как не отвечающий действительности. «Югославские руководители, — писал в этом письме Сталин, — очевидно, думают и далее оставаться на этих антисоветских позициях. Но югославские товарищи должны учесть, что оставаться на таких позициях — значит идти по пути отрицания дружественных отношений с Советским Союзом, по пути предательства единого социалистического фронта Советского Союза и народно-демократических республик. Они также должны принять во внимание и то, что, оставаясь на таких позициях, они лишают себя права на получение материальной и иной помощи от Советского Союза, ибо Советский Союз может оказывать помощь только друзьям»².

¹ АВП МИД СССР.

² Jugoslavija 1918—1988... S. 917—920.

Задевая чувства законной гордости народов Югославии их значительным вкладом в разгром фашизма, Сталин в своем стремлении «поставить на место И. Тито» не очень побоялся о том, чтобы не погрешить против исторической истины и справедливости. «Мы считаем, — писал он, — что в основе нежелания Политбюро ЦК КПЮ честно признать свои ошибки и сознательно исправить их лежит чрезмерное зазнайство югославских руководителей. После достигнутых успехов у них закружилась голова, они возгордились и ведут себя так, как будто им море по колено. Они не только сами стали зазнайками, но и проповедают зазнайство среди других, не понимая того, что это может погубить югославских руководителей.

Ленин учил: «Все революционные партии, которые до сих пор гибли, — гибли оттого, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабости»¹.

Мы должны, к сожалению, констатировать, что югославские руководители, которые не страдают избытком скромности и продолжают кичиться своими успехами (которые не так уж велики), предали забвению и это руководящее указание Ленина. Товарищи Тито и Кардель пишут в своем письме о заслугах и успехах югославской компартии, о том, что ЦК ВКП(б) ранее признавал эти заслуги и успехи, а сейчас будто бы замалчивает их. Это, конечно, неверно. Никто не может отрицать заслуг и успехов югославской компартии. Они бесспорны. Однако следует сказать, что заслуги и успехи, скажем, коммунистических партий Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании ничуть не меньше заслуг и успехов югославской компартии. Но все же руководители этих компартий ведут себя скромно и не кричат о своих успехах, в отличие от югославских руководителей, которые прожужжали всем уши своим неумным бахвальством. Необходимо также отметить, что французская и итальянская компартии имеют перед революцией не меньше, а, пожалуй, больше заслуг, чем югославская компартия. И если французская и итальянская компартии добились в настоящее время меньших успехов, чем югославская компартия, то это объясняется не какими-то особыми качествами югославской компартии, а преимущественно тем, что после разгрома штаба югославских партизан немецкими пара-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 118.

шютнистами, в момент, когда народно-освободительное движение в Югославии переживало тяжелый кризис, Советская Армия пришла на помощь югославскому народу, разбила немецких оккупантов, освободила Белград и тем самым создала условия, необходимые для того, чтобы коммунистическая партия пришла к власти. К сожалению, Советская Армия не оказала и не могла оказать такой помощи французской и итальянской компартиям. Если бы товарищи Тито и Кардель приняли во внимание это обстоятельство как бесспорный факт, они меньше шумели бы о своих заслугах и вели себя более достойно и скромно».

Отклонив югославское предложение прислать в страну представителей ЦК ВКП(б) для переговоров на месте, Сталин высказался за необходимость обсудить вопрос «принципиальных разногласий» на ближайшем заседании Информбюро¹.

Этим письмом Сталин глубоко обидел югославские народы, задев за живое «даже тех, кто в силу неясности причин конфликта задавались вопросом, прав ли Тито»².

В ответ на это письмо ЦК КПЮ 9 мая на своем пленуме утвердил следующее послание, которое состояло всего из четырех абзацев и содержало вежливый, но твердый отказ от услуг Информбюро:

«Товарищам И. В. Сталину и В. М. Молотову.

Получили ваше письмо от 4 мая 1948 года. Излишне писать, насколько и это письмо произвело на нас тяжкое впечатление. Оно убедило нас в том, что напрасны все наши попытки доказать даже с помощью фактов, что все обвинения против нас — результат неправильного информирования.

Мы не избегаем критики по принципиальным вопросам, но в этом деле чувствуем себя настолько неравноправными, что не можем согласиться с тем, чтобы сейчас решать проблему в Информбюро. Партии-участницы уже получили без нашего предварительного уведомления ваше первое письмо и выразили свою позицию. Содержание вашего письма не осталось внутренним делом отдельных партий, а вышло за дозволенные рамки. Последствия таковы, что сегодня в некоторых странах, например Чехословакии и Венгрии, оскорбляют не только нашу партию, но и страну в целом, как это было во время пребывания нашей парламентской делегации в Праге.

---

¹ The Soviet-Yugoslav Dispute... P. 31—52.

² *Dedijer V. Josip Broz Tito...* S. 494.

Последствия всего этого для нашей страны очень тяжелые.

Мы хотим ликвидировать вопрос и на деле доказать, что обвинения против нас несправедливы, то есть что мы устойчиво строим социализм и остаемся верными Советскому Союзу, остаемся верными учению Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Будущее покажет, как и прошлое уже показало, что мы добьемся того, что вам обещаем.

По поручению ЦК КПЮ И. Броз Тито, Э. Кардель. Белград, 17 мая 1948 г.»¹.

На этом же пленуме ЦК КПЮ было одобрено сообщение комиссии, изучившей поведение С. Жуйовича и А. Хебранга. В результате обсуждения этого вопроса оба они были выведены из состава ЦК КПЮ и исключены из рядов партии. В соответствии с опубликованным 6 мая 1948 г. Указом Президиума Народной скупщины Югославии С. Жуйович был освобожден от обязанностей министра финансов, а А. Хебранг — министра легкой промышленности.

«Где-то в это время, — отмечал Э. Кардель в своих мемуарах, — мы заключили в тюрьму Хебранга и Жуйовича, причем не за их взгляды, а из-за опасения перехода через границу в Румынию, в результате чего они могли появиться на заседании Информбюро»². А. Хебранг был под следствием с апреля 1948 г. по обвинению в том, что во время своего пленения в 1942 г. в оккупированном Загребе «плохо держался перед усташской полицией», был завербован ею и стал «усташско-гестаповским шпионом». Кроме этого обвинения ему, а также подвергнутому 7 мая 1948 г. аресту за «выдачу государственной и партийной тайны» С. Жуйовичу инкриминировалась попытка «осуществить внутренний путч в ЦК КПЮ»³. Если верить утверждениям М. Джиласа в его мемуарах, «вопрос об арестах С. Жуйовича и А. Хебранга в ЦК КПЮ не обсуждался», по его словам, «Тито сам принял такое решение».

На пленуме ЦК КПЮ, состоявшемся 9 мая, было также решено провести встречи членов ЦК КПЮ с руководством и партийным активом республик и краев, для об-

¹ The Soviet-Yugoslav Dispute... P. 53; Вестник МИД СССР. 1990. № 6. С. 61.

² Kardelj E. Borba za priznanje... S. 129.

³ В югославской историко-мемуарной литературе утверждает-ся, что Генеральным секретарем ЦК КПЮ должен был стать С. Жуйович, Председателем Совета Министров ФНРЮ — А. Хебранг. И. Тито же имелось в виду предложить пост министра обороны ФНРЮ.

суждения создавшегося положения. С. Вукманович-Темпо, которому было поручено присутствовать на встрече с руководством Черногории, вспоминал: «На встрече в Черногории все приняло резолюцию, отвергающую обвинения Сталина, и поддержало ответ нашего ЦК. Но были и такие, кто счел нужным отметить, что в письме Сталина есть и правда, в подтверждение чего приводились те места из письма, в которых говорилось о том, что мы не провели съезд партии, хотя и могли это сделать, что вообще не созывались пленумы ЦК, что не публикуются сообщения о работе партийных органов, что общественности не известен состав ЦК...»¹ По его словам чувствовалось, что «люди раздваиваются между двумя чувствами — питают огромную любовь, с одной стороны, к стране Октябрьской революции, бывшей для нас примером в революционной борьбе, а с другой стороны, к собственной стране и партии, также являющейся организатором крупной революции»². Люди не могли понять и считали, что речь идет о каком-то недоразумении, интересовались, как пишет С. Вукманович, «стоит ли Сталин за этой кампанией». «Я был уверен, что это так и есть, — подчеркивал он в своих мемуарах, — но не смел открыто сказать об этом; мы договорились не критиковать Сталина. Поэтому я начал выкручиваться: «Я думаю, что его обманули... Его ввели в заблуждение»³.

Несмотря на то что ЦК КПЮ в ответном письме 17 мая 1948 г. сообщил, что ввиду неравноправного положения, в которое поставлена КПЮ, его ЦК не может согласиться на обсуждение создавшегося положения в Информбюро⁴, тем не менее Сталин продолжал настаивать на том, чтобы Информбюро стало форумом для рассмотрения возникшего конфликта. 19 мая 1948 г. в Белград было доставлено письмо ЦК ВКП(б), подписанное М. А. Сусловым, а котором настаивалось на участии делегации ЦК КПЮ в совещании Информбюро. При этом давалось понять, что в случае приезда на него И. Тито оно могло бы состояться на Украине с участием Сталина⁵.

Собравшийся 20 мая пленум ЦК КПЮ вновь единогласно подтвердил отказ КПЮ от участия в заседании Информбюро. 22 мая 1948 г. ЦК ВКП(б), оценив отказ

¹ *Vukmanovic-Tempo S. Revolucija koja tece.* Knj. 2. S. 79.

² *Ibid.* S. 80.

³ *Ibid.* S. 86.

⁴ *The Soviet-Yugoslav Dispute...* P. 53.

⁵ *Дедиџер В. Изгубљена битка Ј. В. Стаљна.* С. 121.

ЦК КПЮ явиться на заседание Информбюро «как переход на путь раскола единого социалистического фронта стран народной демократии и Советского Союза», письменно поставил в известность ЦК КПЮ, что вопрос о положении в КПЮ будет обсужден, независимо от участия югославских представителей, на заседании Информбюро, назначенном на вторую половину июня¹. При этом ЦК КПЮ ставился в известность, что «по просьбе чехословацких и венгерских товарищей» заседание Информбюро переносится на вторую половину июня 1948 г.²

Пользуясь почти месячной отсрочкой, руководство Польской рабочей партии во главе с В. Гомулкой попыталось разрядить обстановку. Сразу же после ознакомления с переданной ему 6 апреля по поручению Сталина копией первого советского письма от 27 марта 1948 г. он заявил советнику посольства СССР в Варшаве В. Яковлеву, что не считает достоверными материалы, на которых основываются обвинения в адрес югославы, и высказался против принятия каких-либо мер к Югославии. Удивленному В. Яковлеву он сказал: «Не беспокойтесь, это письмо я немедленно доведу до сведения членов Политбюро, и там каждое предложение товарища Сталина будет поддержано, но, по моему убеждению, это предложение неправильно»³. В начале июня 1948 г. ЦК ППР направил, по инициативе В. Гомулки, письма ЦК КПЮ и ЦК ВКП(б), в которых содержался призыв не доводить дело до открытого разрыва, а также обращение к югославам прибыть все же на заседание Информбюро. Вместе с тем предлагался приезд В. Гомулки и члена Политбюро ЦК ППР Я. Бермана в Белград с целью способствовать предотвращению советско-югославского конфликта. Свое посредничество предлагал тогда же и руководитель СЕПГ В. Пик⁴.

В свою очередь посол ФНРЮ в Москве В. Попович слал в Белград одну телеграмму за другой, в которых, на основании бесед с советскими представителями различного уровня, высказывал возможные варианты примирения, в т. ч. за счет принесения в жертву некоторых югославских руководителей, прежде всего М. Джиласа и С. Вукмановича-Темпо, «обвиняющихся, — как он писал, — в неправильном и недопустимом отношении к СССР». «Я считаю, — писал В. Попович И. Тито в одной из телеграмм, —

¹ The Soviet-Yugoslav Dispute... P. 54—57.

² Krzavac S., Markovic D. Informbiro: Šta je to?.. S. 109—113.

³ Werblan A. Wladyslaw Gomułka... S. 521.

⁴ См.: Рабочий класс в современном мире. 1989, № 3, С. 108.

что было бы хорошо и полезно, чтобы Вы еще до съезда обратились лично к Сталину с теплым письмом, в котором рассказали бы о положении дел у нас, о достигнутых успехах, недостатках и ошибках, указали бы на все вредные последствия их неправильного и несправедливого отпущения к нам. Было бы хорошо, чтобы такое письмо, кроме Вас, подписали также наиболее авторитетные депутаты из всех республик. Кроме того, было бы хорошо послать им тезисы доклада на съезде»¹. 4 июня В. Попович доложил в Белград, что «в кругах, близких к руководству, ведутся разговоры о том, что «Джилас и Кардель являются старыми троцкистами, но весьма изоциренными», что «замысел состоит в том, чтобы изолировать Тито от Джидо (М. Джиласа.— Ю. Г.) и Бевца (Э. Карделя.— Ю. Г.), а затем ударить по Тито»².

Не дождавшись покаяния И. Тито, Сталин еще больше укрепился в решимости предать его «идеологическому суду» и добиться таким образом его капитуляции. По свидетельству М. Джиласа, И. Тито, зная коварство Сталина, следующим образом мотивировал невозможность участия в заседании Информбюро: «Если нам суждено быть убитыми, то пусть нас убьют на нашей территории»³.

Когда Сталин узнал об аресте С. Жуйовича и А. Хебранга, он поручил 9 июня В. М. Молотову передать И. Тито следующее: «ЦК ВКП(б) стало известно, что югославское правительство объявило Хебранга и Жуйовича изменниками и предателями родины. Мы это понимаем так, что Политбюро ЦК КПЮ намерено ликвидировать их физически. ЦК ВКП(б) заявляет, что если Политбюро ЦК КПЮ осуществит этот свой замысел, то ЦК ВКП(б) будет считать Политбюро ЦК КПЮ уголовными убийцами. ЦК ВКП(б) требует, чтобы расследование дела Хебранга и Жуйовича о так называемой неправильной информации ЦК ВКП(б) происходило с участием представителей ЦК ВКП(б). Ждем немедленного ответа»⁴. На такого рода беспрецедентный запрос ЦК КПЮ направил 18 июня в Москву ответ следующего содержания: «ЦК КПЮ никогда не помышлял «убивать» кого-либо, в т. ч. Хебранга и Жуйовича. Они находятся под следствием наших властей. ЦК КПЮ считает неправильной постановку вопроса со стороны ЦК ВКП(б) и с возмущением отвергает попытку

¹ *Dedijer V. Novi prilozii...* Т. 3. С. 354—355.

² *Ibid.* С. 357.

³ *Djilas M. Tito.* Р. 32.

⁴ Вестник МИД СССР, 1990. № 6. С. 62.

представить паше партийное руководство «уголовными преступниками и убийцами». Учитывая это, ЦК КПЮ считает, что участие представителей ЦК ВКП(б) в расследовании дела Хебранга и Жуйовича исключено»¹.

В этой связи 19 июня 1948 г. Молотов поручил послу передать ЦК КПЮ следующее письмо от ЦК ВКП(б):
«Центральному Комитету КПЮ от ЦК ВКП(б)
19 июня 1948 г.

В ответ на письмо ЦК ВКП(б) Центральный Комитет КПЮ в своем постановлении от 13 апреля заявил, что т. Жуйович и Хебранг исключены из ЦК КПЮ и подвергнуты партийному следствию за то, что они давали советским органам ложную и клеветническую информацию о положении в Югославии с целью ухудшить отношения между Югославией и СССР.

Через некоторое время после этого т. Жуйович и Хебранг были арестованы, а впоследствии объявлены врагами рабочего класса.

Из этого ЦК ВКП(б) сделал вывод, что Жуйовича и Хебранга югославские власти хотят предать смертной казни как врагов рабочего класса. В связи с этим ЦК ВКП(б) направил заявление от 9 июня Центральному Комитету КПЮ, в котором ЦК ВКП(б) настаивал на участии своих представителей в следствии о неправильной информации советских органов со стороны Жуйовича и Хебранга. ЦК ВКП(б) заявлял при этом, что в случае отклонения предложения ЦК ВКП(б) об участии его представителей в следствии и расправы с Жуйовичем и Хебрангом ЦК ВКП(б) будет считать членов Политбюро ЦК КПЮ уголовными убийцами.

В ответ на это т. Кардель, посоветовавшись с т. Тито, заявил 10 июня в Люблянах следующее:

«Мы удивлены таким запросом ЦК ВКП(б). Просим сообщить, что Политбюро ЦК КПЮ не собирается ликвидировать физически Хебранга и Жуйовича, что по вопросу информации Хебрангом и Жуйовичем советских представителей никакого расследования не ведется».

Это был второй ответ ЦК КПЮ по вопросу о судьбе т. Жуйовича и Хебранга, находящийся в полном противоречии с первым ответом, данным ЦК КПЮ 13 апреля.

17 июня с. г. (так в оригинале.— Ю. Г.) от ЦК КПЮ получен в адрес ЦК ВКП(б) новый ответ,— по счету тре-

¹ АВР МИД СССР.

тый ответ, по вопросу о деле Жуйовича и Хебрапа, где говорится, что Хебрап и Жуйович находятся под следствием государственных властей, причем выражается возмущение запросом ЦК ВКП(б) и отклоняется предложение ЦК ВКП(б) об участии его представителей в следствии по делу Жуйовича и Хебрапа.

Ясно, что этот ответ нельзя считать честным ответом, а скорее всего следует признать уклонением от ответа.

Ясно также, что этот ответ находится в полном противоречии с двумя предыдущими ответами.

Несомненно, что югославские руководители запутались в вопросе о деле Жуйовича и Хебрапа и в разное время выдвигают разные объяснения, в зависимости от конъюнктурной политической потребности, лишь бы скрыть от света действительное положение с наскоро состряпанным делом Жуйовича и Хебрапа.

Только этим обстоятельством можно объяснить, что ЦК КПЮ отклоняет предложение об участии представителей ЦК ВКП(б) в следствии по делу Жуйовича и Хебрапа.

Из этого ответа следует далее, что, поскольку дело Хебрапа — Жуйовича передано государственным властям, всю ответственность за судьбу Жуйовича и Хебрапа несет отныне главный представитель государственной власти в Югославии — премьер Тито»¹.

В тот же день, 19 июня, в Белграде получили телеграмму следующего содержания: «ЦК КПЮ. Информбюро, собравшись для обсуждения вопроса о положении в КПЮ, приглашает представителей ЦК для участия в работе Информбюро. В случае вашего согласия Информбюро будет ожидать ваших представителей не позднее 21 июня в Бухаресте, где они должны явиться в ЦК РКП к товарищу Георгиу-Деж и получить направление к месту работы Информбюро. Ждем немедленного ответа через Филиппова. Москва. Информбюро»². 20 июня ЦК КПЮ вновь повторил свою точку зрения о том, что все прежние выпады против ФНРЮ, начиная с первого письма ЦК ВКП(б), убеждают в невозможности обеспечить в Бухаресте равноправную дискуссию, что противоречит духу согласия и принципам добровольности, на которых строится Информбюро. ЦК КПЮ высказался за обсуждение спорных вопросов посредством прямых контактов между ЦК ВКП(б)

¹ Вестник МИД СССР. 1990. № 6. С. 62—63.

² Дедицер В. Изгубљена битка Ј. В. Стаљна. С. 122, 124.

и ЦК КПЮ в Югославии¹. В этом заявлении, адресованном заседанию Информбюро, говорилось следующее: «ЦК КПЮ всегда готов участвовать в работе Информбюро. Но он не может направить своих представителей на данное заседание, потому что не согласен с его повесткой дня, считая, что решение вопроса о разногласиях между ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ с самого начала велось неправильно... Уже первое письмо ЦК ВКП(б) нашему ЦК не было составлено в духе товарищеской критики, а содержало грубые и несправедливые обвинения... ЦК КПЮ считает глубоко неверным основывать обвинения против братской компартии на односторонней информации... ЦК ВКП(б) не принял ни одного аргумента из нашего ответа, а наоборот, выступил позднее с более тяжкими и полностью необоснованными обвинениями против КПЮ... Такая позиция не позволяет вести дискуссию на равноправной основе»².

Совещание Информбюро состоялось в последней декаде июня 1948 г. в бывшем королевском дворце близ Бухареста без представителей КПЮ. 15 июня Сталин рассмотрел проект доклада Жданова в Бухаресте, озаглавленный «О положении в КП Югославии». В сопроводительной записке Жданов сообщал, что «текст доклада рассмотрен мною, Маленковым и Сусловым». Сталин собственноручно сделал ряд правок в докладе, где уже и до него Жданов сформировал такие положения: «Всю ответственность за создавшееся положение несут Тито, Кардель, Джилас и Ранкович. Их методы — из арсенала троцкизма. Политика в городе и деревне — неправильна. В компартии нетерпим такой позорный, чисто турецкий террористический режим. С таким режимом должно быть покончено. Компартия Югославии сумеет выполнить эту почетную задачу»³. Делегация ВКП(б) отбыла в Бухарест в следующем составе: Жданов, Маленков, Суслов. Вскоре Жданов телеграфировал Сталину из Бухареста, что беседы с Костовым, Червенковым, Тольятти, Дюкло, Ракоши, Георгиу-Дежем, другими товарищами показывают, что все «без исключения заняли непримиримую позицию по отношению к Югославии»⁴. Как стало известно впоследствии, стремясь любой ценой убедить участников совещания в не-

¹ The Soviet-Yugoslav Dispute... P. 58—60; Krzavac S., Markovic. D. Informbiro: Sta je to?.. S. 113.

² Ibidem.

³ Октябрь. 1989. № 9. С. 151.

⁴ Там же.

обходимости принятия антиитовской резолюции, Жданов ничтоже сумняшеся заявил: «Мы полагаем данными, что Тито иностранный шпион»¹. В итоге совещания приняло резолюцию «О положении в Коммунистической партии Югославии», которой Сталин, применивший метод коллективных санкций, исключил КПО из Информбюро, «отлучил» Югославию от социализма. Предав анафеме КПО, он обвинил ее руководителей в отождествлении внешней политики СССР и капиталистических стран, в закулисной критике ВКП (б) и СССР за их перерождение, в непризнании марксистской теории классов и классовой борьбы в переходный период; в проведении неправильной политики в деревне, в отказе от национализации земли, от ликвидации кулачества как класса; в принижении роли рабочего класса, в ликвидаторских тенденциях в отношении КПО; в ревизии марксистско-ленинского учения в партии, в ее растворении в Народном фронте; в отсутствии внутрипартийной демократии, выборности и самокритики, насаждении «позорного, чисто турецкого, террористического режима», в переходе КПО на путь национализма и разрыва с ее интернационалистскими традициями.

Составленная в грубом тоне и крайне оскорбительных выражениях, эта резолюция заканчивалась призывом к «здоровым силам КПО, верным марксизму-ленинизму», «сменить нынешних руководителей КПО и выдвинуть новое, интернационалистское руководство КПО: «Информбюро не сомневается, что в недрах Компартии Югославии имеется достаточно здоровых элементов, верных марксизму-ленинизму, верных интернационалистским традициям югославской компартии, верных единому социалистическому фронту».

Задача этих здоровых сил КПО состоит в том, чтобы заставить своих нынешних руководителей открыто и честно признать свои ошибки и исправить их, порвать с национализмом, вернуться к интернационализму и всемерно укреплять единый социалистический фронт против империализма, или, если нынешние руководители КПО окажутся неспособными на это, сменить их и выдвинуть новое, интернационалистское руководство КПО.

Информбюро не сомневается, что Компартия Югославии сумеет выполнить эту почетную задачу»².

¹ *Dedijer V. Josip Broz Tito... S. 498.*

² Правда. 1948. 29 июня.

Ознакомившись с текстом этой резолюции, И. Тито три часа ходил взад-вперед по своей комнате, потрясенный выдвинутыми Сталиным тяжелейшими несправедливыми обвинениями. В тот же день, 29 июня, состоялся пленум ЦК КПЮ, который принял заявление в связи с резолюцией Информбюро. Согласно информации А. И. Лаврентьева, 29 июня в 20 часов «все радиостанции передали заявление пленума ЦК КПЮ от 29 июня по поводу резолюции Информбюро о положении в югославской компартии».

В заявлении полностью отвергается резолюция Информбюро и оправдывается линия, занимаемая ЦК КПЮ.

Кроме этого, в заявлении были переданы следующие документы:

1. Письмо ЦК КПЮ Информбюро о причинах отказа ЦК КПЮ участвовать на совещании Информбюро.

2. Обращение ЦК КПЮ ко всем членам партии, излагающее решение политбюро ЦК об исключении из партии Хебранга и Жуйовича.

3. Заключение партийной комиссии по делу Хебранга и Жуйовича.

4. Решение политбюро ЦК КПЮ от 19 апреля 1948 года по письму Хебранга»¹.

В заявлении ЦК КПЮ говорилось, в частности, следующее: «Критика в резолюции основана на неточных и необоснованных утверждениях и представляют попытку подорвать авторитет Коммунистической партии Югославии за рубежом и в стране... В резолюции без всяких доказательств приводится утверждение, будто руководство КПЮ ведет враждебную политику в отношении Советского Союза. ЦК КПЮ считал и считает, что отношение Югославии к СССР должно быть основано исключительно на базе доверия и искренности...»².

Отвергнув все выдвинутые в резолюции Информбюро обвинения как необоснованные, ЦК КПЮ подчеркнул, что в результате «КПЮ, рабочему классу, трудящимся, народам Югославии нанесена величайшая историческая несправедливость»³.

В результате конфликт, который до этого держался в тайне, был предан широкой огласке. В период с 1 по 10 июля 1948 г. почти все коммунистические и рабочие пар-

¹ СССР — Югославия: год 1948 // Правда. 1990. 6 марта.

² The Soviet-Yugoslav Dispute... P. 71—79.

³ Krzavac S., Markovic D. Informbiro: Šta je to? S. 109—110.

тии припяти соответствующие документы в поддержку резолюции Информбюро, что поставило КПЮ в положение полной изоляции¹.

Особо следует сказать о позиции В. Гомулки в связи с этой резолюцией Информбюро. По утверждению польского историка Ч. Козловского, когда из Бухареста в Варшаву вернулась польская делегация, возглавлявшаяся членом Политбюро ЦК ППР Александром Завадским, В. Гомулка сделал ему резкое замечание о том, что он не имел права подписывать резолюцию Информбюро без согласия пленума ЦК. Хотя резолюция Информбюро и была одобрена на пленарном заседании ЦК ППР 1 июля 1948 г., но в ходе прений на нем подчеркивалось, что по некоторым аспектам решения непонятны, неубедительны, участники пленума сигнализировали, что партийный актив относится к резолюции неоднозначно².

Конфликт между КПЮ и ВКП(б) был воспринят в Югославии поначалу с нескрываемым удивлением. Рядовые югославы недоумевали: возможно ли такое, не является ли конфронтация порождением какого-то недоразумения или коварных интриг? Для большинства югославов это был настоящий шок. Многие считали резолюцию плодом дезинформации, к которой Сталин не имеет никакого отношения. Участники одного из митингов в Белграде даже направили ему телеграмму следующего содержания: «Товарищ Сталин, мы глубоко верим в тебя и надеемся, что ты сделаешь все возможное, чтобы снять несправедливые обвинения в адрес нашей страны, нашей партии и нашего ЦК»³. Глубокие переживания в связи с тяжелейшими несправедливыми обвинениями Сталина спровоцировали в те дни у И. Тито острейший приступ желчнокаменной болезни, которая периодически давала о себе знать и во время войны. «Для Тито разрыв с Москвой,— считает М. Джилас,— явился болезненным психологическим и интеллектуальным ударом. По мнению его окружения, да и сам он так считал, именно в тот период начался приступ калькулезного холецистита»⁴ (в конечном счете ему пришлось в апреле 1951 г. согласиться на операцию по удалению камней желчного пузыря)⁵. «Для наших людей,—

¹ Krzavac S., Marković D. Informbiro: Šta je to? S. 109—110.

² Вроньский С. Еще раз о советско-югославском конфликте // Проблемы мира и социализма. 1990. № 4. С. 84.

³ Dedijer V. Novi prilozii... T. 3. S. 362.

⁴ Djilas M. Tito. P. 71.

⁵ Staubringer Z. Titovo istorijsko «ne» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 40.

говорил И. Тито, — весь конфликт, и особенно резолюция, представляли несомненно тяжелейшую травму, ибо мы в Югославии, несмотря на многочисленные сомнения, все-таки, в основном, верили в Советский Союз, верили в Сталина... На моих глазах партизаны гибли в бою с именем Сталина на устах... Мы не стыдимся этих иллюзий... Они играли позитивную роль, свидетельствуя о нашей глубокой вере в прогресс и социализм. А в июньские дни 1948 г., когда их Сталин так беспощадно, так грубо растоптал, нам было страшно трудно. Но мы не утратили веры в социализм, однако начали терять веру в Сталина, предавшего дело социализма...»¹.

За рубежом мало кто верил, что после такого ультиматума И. Тито сможет удержаться. Считалось, что дни его сочтены, и некоторые буржуазные журналисты даже называли день свержения И. Тито, а именно 21 июля — дату начала работы V съезда КПЮ, созыв которого, по словам М. Джиласа, был ускорен «нападением Сталина»². Но этого не произошло, съезд, партия высказались в поддержку И. Тито. По словам Н. С. Хрущева, Сталин считал, что достаточно ему «шевелнуть мизинцем» и «не будет Тито», однако он просчитался³.

Открывшийся 21 июля 1948 г. в соответствии с принятым еще 25 мая решением первый после 1928 г. высший форум югославских коммунистов работал в течение 8 дней в небольшом зале Дома гвардии в Белграде. Президиум этого съезда был расцвечен государственными и партийными флагами ФНРЮ и КПЮ, в центре доминировал большой портрет И. Тито, по бокам от него были установлены мраморные бюсты — слева К. Маркса и В. И. Ленина, а справа — И. В. Сталина и Ф. Энгельса. Именно в его кулуарах родились и впервые прозвучали под сводами зала Дома гвардии ставшие крылатыми слова песни о И. Тито на злобу дня: «Товарищ Тито, вождь коммунистов, партия, как солнце, чиста. Чем больше клеветы и лжи, тем Тито нам милее и дороже. Товарищ Тито, мы тебе клянемся, что с твоего пути не свернем!»⁴. Выступивший на съезде И. Тито с докладом, продолжавшимся почти 8 часов, сделал детальный обзор истории становления и развития КПЮ. Говоря о славном революционном пути КПЮ, он напомнил, что партия воспитывала коммунистов

¹ *Dediđer V. Novi prilozii...* T. 3. S. 362.

² *Djilas M. Tito.* P. 84.

³ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 154.

⁴ *Marković D., Krzavac S. Zasto su smenjivani.* S. 38—39.

в духе глубокого доверия, любви и преданности Советскому Союзу как стране прогресса, стране социализма, защитнице малых народов. В конце своего доклада он коротко коснулся отношений с Информбюро и его «чудовищных обвинений», заверив делегатов V съезда, что ЦК КПЮ полон решимости, несмотря на все, восстановить хорошие отношения с ВКП(б). Закончив доклад здравицей в честь Сталина, И. Тито сошел с трибуны под бурные аплодисменты всего зала, сопровождаемый возгласами «Сталин — Тито!».

V съезд КПЮ квалифицировал критику, содержащуюся в резолюции Информбюро, как «неточную, неправильную и несправедливую», подчеркнув, что Югославия является социалистической страной, принадлежащей к «социалистическому лагерю во главе с СССР». В ней было подчеркнуто, что КПЮ остается членом Информбюро, сохраняет верность принципам международной пролетарской солидарности и единства антиимпериалистического фронта, признает ведущую роль ВКП(б) в мировом рабочем движении и необходимость следовать опыту ВКП(б) во внутренних и международных делах. Югославские коммунисты дали высокую оценку роли СССР в антиимпериалистической борьбе, его вкладу в разгром фашизма, они заявили, что в этой борьбе Югославия всегда была и будет па стороне СССР. Съезд выразил уверенность в том, что возникшие разногласия не отразятся на межгосударственных отношениях и что Югославия сможет, и в будущем рассчитывать на поддержку со стороны Советского Союза. Как отметил в своем выступлении Э. Кардель, «мы глубоко убеждены в том, что СССР, как основная сила социализма, и страны народной демократии, а также все международное рабочее и антиимпериалистическое движение не могут не оказать поддержки стране, строящей социализм и подвергающейся нападкам врагов социализма»¹. Съезд заверил ЦК ВКП(б) в том, что «руководство КПЮ постарается предоставить советскому партийному руководству на месте все возможности, чтобы оно могло убедиться в неточности своих обвинений». Он поручил ЦК КПЮ сделать все возможное, чтобы отношения между КПЮ и ВКП(б) вновь улучшились². При голосовании на V съезде КПЮ из 2323 его делегатов против И. Тито высказалось только пять человек³.

¹ V конгресс КПЖ. С. 148—159.

² См. там же.

³ *Dedjter V. Josip Broz Tito...* S. 507.

А. Ранкович, проинформировав делегатов съезда об «антипартийной, вредительской деятельности С. Жуйовича и А. Хебранга», попытавшихся «расколоть коммунистическую партию Югославии», сообщил делегатам V съезда КПЮ, что ЦК КПЮ исключил из ЦК и из КПЮ Андрию Хебранга «как двурушника, вредителя, предателя и оружье классового врага», а Сретена Жуйовича «как закорюпелого фракционер и двурушника, клеветника и врага пашей партии и страны», передав их в руки органов народной власти, которые «расследуют их вредительскую предательскую деятельность»¹.

Несмотря на такое единодушие делегатов V съезда КПЮ, в партии все же возникла угроза раскола. Более 55 тыс. коммунистов из 468 175 членов и 51 612 кандидатов в члены КПЮ высказались за резолюцию Информбюро — их стали называть «информбюровцами» и относиться к ним как к «пятой колонне». Социальный состав «информбюровцев» был следующим: 14 тыс. рабочих, крестьян, студентов, учащихся, 21 880 участников народно-освободительной борьбы, 1673 — участника НОД с 1941 г., 2616 членов руководящих органов КПЮ, 4183 военнослужащих ЮНА, 1722 служащих органов внутренних дел, 1189 сотрудников скупщин и их органов. Среди 2616 членов руководящих органов КПЮ значились: 2 члена Политбюро ЦК КПЮ, 8 членов ЦК КПЮ, 16 членов ЦК КП республик, 50 членов обкомов, 733 члена райкомов и 318 членов общинных комитетов партии, 498 членов местных комитетов, 953 секретаря первичных парторганизаций, 293 председателя общин, 72 председателя районов, 17 республиканских министров, 85 помощников министра, 6 союзных министров, 14 их помощников, 30 союзных и 33 республиканских депутата. Все они были исключены из партии, а 16 312 из них были репрессированы и заключены в специально созданные концентрационные лагеря на островах в Адриатике — Голый и Гргур². Около 5 тыс. югославских граждан

¹ *Marković D., Krzavac S. Zasto su smenjivani.* S. 27. Вскоре после V съезда КПЮ, в ночь с 11 на 12 августа 1948 г., в районе Вршаца при попытке перейти югославо-румынскую границу был убит бывший с декабря 1941 г. и до конца народно-освободительной борьбы начальником Верховного штаба НОАЮ А. Йованович. Вместе с А. Хебрангом он в качестве начальника Генерального штаба югославской армии побывал в Москве в январе 1945 г., присутствовал на беседе со Сталиным. С 1946 по 1948 г. учился в Москве, был слушателем Военной академии им. К. Ворошилова. По возвращении в Югославию стал начальником Высшей военной академии ФНРЮ. Имел звание генерал-полковника ЮНА.

² *Marković D. Istina o Golom otoku.* Beograd. 1987. S. 16—17.

стали политическими эмигрантами в СССР и других странах¹.

Решение о том, чтобы поместить коммунистов, разошедшихся с линией КПЮ, на остров Голый, было принято И. Тито осенью 1948 г. в условиях, когда среди работников партийных комитетов и армейских офицеров стала подниматься сталинская волна². В конце 1949 г., как утверждает М. Джилас, он предложил подумать о ликвидации лагерей и предании тех, кто будет сочтен виновным, суду. Первым, кто не согласился с ним, был Э. Кардель, заявивший, что лагеря пужны до зарезу; А. Ранкович заметил, что справиться обычным судебным путем с «пнформбюровцами» будет не так-то легко; И. Тито же промолчал, дав тем самым понять, что постановка этого вопроса является преждевременной³. Как представляется М. Джиласу, «культ Тито, имитировавший в определенных аспектах культ Сталина, способствовал по мере нарастания конфликта с Советским Союзом усилению способности Югославии к сопротивлению, к отстаиванию независимости», поскольку «советские претензии могли быть обезврежены методами и средствами, похожими на советские»⁴.

Реально считаясь в те годы с возможной перспективой вооруженного конфликта, И. Тито предложил довести расходы Югославии на военные цели до 23% национального дохода, увеличив их с 300 млн долл. в 1946 г. до 665 млн долл. в среднем в год в период 1950—1952 гг.⁵ Как отмечает в мемуарах С. Вуманович-Темпо, «в соответствии с утвержденным планом, в случае необходимости, армия должна была отступить на «стратегическую территорию», которая охватывала горные массивы вплоть до моря... Эта территория должна была защищаться с использованием опыта, приобретенного в ходе пародно-освободительной войны»⁶.

Надо сказать, что конфликт со Сталиным далеко не сразу избавил югославское руководство от сталинского догматизма, ибо теория и практика партийного и государственного строительства Югославии были в первые послевоенные годы целиком и полностью сориентированы на со-

---

¹ Sednice CK SKJ, 1948—1952. Beograd. 1985. S. 719.

² Djilas M. Tito. P. 81, 83.

³ Ibid. P. 88.

⁴ Ibid. P. 30.

⁵ См.: Вукоевић П. Година 1948 и послење // Политика. 1983. 28—29 јуна

⁶ Вукмановић-Темпо S. Revolucija, koja teče. Knj. 2, S. 105.

ветскую модель социализма. В подтверждение того, что общественно-политическая жизнь в Югославии тогда была во многом слепком с тех административно-командных порядков, которые завел Сталин в Советском Союзе, можно сослаться на свидетельства М. Джиласа. «Сразу после окончания войны,— отмечал он,— многое мне не нравилось: особняки, персональные автомашины, ордена, дипломатические магазины — все это мне было чуждым... Такова была общая атмосфера в верхах, привилегии определялись в зависимости от должностей»¹. Хотя его и раздражало «стремление коммунистов к роскоши, недоступной для большинства», но вначале ему это казалось «временной слабостью после лишений военной поры, пустяком в сравнении с величием цели»². М. Джиласу не нравилось также, что пленумы ЦК КПЮ назначались именно там, где в тот момент находился И. Тито, и он с возмущением, как утверждает его вторая жена Штефания Барич, говорил дома: «Почему я должен ехать на Бриони?» (летняя резиденция И. Тито на островах Бриони.— Ю. Г.)³. Отмечая, что «в целом преобладали коллективная ответственность и коллективные решения», М. Джилас признавал, что «в ряде случаев, довольно важных, решения принимал единственный человек — Тито». «Мне известны и такие случаи, когда Политбюро,— подчеркивал он,— не участвовало в принятии решений. По окончании войны Тито имел такую власть и авторитет, что в первые годы мы, члены Политбюро, не представляли собой ничего и были что ни есть самыми обыкновенными его помощниками».

Считая, что большинство обвинений Сталина в адрес югославского руководства в 1948 г. было сконструировано на основе лжи и дезинформации, М. Джилас признает, что «одно обширное письмо ЦК ВКП(б) было хорошо составлено и некоторые вещи правильно подмечены, например то, что мы не созывали съезд»⁴. Между тем давая при этом Сталиным характеристика положения в КПЮ, включенная и в резолюцию Информбюро от 28 июня 1948 г. относительно «созданного югославскими руководителями бюрократического режима внутри партии», вполне могла быть отнесена к тогдашней обстановке в самой ВКП(б).

¹ Джилас М. Разные плоды революции // Новое время. 1990. № 10. С. 16.

² Kalezić V. Djilas miljenik i odpadnik komunizma... S. 169.

³ НИИ. 1989. 28 маја.

⁴ Kalezić V. Djilas miljenik i odpadnik komunizma... S. 99—100; The Soviet-Yugoslav Dispute... P. 47.

Некоторое время в югославской пропаганде продолжала выдерживаться официальная линия, которая как бы изолировала Сталина от конфликта. Первая приглушенная критика в его адрес прозвучала в обширной статье М. Джиласа «О неправдоподобных и несправедливых обвинениях против нашей партии и страны», появившейся в «Борбе» 2, 3 и 4 октября 1948 г. В 1982 г. М. Джилас вспоминал в связи с этим: «Эту статью я написал по своей инициативе. Тито просмотрел ее и вначале не одобрил критику Сталина. Я пошел к нему и объяснил, что рядовые члены партии не понимают, почему Сталин молчит и почему мы обходим его молчанием и даже возвеличиваем. И. Тито согласился, сказав: «Ладно, пусть идет!» Это было первое наше публичное несогласие со Сталиным»¹. После детального изложения основных причин конфликта М. Джилас, отметив, что «у нас все знают, что Сталин согласен и с письмами ЦК ВКП(б) и с резолюцией Информбюро», написал тогда в заключение своей статьи: «Мы о Сталине до сих пор ничего не говорили в нашей печати. И не потому, что кто-либо из нас питает иллюзии по поводу его позиции во всем этом конфликте... Сталин по праву является крупнейшим живым авторитетом не только в международном рабочем движении, но и вообще в демократическом мире. Но в споре между ЦК КПЮ и ЦК ВКП(б) право не на его стороне, а на стороне ЦК КПЮ. Мы смело можем утверждать, что нигде (кроме СССР) Сталина любят и не уважают больше, нежели в Югославии. Сталин был, есть и будет в нашей партии одним из величайших корифеев марксизма, верным и достойным учеником и наследником Ленина». Однако и после этого отношение к личности Сталина в югославской пропаганде не изменилось.

Югославия продолжала практически вплоть до конца 1949 г. действовать на мировой арене единым фронтом с СССР и другими странами народной демократии.

Сигналом к дальнейшей эскалации антиюгославской пропаганды послужила опубликованная 8 сентября 1948 г. в «Правде» статья «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии». Своей подписью («Цека»), а также грубым безапелляционным тоном она выдавала авторство Сталина. В ней говорилось о т. н. «фракции Тито», которая объявлялась меньшинством в КПЮ, якобы находящейся в состоянии войны со своей партией, перешедшей на путь

---

¹ Kalezić V. Djilas miljenik i odpadnik komunistima... S. 57.

пособничества империализму и «вырождающейся в клику политических убийц»¹. Эта статья, по своему духу и терминологии напоминающая сфабрикованные судебные процессы периода массовых чисток в середине 30-х годов, явилась как бы провозвестником второй резолюции по т. п. югославскому вопросу, принятой Информбюро на заседании в Венгрии² в ноябре 1949 г. под названием «Югославская компартия во власти убийц и шпионов», в которой содержался целый набор инсинуаций и откровенной лжи, наподобие того, будто югославское руководство скатилось от буржуазного национализма к фашизму, установило в стране диктатуру фашистского типа, является наймитом империалистической реакции, превратило Белград в американский центр шпионажа и антикоммунистической пропаганды. Она изобиловала чудовищными утверждениями, будто КПЮ «попала в руки пробравшихся к власти под маской друзей СССР врагов народа, убийц и шпионов, которые полностью сомкнулись с империалистическими кругами». «Борьба против клики Тито» объявлялась «интернациональным долгом всех коммунистических и рабочих партий»³.

Принятию этой резолюции предшествовал ряд событий, резко обостривших конфликт. 1 мая 1949 г. «Правда» сообщила о выходе в свет первого номера газеты «За социалистическую Югославию», «издаваемую, — как подчеркивалось в информации, — на сербском языке югославскими коммунистами-политэмигрантами, находящимися в СССР». Эта газета стала органом учрежденного в СССР «Союза югославских патриотов за освобождение Югославии от фашистского ига клики Тито — Ранковича и империалистического рабства».

¹ Правда. 1948. 8 сентября.

² Это было третье и последнее совещание Информационного бюро коммунистических партий (два предыдущих состоялись в сентябре 1947 г. в Польше и в июне 1949 г. в Румынии). ВКП(б) представляли М. Суслов и П. Юдин. На нем были заслушаны доклады М. Суслова «Защита мира в борьбе с поджигателями войны», П. Тольятти «Единство рабочего класса и задачи коммунистических и рабочих партий»; Г. Георгиу-Дежа «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». Информбюро приняло три резолюции, названия которых соответствовали названиям каждого из упомянутых докладов. Информационное бюро, просуществовавшее 8 лет и 7 месяцев, было распущено 18 апреля 1956 г. ввиду того, что «исчерпало свои функции» и «по своему составу и содержанию работы больше не отвечало этим новым условиям» (Правда. 1956. 18 апреля).

³ Большевик. 1949. № 22. С. 19—22.

В этой связи МИД ФНРЮ направил посольству СССР в Югославии 24 мая 1949 г. ноту протеста против поддержки правительством СССР деятельности в Москве группы «предателей», создавших «свой комитет, который в апреле начал издавать антиюгославскую газету...».

Дополнительный накал в атмосферу двусторонних отношений внес обмен нотами летом 1949 г. по поводу арестов в Югославии проживавших там после Великой Октябрьской социалистической революции русских эмигрантов, получивших в первые послевоенные годы советское гражданство (которые обвинялись югославами в антигосударственной деятельности), а также по поводу позиции СССР в отношении югославских территориальных претензий к Австрии.

Взаимные обвинения нарастали как снежный ком. Стороны уже не выбирали выражений. Читаем в ноте Советского правительства от 10 августа 1949 г.: «Пусть знают народы Югославии, что Советское правительство рассматривает пынешнее правительство Югославии не как друга и союзника, а как недруга и противника Советского Союза».

Советское посольство получило из Москвы указание от 15 сентября 1949 г. запретить одиночное хождение по городу в вечернее время всем сотрудникам посольства СССР и консульств в Загребе и Сплите, равно как и всех других советских учреждений и представительств, а также членам семей сотрудников указанных учреждений СССР в Югославии.

С 1949 по 1952 г. по восточноевропейским странам прокатилась волна инсценированных судебных процессов над рядом видных партийных и государственных руководителей социалистических стран, обвинявшихся в принадлежности к «американским и английским агентам», в приверженности «националистической идеологии», в «предательстве» в пользу Югославии, И. Тито, объявленного шпионом и давним агентом всех империалистических разведок, ведущих подрывную деятельность против СССР и народно-демократических государств. В Албании в мае 1949 г. был осужден и расстрелян Кочи Дзодзе, заместитель председателя правительства и министр внутренних дел; в Болгарии в декабре 1949 г. — Трайчо Костов, заместитель председателя правительства; в Венгрии в сентябре 1949 г. — Ласло Райк¹, министр иностранных дел; в Чехослова-

¹ Т. Костов был реабилитирован 11 апреля 1956 г., Л. Райк — 7 октября 1956 г.

нии в ноябре 1952 г. — Рудольф Сланский, Генеральный секретарь ЦК КПЧ. За «правый националистический уклон» был осужден и приговорен к тюремному заключению Генеральный секретарь Польской рабочей партии В. Гомулка¹.

28 сентября 1949 г. правительство СССР обвинило правительство Югославии в фактическом попрании и разрыве советско-югославского Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. В этот день заместитель министра иностранных дел СССР А. А. Громыко пригласил временного поверенного в делах Югославии в СССР и вручил ему ноту, в которой говорилось, что вскрытые на судебном процессе Л. Райка в Будапеште факты подтверждают, что «руководители югославского правительства вели и продолжают вести свою враждебную и подрывную работу против СССР не только по собственной инициативе, но и по прямым заданиям иностранных империалистических кругов», это свидетельствует о том, что оно «грубо растоптало и разорвало в клочки» Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией, на основании чего «Советское правительство заявляет, что Советский Союз отныне считает себя свободным от обязательств, вытекающих из указанного договора»².

25 октября 1949 г. МИД СССР объявил, что считает «невозможным дальнейшее пребывание в СССР посла Югославии К. Мразовича», а в ноябре потребовал выезда и поверенного в делах³. С конца 1949 г. при формальном сохранении дипломатических отношений все связи между СССР и Югославией оказались прерванными. Примеру Советского Союза последовали все страны народной демократии, также разорвавшие в начале октября 1949 г. в течение шести дней договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Югославией (Польша и Венгрия сделали это 30 сентября 1949 г., Болгария и Румыния — 1 октября 1949 г., Чехословакия — 4 октября 1949 г.); договор с Албанией Югославия аннулировала сама 12 ноября 1949 г., мотивируя широким размахом антиюгославской кампании в этой стране, а затем она прекратила и все связи с ней по межгосударственной линии, разорвав 11 ноября 1950 г.

¹ Историја СКЈ. С. 367.

² Правда. 1949. 30 сентября; Вестник МИД СССР. 1990. № 6. С. 63.

³ См.: Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. Январь — декабрь 1949. С. 174.

дипломатические отношения с ней¹. На югославских границах с Венгрией, Румынией и Болгарией обстановка резко обострилась, участились пограничные инциденты. В целях предупреждения и расследования пограничных инцидентов югославское правительство предложило этим странам создать специальные смешанные комиссии, что, однако, не встретило поддержки с их стороны.

К осени 1949 г., когда стало ясно, что конфликт приобретает затяжной характер, югославская сторона переходит к широкому политико-пропагандистскому наступлению, обвиняя СССР и ВКП(б) в перерождении социализма в СССР в государственно-капиталистическую систему, догматической ревизии марксизма-ленинизма, бюрократизации партии и страны, великодержавной, гегемонистской внешней политике, агрессивном давлении на Югославию.

Осенью 1949 г. конфликт усилиями обеих сторон был интернационализирован. Так, на IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре — декабре 1949 г. югославская делегация обвинила СССР и страны народной демократии во вмешательстве во внутренние дела Югославии. В своем выступлении 25 сентября 1949 г. Э. Кардель заявил, что только в период с 1 июля 1948 г. по 1 сентября 1949 г. было зарегистрировано 219 вооруженных инцидентов. Несмотря на противодействие СССР и народно-демократических государств Югославия 20 октября 1949 г. была избрана непостоянным членом Совета Безопасности ООН². С тех пор ООН, где, по словам американского политолога Дж. Кэмпбелла, «Югославия стала играть такую роль, которая, по крайней мере с точки зрения Запада, оценивалась как становящаяся все более конструктивной»³, превратилась в арену острой полемики и конфронтации между Югославией и СССР, а также другими социалистическими странами.

Давление на Югославию в годы разрыва проявлялось, пользуясь югославской терминологией, в «беспощадной экономической блокаде и постоянных угрозах массированными военными маневрами», «создании разведсети и заброске в страну террористических групп и диверсантов», «непрекращавшейся психологической войне и неутихавшей пропаганде», «нагнетании атмосферы вооруженной

¹ Историја СКЈ. С. 367.

² *Mates L. Međunarodni odnosi socijalisticke Jugoslavije.* Beograd, 1976. S. 121—122.

³ *Campbell G. C. Tito's Separate Road.* P. 29.

агрессии», для которой все было подготовлено и которая в то время буквально «витала в воздухе»¹.

Югославское руководство рассматривало в то время СССР в качестве серьезного источника опасности для Югославии. Это нашло отражение и в материалах состоявшегося в ноябре 1952 г. VI съезда КПЮ, переименовавшего ее в Союз коммунистов Югославии (СКЮ). Касаясь помощи Запада, И. Тито заявил, что она является средством защиты нашей независимости от Советского Союза.

Оказавшись в изоляции от социалистических стран, Югославия вынуждена была пойти на сближение с западными державами. «Многие думают, что в те трудные дни Запад сразу же пошел нам навстречу. Это неправильно,— писал в своих мемуарах С. Вукманович-Темпо.— Западные страны использовали наше тогдашнее положение и поставили нам такие условия, которые фактически означали продолжение разграбления Югославии. Когда мы обратились к ним с предложением расширить объем торговли и предоставить кредиты, они ответили нам, что решат эти вопросы благоприятно, если мы возьмем обязательство выплатить стоимость их имущества, национализированного без возмещения (шахты, рудники, предприятия и т. п.), и вернем им все долги по соглашениям, заключенным довоенной Югославией.

У нас не было выхода. Мы вынуждены были принять оба эти условия... А когда дело дошло до заключения соглашения о кредитах, нам пришлось пойти на весьма тяжелые условия их погашения. Сроки погашения составляли четыре-пять лет, а процентные ставки — до 11%. Мы соглашались и на такие условия, лишь бы развить свою экономику, вырваться из отсталости»².

Начавшаяся в середине 50-х годов нормализация отношений Югославии с СССР и другими странами Восточной Европы «приостановила,— по признанию Дж. Кэмпбелла,— процесс постепенного перехода Югославии в западный лагерь»³.

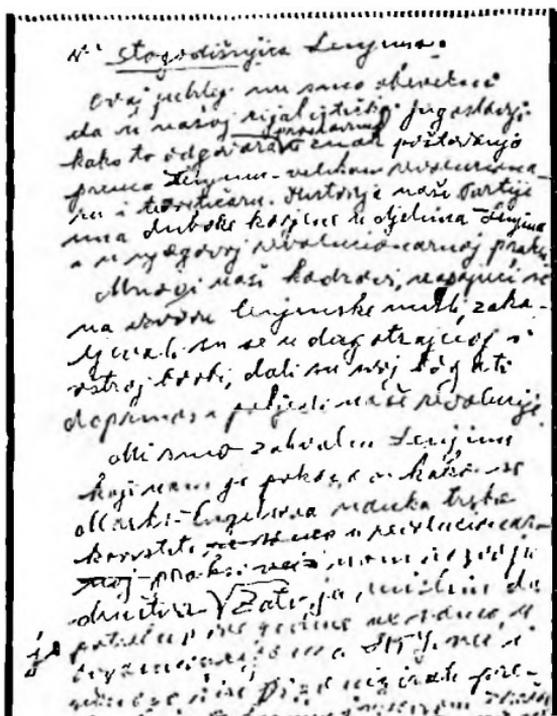
---

¹ *Vukmanović-Tempo S. Revolucija, koja tece*, Квј. 2. S. 159.

² *Ibid.* S. 101—102, 129—130.

³ *Campbell G. C. Tito's Separate Road*. P. 29.

Глава 5 Урегулирование конфликта

Когда в Белграде стало известно о кончине Сталина, И. Тито готовился к своему первому зарубежному официальному визиту. Он собирался посетить Великобританию, куда и отправился спустя три дня, впервые сопровождаемый новой супругой Йованкой Броз (девичья фамилия Будисавлевич), на которой он женился в начале 1952 г.¹

¹ Йованка Броз родилась в 1924 г. в с. Печани возле Госпича. Участница народно-освободительного движения. Была комиссаром терапевтического госпиталя в Дрваре, затем работала в хирургическом госпитале 1-й армии, была сотрудницей Генерального штаба НОА и ПОЮ. С конца 1945 г. до 1952 г. — в аппарате Кабинета Маршала Югославии И. Тито. Майор в отставке.

В тот же день по его поручению советское посольство посетил заместитель министра иностранных дел ФНРЮ В. Мичунович, выразивший от имени югославского правительства соболезнования по случаю смерти Сталина. По свидетельству очевидцев, И. Тито был за то, чтобы «подождать и убедиться, как пойдет дальше развитие событий в Советском Союзе в обстановке после прихода нового руководства»¹. Во время пребывания И. Тито в Великобритании журналисты интересовались его мнением о том, что «будет после смерти Сталина, будет ли хуже, не вспыхнет ли война, или, может быть, все повернется в лучшую сторону»². Отвечая на такого рода вопросы, он говорил: «Ясно, что у нас были большие трудности и что именно из-за него мы пережили самый трудный период в нашей истории, из-за него мы были в одиночестве, что под его диктовку советские руководители хотели раздавить Югославию, поработить, подчинить. Я считаю, что он очень скоро убедился, что ошибся, что и другие ошиблись... Но он со всей силой вел холодную войну и руководил ею, особенно против нашей страны. Возникает вопрос: что будет после его смерти сейчас, когда к руководству пришли новые люди — Маленков и другие? Не предпримут ли они, как более молодые и темпераментные, каких-либо непродуманных шагов, не ввергнут ли, возможно, мир в войну? Могу сказать одно: я не пророк, предсказывать не берусь, но могу на основе моих знаний советских людей и условий жизни в СССР заявить, что не верю в возможность этого. Я думаю, что перед лицом все большего укрепления сил миролюбивого человечества будут все же добиваться того, чтобы как-то найти выход из того тупика, в который завела их послевоенная международная политика. Я верю и это. Мы в Югославии были бы счастливы, если бы наступил такой день, когда они признали, что допустили ошибку в отношении нашей страны. Нас бы это обрадовало. Мы будем ждать, мы посмотрим»³.

После смерти Сталина ЦК КПСС, исходя из того, что фактический разрыв отношений между Советским Союзом и Югославией в 1948—1953 гг. причинял ущерб как интересам Югославии, СССР, других социалистических стран, так и всему международному коммунистическому движению, самокритично проанализировал все обстоятельства, все события, приведшие к разрыву отношений, и, отбросив позднейшие наслоения, принял решение о ликви-

¹ *Kalazić V. Djilas miljenik i odpadnik komunizma. S. 169.*

² *Dedijer V. Novi prilozi... T. 3. S. 545.*

³ *Ibid. S. 545—546.*

дации ненормального положения в отношениях с Югославией. Руководствуясь этим, ЦК КПСС и Советское правительство проявили инициативу, направленную на то, чтобы очистить со своей стороны советско-югославские отношения от всего субъективного, наносного, связанного, в частности, с проявлениями культа личности Сталина, что причиняло им вред, в результате чего тенденция к улучшению отношений Югославии с СССР и другими социалистическими странами наметилась уже летом 1953 г. 6 июня 1953 г. Советское правительство выступило с предложением обменяться послами¹. В июне того же года была достигнута договоренность о снятии ограничений на передвижение дипломатического персонала посольств — соответственно советского в Югославии и югославского в СССР. С советской стороны была выражена готовность возобновить экономические связи, установить контакты в области науки и культуры, были приняты меры по обеспечению должного освещения в печати и по радио вопросов, относящихся к Югославии. В СССР была прекращена антиюгославская пропаганда, перестали выходить газеты югославской политической эмиграции, а ее организации были распущены. В июне 1954 г. ЦК КПСС направил ЦК СКЮ письмо с предложением осуществить полную нормализацию отношений, для чего провести советско-югославскую встречу на высшем уровне.

Состоявшийся 26 ноября 1954 г. пленум ЦК СКЮ, поддержав соображения ЦК КПСС о встрече на высшем уровне, высказался за нормализацию межгосударственных отношений на принципах активного мирного сосуществования. «Мы приветствуем тот факт, что новые руководители Советского Союза имели смелость хотя бы настолько покопчить со старой политикой и вновь предложили нам установить нормальные и даже хорошие отношения,— заявил И. Тито накануне этого пленума, выступая 21 ноября в г. Копар.— Мы с Советским Союзом уже установили довольно нормальные отношения, и я верю, так как это и их желание, что эти отношения еще больше изменятся к лучшему и сотрудничество будет полезным для обеих сторон... Налицо благоприятные перспективы для того, чтобы и с той стороной иметь хорошие отношения и сотрудничество во всех вопросах на равноправной основе...»² В то же время И. Тито уточнил, что Югославия не собирается воз-

¹ См.: История внешней политики. 1945—1975. М., 1976. Т. 2. С. 231.

² *Броз Тито J.* Борба за мир и међународну сарадњу. Београд, 1957. Т. VIII. С. 333—334.

вращаться в социалистический лагерь, равно как не идет и речь о ее отречении от социализма, о переходе в капиталистический лагерь. «Как на Западе, так и на Востоке должны четко представлять, что Югославия не свернет в своей внешней политике с того пути, который был проложен с 1948 г., она имеет свой собственный путь...»¹

В результате контактов по дипломатической линии была достигнута договоренность о проведении в Белграде в конце мая 1955 г. встречи руководителей двух стран на высшем уровне². То, что добиться принятия решения о такой встрече со стороны Президиума ЦК КПСС, обремененного сталинистской группировкой во главе с Молотовым, лично причастным к разрыву с Югославией, было чрезвычайно трудным делом, подтверждает, в частности, следующая оценка, данная А. И. Микояном в выступлении на июльском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС ортодоксальной позиции Молотова в вопросе урегулирования отношений с ФНРЮ и СКЮ: «Мы, Президиум ЦК, изучили все имеющиеся материалы, а Молотов руководствуется только старыми своими высказываниями, цитатами из старых документов... Молотов живет только прошлым и вдохновляется злобой, которая накопилась у него за время этой советско-югославской драки»³. Как было отмечено в решении июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС, принявшего постановление «Об антипартийной группе Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича и В. М. Молотова», Молотов в течение длительного времени, будучи министром иностранных дел, не только не предпринимал никаких мер по линии МИД для улучшения отношений СССР с Югославией, но и неоднократно выступал против тех мероприятий, которые осуществлялись Президиумом ЦК для улучшения отношений с Югославией»⁴.

О тех трудностях, которые пришлось преодолевать Н. С. Хрущеву при организации визита в Югославию, рассказал его сын С. Н. Хрущев: «Мне тогда был 21 год. Из разговоров отца с людьми, которые приезжали к нам домой или на дачу, я многое слышал. Тогда отец предложил нормализовать наши отношения с Югославией и направить в Белград представительную делегацию, чтобы признать совершенные ошибки. Но многие были решительно против. Другие и слышать об этом не хотели. Некоторые

¹ Броз Тито J. Борба за мир и међународну сарадњу. Београд, 1957. Т. VIII. С. 336.

² См.: Правда. 1955. 14 мая.

³ Правда. 1959. 17 ноября.

⁴ Правда. 1957. 4 июля.

даже спрашивали: «В уме ли Хрущев?» Но отец чувствовал, что Тито был прав. Он исключительно ценил Тито, его храбрость, мужество. Суслов, Каганович, Маленков, Ворошилов и особенно Молотов упорно твердили, что Югославия больше не социалистическая страна и что с «кликкой Тито — Ранкович» не о чем разговаривать. Тогда отец предложил образовать комиссию, чтобы дать аргументированный ответ: Югославия — социалистическая страна или нет? Во главе комиссии был Шепилов. Спустя некоторое время он выступил на Политбюро с обоснованием того, что Югославия — во всех смыслах социалистическая страна. Но противники продолжали сопротивляться и предложили, чтобы Тито сам приехал в Москву. Отец сказал, что раз такая великая страна, как Советский Союз, ошиблась, то надо ехать в Белград и во всем признаться. И, наконец, в 1955 году делегация отправилась в Белград»¹.

Накануне приезда советской правительственной делегации в Белград И. Тито в очередной раз подтвердил 21 мая 1955 г. неизменность внешнеполитической ориентации Югославии, указав на беспочвенность различных предположений насчет «возврата в восточный блок». «Югославия никуда не пойдет, — заявил он, — она останется такой, какой и была...»²

Советский самолет с правительственной делегацией во главе с Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым на борту приземлился в Белграде 26 мая 1955 г. в 17.00. И. Тито прибыл на аэродром для встречи Н. С. Хрущева и сопровождавших его Н. А. Булгапина, Л. И. Микояна, Д. Ф. Шепилова и других в маршальской форме. На белградском аэродроме собралась невиданная армия иностранных журналистов, специально приехавших в Белград, чтобы стать свидетелями исторического события — нормализации советско-югославских отношений.

После взаимных приветствий, исполнения гимнов и обхода строя почетного караула Н. С. Хрущев подошел к микрофону, достал заготовленную речь, надел очки и начал читать:

«Дорогой товарищ Тито,

Дорогие товарищи члены правительства и руководители Союза коммунистов Югославии!»

Уже одна такая форма обращения к руководителям Югославии, которых при Сталине иначе, как «кликкой предателей и убийц», не называли, произвела подлинную сеп-

¹ Эхо планеты. 1988. № 16. С. 24.

² Тито Броз Ј. Борба за мир и међународну сарадњу. Т. IX. С. 190.

сацию. Выразив далее сожаление по поводу конфликта с Югославией в 1948 г., Н. С. Хрущев заявил: «Мы искренне сожалеем о том, что произошло, и решительно отмечаем все наслоения этого периода». Отметив, что «материалы, на которых основывались тяжкие обвинения и оскорбления, выдвинутые тогда против руководителей Югославии», «были сфабрикованы врагами парода, презренными агентами империализма, обманным путем пробравшимися в ряды партии» — Берией, Абакумовым и др., Н. С. Хрущев заявил о готовности Советского правительства устранить все препятствия, мешающие полной нормализации отношений на принципах мирного сосуществования, при полном понимании стремления Югославии развивать отношения со всеми государствами как на Западе, так и на Востоке»¹.

Эта первая встреча Н. С. Хрущева и И. Тито была довольно холодной, но «лед» быстро растаял, после нескольких бесед они нашли общий язык, подружились.

В своих воспоминаниях Н. С. Хрущев писал в связи с этим: «Когда мы прибыли в Югославию, нас встретили со всеми почестями, положенными зарубежной делегации. Однако не было никаких признаков братских чувств. Югославское руководство и люди производили впечатление сдержанности и осмотрительности. Мне было предложено выступить. Поставили передо мной микрофон. Мое выступление было одобрено нашим руководством. Поэтому сказанное мной было не мое личное мнение, а позиция руководства ЦК КПСС.

Когда я закончил говорить, Тито сказал: «Хорошо, переводить Вашу речь не надо, так как здесь все понимают русский язык».

Я думаю, что он специально хотел таким демонстративным образом показать свою сдержанность, которая, впрочем, ощущалась во всей атмосфере. Должен признаться, что я был довольно разочарован таким холодным приемом в аэропорту, так как знал, что этот факт поможет той части нашего руководства, которая противилась налаживанию добрых отношений с Югославией.

Когда начались наши переговоры, мы проявили инициативу и предложили забыть о разногласиях. Я сказал, что абсолютно уверен, что мы сможем прийти к какому-нибудь взаимному согласию. Должен признаться, что в наших позициях были изъяны. Югославы справедливо обвиняли Сталина за возникновение конфликта между нашими двумя странами. Они не возлагали вину на нас, а толь-

¹ Правда. 1955. 27 мая.

ко на Сталина. И мы тоже исходили из предположки, что конфликт начал Сталин, но мы попытались уклониться от обсуждения того, кто виноват в этот момент, когда мы изъявили готовность нормализовать наши отношения с Югославией.

Эта встреча с югославами помогла нам понять огромные размеры злоупотребления Сталиным властью, когда он уничтожил цвет нашей партии. Мы не были психологически готовы к встрече с югославами. Мы еще тогда не могли освободиться от нашей рабской зависимости от Сталина. Однако югославы согласились с необходимостью прийти к какому-то соглашению. Они, как казалось, были готовы согласиться с такой позицией.

Югославские руководители организовали поездку по стране. В этой поездке народ принимал нас сдержанно. Было очевидно, что люди, вышедшие на улицы, сделали это не по своей воле, из желания приветствовать нас. Все это организовала партия. Они не были недружелюбно настроены к нам, но не могу сказать, что они особенно проявляли дружеские чувства к нам. В основном они то и дело выкрикивали:

— Да здравствует Тито! Тито! Тито!

Нам было приятно убедиться в ходе этой поездки, что югославский народ с уважением хранит память о наших воинах, отдавших свои жизни в борьбе за освобождение Югославии от Гитлера. Могилы павших героев были хорошо ухоженными и каждая из них была отмечена плитой, на которой была выбита фамилия погибшего»¹.

Официальные переговоры начались утром 27 мая. Делегации встретились в Доме гвардии, в Топчидере, где в июле 1948 г. был проведен V съезд КПУО.

Н. С. Хрущев начал беседу с изложением причин советско-югославского конфликта, подчеркнув, что он возник случайно, из-за разногласий по мелким вопросам, а также ошибочной информации. Признав, что СССР первым начал его и должен первым положить ему конец, Н. С. Хрущев выразил уверенность, что переговоры закончатся успешно, естественно, без победителей и побежденных. Он проинформировал И. Тито и его соратников о том, что о своей предстоящей поездке в Белград поставил в известность руководителей социалистических стран и получил их полную поддержку и одобрение.

В заключение своего выступления, в котором он ши-

---

¹ *Dedijer V. Novi prilozii...* Т. 3. S. 562—563.

роко коснулся актуальных международных проблем, Н. С. Хрущев назвал нормализацию советско-югославских отношений «великим делом», которое будет иметь большое международное значение.

В ходе переговоров С. Вукманович-Темпо оспорил попытку Н. С. Хрущева возложить всю вину за советско-югославский конфликт на Берию. «Товарищ Хрущев,— сказал он,— мне пясно, как можно объяснить конфликт между нашими двумя партиями тем, что якобы Берия оклеветал нашу страну... Вы во всем сейчас обвиняете Берию, а я спрашиваю — кто гарантирует, что вновь не появится какой-нибудь Берия?»

По словам С. Вукмановича-Темпо, Н. С. Хрущев побагровел, не сдержался и в сердцах назвал его «мелкобуржуазным элементом». И. Тито, рассердившись, сделал С. Вукмановичу-Темпо впоследствии выговор, в связи с чем он, мотивируя нежеланием осложнить переговоры, попросил разрешения больше не присутствовать на них. Однако И. Тито напомнил ему, что он в письмах Сталина также фигурировал в числе «сомнительных марксистов», следовательно, должен и далее участвовать в беседах, памятуя, однако, о следующем: «Абсолютных гарантий против рецидивов того, что было в отношениях между социалистическими странами при Сталине, нет. Можно даже сказать, что и впредь они будут проявляться. Весь вопрос заключается в том, что следует сделать сейчас, чтобы свети их к минимуму. Поэтому надо смотреть в будущее, не забывая, разумеется, и прошлого, но без пенужного акцентирования внимания на этом. Сам факт, что они прибыли в Белград, говорит о том, что они хотят исправить свои ошибки прошлого. Этого в данный момент достаточно. Зачем требовать от них большего, чем они могут дать? Мы должны поддержать их с тем, чтобы они продолжали идти тем путем, который они сами избрали»¹.

В ходе переговоров, продолженных во второй половине дня, Н. С. Хрущев откровенно рассказал о трудностях, с которыми была связана организация такого визита в Югославию: «Даже моя родная дочь, являющаяся комсомолкой, не могла понять, как это возможно ехать в Югославию. Я искренне вам говорю, и мы не были уверены, с кем нам здесь придется разговаривать. Мы знали Тито. Он — старый революционер, который участвовал в Октябрьской революции и был много лет в Советском Союзе. С ним мож-

¹ *Vukmanović-Tempo S. Revolucija, koja teče. Knj. 2. S. 233—234.*

по найти общий язык. Но мы не знали, кто его соратники. Знали о товарище Рапковиче, что он рабочий, знали о Карделе — он был на учебе в СССР. О вас остальных мы не знали»¹.

28 мая первым выступил И. Тито. Он с самого начала высказал несогласие с Н. С. Хрущевым в том, что советско-югославские отношения ухудшились из-за плохой информированности правительства СССР. Это произошло, отметил он, из-за ряда других проблем, некоторые из которых уходят корнями в военный период. Например, конференция в Ялте и ее решения, касающиеся Югославии. Затем вопрос об отношениях больших и малых стран. «Мы стремились, — продолжал И. Тито, — избежать конфликта и предлагали СССР в 1948 г. прислать группу представителей ЦК ВКП(б), которая бы на месте изучила все вопросы. Даже когда конфликт начался, мы предпринимали большие усилия, чтобы он не расширялся. Мы были очень терпеливы, но это не зависело от нашего поведения... Мы утверждали, что создание смешанных обществ неправильно, что они будут элементом постоянных трений, а это у вас неверно поняли. Возьмем, к примеру, сферу внешней политики. По всем вопросам мы шли вместе с Советским Союзом. Но после конфликта мы стали с недоверием относиться и к вашей внешней политике. Вы знаете о случае с товарищем Карделем, о нажиме на него с целью подписания соглашения об обязательных консультациях с советским правительством по вопросам международной политики»². Далее И. Тито заявил: «У СССР не было более верного друга и союзника, чем Югославия, я это прямо говорю. Наши народы мы в течение десятилетий воспитывали в духе любви к СССР. Нам было труднее, чем вам, смотреть, как исчезает эта любовь». Говоря о том, что конфликт нанес Югославии не только моральный ущерб, И. Тито уточнил: «Вы аннулировали все соглашения, от которых в огромной степени зависело выполнение пятилетнего плана. И это все произошло в обстановке, когда наша страна была разорена войной, которую мы вместе вели. То были тяжелейшие дни для нашего развития, а вы тогда не только отказали нам в помощи, но и установили полную экономическую блокаду. В такой ситуации нам не осталось ничего, кроме попыток найти выход в налаживании отношений с Западом. Мы выплачивали большие

---

¹ *Vukmanovic-Tempo S. Revolucija, koja teci.* Knj. 2. S. 234.

² *Dedijer V. Novi prilozii...* T. 3. S. 575.

проецты, согласилсь выплатить компенсацию за национализированное имущество, вернуть старые долги, включая и т. н. оттоманский долг. Все это было очень трудно для нас... Кроме того, мы должны были отражать давление идеологического характера. Получая трехстороннюю помощь, которая нам была кстати, ревниво оберегали свою независимость. А это было пелегко, ибо на нас оказывалось давление в различных формах, через разные делегации, от нас требовали различных уступок... Наши люди голодали, а они выдвигали условия и тем самым хотели вмешаться в наши внутренние дела. Мы сохранили достоинство, характерное для нашего народа, помощь мы не выпрашивали. Они предоставляли нам помощь из собственных интересов, а она для нас не была лишней»¹.

Перейдя к вопросу экономических отношений Югославии с СССР, И. Тито назвал их «минимальными», не отвечающими интересам ни СССР, ни Югославии, он подчеркнул, что имеются большие возможности для их расширения, и выразил твердую уверенность в том, что «пришло время нормализовать наши взаимоотношения, поскольку у нас много общего. Речь идет о рабочем движении и мире»².

Н. С. Хрущев, А. И. Микоян, Н. А. Булганин выразили сожаление в связи с происшедшим в 1948 г. разрывом, однако отстаивали правильность позиций СССР на Ялтинской конференции, по вопросу Триеста и Кариитии, оправдывали поведение Сталина, а его неправильные действия в отношении Югославии объясняли влиянием Берии. Вспоминая реакцию югославских руководителей на такого рода ссылки, Н. С. Хрущев писал в своих мемуарах: «Мы тогда еще находились в плену мертвого Сталина. Даже когда мы многое узнали после суда над Берией, мы давали партии и народу неправильные объяснения и все свернули на Берию. Нам он казался удобной фигурой. Мы делали все, чтобы выгородить Сталина, не сознавая того, что выгораживаем преступника.

Я впервые почувствовал ложность нашей позиции, когда мы приехали в Югославию и беседовали с тов. Тито и с другими товарищами. Когда мы затронули этот вопрос и сослались на Берию, то они стали улыбаться и подавать реплики. Это нас раздражало, и мы вступили в большой спор, дошедший до скандала, защищая Сталина. Потом я публично выступал в защиту Сталина против югославов. Сейчас ясно, что эти позиции были неправильными, это

¹ *Dedijer V. Novi prilozii...* Т. 3. S. 575—576.

² *Ibid.* S. 577.

была позиция человека, который не осознавал необходимости разоблачить до конца эти преступления, чтобы подобные методы никогда не могли вернуться в нашу партию»¹.

В итоге обстоятельного обмена мнениями обеими сторонами было с удовлетворением констатировано, что период, когда хорошие отношения между СССР и Югославией были нарушены, ушел в прошлое. Была выражена обоюдная готовность устранить все препятствия, мешавшие полной нормализации отношений. Достигнутая договоренность о том, чтобы подвести черту над прошлым и не ворошить его², создавала условия для постепенного сближения двух стран во всех областях. Правда, тогда в Белграде югославские руководители воздержались от возобновления межпартийного сотрудничества, считая, что решение этого вопроса, ввиду наличия идеологических расхождений между КПСС и СКЮ, надо предоставить времени.

В принятой по итогам переговоров декларации правительств СССР и ФНРЮ, получившей название Белградской, было определено, что впредь советско-югославские отношения должны строиться на принципах полного равноправия, невмешательства во внутренние дела, взаимного уважения, независимости и суверенитета, территориальной неприкосновенности и прекращения пропаганды и дезинформации, сеющих недоверие и мешающих международному сотрудничеству.

Итоги состоявшихся в мае — июне 1955 г. в Югославии советско-югославских переговоров на высшем уровне были обсуждены в июле 1955 г. на пленуме ЦК КПСС, на котором была подчеркнута необходимость соблюдения в отношениях с социалистическими странами и братскими партиями ленинских принципов социалистического интернационализма, полного равноправия, уважения суверенитета и учета национальных особенностей каждой из них. Пленум признал неправильной позицию В. М. Молотова, противившегося нормализации отношений с Югославией, и подверг ее критике «как не соответствующую интересам Советского государства и социалистического лагеря и не отвечающую принципам ленинской политики»³.

Смелые шаги по восстановлению дружественного сотрудничества с Югославией одобрил XX съезд КПСС, поручивший ЦК КПСС «укреплять дружбу и сотрудниче-

¹ Аргументы и факты. 1989. № 14. С. 7.

² См.: Правда. 1958. 12 июля.

³ Правда. 1957. 4 июля.

во с братскими народами ФНРЮ»¹. Решения этого съезда были восприняты в Югославии с глубоким одобрением. На съезде было оглашено приветственное письмо И. Тито. После завершения XX съезда ЦК КПСС СКЮ направил в адрес ЦК КПСС послание, в котором выражалась единодушная поддержка решений этого форума². В начале марта 1956 г. Н. С. Хрущев передал И. Тито в доверительном порядке текст своего закрытого доклада с осуждением культа личности Сталина³. Во время обеда, устроенного советским руководством по случаю окончательного отъезда из Советского Союза посла ФНРЮ в СССР Д. Видича, Н. С. Хрущев, произносивший тост, неожиданно вынул из внутреннего кармана пиджака небольшую брошюру и, протягивая ее югославскому послу, сказал: «Передайте это товарищу Тито, прочтет с интересом. Думаю, что вы, югославы, не написали бы лучше»⁴.

24 марта 1956 г. в Москву прибыл новый посол Югославии В. Мичунович. По его словам, перед отъездом в СССР он был принят И. Тито, который дал ему следующие указания: «С русскими не надо конфликтовать и спорить, но и уступать в вопросах крупного значения также не следует»⁵. 2 апреля В. Мичуновича принял Н. С. Хрущев. Между ними состоялась сердечная беседа, продолжавшаяся около 4 часов. От имени И. Тито В. Мичунович заявил, что югославское руководство придает историческое значение докладу Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС и твердо поддерживает генеральную ориентацию, взятую этим съездом во внутренней и внешней политике. По поручению ЦК СКЮ и лично И. Тито он поблагодарил за переданный закрытый доклад о культе личности Сталина, который, по его словам, был зачитан на заседании ЦК СКЮ и единодушно поддержан как шаг, имеющий далеко идущее историческое значение.

«Мы считаем,— заявил В. Мичунович,— что речь идет не только о том, чтобы сказать правду о Сталине, но и о полном разрыве с прошлым, об открытии новых, самых широких перспектив дальнейшего развития социализма в СССР и во всем мире»⁶. Со своей стороны Н. С. Хрущев

¹ XX съезд КПСС, 14—25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 2. (В тексте сохранена орфография оригинала.— Ю. Г.)

² *Mičunović V. Moskvske godine, 1956—1958. Zagreb, 1977. S. 27.*

³ *Ibid. S. 25.*

⁴ *Požar P. Jugosloveni — žrtve staljinskih čistki. S. 20—21.*

⁵ *Mičunović V. Moskvske godine, 1956—1958. S. 33, 36.*

⁶ *Ibid. S. 46.*

проинформировал В. Мичуновича о том, что в период работы XX съезда КПСС были проведены консультации с представителями всех партий — членов Информационного бюро, в результате которых было принято решение о его роспуске. В этой связи Н. С. Хрущев поднял вопрос о важности создания новой международной организации компартий, на что В. Мичунович реагировал отрицательно. Обнародование в середине апреля 1956 г. решения о роспуске Информбюро стало очередным дружеским жестом, еще больше укрепившим благоприятную обстановку в советско-югославских отношениях.

На основе проведенных в Москве бесед с советскими представителями различного уровня у югославского посла В. Мичуновича сложилось мнение, что в югославо-советских отношениях на первый план выступает вопрос «идеологического единства», иными словами «включения Югославии в социалистический лагерь»¹. В этой связи он передал в Белград 28 мая 1956 г. накануне официального визита И. Тито в СССР следующую информацию: «У нас есть все основания поддерживать политику Хрущева, по характеру и пределы этой нашей поддержки заведомо ограничены... Максималистские требования русских об идеологическом единстве, проще говоря, о нашем включении в лагерь могут лишь вынудить нас вступить в открытый конфликт и с Хрущевым — независимо от того, пойдет ли это на пользу сталинистам или антисталинистам в России. Особая трудность заключается в том, что русские верят в то, что положение в лагере существенно изменилось бы к лучшему, если бы к нему присоединилась Югославия»².

Проведенный с 1 по 23 июня 1956 г. первый после урегулирования конфликта официальный визит Президента Югославии И. Тито в СССР стал новым важным шагом в деле полной нормализации советско-югославских отношений. Неожиданное смещение накануне приезда И. Тито в Москву В. М. Молотова с поста министра иностранных дел было истолковано политическими наблюдателями как следствие его несогласия с политикой Н. С. Хрущева в югославских делах и «вызвало, — по словам В. Мичуновича, — новую волну многочисленных спекуляций, особенно на Западе, насчет того, что сейчас устранено и последнее препятствие на пути окончательного включения Югославии в советскую политическую орбиту, поскольку югосла-

¹ *Mičunović V. Moskvske godine, 1956—1958. S. 77.*

² *Ibidem.*

Вые получили в подарок ни больше, ни меньше, как устранение Молотова»¹.

Визит И. Тито прошел в теплой, сердечной обстановке. Кроме Москвы он посетил Ленинград, Сталинград, Сочи, Новороссийск. В поездке его сопровождали попеременно П. С. Хрущев, Н. А. Булганин, а также А. И. Микоян. Выступая на официальном обеде 5 июня 1956 г., Н. А. Булганин назвал И. Тито «коммунистом-ленинцем». Во время пребывания в Сталинграде И. Тито произнес речь, в которой заявил, что в случае новой войны Югославия будет воевать на стороне Советского Союза². Касаясь конфликта 1948 г., И. Тито свел его к «неправильным взглядам на отношения между странами, строящими социализм», подчеркнув, что «столкновение явилось результатом злостной клеветы и извращений относительно того, что происходило в Югославии»³. Итоговые документы советско-югославских переговоров были подписаны 20 июня в торжественной обстановке в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Они зафиксировали совпадение или близость позиций правительств обеих стран в оценке международного положения и мировых проблем, а также общее желание и в дальнейшем углублять взаимопонимание и дружбу между народами СССР и ФНРЮ. В совместном Заявлении правительств СССР и Югославии с большим удовлетворением было отмечено, что «принципы, выраженные в Декларации правительств СССР и ФНРЮ от 2 июня 1955 г., на которых основываются их взаимоотношения, создали фундамент для всестороннего дружественного сотрудничества и с пользой послужили интересам мира и международного сотрудничества»⁴. В подписанной Н. С. Хрущевым и И. Тито «Декларации об отношениях между Союзом коммунистов Югославии и Коммунистической партией Советского Союза», ознаменовавшей возобновление двустороннего межпартийного сотрудничества, подчеркивалось, что оно базируется «на полной добровольности и равноправии, дружественной критике, товарищеском характере обмена мнениями по спорным вопросам между двумя партиями». В этом документе отмечалось также, что «пути социалистического развития в различных странах и условиях различны, что богатство форм развития социализма способствует его усилению».

¹ *Micunovic V. Moskovske godine, 1956—1958. S. 81.*

² *Ibid. S. 100.*

³ *Броз Тито И. Избранные статьи и речи. С. 229.*

⁴ *Правда. 1956. 21 июня.*

Обе партии заявили, что каждой из них чужда «всякая тенденция навязывания своего мнения в определении путей и форм социалистического строительства»¹.

Одним словом, внешне результаты пребывания И. Тито в СССР давали основания для вывода, что сделан важнейший шаг в деле сближения Югославии и СССР. Так эти итоги и были интерпретированы мировой общественностью. Президиум ЦК КПСС проинформировал советских коммунистов, а также руководство братских партий социалистических стран о существе достигнутых с И. Тито в ходе его визита в СССР договоренностей. В этом документе, содержание которого приводит в своих мемуарах В. Мичунович, подчеркивалось, в частности, что И. Тито, заявив о поддержке внешней политики СССР, пообещал, что вскоре ФНРЮ признает ГДР, что еще в 1956 г. она откажется от американской военной помощи, что с югославской стороны будут приняты меры по улучшению отношений с Болгарией и Албанией². В информации вместе с тем отмечалось, что между КПСС и СКЮ имеется немало идеологических вопросов, по которым позиции сторон расходятся, поскольку югославы по-прежнему смотрят на них по-своему. В этом сказываются, как подчеркивалось в этой записке, идейные заблуждения и экономическая зависимость Югославии от Запада, особенно от США и ФРГ. Исходя из этого, Президиум ЦК КПСС отмежевался от характеристики Н. А. Булганиным И. Тито как марксиста-ленинца, назвав ее «преждевременной», способной лишь «затруднить сближение Югославии и СССР по идеологическим вопросам, а также дезориентировать членов КПСС»³. В таких сдержанных оценках Президиума ЦК КПСС итогов визита И. Тито В. Мичунович усмотрел «недовольство русских нашим отказом принять на себя какие бы то ни было обязательства в отношении лагеря»⁴.

Принятые в 1955—1956 гг. совместные советско-югославские документы обеспечили в целом динамичное развитие в последующие годы, хотя двустороннее сотрудничество порой и омрачалось всплесками полемики в формах, приводивших к временной натянутости между двумя странами и партиями. Особенно неровно советско-югославские отношения развивались, начиная с ноября 1956 г. вплоть до 1961 г., что было связано прежде всего с сохра-

¹ Правда. 1956. 21 июня.

² *Micunovic V. Moskovske godine, 1956—1958. S. 129.*

³ *Ibid. S. 130.*

⁴ *Ibid. S. 141.*

нываемся идеологическими разногласиями между КПСС и СКЮ.

В сентябре 1956 г. в Югославии с неофициальным визитом побывал Н. С. Хрущев, в ходе которого он имел встречи и беседы с И. Тито. Затем они вместе выехали в Советский Союз, в Крым, где советско-югославские переговоры были продолжены до 5 октября. «Хрущев и Тито имели возможность в течение более 10 дней непрерывно беседовать без посредников,— записал в своем дневнике В. Мичунович,— что случилось впервые в истории югославо-советских отношений»¹.

Эти обмены мнениями сыграли важную роль в углублении взаимопонимания между руководством двух партий и стран, но полностью идеологические разногласия преодолены не были. Особенно отчетливо они проявились в связи с различными оценками КПСС и СКЮ причин событий 1956 г. в Венгрии. Согласованию позиций в связи с этими событиями была посвящена советско-югославская встреча, состоявшаяся в ночь с 2 на 3 ноября 1956 г. в резиденции И. Тито на острове Бриони, который в разгар венгерских событий посетили Н. С. Хрущев и Г. М. Маленков². Они прибыли инкогнито на аэродром в г. Пула на небольшом двухмоторном самолете ИЛ-14 2 ноября около 18.00, а в 19.00 уже начались переговоры с И. Тито, которые продлились всю ночь до 5 часов утра 3 ноября. В изложении В. Мичуновича, присутствовавшего на этой беседе, с югославской стороны было констатировано, что «народный бунт явился следствием недовольства политикой Ракоши, а также ошибок и грехов прошлого». Далее И. Тито сказал: «И мы видим и проявляем озабоченность, что развитие событий идет вправо, в сторону контрреволюции, ибо что это за правительство (И. Надя.— Ю. Г.), при котором убивают и вешают коммунистов. Надо вмешаться, если в Венгрии речь идет о контрреволюции»³. Далее И. Тито высказался за то, чтобы «провести политическую подготовку, попытаться спасти то, что можно спасти, сформировать или провозгласить что-то вроде революционного правительства, состоящего из венгров, которое обратилось бы к народу со своей программой»⁴.

В изложении В. Мичуновича, в первой части беседы

---

¹ *Micunovic V. Moskvske godine, 1956—1958. S. 130.*

² См.: *Аджубей А. Те десять лет // Знамя. 1988. № 7. С. 91—92.*

³ *Micunovic V. Moskvske godine, 1956—1958. S. 159.*

⁴ *Ibidem.*

Н. С. Хрущев на каждом упоминании фамилии И. Надя реагировал возмущенными репликами насчет того, что «в Венгрии режут коммунистов». В ходе дальнейшей беседы речь, по его словам, пошла о том, что может сделать И. Надя, чтобы помочь делу и спасти свое имя коммуниста¹. В конечном итоге Н. С. Хрущев условился с И. Тито, что югославская сторона попытается выяснить, можно ли что-либо сделать через И. Надю, чтобы уменьшить жертвы и предотвратить кровопролитие².

В своем выступлении в Пуле 11 ноября 1956 г. И. Тито рассказал, что в ходе контактов с советскими руководителями большое внимание, наряду с двусторонними отношениями, было уделено положению дел в социалистическом мире вообще с акцентом на процессы дальнейшей десталинизации, необходимость большего учета национальной специфики в строительстве социализма в различных странах, налаживании новых отношений между социалистическими странами на основе принципов равноправия и невмешательства, закрепленных в совместных югославо-советских документах 1955—1956 гг.

Подвергнув критике непоследовательность в реализации решений XX съезда КПСС в части, касающейся форм и темпов десталинизации, И. Тито заметил: «Речь не идет только о культе личности, а о методах и практике, позволивших его создание». Отвергнув попытки «сталинистских элементов» возложить вину за события в Польше и Венгрии на Югославию, И. Тито выразил уверенность в том, что «невозможно остановить процессы, которые начались в 1948 г. в Югославии, а сейчас продолжаются в Польше»³.

Остановившись подробнее на событиях в Венгрии, И. Тито возложил вину за них на «сталинистскую политику М. Ракоши», подчеркнув, что сталинистские элементы должны понять, что «так, как они действовали раньше, действовать больше нельзя». Отметив провокационную роль контрреволюционных элементов в венгерских событиях, он высказал мнение о том, что, если бы правительство И. Нады «решительно восстало против анархии и убийства коммунистов реакционными элементами, если бы оно дало решительный отпор реакции и т. д., возможно, дело пошло бы по правильному пути и не дошло бы до вмешательства советских войск». Признав, что «советское воен-

¹ *Micunovic V. Moskvske godine, 1956—1958. S. 163.*

² *Ibid. S. 160.*

³ *Броз Тито J. Борба за мир и међународну сарадњу. С. 213—214.*

ное вмешательство было необходимо», поскольку «события в Венгрии приняты такой размах, что стало ясно, что там произойдет страшная резня, страшная гражданская война, в результате которой с социализмом может быть покончено и дело может обернуться третьей мировой войной». И. Тито заявил: «Хотя мы против вмешательства и применения иностранной военной силы», по «если она спасет социализм в Венгрии, тогда мы сможем сказать, что советское вмешательство было необходимым»¹. Отметив, что речь идет о судьбе социализма в Венгрии, он призвал защищать правительство Я. Кадара, оказывать ему помощь, «выступать против всех элементов, которые безответственно сваливают всю вину на русских»².

С 11 по 21 июля 1957 г. в СССР на отдыхе находились заместители Председателя Союзного Исполнительного Веча (правительства) ФНРЮ, члены Исполкома ЦК СКЮ Э. Кардель и А. Рапкович, которых 18 июля принял Н. С. Хрущев. В результате достигнутой договоренности 1—2 августа 1957 г. в Румынии (в Спагово близ Бухареста) состоялась встреча делегаций КПСС и правительства СССР во главе с Н. С. Хрущевым и ЦК СКЮ и правительства ФНРЮ во главе с И. Тито. В итоге проведенных переговоров на высшем уровне негативные наслоения, появившиеся в двусторонних отношениях в связи с различными оценками событий в Венгрии, были устранены. Как было объявлено в печати, на этих переговорах «подтверждено согласие обеих сторон работать над дальнейшим всесторонним развитием взаимоотношений и над устранением препятствий, затрудняющих это развитие».

Новый всплеск полемики между СКЮ, с одной стороны, и КПСС и другими коммунистическими и рабочими партиями — с другой, возник в связи с принятием VII съездом СКЮ (апрель 1958 г.) Программы партии. Опубликованный в начале 1958 г. проект Программы СКЮ для обсуждения в рамках подготовки к VII съезду СКЮ был разослан другим коммунистическим партиям, в т. ч. КПСС. Руководство КПСС сочло, что в «проекте Программы, особенно в тех разделах, которые посвящены международной обстановке, международному коммунистическому и рабочему движению, имеется определенная тенденция противопоставить свою особую позицию единому марксистско-ленинскому мнению всех других коммунистических п

¹ Броз Тито Я. Борба за мир и међународну сарадњу. С. 221.

² Там же. С. 226.

рабочих партий»; что в нем «сделаны попытки завлечь нейтралистскую позицию в таких вопросах, в которых для марксиста не может быть нейтральности»; что он «выглядит как документ, по существу, направленный на ослабление единства коммунистических и рабочих партий, на ослабление единства социалистических стран». Советское руководство выразило надежду на то, что «VII съезд СКЮ, прежде чем принять окончательный текст Программы, внесет необходимые улучшения»¹.

Руководство СКЮ проявляло готовность выслушать критические замечания, а некоторые предложения, в частности Польской объединенной рабочей партии, даже приняло. В целом же оно расценило замечания братских партий не как доброжелательные советы, а как осуждение, сопровождавшееся фактическими требованиями отказаться от принятия новой Программы. В создавшейся обстановке КПСС и другие правящие партии социалистических стран отклонили приглашения ЦК СКЮ направить свои делегации на VII съезд СКЮ (в результате на нем присутствовали лишь послы социалистических стран в качестве наблюдателей)².

После принятия Программы СКЮ VII съездом СКЮ она была осуждена коммунистическими и рабочими партиями как документ, содержащий ревизионистские положения, противоречащие марксизму-ленинизму, представляющие собой отход от классовых принципов и сползание на позиции отождествления блоков.

Постепенно критика Программы СКЮ переросла в политическую кампанию против «югославского ревизионизма», в которой особенно наступательную позицию занимала Коммунистическая партия Китая. В той обстановке Союз коммунистов Югославии не был приглашен на состоявшееся в Москве в ноябре 1960 г. Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, которое ЦК СКЮ расценил как попытку преодоления наметившихся еще со времен XX съезда КПСС идейно-политических разногласий между КПСС и КПК за счет уступок КПСС по т. н. югославскому вопросу. В принятом этим совещанием Заявлении СКЮ был обвинен в измене марксизму-ленинизму и противопоставлении своей «антиленинской, ревизионистской» Программы — Декларации 1957 г., всему международному коммунистическому движению, а также в отрыве Югославии от социалистического лагеря. **Активная борьба против «антиленинских идей югославских ре-**

¹ Правда. 1958. 23 апреля.

² Историја СКЈ. С. 410.

«визионистов» объявлялась «необходимой задачей марксистско-ленинских партий»¹.

В конце 50-х годов советско-югославские отношения оказались натянутыми в связи с осуждением югославского руководства и его политики в документах XXI (1959 г.) и XXII (1961 г.) съездов КПСС, а также в принятой XXII съездом КПСС Программе КПСС, в которой Программа СКЮ была квалифицирована как «наиболее полное воплощение идеологии ревизионизма»².

Процессу постепенного оздоровления атмосферы в советско-югославских отношениях положила встреча Н. С. Хрущева и И. Тито в Нью-Йорке в сентябре 1960 г. в период работы XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, за которой последовал официальный визит в СССР государственного секретаря по иностранным делам Югославии К. Поповича (7—13 июля 1961 г.). Ответный визит в СФРЮ министр иностранных дел СССР А. А. Громыко нанес 16—21 апреля 1962 г. Наряду с копстатацией совпадения или близости взглядов по основным международным вопросам было выражено обоюдное стремление дальше развивать всестороннее сотрудничество.

В декабре 1962 г. в Советском Союзе на отдыхе находился И. Тито, которому была предоставлена возможность выступить на сессии Верховного Совета СССР. В докладе на этой сессии 12 декабря 1962 г. Н. С. Хрущев, подчеркнув, что «невозможно отрицать то, что Югославия является социалистической страной», высказался в присутствии И. Тито за дальнейшее развитие отношений между двумя странами.

Пришедшее в СССР к власти в октябре 1964 г. под флагом борьбы с волюнтаризмом и субъективизмом Н. С. Хрущева руководство во главе с Л. И. Брежневым развернуло к 1968 г. решительную борьбу против «ревизионистской опасности». Наступило время принудительного единомыслия и еще более жесткой идеологической дисциплины, одномерного понимания канонов социализма и принципов отношений между социалистическими странами, когда обо всем судили с позиций «единой модели» и всякий поиск рассматривался как отступление от социалистических ценностей, воспринимался как ревизионизм. Отождествляя интересы социализма с консервацией экономических, политических, идеологических структур,

¹ Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. М., 1960. С. 51.

² Программа КПСС. М., 1961. С. 73.

гольших в СССР при Сталине и воспроизведенных с небольшими изменениями в большинстве восточноевропейских стран, Л. И. Брежнев и его окружение исходили из того, что СССР, как первой и крупнейшей стране социализма, принадлежит неоспоримое право и обязанность не только определять, что соответствует интересам социализма, что им угрожает, но и защищать эти интересы в любой стране всеми имеющимися средствами. Автору этих строк, выполняющему более двадцати пяти лет функции переводчика в ходе советско-югославских встреч на высшем уровне, хорошо запомнились слова, сказанные Л. И. Брежневым И. Тито во время его пребывания в Москве в конце апреля 1968 г.: «Что вы, югославы, боитесь слова интервенция? Неужели надо ждать, пока в Чехословакии, как это было в Венгрии в 1956 г., станут вешать коммунистов! История нам не простит, если мы будем сидеть сложа руки перед лицом активизации антисоциалистических сил, бесстрастно наблюдать, как хоронят социализм!» Обращаясь, как всегда, к И. Тито на «ты», Л. И. Брежнев предупредил его: «Ты смотри, Броз, как бы там и у тебя не начались процессы, апалогичные чехословацким». В ответ И. Тито сказал, что в Югославии, где еще в ходе народно-освободительной войны и социалистической революции были сведены решительные счеты с противниками социализма, ситуация совершенно иная, чем в Чехословакии. Касаясь угрозы социализму в Чехословакии, он утверждал, что, работая в молодости на заводах Чехии, хорошо узнал рабочий класс этой страны и убежден, что чехословацкие трудящиеся способны самостоятельно справиться с классовым врагом, отстоять социалистические завоевания. В высказываниях И. Тито на советско-югославских переговорах уже тогда звучала тема нежелательности вмешательства извне в чехословацкие события, хотя и не так решительно, как в его официальном заявлении 21 августа 1968 г., когда он, выразив глубокое беспокойство по поводу «вступления ипостранных войск в Чехословакию», заявил, что «тем самым нарушен суверенитет социалистической страны и панесен тяжелый удар социализму и прогрессивным силам мира»¹. Эту позицию подтвердил состоявшийся 23 августа X пленум ЦК СКЮ.

Негативное отношение югославской стороны к вводу войск пяти стран в Чехословакию обусловило охлаждение советско-югославских отношений: в средствах массовой

¹ Борба. 1968. 22 август.

информации двух стран вспыхнула полемика, публиковались критические, зачастую тенденциозные материалы с заведомой целью представить в невыгодном свете внутреннюю и внешнюю политику противоположной стороны, опорочить ее и доказать тем самым правильность только своих форм и методов строительства социализма, в связи с чем делались взаимные представления друг другу как по государственной, так и по партийной линии.

До конца 1968 г. ЦК КПСС и ЦК СКЮ обменялись двумя посланиями, в которых излагались взгляды сторон на чехословацкие события, причины ухудшения советско-югославских отношений и пути их нормализации. 30 ноября 1968 г. И. Тито публично заявил, что, «несмотря на различия во взглядах, надо ориентироваться на дальнейшее развитие сотрудничества»¹. 3 мая 1968 г. он, высказавшись за то, чтобы «экономические отношения с СССР были как можно более широкими и стабильными и не зависели от политических и идеологических расхождений», заявил о готовности югославской стороны к переговорам с Советским Союзом².

В целом, если проанализировать отношения между нашими странами и партиями, то в послевоенные годы в их развитии просматривается определенная зигзагообразность. На протяжении 60-х, 70-х и начала 80-х годов советско-югославские отношения были отмечены определенными спадами, имевшими место, в частности, в 1974—1975 гг. в связи с т. п. недооценкой вклада Югославии в разгром фашизма печатью СССР и других восточноевропейских стран, а также подозрениями югославской стороной по поводу будто бы имевшей место подрывной антиюгославской деятельности, т. е. инфорбюровской эмиграции с территории СССР и других социалистических стран; в 1978—1980 гг. — в связи со сдержанной позицией печати СССР по поводу нормализации отношений СФРЮ с КНР, а также отрицательной реакцией СФРЮ на известные события в Афганистане и Кампучии.

Вслед за этим в середине и конце 80-х годов советско-югославские отношения получили дальнейшее развитие. Особенно благотворно сказались на них новаторские подходы XXVII съезда КПСС к вопросам перестройки отношений с союзными странами. Важнейшим политическим событием в советско-югославских отношениях последних лет стал официальный дружественный визит в СФРЮ М. С. Горбачева в марте 1988 г., укрепивший атмосферу

¹ Борба. 1968. 31 новембар.

² Там же. 4 јуна. 421

доверия и взаимопонимания между двумя странами, выявивший сходство подходов к ряду крупных проблем социалистического развития и международных отношений. Он ознаменовал начало качественно нового этапа в советско-югославском сотрудничестве. В принятой по итогам визита советско-югославской декларации подчеркивается, что главное направление в своей деятельности стороны видят в дальнейшем углублении доверия и взаимодействия во всех сферах, повышении качества и расширении объемов равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, обоюдном обогащении опытом экономического, социального и культурного развития с целью вывода всего комплекса двустороннего сотрудничества на новые, более высокие рубежи на базе принципов, закрепленных в документах 1955—1956 гг. «Мы готовы в развитии отношений с Югославией,— заявил М. С. Горбачев в Белграде,— пойти так далеко, насколько желает этого руководство СФРЮ»¹. КПСС и СКЮ подтвердили свою решимость и дальше развивать свои отношения, исходя из принципов независимости, равноправия и невмешательства, ответственности каждой партии перед рабочим классом и народом своей страны, взаимного уважения различных путей строительства социализма, их международного положения. Стороны заявили, что последовательное уважение самостоятельности и независимости партий и социалистических стран в определении путей собственного развития сделало возможным устранение причин, которые привели к конфликту между КПЮ и ВКП(б) и Информбюро в 1948 г., возникшему вследствие выдвинутых против руководства КПЮ необоснованных обвинений.

Советско-югославская декларация, другие документы, подписанные в течение 1988 г., укрепили договорно-правовую базу советско-югославских отношений, открыв широкие перспективы дальнейшего углубления динамично развивающегося советско-югославского сотрудничества в различных областях, упрочения традиционной дружбы народов наших стран.

* *
*

Что значил для Югославии И. Тито, что удалось, а что не удалось ему сделать за годы своего политического долголетия, какое идейное наследие оставил он?

---

¹ Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в СФРЮ. М., 1988. С. 9.

Как отмечал югославский политолог Д. Билицджич, «И. Тито на словах и на деле усвоил ленинизм — частично в сталинской интерпретации — в качестве платформы решения всей исторической проблематики Югославии... Он унаследовал и большевистский тип партии, равно как и ориентацию на советскую модель будущего общественного устройства Югославии». По его словам, восприняв эту модель, И. Тито «воспроизводил ее в Югославии с 1945 до 1948 г.»¹.

После начала конфликта со Сталиным югославское руководство медленно и робко освобождалось от плена сталинизма, но очень скоро разрыв с СССР побудил его к критическому переосмыслению форм и методов социалистического строительства, практиковавшихся тогда в Советском Союзе. В этих условиях обнаружились разночтения в югославском руководстве по вопросам причин деформаций в социалистическом развитии СССР. Часть соратников И. Тито высказалась за далеко идущие реформы в направлении демократизации и внедрение рыночных принципов хозяйствования. Другая часть югославского руководства выступила против чрезмерной децентрализации, стихийной рыночной экономики.

По признанию М. Джиласа, он начал еще в 1950 г. анализировать сущность советской, вернее, сталинской системы, все больше и больше убеждаясь, что она абсолютно не соответствует его представлениям о социализме². Тогда же он издал брошюру под названием «Современные темы», в которой впервые в Югославии подверг критике сталинские порядки в Советском Союзе, назвав его «великой империалистической державой, эксплуатирующей другие государства и народы», утверждая, что ее вожди «выродились» в бюрократов и эксплуататоров³.

Обвинения М. Джиласа в «перерождении» социализма в СССР явились, по существу, первым ударом по тому образцу и идеалу, которые до этого считались общепризнанной моделью для подражания коммунистами всего мира. В ходе дальнейшей борьбы со сталинизмом И. Тито вместе со своими ближайшими соратниками, прежде всего Э. Карделем, М. Джиласом, Б. Кидричем и другими, воскресив забытую идею К. Маркса о самоуправлении, разработали начальные наброски ее практического применения в югославских условиях. Последующие их усилия по

¹ Danas. 1989. 2 maja.

² См.: Возмутитель спокойствия // Огонек. 1990. № 9. С. 25.

³ Kalezić V. Djilas miljenik i oprađnik komunizma. S. 153—154.

очищению марксистско-ленинского учения от сталинского ревизионизма привели к появлению в начале 50-х годов ряда особенностей в политической и экономической организации югославского общества. Был взят курс на ускоренные темпы демократизации и децентрализации хозяйственной и политической жизни в стране, отход от авторитарно-бюрократических методов ее регулирования, размежевание партийных и государственных функций, использование рыночных регуляторов народного хозяйства, предоставление значительной оперативной самостоятельности предприятиям, внедрение в их деятельность принципов хозрасчета и самоуправления. Главный замысел вносившихся изменений в политическую и экономическую системы страны состоял в обеспечении более широкого участия трудящихся в управлении народным хозяйством и обществом, усилении их влияния на деятельность хозяйственных и государственных органов, контроля за использованием прибавочного продукта и его распределением.

Внедрившиеся процессы дестатизации, децентрализации и дебюрократизации затронули также формы и методы деятельности партии и общественных организаций страны, о чем шла речь на состоявшемся 2—7 ноября 1952 г. VI съезде КПЮ. Одобрив проводившуюся в Югославии перестройку деятельности государственных и хозяйственных органов, этот форум переименовал Коммунистическую партию Югославии в Союз коммунистов Югославии. Съезд наметил меры, направленные против тенденций к сращиванию партии с государственным аппаратом управления и имевшие целью обезопасить СКЮ от собственной бюрократизации. Подчеркнув, что партия должна быть ведущей силой общества, съезд определил, что СКЮ не является и не может являться в своей деятельности непосредственным оперативным руководителем и органом, принимающим решения в экономической и государственной областях; вырабатывая генеральную линию, СКЮ должен бороться за ее реализацию политическими и идеологическими средствами¹.

Среди некоторой части членов партии появились настроения, сводившиеся к тому, что СКЮ должен отказаться от своей монопольной руководящей роли в обществе и превратиться в демократическую организацию. Главным выразителем такого рода взглядов стал член Политбюро ЦК СКЮ, Председатель Союзной Народной Скупщины

---

¹ Преглед историје СКЈ. Београд, 1963. С. 547,

ФНРЮ М. Джилас, выступивший, по выражению Э. Карделя, с «абстрактной антибюрократической концепцией демократии, направленной на ликвидацию ведущей роли СКЮ и введение многопартийной системы»¹.

Еще 5 апреля 1952 г. в повой газете «Сведочапства» была опубликована статья М. Джиласа, озаглавленная «Класс или каста», в которой он утверждал, что в СССР появился новый класс в виде бюрократического слоя общества, тормозящего его дальнейший прогресс². Разрабатывая далее эту проблему, М. Джилас опубликовал в январе 1954 г. в первом номере журнала «Нова мисао» под заголовком «Анатомия одной морали» статью, в которой подверг критике злоупотребления привилегиями, «кастовую замкнутость и солидарность», «лицемерие морали» в Югославии³. Обе эти статьи послужили основой известной книги М. Джиласа под названием «Новый класс», которая была издана на Западе в 1957 г. тиражом 3 млн экз. на 30 языках мира.

Доказывая, что «демократия является движущей силой социализма», что «социализм и демократия идут вместе», Джилас выступил против преследования за инакомыслие, за свободное выражение идей, свободу мнений, свободу дискуссий⁴. При этом он утверждал, что никакая партия не может быть исключительным выразителем объективных потребностей всего общества.

Когда И. Тито обнаружил, что М. Джилас замахнулся на Союз коммунистов Югославии и его ведущую роль, он передал распоряжение из Словении, где тогда находился на лечении, немедленно прекратить дальнейшую публикацию статей М. Джиласа в «Борбе» и созвать пленум ЦК СКЮ для обсуждения создавшегося положения.

III пленум ЦК СКЮ (16—17 января 1954 г.) признал, что идейно-политические взгляды М. Джиласа в своей основе противоположны политической линии, одобренной на VI съезде СКЮ.

Все выступившие в прениях осудили М. Джиласа, один только член ЦК СКЮ В. Дедиер⁵ солидаризировался с

---

¹ *Komunist*. 1954. № 1—2. С. 26—29; *Возмутитель спокойствия* // *Огонек*. 1990. № 9. С. 25.

² *Kalezić V. Djilas miljenik i odpadnik komunizma*. С. 62—64.

³ *Ibidem*.

⁴ *Борба*. 1953. 11 октябрь, 1 ноябрь.

⁵ Дедиер, Владимир — партийный псевдоним Гангстер, родился 4 февраля 1914 г. в Белграде, окончил юридический факультет, защитил докторскую диссертацию, видный югославский исто-

ним. Несмотря на покаяние М. Джиласа¹, он был исключен из ЦК СКЮ, а также отстранен от занимаемых им государственных постов.

Реформаторские силы в СКЮ, отстаивавшие платформу радикальной деэтизации хозяйственной системы, демократизации политической жизни, культурной и идейной

рик. До войны был корреспондентом газеты «Политика» в США и Испании. Участник НОД с 1941 г., являлся одним из редакторов газеты «Борба». С 1952 по 1954 г. был членом ЦК СКЮ. Являлся первым официальным биографом И. Тито, издал в 1953, 1980, 1981 и 1984 гг. биографические очерки о И. Тито. После того как В. Дедиер поддержал в 1954 г. М. Джиласа, он был подвергнут политическому ostracism. Отойдя от политики, В. Дедиер посвятил себя публицистике и научной работе. Скончался 1 декабря 1990 г.

¹ Джилас, Милован — партийные псевдонимы Джидо, Велько, родился 12 июня 1911 г. Член КПЮ с 1932 г. В 1933 г. осужден за революционную деятельность на 3 года тюремного заключения. По выходе на свободу — член Сербского красного комитета КПЮ. С 1938 г. — член временного руководства КПЮ, с 1939 г. — член Политбюро ЦК КПЮ. В период народно-освободительной борьбы — член Верховного штаба НОАЮ, генерал-лейтенант. В послевоенное время занимал различные высокие военные и партийно-политические посты, руководил агитационно-пропагандистской работой в ЦК КПЮ, возглавлял югославский парламент. Наряду с Э. Карделем и А. Ранковичем был наиболее близок к И. Тито. В январе 1954 г. он был смещен со всех постов, исключен из ЦК СКЮ, а 19 апреля 1954 г. М. Джилас сам вышел из рядов СКЮ. В январе 1955 г. был осужден на 3 года тюремного заключения за интервью иностранным корреспондентам, в котором подверг критике правительство ФНРЮ за приостановку демократических преобразований, начатых в 1950 г. 12 декабря 1956 г. был приговорен к 3 годам строгого тюремного заключения за критику югославской позиции в отношении венгерских событий. 5 октября 1957 г. осужден на 9 лет строгого тюремного заключения по обвинению в «клевете и попытке подрыва конституционного строя ФНРЮ» в его книге «Новый класс». Лишен всех наград, в том числе ордена Народного Героя. Пробыл в тюрьме 4 года и 2 месяца, после чего в январе 1962 г. был освобожден из заключения. 7 апреля 1962 г. его вновь арестовали и 14 мая осудили на 13 лет тюремного заключения с ограничением в гражданских правах в течение 5 лет «за разглашение доверительных документов, представляющих государственную тайну» в новой книге «Беседы со Сталиным». Проведя 4,5 года в тюрьме, М. Джилас был 31 декабря 1966 г. помилован и выпущен на свободу. Ныне на пенсии. Живет в Белграде. В январе 1990 г. впервые после февраля 1948 г. посетил Москву, где принял участие в организованном «Литературной газетой» и югославским журналом «НИН» «круглом столе» на тему «Перестройка и Информбюро».

Кроме «Нового класса» и «Бесед со Сталиным» его перу принадлежат такие политико-философские исследования, как «Несовершенное общество», «Тюрьмы и идеи», романы «Черногория», «Програндце битвы», мемуары «Несправедливая земля», «Воспоминания революционера», «Власть», «Дружба с Тито» и др.

сфер, а также обновления федерации, вновь одержали верх только на VIII съезде СКЮ (декабрь 1964 г.). В результате в Югославии началось осуществление наиболее радикальных за все послевоенное время преобразований общественно-экономической и политической системы в направлении создания рыночно-плановой экономики, предоставления значительной самостоятельности республикам и краям, реорганизации СКЮ под лозунгом «отделения партии от власти».

В процессе реализации этих реформ в руководстве СКЮ вновь вспыхнули разгласия, переросшие в открытое столкновение. В новом конфликте И. Тито, после недолгого колебания, присоединился к силам, выступавшим за реформы. Состоявшийся 1 июля 1966 г. на острове Бриопи IV пленум ЦК СКЮ, обвинив члена Исполкома ЦК СКЮ, оргсекретаря ЦК СКЮ, вице-президента СФРЮ А. Ранковича¹ в приверженности антисамоуправленческим, унитаристским бюрократическо-централистским взглядам, во фракционной борьбе за власть, отстранил его от всех партийных и государственных постов, он был также исключен и из рядов СКЮ.

Касаясь причин отстранения от политической жизни его и А. Ранковича, М. Джилас говорил: «Я считаю, что в случае с А. Ранковичем речь шла о борьбе за власть (кто будет «наследником» Тито). В моем же случае на первом плане — идейный конфликт в чистом виде»². Единственным, с кем И. Тито поддерживал в течение четырех десятилетий, по его словам, «тесное и ничем не омрачен-

---

¹ Ранкович, Алексадар — партийные псевдонимы Марко, Лека (1909—1983), по национальности серб, член КПЮ с 1928 г., до своего ареста в 1929 г., когда был осужден на 6 лет каторги, возглавлял сербскую организацию коммунистической молодежи. С 1937 г. — член Сербского краевого комитета КПЮ. С мая 1938 г. — член ЦК КПС. Член Политбюро ЦК КПЮ с 1940 г. 27 июля 1942 г. был схвачен в оккупированном Белграде гестапо при попытке взорвать радиостанцию. Но уже на следующий день его удалось освободить в результате смелой операции, проведенной по распоряжению И. Тито, который, узнав об аресте А. Ранковича, сказал: «Какой ужас! Это первый рабочий из Сербии, поднявшийся так высоко. Мы должны спасти его любой ценой!» (*Dedijer V. Novi prilozi... T. 2. S. 486*). В НОД — член Верховного штаба НОА и ПОЮ, оргсекретарь ЦК КПЮ. Многие годы был министром внутренних дел и заместителем председателя правительства Югославии. С 1963 г. — вице-президент СФРЮ. Народный Герой Югославии, Герой Социалистического труда Югославии. В течение 17 лет находился на цензуре. Скончался в Белграде.

² *Kalezic V. Djilas miljenik i odpadnik komunizma. S. 140.*

ное сотрудничество»¹, был Э. Кардель, считавшийся ведущим идеологом и теоретиком партии².

И. Тито пережил фактически всех своих соратников (за исключением А. Ранковича и М. Джиласа).

За всю свою долгую жизнь И. Тито болел довольно редко, но с 1977 г. он стал все чаще появляться на людях с тростью, заметно прихрамывая на левую ногу. Тем не менее И. Тито не менял устоявшихся привычек и не расставался со своим традиционным длинным мундштуком или сигарой вплоть до рокового заболевания в конце 1979 — начале 1980 г. Как бывает у заядлых курильщиков, у него была обнаружена закупорка вен левой ноги с угрозой перехода в гангрену. Приглашенный на консультацию советский профессор М. Князев рекомендовал консервативное лечение. Но болезнь развивалась интенсивно, и после того как операция по удалению тромба не привела к улучшению состояния, ампутация ноги стала неизбежной. В целом И. Тито перенес проведенную 4 января 1980 г. очередную операцию хорошо и, находясь в люблянской больнице, стал понемногу возвращаться к исполнению своих партийных и государственных функций.

Однако в двадцатых числах января 1980 г. состояние здоровья И. Тито стало ухудшаться. Появилась угроза выхода из строя почек, усилилось внутреннее кровотечение, участились нарушения сердечно-сосудистой и дыхательной деятельности. Самые выдающиеся медицинские светила

¹ Broz Tito J. Antobiografska kazivanja. T. 2. S. 198.

² Кардель, Эдвард — партийные псевдонимы Бирк, Бевц, Леуц, Тоне, Бродар, Криштоф (1910—1979), по национальности словенец, член КПЮ с 1928 г. В 1928 г. закончил учительскую школу. С 1929 г. — секретарь Словенского КК СКМС. В 1930 г. подвергся аресту, отбывал двухлетнее тюремное заключение в Пожаревце. С ноября 1934 г. по январь 1937 г. находился в Москве, где сначала учился в аспирантуре в Международной Ленинской школе, а затем читал лекции в этой школе, а также в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНЗМ): был известен под фамилией Бирк Франц Эдвардович. Познакомившись с И. Тито в сентябре 1934 г. в Любляне, оп в течение почти двух лет сотрудничает с ним в Москве, принимая участие в заседаниях Балканского секретариата ИККИ. Затем решением ЦК КПЮ направлен в Словению в качестве инструктора ЦК КПЮ. В 1937 г. — член ЦК КПЮ, с 1938 г. — член временного руководства КПЮ, с 1940 г. — член Политбюро ЦК КПЮ, в НОД — член Верховного штаба НОА и ПОЮ, с 1943 г. — заместитель Председателя НКЮЮ. После войны неизменно занимал различные высокие партийные и государственные посты в качестве ближайшего соратника И. Тито вплоть до своей кончины 10 февраля 1979 г. Награжден орденами Народного Героя Югославии и Героя Социалистического труда. В 1944 г. награжден советским орденом Ленина.

мира, новейшие достижения медицины были мобилизованы для того, чтобы побороть начавшиеся необратимые процессы в организме И. Тито. Четыре месяца шла упорная борьба за его жизнь, но, несмотря на принятые меры, спасти его не удалось. 4 мая 1980 г. И. Тито скончался, не дожив нескольких дней до своего 88-летия. Скорбная весть о кончине И. Тито была воспринята в Югославии как общенациональная трагедия. В стране был объявлен семидневный траур.

Кончина И. Тито при отсутствии в югославском руководстве другого политического деятеля аналогичного ему калибра фактически обозначила конец одной эпохи и вступление СФРЮ в новый этап своего развития. «Без Тито,— считает Д. Биланджич,— пирамида власти осталась без верхушки, срезанной. Не было больше арбитра, ощущалась нехватка объединяющей деятельности лидера революции, его движущей творческой роли, начали множиться неразрешимые проблемы, вместе с тем наступила какая-то скованность, вернее, всех охватил страх каких бы то ни было перемен»¹. С каждым годом все больше обнаруживался застой в развитии самоуправления, ставшего пленником бюрократических структур, выхолостивших его демократический потенциал и формализовавших самоуправленческие институты снизу доверху.

Начали давать сбой такие звенья общественно-политической и экономической системы, введенные Конституцией 1974 г., как организации объединенного труда, делегатская система содружества по интересам и др. Демонтаж этатизма на уровне федерации обернулся ростом полицентричного этатизма на уровне республик и краев, способствовавшего усилению дезинтеграционных тенденций в СФРЮ. В условиях эскалации сепаратистских настроений в автономном крае Косово, послуживших детонатором взрыва национализма в Югославии, резко обострилась межреспубликанская конфронтация. Набравший силу антагонизм между развитыми и развивающимися районами Югославии, увеличение безработицы, значительное снижение благосостояния трудящихся пагубно влияли на социальную напряженность в стране. Было официально признано, что Югославия все глубже погружается в пучину социально-экономического кризиса, концептированным выражением которого стала галопирующая гипертрофированная инфляция, достигшая к концу 1989 г. беспрецедентного показателя 2500%.

Поначалу выход из этого кризиса в Югославии пытались искать лишь на путях внесения изменений в хозяйст-

¹ *Bilandžić D. Jugoslavija poslije Tita, 1980—1985. Zagreb, 1986. S. 6.*

венный механизм. Однако постепенно в партии и стране укрепились понимание неизбежности реформ не только в экономике, но и в политической системе, в т. ч. в СКЮ. Правда, осознание того, что без радикальных перемен вывести самоуправление из состояния паралича невозможно, проходило медленно и болезненно, поскольку пришлось признать необходимость пересмотра многие годы считавшихся незыблемыми постулатов, посягательство на которые еще недавно казалось по меньшей мере кощунственным и трактовалось как отход от курса И. Тито.

В некоторых появившихся в Югославии в последние годы публикациях проводится мысль о том, что югославское руководство до 1948 г., в 1948 г. и после него приняло ряд сталинистских мер, а сама борьба против давления Сталина на ФНРЮ велась его же средствами. В этой связи активно разрабатывается ранее запретная тема Голого острова, где отбывали наказание репрессированные сторонники резолюции Информбюро 1948 г. И. Тито все чаще ставится в вину то, что он, борясь со сталинизмом, применял фактически сталинистские методы расправы с инакомыслящими, что в основе своей КПЮ (СКЮ) как была, так и осталась сталинистской партией, что при жизни И. Тито, в условиях, по существу, режима его личной власти, в Югославии не было и не могло быть демократии. В этом контексте утверждается, что титоизм, трактуемый как разновидность сталинизма, потерпел в Югославии в 80-е годы «исторический крах». Об этом заявил, в частности, видный югославский писатель Д. Чосич, подчеркнувший, что «югославская альтернатива реальному социализму, а именно югославский «самоуправленческий социализм», обусловленный сталинистской сущностью Союза коммунистов, монархическими формами правления и жизни, не стал демократическим и цивилизованным обществом»¹.

В изданной в 1980 г. на Западе книге «Дружба с Тито» М. Джилас, отдавая ему должное как крупной исторической личности, акцент делает на его «неуемном аппетите к роскоши», «королевском образе жизни», «автократических методах правления»². Во время пребывания в Москве в январе 1990 г. М. Джилас, отмечал, что И. Тито «вел более роскошный образ жизни, чем короли... у него было больше дворцов, дач, больше всяких парадов, охотничьих угодий...»³.

¹ Литературная газета. 1990. 14 февраля.

² *Djilas M. Druženje s Tito*. L., 1980; *Djilas M. Tito*, P. 21.

³ Литературная газета. 1990. 31 января.

.. Характеризуя масштабы, которых достигли нападки на дело и имя И. Тито, С. Шувар признал в марте 1990 г., что «в стране развернулась беспощадная война против мертвого Тито». Широкий размах приобретает стремление показать его как «коминтерновского и ватиканского заговорщика», сатрапа, узурпатора еще с периода избрания руководителем КПЮ, «ликвидатора многих людей», как деятеля, который «заводил пашни» с немцами в годы народно-освободительной войны, «мучителя сербов», которого следует судить.

Отвечая на вопрос, что он сегодня думает о И. Тито, М. Джилас заявил 28 мая 1989 г.: «О Тито как политическом деятеле думаю положительно. Он был искусным, я бы сказал, одаренным политиком. Я бы негативно отнесся к его роли в создании всей системы, где было больше подражания, нежели творчества. Это в особенности относится к непониманию организации и роли партии, какой она должна быть, особенно после конфликта с Советским Союзом. Он не понимал и не хотел понять, что партия должна быстрее демократизировать свою внутрипартийную жизнь и отказаться от монолитной модели. Тито — крупная историческая личность, которую невозможно выбросить из истории... В конфликте с Советским Союзом в 1948 г. он сыграл решающую роль. Были также другие руководители, настроенные столь же решительно, как Тито, но его роль, учитывая сосредоточенную в его руках абсолютную власть, была решающей. Это тем более важно, что Тито был многими нитями тесно связан с Советским Союзом... Я считаю, что нельзя оспорить роль Тито и в индустриализации страны... Тито также вывел Югославию на международную арену, и, по моему мнению, нельзя ставить под сомнение его заслуги перед историей. Чем быстрее мы освободимся от культа Тито и приступим к реальной исторической оценке его дела, тем быстрее будем двигаться по пути демократизации, по пути социально-экономического прогресса»¹.

Идя по пути кардинальных реформ, призванных преодолеть отчуждение человека от средств производства и власти посредством внедрения рыночной экономики, развития самоуправления, плюрализма форм собственности, многопартийной системы, народы Югославии демократизируют, обновляют свое государство, отвергая негуманные, бюрократические извращения, культ личности, ограничения демократии, гражданских прав и свобод и другие просчеты и ошибки прошлого.

¹ НИН: 1989. 28 маја.

Содержание

<i>Введение</i>	3
<i>Глава I. КТО ТАКОЙ ТИТО?</i>	13
§ 1. Свидетель и участник Великой Октябрьской социалистической революции	—
§ 2. Становление революционера-профессионала	22
<i>Глава II. СТАЛИНСКИЕ «ЧИСТКИ»</i>	40
§ 1. Снова в Советском Союзе	—
§ 2. Создание временного руководства КПЮ	47
§ 3. И. Тито: «Мой долг революционера обязывал меня не критиковать, не помогать враждебной пропаганде против СССР»	61
§ 4. Во главе партии	79
<i>Глава III. МАРШАЛ ЮГОСЛАВИИ</i>	89
§ 1. Обещание Сталину поднять восстание	—
§ 2. Сталин: «Вся Югославия п занята немцами советские районы охвачены пожаром партизанской войны»	105
§ 3. И. Тито: «Никогда не сделать ничего такого, что усложнило бы и без того очень трудную ситуацию, в которой тогда находился Советский Союз»	122
§ 4. 100 тыс. рейхсмарок золотом за голову Тито	146
§ 5. Сталин — М. Джиласу: «Взоры всего мира устремлены на вас»	173
§ 6. Тито — Черчилль — Сталин	211
<i>Глава IV. ИОСИФ ПРОТИВ ИОСИПА</i>	249
§ 1. Сталин: «Тито вовсе не диктатор»	—
§ 2. Сталин: «Сравнение маршала Тито с Гитлером и Муссолини несправедливо и оскорбительно для Югославии»	271
§ 3. Со Сталиным на брудершафт	283
§ 4. Отлучение Югославии	322
а) Сталин — И. Тито — Г. Димитров — Э. Ходжа	—
б) Решительное «нет» И. Тито Сталину	342
<i>Глава V. УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА</i>	400